

Библиотека
отечественной классической
художественной
литературы
в 100 томах

10 $\frac{02-7}{806-7}$

Древнерусская литература

Допущено
Министерством образования
Российской Федерации
■#ей
профа ББЧ8

Москва
2002

УДК 821.161.ГЛО/16" ББК
84(2Рос=Рус)1 Д73

**Библиотека отечественной
классической художественной литературы
для школ Российской Федерации издается и поставляется
в рамках Федеральной программы развития образования
по заказу Министерства образования Российской Федерации**

Вступительная статья

Л. А. Ольшевской, С. Н. Травникова

Составление, комментарии

С. Н. Травникова, Л. А. Ольшевской, Е. Г. Июльской

Разработка художественного оформления серии

А. В. Копалина

2002237365

Древнерусская литература. — М.: Дрофа: Вече, 2002. — 416 с. — Д73
(Библиотека отечественной классической художественной литературы).

13БК 5—7107—6553—8 («Дрофа»)

ISBN 5—7838—1268—4 («Вече»)

В книгу вошли наиболее яркие произведения древнерусской литературы.
В разделе «Приложения» помещены отрывки из работ о литературе Древней
Руси.

УДК 821Л61 Л"10/16"

ББК 84(2Рос=Рус)1

РОССИЙСКАЯ
ГООУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА 20С2

15БК 5—7107—6553—8 («Дрофа»)
15БК 5—7838—1268—4 («Вече»)

© ООО «Дрофа», 2002 © ЗАО
«Издательство «Вече», 2002

«О доблестях, о подвигах, о славе...»

Каждый русский человек независимо от того, в какую эпоху он живет, осознает себя частью большого целого, поэтому интересуется и своим родословным древом, и тем, «откуда пошла Русская земля, кто в Киеве стал первым княжить и как возникла Русская земля». Процесс формирования исторической памяти невозможен без обращения к истокам русской литературы, однако сопряжен с большими трудностями.

Словесное искусство средневековья — это особый мир, во многом потаенный для современного человека. У него своя система художественных ценностей и законы литературного творчества, формы произведений. Изучение начального периода в истории отечественной словесности сравнимо с хождением в «землю неизвестную», причем освоить художественное пространство средневековой литературы может лишь посвященный в его тайны, познавший его специфические черты.

Древнерусская литература — это литература русского средневековья, которая прошла в своем развитии долгий семивековой путь, от XI к XV веку. В период формирования литературы, ее «ученичества», средоточием политической и культурной жизни страны был Киев, «мать городов русских», поэтому литературу XI—XII веков принято называть литературой Киевской Руси. В трагические для русской истории XIII—XIV века, когда Киев пал под ударами монголо-татарских орд и государство лишилось независимости, литературный процесс утратил свое былое единство, его течение определяла деятельность областных литературных «школ» (черниговской, галицко-во-лынской, рязанской,

владими́ро-суздальской и др.). Начиная с XV века появляется тенденция к объединению творческих сил, и литературное развитие идет под знаком возвышения и укрепления позиций нового духовного центра страны — Москвы.

Древнерусская литература, как и фольклор, не знала понятий «авторское право», «канонический текст». Произведения бытовали преимущественно в рукописном виде (книгопечатание на Руси появилось только в XVI веке и было ограничено объемом и тематикой издаваемых книг). Переписчик мог выступать в роли соавтора, подвергая текст выборке и стилистической правке, включая в него новый материал, заимствованный из других источников: летописей, местных преданий, памятников переводной литературы. Так возникали редакции произведения, отличавшиеся друг от друга идейно-политическими и художественными установками.

Наше представление о литературе Древней Руси приблизительно и неполно, ибо некоторые памятники со временем были утрачены, например «Житие Антония Печерского», другие сохранились в единственном списке, то есть благодаря счастливой случайности не погибли во время вражеских нашествий и стихийных бедствий («Поучение» Владимира Мономаха). По одному списку произведения, часто позднему, трудно судить о его первоначальном виде, точно так же, как из множества списков, число которых измеряется сотнями (Киево-Печерский патерик, «Хождение Трифона Коробейникова»), выделить самый близкий к авторскому. С находками новых рукописных книг расширяется наше представление о разнообразии и общем характере древнерусской литературы. Достаточно вспомнить, что «Слово о полку Игореве» было открыто в конце XVIII столетия и во времена А. С. Пушкина представлялось оазисом в «пустыне нашей древней словесности».

В связи с коллективным характером творчества большая часть произведений древнерусской литературы анонимна. До сих пор среди ученых ведутся споры о том, кто мог написать «Слово о полку Игореве» и «Повесть о Горе-Злочастии». Судить о мировоззрении средневекового писателя, его политических взглядах, степени литературного мастерства можно, как правило, лишь исходя из анализа созданного им произведения, помня при этом, что авторский текст с течением

времени разрушался, подвергаясь изменениям со стороны писцов и редакторов. Анонимность следует рассматривать и как стремление древнерусского автора придать своему произведению вечное и общечеловеческое значение. Писание книг на Руси считалось святым делом, плоды которого пожинает не одно поколение людей. Об особо бережном отношении в средние века к книге свидетельствует летописец, утверждавший в «Повести временных лет»: «Велика ведь бывает польза от учения книжного... ибо мудрость обретаем и воздержание в словах книжных. Это реки, наполняющие вселенную...»

Литература Древней Руси, как искусство средневековья вообще, базировалась на системе религиозных представлений о мире, в основе ее лежал религиозно-символический метод познания и отражения действительности. Мир в сознании древнерусского человека как бы раздваивался: с одной стороны, это реальная, земная жизнь человека, общества и природы, которую можно познать с помощью житейского опыта, с помощью чувств, то есть «телесныма очима». С другой стороны — это религиозно-мифологический, «горний» мир, который открывается избранным, угодным Богу людям в минуты духовного откровения.

Древнерусскому книжнику было ясно, почему происходят те или иные события, он никогда не мучился вопросами, над решением которых будут думать русские классики XIX столетия: «кто виноват» и «что делать», чтобы изменить к лучшему человека и мир. Для средневекового писателя все происходящее на земле — проявление Божьей воли. Если являлась «звезда превелика, лучи имущи акы кроваве», то это служило русичам грозным предупреждением о грядущих испытаниях, половецких набегах и княжеских распрях. Природа для средневекового человека еще не обрела своей самостоятельной эстетической ценности; необычное природное явление, будь то затмение солнца или наводнение, выступало как некий символ, знак связи между «горним» и «дольним» мирами, истолковывалось как злое или доброе предзнаменование.

Литература Древней Руси носила ярко выраженный исторический характер и не допускала художественного вымысла. Долгое время частный человек с его радостями и горестями оставался за пределами литературного интереса.

Исторические события государственного масштаба: военные походы князей, феодальные съезды, нашествия кочевых народов, восстания смердов, борьба за великокняжеский стол, строительство монастырей, основание городов — вот что находилось в центре внимания древнерусского книжника. Героями его произведений становились лица, исторически реальные и исторически значимые. Это князья и бояре, воеводы и митрополиты, а народ выступал как безмолвный свидетель или участник их деяний.

В угоду средневековой символике писатель подчас отступал от исторического факта. В «Повести об убиении Андрея Боголюбского» рассказывалось, как один из заговорщиков отрубил князю правую руку, что противоречит данным научных исследований: у князя были обнаружены раны на левой руке. Автор повести — современник описываемых событий, хорошо осведомленный человек, сочувствующий князю. Нарушение им исторической правды объясняется тем, что меч — символ княжеской власти — держала правая рука (десница), а не левая (шуйца).

Прославляя силу духа и мудрость русского народа, средневековый писатель был выразителем идеи веротерпимости, гуманного отношения к иноверцам. В XI веке Феодосий Печерский в послании к Изяславу Ярославичу, направленном против «неправой латинской веры», призывал князя: «Милостынею же милуй, не токмо своя веры, но и чужая. Аще ли видиши нага, ли голодна, ли зимою, ли бедою одержима, аще ти будет ли жидовин, ли сорочинин, ли болгарин, ли еретик, ли латинин, ли от поганых, — всякого помилуй и от беды избави, якоже можеши, и мзды от Бога не погресиши».

Древнерусскую литературу отличает высокая духовность. Жизнь человеческой души, воспитание и совершенствование нравственности человека — главная задача литературы средневековья. Внешнее, предметное отступает на второй план. Как на иконе, где крупным планом даются «лик» и «очи», то, что отражает внутреннюю сущность святого, «свет» его души, так и в литературе, особенно житийной, изображение человека подчинено прославлению должного и идеального, вечно прекрасных нравственных качеств: милосердия и скромности, душевной щедрости и нестяжания.

«Воинствующий дидактизм» — одна из основных примет древнерусской литературы. Средневековый писатель не боялся прослыть тенденциозным, он не мог писать, «добру и злу внимая равнодушно». Его позиция, политическая и нравственная, всегда четко выражена в произведении. Публицистическое начало, страстно взывающее к совести, пронизывает лучшие произведения литературы Древней Руси. Думой о будущем страны проникнуто «Завещание» Ярослава Мудрого сыновьям: «Вот я покидаю мир этот, сыновья мои; имейте любовь между собой, потому что все вы братья, от одного отца и одной матери. И если будете жить в любви между собой, Бог будет в вас и покорит вам врагов. И будете мирно жить. Если же будете в ненависти жить, в распрях и ссорах, то погибнете сами и погубите землю отцов своих и дедов своих». Только политика братолюбия, мира и единства действий, по мысли князя, может привести Русь к умножению богатств, упрочению военной мощи и государственного авторитета.

В средние века существовала иная, чем в наше время, система художественных ценностей, господствовала эстетика подобия, а не эстетика неповторимости. Литература дорожила общим, повторяющимся, легко узнаваемым, избегая частного, случайного, непривычного для читателя, — вот почему в памятниках XI—XVII веков так много совпадений в изображении воинского или монашеского подвига, в некроложных характеристиках русских князей и в похвальных словах святым. Сравнение героев отечественной истории с библейскими персонажами, цитирование книг Священного Писания, заимствование целых фрагментов из произведений предшествующих эпох — все это в средние века свидетельствовало о высокой книж

ной культуре и мастерстве писателя, а не о его творческом бессилии.

Для литературы Древней Руси характерна особая система жанров. Она в большей мере, чем литература нового времени, связана с внелитературными обстоятельствами, с практическими потребностями древнерусского общества. Каждый литературный жанр «обслуживал» определенную сферу жизни. Так, например, возникновение летописания было обусловлено потребностью феодального государства иметь свою письменную историю, где были бы зафиксированы важнейшие события (рождение и смерть правителей, войны и мирные договоры, основание городов и строительство церквей).

В основе выделения жанров в литературе Древней Руси лежал объект изображения. Ратные подвиги русичей изображались в воинских повестях, путешествия в другие страны сначала только с паломнической, а затем с торговой и дипломатической целями — в хождениях. Для каждого жанра существовал свой канон. Например, в агиографическом произведении, где объект изображения — жизнь святого, была обязательной трехчастная композиция: риторическое вступление, биографическая часть и похвала одному из «воинства Христова». Тип повествователя в житии — условно-многогрешный человек, «худый и неразумный», что было необходимо для возвышения героя — праведника и чудотворца. В житии преобладала идеализация героя, он освобождался от мелочей быта, внутренних противоречий и грехопадений, предстал перед читателем только в парадные моменты своей жизни и действовал как «положительно прекрасный человек». Стиль памятников агиографической литературы, в отличие от летописной, витиеват и словесно украшен, особенно во вступительной и заключительной частях, которые часто называют «риторической мантией» жития.

Среди жанров древнерусской литературы принято различать жанры «объединяющие» и «первичные», последние являются строительным материалом для сборников, какими были, например, летописи и патерики. Жанровой системе и каждому жанру в отдельности присущ динамизм. В XVII веке жанровая система древнерусской

литературы обогащается стихотворными формами, жанрами сатиры и драмы, а традиционное житие святого все больше превращается в повесть бытового или мемуарно-автобиографического характера. Развитию жанровой системы литературы Древней Руси способствовало ее творческое взаимодействие с фольклором: топонимические легенды входили в состав летописных сводов, плачи придавали произведениям особую лирическую взволнованность, в свою очередь, русский духовный стих испытал влияние со стороны житий святых. Литературу Древней Руси часто называют «царством прозы», но эта проза особая, ритмически организованная; не случайно большая часть переводов и переложений «Слова о полку Иго- реве» выполнена стихами.

Судьба древнерусских жанров сложилась по-разному: одни из них ушли из литературного обихода, другие приспособились к изменившимся условиям, третьи продолжают активно функционировать, наполняясь новым содержанием. Очерковая литература XIX—XX веков, литературные путешествия XVIII столетия восходят к традиции древнерусских хождений, одного из самых устойчивых жанровых образований средневековья. Истоки русского романа исследователи видят в бытовых повестях XVII века. Поэтика оды в литературе русского классицизма, безусловно, складывалась под влиянием произведений ораторского искусства Древней Руси. Таким образом, древнерусская литература не мертвое явление, она не ушла в небытие, не оставив потомства. Это явление живое и плодотворное, неиссякаемый источник вдохновения для писателей нового времени.

--*

Возникновению литературы предшествовало крещение Руси (988) и ее вхождение в семью христианских народов Европы. Процесс христианизации языческих восточнославянских племен и образования раннефеодального государства обнаружил настоятельную потребность в письменности, а она, в свою очередь, послужила основой для рождения книжной литературы. Христианство пришло на Русь из Византии через посредничество южнославянских стран, прежде всего Болгарии, поэтому первыми книгами, которые стали читать русские, были переводы с греческого, часто выполненные болгарскими книжниками. При этом на Руси между литературным (старославянским) и разговорным

(древнерусским) языками не существовало такой пропасти, как в странах Западной Европы, где большая часть прихожан не понимала церковной проповеди, читавшейся на латинском языке. Близость книжного и разговорного языков, безусловно, способствовала ускоренному процессу развития литературы Киевской Руси.

Первые века в истории русской литературы отличает процесс активного жанрообразования. Потребность в знании «откуда есть пошла Русская земля», что было связано с ростом национального самосознания, вызвала к жизни такой типично средневековый жанр, как летописание. Обслуживая определенную сферу общественной жизни, летописи являлись историческим документом большого государственного значения, так как включали договорные грамоты, завещания князей, постановления феодальных съездов и т. п. Фиксируя наиболее значительные вехи исторического развития древнерусского государства, летописец отстаивал мысль о политической, религиозной и культурной независимости страны. Он радел о том, чтобы не прервалась «живая связь времен», чтобы человек не лишился исторической памяти.

Русское летописание в процессе своего становления опиралось на опыт переводной литературы, причем освоение этого опыта носило творческий характер. Летопись, в отличие от византийских хроник, строилась погодно, а не по циклам, соответствующим периодам правления того или иного императора, правящей династии. Она, как плод коллективного труда, отличалась широким масштабом охвата событий, стихийным проявлением народной точки зрения на ход истории. Повествование в летописи носило открытый характер, было разомкнуто в пространстве и времени, то есть могло быть продолжено до сего дня, вобрав события и русской, и мировой истории.

Вопрос о времени возникновения русского летописания относится к разряду спорных в науке. Разрозненные записи важнейших исторических событий, видимо, существовали уже в конце X века, однако летописание еще не имело системного и целенаправленного характера. Становление летописного дела на Руси принято связывать с просветительской политикой князя Ярослава Мудрого и относить к 30—40-м годам XI века. Большая роль в развитии летописания принадлежала

Киево-Печерскому монастырю, где около 1113 года монахом Нестором был создан первый из дошедших до нас летописных сводов — «Повесть временных лет».

«Повесть временных лет» — ценнейший исторический источник, который содержит обширные историко-географические сведения о славянских племенах, их обычаях и нравах, взаимоотношениях с соседними народами. Первая датированная 852 годом статья связывалась летописцем с началом Русской земли. Под 862 годом помещалась легенда о призвании варягов, где устанавливался единый предок русских князей — Рюрик, вместе с братьями Синеусом и Трувором приглашенный новгородцами «княжить и вол о деть» Русской землей. Эта легенда не свидетельствовала о неспособности русских самостоятельно устроить свое государство, она служила актуальной в то время цели — доказательству политической независимости от Византии. Следующий поворотный этап в истории связан с крещением Руси при князе Владимире Святославиче (988), что приобщило страну к христианской культуре. Дело Владимира, который, по словам летописца, «землю вспахал и размягчил, то есть крещением просветил», продолжил его сын Ярослав Мудрый: он «посеял книжные слова в сердца верующих людей, а мы пожинаем, учение принимая книжное». Заключительные статьи «Повести временных лет» рассказывали о княжении Святополка Изяславича. Это время омрачено участвовавшими половецкими набегами на Русь, феодальными распрями и народными бунтами. Символической антитезой эпохи становится противопоставление «креста» и «ножа», политики единства и вражды между князьями-братьями. Высшей степени драматизма конфликт достигал в «Повести об ослеплении Василька Тербовольского», читающейся под 1097 годом.

«Повесть временных лет» — наиболее значительный пример использования фольклорной традиции в литературе Киевской Руси. Восстанавливая дохристианский, дописьменный период в истории Руси, летописец был вынужден обращаться за сведениями к родовым преданиям, топонимическим легендам, дружинной поэзии. Воздействие фольклора прежде всего сказалось на изображении героев начальной части летописи (Олега, Ольги, Игоря, Святослава, Владимира), которым даются немногословные, но яркие

характеристики, выделяющие главную черту в образе героя, причем индивидуального порядка. Эпически лаконична летописная характеристика князя Святослава, сына княгини Ольги. Перед нами человек прямодушный и мужественный, простой в общении с воинами; он предпочитал победу в открытом бою военной хитрости, поэтому, выступая в поход, неизменно предупреждал врагов: «Хочю на вы ити!» Зная о засаде, с малыми силами вступил в бой и погиб, строго следуя закону воинской чести. Причем характеристика герою дается через его поступки, она насквозь действенна и предельно конкретна: «Когда Святослав вырос и возмужал, стал он собирать много и храбрых воинов. И легко ходил в походах, как пардусь, и много воевал. В походах же не возил за собою ни воза, ни котла, не варил мяса, но, тонко нарезав конину или зверину, или говядину, на углях зажарив, ел. Не имел он и шатра, но спал, подостлав войлок, с седлом в головах; такими же были и прочил его воины». В более поздних фрагментах летописи образ князя становится официальным и парадным; являясь воплощением общих христианских добродетелей: любви к Богу, почитания церкви, милости к убогим, воздержания от похоти и пьянства, — он лишается ярких индивидуальных примет.

О влиянии фольклора на «Повесть временных лет» свидетельствует решение в ней темы воинского подвига. Победа русичей над врагами может изображаться без религиозной мотивировки, без появления на поле боя небесного воинства, как результат единодушного желания «хороброй» русской дружины «не посрамить земли Русской и лечь костью тут, ибо мертвые срама не имут». Выполненные в эпической манере рассказы летописи содержат больше бытовых реалий, чем эпизоды о деяниях князей-христиан. Это, например, уздечка в руках отрока,

который во время осады Киева, якобы в поисках пропавшей лошади, пробирается сквозь вражеский стан. В развитии фольклорных по происхождению сюжетов •«Повести» часто используется эффект неожиданности. Конь, от которого, по предсказанию волхвов, Олегу Вещему суждено было погибнуть, давно мертв, однако его череп таит смертельную опасность: «выползла змея из черепа и ужалила в ногу», после чего князь «разболелся и умер». Рассказы, выросшие на фольклорной основе, диалогичны, их стиль близок к живой разговорной речи. Недаром в летописи так много пословиц и поговорок, впитавших народную мудрость. «Если повадится волк к овцам, то выносит все стадо, пока не убьют его; так и этот, если не убьем его, то всех нас погубит», — рассуждают древляне, узнав, что князь Игорь идет за повторной данью.

Несмотря на то что в поле зрения летописца часто попадали трагические события русской истории: убийство по приказу брата князей Бориса и Глеба, набеги кочевников и разорение Русской земли, — как и народный сказитель, он верил в конечное торжество добра и справедливости, его произведения пронизаны чувством исторического оптимизма. Осуждая политику княжеских «катор», летописец выступал против князей, прозванных в народе Окаянными и Гориславичами, заботился о единстве Русской земли, «которую обронули» деды и отцы «трудом великим и храбростью».

О высоком уровне развития учительной прозы Киевской Руси свидетельствует «Поучение» Владимира Мономаха (1053—1125). В советах, которые князь перед смертью давал сыновьям и «иным, кто прочтет», отразился не только его опыт авторитетнейшего государственного деятеля, политика и полководца, но и его литературная образованность, писательский талант, его представления о нравственном облике христианина.

Сочинение Владимира Мономаха, известное нам благодаря Лаврентьевской летописи, где оно читается под 1096 годом, состоит из трех частей: собственно «Поучения», автобиографической «Летописи» военных походов и житейских «трудов» князя, «Письма» к Олегу Святославичу; при этом «Летопись» и «Письмо» служат как бы

иллюстрацией основных положений «Поучения». Видимо, осенью 1096 года Владимир Мономах по просьбе сына Мстислава обратился к Олегу Святославичу с посланием, причиной чего стала личная трагедия: в битве с Олегом погиб его сын Изяслав. В «Письме» князь утешал врага и, отказываясь от мести, призывал прекратить усобицы. Владимир Мономах нашел в себе мужество признать вину сына, которому, по его словам, не следовало бы «искать чужого», а отца «в позор и в печаль вводить». Он предложил Олегу покаяться, примириться и вернуться в свой удел. Основная часть «Поучения» была написана в 1099 году, когда двоюродные братья Мономаха, Святополк Изяславич и Святослав Давыдович, предложили ему выступить против Ростиславичей и отнять их «волюсть». Он отказался от участия в междоусобной войне, а свой кодекс феодальной чести изложил в «Поучении», которое позднее, уже «сидя на снях», то есть в ожидании близкой смерти, переработал, усилив в нем общечеловеческое начало. Последней по времени создания была автобиографическая «Летопись», где Владимир Мономах подводил итог своей государственной деятельности за 1072—1117 годы, перечисляя совершенные им военные походы, которых было «80 и 3 великих», не считая малых, а также описывая интересные эпизоды своих охот: как туры поднимали его на рога вместе с конем, как вепрь с бедра меч сорвал, а медведь возле колена потник прокусил, как он «коней диких своими руками связал». Возможно, тогда же у Владимира Мономаха возникла мысль о формировании единого комплекса написанных им произведений.

В назидание современникам и потомкам он создал в «Поучении» идеальный образ русского князя, который беспрекословно подчиняется старшему в роде, живет в мире и согласии с равными себе князьями, не притесняя «младших» князей и бояр, по возможности избегает ненужного кровопролития, строго соблюдает христианские заповеди, беспрестанно трудится. Главный завет князя — «не погублять душу» раскрывался через ритмически организованный ряд афористических по форме советов: «Всего же более убогих не забывайте», «Ни правого, ни виновного не убивайте»; «Старых чтите как отца, а молодых как братьев», «Лжи остерегайтесь и пьянства и блуда, от того ведь душа погибает и тело». Кроме

общехристианских наставлений, «Поучение» включало ряд конкретных советов по организации хозяйства (за всем в доме надлежит следить самому, не полагаясь на управителей и слуг), по поведению в военном походе (не надеясь на воевод, самому устанавливать ночную стражу), по отношению к близким (любить жену, но не давать ей над собою власти). Важное место в духовном завещании Владимира Мономаха занимал призыв к деятельному образу жизни, чтобы человек ночью и днем, в зной и в стужу не давал себе покоя. Князь благодарил Бога за то, что создал его не ленивым, «на всякие дела человеческие годным». Призывая детей постоянно учиться, он приводил в пример своего отца, который, «дома сидя», изучил пять языков.

Один из первых мирских писателей Древней Руси, автор «Поучения» был хорошо образованным человеком, знакомым с русской и европейской литературной традицией. Его сочинение принято рассматривать в одном ряду с «Наставлением» французского короля Людовика Святого, поучениями византийского императора Василия и англосаксонского короля Альфреда. Владимир Мономах свободно владел разными стилями речи, варьируя их в «Поучении» в зависимости от темы и жанра: автобиографическая часть произведения написана безыскусно и просто, языком, близким к разговорному; «высокий слог» характерен для рассуждений этико-философского толка; тонким лирическим чувством пронизаны многие фрагменты послания к Олегу Святославичу, например просьба князя отпустить к нему вдову Изяслава, чтобы, обнявшись, вместе с ней оплакать погибшего.

«Поучение» Владимира Мономаха вышло за рамки частного документа, сфера хождения которого ограничена одной семьей или родом. Философская глубина размышлений о Боге и человеке, о жизни и смерти, не утратившие своего значения ценные практические советы, поэтическая образность стиля — все это помогло произведению пережить свою эпоху, войти в «золотой фонд» русской и мировой литературы.

Традиции ораторской прозы Киевской Руси нашли свое преломление в поэтике «Слова о полку Игореве» и «Слова о погибели земли Русской», подготовили почву для

возникновения одного из самых загадочных и прекрасных явлений древнерусской литературы — послания к князю Даниила Заточника. Не одно десятилетие продолжается научная дискуссия о том, кто такой Даниил Заточник (реальное или вымышленное лицо, боярский холоп или близкий к князю человек), за что он попал в опалу и был сослан на озеро Лаче, какому князю Ярославу «бил челом», жалуясь на свою горькую участь. Споры вызывают и вопросы, связанные с тем, какая из переработок послания, «Слово» или «Моление», ближе к авторскому тексту и когда они возникли: в конце XII или в первой половине XIII века.

В основе послания Даниила Заточника к князю лежит мотив разлада между мечтой и действительностью. Автор убежден, что право на уважение дает человеку только ум, поэтому первые строки произведения звучат как гимн мудрости, не знающей границ: «Вострубим как в златокованные трубы в разум ума своего и заиграем в серебряный органы, возвышая мудрость свою». Однако писатель вынужден признать, что человек, обладающий умом и талантом, подобен в современном ему обществе сухому дереву, стоящему при дороге и посекаемому проходящими мимо, если он не знатен и не богат: «Богатого везде знают, и на чужой стороне он друзей имеет, а нищий и в своей ненавидимым ходит. Богатый заговорит — все замолчат и вознесут слова его до облаков, а нищий заговорит — все на него закричат».

«Плененный нищетой», Даниил Заточник взывает о помощи к князю, используя целую «гроздь» сравнений, что придает его прозе особый ритм: он просит князя избавить его от нищеты, как серну от сетей, как птенца от силков, как утенка от когтей ястреба, как овцу от львиной пасти. Неповторимость стиля послания связана с афористичностью и иносказательностью речи автора. Не случайно в произведении Даниила Заточника исследователи видят «искусную словесную мозаику», составленную из метких «речений»: «Золото сокрушается огнем,

а человекъ несчастьями», «Моль одежды ест, а невзгоды — человека», «Птица весне радуется, а младенец матери» и др. «Слово» Даниила Заточника, где распространение послания шло за счет включения в текст новых высказываний на темы, затронутые автором, напоминает сборник изречений типа «Пчелы».

«Моление», другая и, видимо, более поздняя переработка послания, пародийно по своему характеру. Здесь господствует «скомороший» стиль, полный парадоксов и игры слов; речь автора уподобляется алогичной и бессвязной речи шута, у которого «лубян ум» и «толстян язык», в то время как в послании все было подчинено единой цели — иллюстрации ума и образованности автора, мечтающего стать княжеским дружинником. Даниил Заточник убеждал князя в том, что обладает талантом поэта, хвалебные песни которого «слаще меда». Он примерял на себя одежды и обязанности посла, который, как «мудрый муж», будет думать о деле, а не проводить время в пирах и застольях. Заточник видел себя и в роли княжеского советника — «думца». Высокий уровень самосознания автора, уверенного в том, что ум — основное богатство человека, и надеющегося, что его знания и таланты будут востребованы обществом, свидетельствует о появлении в русской литературе накануне монголо-татарского нашествия черт ренессансного характера.

Литература житий святых, или агиография, возникла задолго до появления ее на Руси, куда она пришла вместе с принятием христианства из Византии. О творческом освоении жанрового канона говорят ранние памятники русской агиографии. Тесно связано с конкретной исторической действительностью «Сказание» о первых русских святых Борисе и Глебе, которые предпочли мученическую смерть борьбе против старшего брата Святополка, захватившего власть в Киеве после смерти отца (1015).

Для «Сказания» характерна тенденция к индивидуализации житийного героя. Изображение младшего из князей-мучеников не дублировало житийной характеристики старшего. Глеб менее опытен, чем брат, поэтому ему трудно подавить в себе страх смерти. Он молит наемных убийц о пощаде, глядя на них «кротким взором»,

«заливаясь слезами и ослабев телом», «трепетно вздыхая» «в сердечном сокрушении». Неизвестный агиограф создал богатый тонкими душевными переживаниями портрет юноши, для которого венец мученика тяжел и преждевремен. Психологически достоверно и изображение житийного антигероя. Автор выявляет реальные причины ненависти Святополка к братьям: родовой грех (он Г-Т.ТТТ двух отцов-братьев) превратил его во «второго Каина». Разбитый в «сече злой» Ярославом Мудрым, Святополк бежит с поля боя, но «обуяло его безумие, и так ослабели суставы его, что не мог сидеть на коне, и несли его на носилках». Топот конницы Ярослава преследует Святополка и сводит с ума. Из-за страха возмездия он не может подолгу оставаться на одном месте и умирает где-то на чужбине, «неизвестно от кого бегая».

Доминирующую в «Сказании» тему смерти подчеркивает обилие плачей и молитв, а также символика воды и корабля, связанная с погребальным обрядом. Для усиления эмоционального воздействия на читателя автор трижды повторяет сцену убийства Бориса: сначала его пытаются убить в шатре копьями Путыпа, Талец, Елович и Ляшко; затем, когда раненый князь «в оторопе» выбегает, убийцы призывают друг друга «скончать повеленное». И вот тело Бориса, завернутое в шатер, везут на телеге, но Святополку кажется, что брат жив и приподнимает голову; объятый ужасом, он посылает варягов, и те пронзают Бориса мечом в сердце.

Если Борис и Глеб вошли в историю как князья-мученики, то Феодосий Печерский был причислен к лику святых за подвиг трудничества. В «Житии», написанном Нестором в конце XI или начале XII века, мы видим Феодосия, который уже в детские годы носит «худые ризы» и работает на полях вместе с крестьянами, вызывая гнев богатых родителей. Став игуменом, Феодосий ведет себя как рачительный хозяин и строитель, сумевший сделать монастырь из пещерного наземным.

Печерский игумен обладал талантом просветителя: воспитывал в монахах любовь к пище духовной, участвовал в изготовлении книг, мастерски владел словом и пером. Когда на киевском престоле обосновался Святослав, прогнавший старшего брата Изяслава, Феодосий отказался в повседневных молитвах упоминать его имя как имя великого князя,

обратился к Святославу с «гневной епистолай». Это послание до нас не дошло, но о его содержании и стиле мы можем судить по реакции князя: «И как только прочел князь это послание, то пришел в ярость и, словно лев, рыкнул на праведного, швырнул письмо его на землю. И тогда облетела всех весть, что грозит блаженному заточение». Святослав понимал, что его власть нуждается в освящении церковью, поэтому он не «разметал» монастырь, как грозился, а, смирив гнев, «возлюбил» Феодосия и Киево-Печерскую лавру.

В житиях русских святых основной конфликт определялся не столько борьбой святого с иноверцами, сколько его выступлениями против отрицательных явлений монастырского быта, самоуправства и корыстолюбия князей. Такими конфликтами богат Киево-Печерский патерик, агиографический свод 20—30-х годов XIII века, подводивший итог развития житийной литературы Киевской Руси. Об идейно-художественной значимости памятника можно судить по тому, что в рукописной традиции бытования он имел около 10 редакций и свыше 200 списков. Рассказы патерика отразили не только монастырские «настроения» (жалость инока о растратенном на нужды церкви богатстве, вражду «братьев по духу» и т. п.), но и столкновения печерских монахов с представителями княжеской власти. Чудотворец Прохор, например, противопоставлялся киевскому князю Святополку Изяславичу, который во время соляного голода на Руси решил нажиться на спекуляции солью из монастырских запасов. И лишь чудо — превращение украденной по его приказу соли в золу — заставило князя пережить перерождение из грешника в праведника, почитающего монастырь и его святых.

Героическое в жизни печерских монахов начиналось с малого — с ежедневного тяжелого труда на поварне и на мельнице, у монастырских врат и у постели больного. Среди героев Киево-Печерского патерика — монахи-врачи и монахи-художники, «гробокопатели» и «про-сфорники». В повседневном обязательном труде авторы патерика видели залог праведной монашеской жизни, условие духовного совершенства героя и его единения с народом.

Первые опыты русской литературы в житийном жанре подготовили расцвет агиографии в период зрелого средневековья, сделали жития святых любимым народным

чтением и школой нравственности. Не случайно писатели нового времени обращались к литературе житий с целью народознания, в поисках истоков русского национального характера.

Вершинным явлением древнерусской литературы по праву считают «Слово о полку Игореве», создание которого большинство исследователей относят к концу XII века. Судьба этого памятника интересна и драматична. Список «Слова» был найден в начале 90-х годов XVIII века известным любителем и собирателем русских древностей А. И. Мусиным-Пушкиным. Текст произведения входил в состав сборника светского содержания, который был приобретен коллекционером в числе других рукописей у бывшего архимандрита закрытого к тому времени Спасо-Ярославского монастыря Иоилия Быковского. Со списка «Слова» был снят ряд копий, одна из которых предназначалась Екатерине II и дошла до нас вместе с первым изданием памятника, осуществленным в 1800 году (большая часть экземпляров этого издания вместе с единственным списком произведения погибла в огне московского пожара 1812 года).

В основе «Слова о полку Игореве» лежат реальные исторические события, отраженные и в русских летописях, — поход новгород-северского князя Игоря на половцев в 1185 году. В поход Игорь Святославич выступил «малой силой», используя военную поддержку только ближайших родственников: старшего сына Владимира, брата Всеволода, князя курского и трубчевского, племянника Святослава Рьльского. Игорь не поставил в известность о своих действиях «старшего» в роде Ольговичей и «великого» среди русских князей Святослава Киевского, тем самым нарушив закон феодальной иерархии. Храбрость воина, по словам автора «Слова», победила в нем трезвый политический расчет: кочевой Степи нельзя было противостоять в одиночку. Неразумные действия Игоря погубили войско, заставили князя изведать позор плена, «отворили ворота» половцам для набегов на Русскую землю.

«Слово о полку Игореве», как и большая часть памятников литературы Древней Руси, анонимно. До сего дня не прекращаются попытки установить личность создателя памятника. Одни исследователи ищут его среди участников

похода князя Игоря, другие — среди знаменитых писателей той эпохи. Самые фундаментальные исследования в этой области принадлежат историку Б. А. Рыбакову, который в книге «Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве» (1972) высказал предположение, что произведение могло быть написано киевским боярином, летописцем Петром Бориславичем. На сегодняшнем этапе изучения памятника образ автора можно реконструировать только исходя из текста самого «Слова». Безусловно, это человек широко образованный, хорошо знакомый с книжной культурой и устным народным творчеством своей эпохи. Автор «Слова» был светским человеком, далеким от официальной церкви: только мирянин мог позволить себе такое обилие языческих элементов в произведении. Общеизвестным является и положение о принадлежности автора «Слова» к высшему классу феодального общества, так как он проявляет большую осведомленность в межкняжеских отношениях и военном деле, имеет собственное мнение, поднимаясь до критики необдуманных действий князя Игоря. Однако и Игорь, и его брат Всеволод пользуются у автора уважением за их воинскую доблесть, поэтому, скорее всего, писатель выражал интересы Ольговичей, старший из которых — черниговский князь Святослав в 1181 году окончательно утвердился на киевском столе. Для автора «Слова о полку Игореве» он был образцом политической мудрости, идеальным правителем. Понятно, почему исследователи склоняются к мысли о черниговском или киевском происхождении создателя «Слова», при этом отмечая, что на события современности тот смотрел с общерусских позиций.

Вопрос о времени создания «Слова» также остается дискуссионным. Большинство исследователей считают, что произведение писалось по «горячим следам» событий, вскоре после похода князя Игоря на половцев и его возвращения из плена, то есть во второй половине 80-х — 90-х годов XII века. Оригинальна позиция Л. Н. Гумилева, который видел в «Слове» «иносказание», отклик на события, связанные с монголо-татарским нашествием, поэтому датировал памятник XIII в. Существует и крайняя точка зрения, согласно которой «Слово о полку Игореве» — блестящая подделка, выполненная в конце XVIII века. Однако по мере расширения

наших знаний о произведении и его эпохе отряд «скептиков» редет.

«Слово о полку Игореве» не только предмет научных споров и разысканий, это прежде всего — шедевр древнерусской поэзии, поражающий смелостью и глубиной своего замысла, неповторимым изяществом художественной формы. Автор «Слова» — поэт, мысль которого свободно перемещается в пространстве и во времени, поднимаясь над историческим фактом. В произведении нет дат, последовательного и подробного рассказа о походе Игоря; о многих событиях автор лишь напоминает читателю, как о хорошо известных его современникам, что лишний раз свидетельствует о подлинности памятника.

В композиционном отношении «Слово о полку Игореве» трехмерно: оно состоит из лирического вступления, «повести» и краткого заключения. В «зачине» автор обосновывал свою манеру повествования, сравнивая ее с тем, как слагал князьям «славы» легендарный певец древности Боян: «Боян же вещий, если хотел кому песнь воспеть, то растекался мыслию по древу, серым волком по земле, сизым орлом под облаками». Рассказывая о походе Игоря «по былям нашего времени, а не по замыслению Бояна», автор «Слова» творил не столько «славу», сколько «плач», противопоставляя горестное настоящее величию прошлого Руси. Центральная часть произведения, в свою очередь трехчастная, распадается на ряд эпизодов: 1) сборы и выступление Игоря в поход; первое столкновение с половцами, завершившееся победой; решающая битва, в результате которой войско Игоря было разгромлено, а сам князь попал в плен; 2) «вещий сон» Святослава и его толкование боярами, «золотое слово» киевского князя; 3) плач Ярославны, бегство Игоря из плена и возвращение его на Русь. Завершается произведение здравицей князьям и их дружинам, которые ведут борьбу с врагами Руси.

Композиционный рисунок «Слова», как и его образную систему, несмотря на их сложность, отличает поразительная цельность. Тема воинского братства, прозвучавшая в начале «повести», когда Игоря в его желании «испити шеломом Дону» поддерживает брат, достигает своего развития в батальных сценах, где «буй тур» Всеволод выступает как

эпический двойник Игоря, на которого переносится воинская удаля старшего брата. Вслед за обращением Святослава Киевского к князьям Русской земли звучит взволнованный голос Ярославны, взывающей о помощи к силам природы, тем самым государственная тема в произведении сменяется личной, а историческое повествование — народно-поэтическим. Каждый из образов «Слова» так или иначе связан с Игорем и помогает раскрыть авторское отношение к нему. Например, Ярославна через плач как бы выкликает Игоря из царства мертвых, что оправдывает бегство князя из плена, ведет к его нравственному возрождению.

Автор «Слова о полку Игореве» сознавал новаторский характер созданного им произведения, называя его и «трудной повестью», и «песнью», и «словом». Действительно, это то «слава» воинам, то «плач» русских жен, то «воинская повесть», то страстная «проповедь» в защиту единства и мира, недаром в науке наметилась тенденция рассматривать произведение вне привычных жанровых форм, на стыке жанровых систем, как органический сплав лирики и эпоса, фольклорных и книжных традиций.

Стиль памятника, богатый метафорами и символами, завораживающий игрой слов, был, безусловно, рассчитан на подготовленного читателя, любителя и знатока поэзии. В основе эпитетов и символов «Слова» лежат явления природного мира, активного по отношению к миру людей. Природа сочувствует русичам, предупреждая их об опасности (солнце «тьмою», а ночь «грозою»), разделяя боль поражения («никнет трава от жалости, а дерево в печали к земле приклонилось»). Характерной

приметой произведения является его ритмичность, однако ритм «Слова» особый, меняющийся в зависимости от содержания. Он энергичен в батальных сценах, но лирически плавлен в плаче Ярославны. Ритмичность создается различного рода повторами: тематическими и композиционными, на уровне синтаксиса и звукописи («трубы трубят в Новгороде, стоят стяги в Путивле»).

«Слово о полку Игореве» — уникальное явление русской и мировой литературы, доказательство тому — существование музея этого литературного памятника в Ярославле, словаря и пятитомной энциклопедии «Слова», а также неослабевающий интерес к произведению со стороны исследователей и читателей, писателей и художников. Его образы и мотивы встречаются в творчестве А. Н. Радищева и А. Н. Островского, И. А. Бунина и В. Я. Брюсова. «Слово» переводили В. А. Жуковский и А. Н. Майков, К. Д. Бальмонт и Н. А. Заболоцкий. Оно вошло в историю русской музыки (опера Бородина «Князь Игорь») и русской живописи (картины Васнецова, иллюстрации Фаворского). В чем же истоки бессмертия памятника? В сочетании общечеловеческого с национальным, типично средневекового с непреходящими этическими и эстетическими ценностями. «Слово о полку Игореве» заставляет задуматься над вопросами: что есть честь, любовь к родине, ответственность за судьбу народа? Оно поражает своим поэтическим видением красоты природы, ратного труда и воинского братства, супружеской любви и верности. Вот почему «Слово о полку Игореве» вошло в сокровищницу мировой художественной культуры.

& &

В начале XIII века из целого ряда восточных, преимущественно кочевых, народов образовалась могущественная империя Чингисхана, одной из форм существования которой были завоевательные походы. Жертвами монголо-татарского нашествия стали народы Южной Сибири, Китая, Средней Азии и Кавказа, степей Причерноморья. В 20—30-е годы XIII века орды завоевателей достигли границ Руси, ставшей, по меткому выражению

Александра Блока, «щитом меж двух враждебных рас монголов и Европы».

Монголо-татарское нашествие, отбросившее Русь на несколько веков назад в ее социально-политическом и культурном развитии, по словам академика Д. С. Лихачева, «сжимает» русскую литературу XIII—XIV веков «до одной темы, но тема эта проявляется с необыкновенной интенсивностью» в произведениях разных жанров (воинские повести, слова и поучения, жития святых), созданных в разных русских «уделах». Перечисляя испытания, обрушившиеся на Русскую землю: «приде на ны языкъ немилостивъ», «землю нашу опустошили, и грады наши полонили, и церкви святыя разорили, отцов и братьев наших убили, над матерями нашими и сестрами надругались», — писатели задумывались над вопросами, кто виноват в случившемся и как «избыть беду». Для большинства из них вражеское нашествие — это наказание, ниспосланное Богом за грехи русских, спасение народа они видели в нравственном очищении и молитвенном подвиге.

Автор «Повести о разорении Рязани Батыем», одного из поэтических шедевров рязанской областной литературы, предлагал другой путь борьбы с монголо-татарским игом. Проникнутая пафосом воинской доблести, «Повесть» утверждала идею защиты Родины всем миром и до конца, до гибели последнего воина. Это своеобразный реквием, где тема разорения и смерти Рязани перерастала в тему бессмертия русского народа.

Композиция «Повести» отличается сложностью, так как произведение складывалось на протяжении десятилетий и в нем много позднейших вставок и наслоений. Очевидно, что она была составлена не сразу после нашествия Батыя, ибо рассказ о многих событиях ведется по памяти, с опорой на фольклорную традицию. Эпически сближены в противостоянии врагу живые и мертвые к 1237 году рязанские князья, все они выступают в «Повести» как братья. Однако острота переживания изображаемых событий и ряд исторических подробностей свидетельствуют в пользу датировки произведения первой половиной XIV века.

В первой части «Повести», где рассказывается о появлении полчищ Батыя на границах Рязанской земли, перед нами разворачивается трагическая история семьи рязанского

князя Федора. Он возглавил посольство к Батыю и принял мученическую смерть. Молодая жена князя Евпраксия не захотела пережить мужа и с сыном Иваном на руках «бросилась из превысокого терема своего... прямо на землю и разбилась до смерти». Во второй части «Повести» трагедия семьи перерастает в трагедию города, не покорившегося завоевателям. Хотя рязанцы бьются, как былинные богатыри, «один с тысячей, а два — с десятью тысячами», героизм сопротивления не может остановить орд Батыя, и от Рязани остаются «дым, и земля, и пепел». Трагедия становится общерусской в третьей части произведения, посвященной подвигу Евпатия Коловрата. Известие о нашествии Батыя застало Евпатия в Чернигове, с небольшой дружиной он нагнал войско Батыя под Суздалем и неожиданно нанес ему удар с тыла, со стороны выжженной врагом земли. От страха татары стояли «яко пины», думая, что восстали мертвые. Убить Евпатия им удалось лишь с помощью стенобитных орудий. Тело героя Батый выдал для погребения русским, уважая воинскую доблесть врага: «Мы со многими царями, во многих землях, на многих битвах бывали, а таких удалцов и резвцов не видали, и отцы наши не рассказывали нам. Эти люди крылатые, не знают они смерти». Жизнеутверждающе звучит последняя часть «Повести», когда Ингварь Ингваревич после плача и похорон защитников Рязани берется за трудное дело возрождения города. Завершающий аккорд произведения — похвала рязанским князьям убеждает в былой славе Руси, что служит гарантом грядущих побед над врагом.

Тема смерти связывает воедино все части «Повести», а образ «смертной чаши» становится центральным образом-символом. Трижды в произведении звучит рефрен «все равно умерли и единую чашу смертную испили»; семь раз в качестве композиционной единицы выступает форма плача, причем плачи, имеющие одинаковую структуру, варьируются, разрастаясь и усложняясь. Если в начале «Повести» лишь упоминается, что дядька князя Федора по имени Апоница горько плакал над убитым, то в конце произведения не только воспроизводятся слова плача Ингваря Ингваревича над телами погибших рязанцев, которые «лежали на земле пуге, на траве ковыле, снегом и льдом померзнувшие, никем не блюдомые», — сама ситуация

оплакивания князей (рязанских, коломенских, муромских, пронских) многократно повторяется. «Повесть о разорении Рязани Батыем» представляет собой органический сплав «плача» и «славы», ибо все в произведении подчинено задаче дать идеальное представление о том, как следует любить и защищать родину.

Почетное место в ряду литературных памятников эпохи монголо-татарского нашествия занимает «Слово о погибели Русской земли». Оно звучит как гимн былому могуществу страны, «светло светлой и прекрасно украшенной». Автор «Слова» как бы с высоты птичьего полета любуется просторами Руси, ее «крутыми холмами, высокими дубравами, чистыми полями», ее «бесчисленными городами великими, селениями славными», ее «князьями грозными, боярами честными». Он вспоминает славное прошлое, когда военные победы русичей держали в страхе половцев и литовцев, немцы радовались, что они далеко, а греки платили дань. Однако последняя строка «Слова» вносит диссонанс в это торжественное звучание, настраивая на восприятие горестного настоящего: речь идет о какой-то беде, обрушившейся на Русь. Большинство исследователей не сомневаются в том, что под «болезнью» страны подразумевались события монголо-татарского нашествия.

Памятник дошел до нас не в полном объеме, в одном из списков он не имеет самостоятельного заглавия и примыкает к тексту «Жития Александра Невского», выступая как своеобразный лирический пролог. «Житие Александра Невского» — первое русское житие князя-воина. Оно было создано в 80-е годы XIII века во владимирском Рождественском монастыре, где вначале был погребен Александр Невский (1221—1263), княживший в Новгороде и Владимире и одержавший ряд исторически важных для Руси военных побед. Инициаторами составления «Жития» и распространения культа святого считают

митрополита Кирилла и сына князя— Дмитрия Александровича. Об особой популярности произведения можно судить по тому, что только в XIII—XVII веках было создано 15 редакций памятника. Новые списки и редакции произведения продолжали появляться и в XVIII столетии, когда из владимирского святого Александр превратился в небесного покровителя Санкт-Петербурга, куда были перенесены его мощи.

Автор с «Жития» прекрасно владел каноном агиографического повествования. Во вступлении он наделил себя «грубым умом», чтобы возвысить героя; в биографической части сообщил о благочестии родителей святого, упомянул, что перед выступлением в поход князь молился в новгородском Софийском соборе, что святые Борис и Глеб, явившись дозорному Пелгусию, предупредили русских о приближении врага. Однако в целом произведение больше напоминает воинскую повесть, чем житие святого. Эпицентром повествования в нем становятся батальные сцены, идейная нагрузка которых велика: в период батыевщины они должны были свидетельствовать, что на Руси не перевелись богатыри.

Нарушая правило одногеройности жития, автор изобразил князя Александра не на безликом фоне дружины, а в окружении храбрых русских воинов. Каждый из участников Невской битвы сражался с врагом, «не имея страха в душе своей», однако народное предание сохранило память о шести храбрецах. Эпически немногословна, но ярко индивидуальна характеристика воинов через совершенные ими подвиги. Новгородец Меша с небольшой дружиной сумел потопить три вражеских корабля, другой новгородец Сбыслав Якунович бился одним топором так, что все дивились силе и храбрости его. Дружиннику Саве удалось ворваться в королевский златоверхий шатер и обрушить его, воодушевив тем самым русское воинство на новые подвиги. Чудеса героизма проявили ловчий князя Яков и другой его слуга Ратмир, погибший на поле боя от многочисленных ран. Вместе с князем Александром героев битвы семеро, что соответствует традиционной символике чисел, согласно которой семь— символ гармонии души (полководец) и тела (войско). Именно

единство князя и народа обеспечило победу над шведами в 1240 году, в честь которой Александр был прозван Невским.

Произведение об Александре Невском принадлежит к шедеврам древнерусской литературы и, как всякое великое художественное творение, не укладывается в традиционные жанровые рамки, поражает читателя яркими образами, потрясающими воображение картинами. Представление о «злой сече» на Чудском озере автор создает, широко используя звукопись и цветопись. Вслед за ним мы слышим треск от ломающихся копий и звон от ударов мечей, ощущаем мощные содрогания пришедшего в движение замерзшего озера, где «не было видно льда, ибо покрылось оно кровью». Чувство всенародного горя после смерти князя-воина передают «воплъ, и стон, и плач», которые были так сильны, «что даже земля содрогнулась», а «все люди восклицали: «Уже погибаем!»

В годы, когда Русское государство утратило свою независимость и народ объединяли только общий язык, религия и литература, особой популярностью стали пользоваться жития князей-мучеников, страдальцев за веру и родину (Михаила Черниговского, Михаила Тверского) и жития основателей монастырей, которые были духовным оплотом, «богатырской заставой» Руси (Кирилла Белозерского, Сергия Радонежского). Воин — защитник рубежей страны и монах — молитвенник за всех христиан, стали ключевыми фигурами в литературе. Единство героической темы сблизило в трагическом звучании разные жанры, сплотило литературы русских удельных княжеств, направив главные силы на противостояние вражескому нашествию и моральное оздоровление общества.

Поворотным этапом во взаимоотношениях Руси с Золотой Ордой стала Куликовская битва, где войско Мамаево было разгромлено объединенными русскими дружинами во главе с московским князем Дмитрием Ивановичем, прозванным в честь этого события Донским. «Мамаево побоище» в сознании современников — первая победа над врагом, знаменующая собой переход от политики подчинения к политике активного сопротивления Орде, борьбе за государственную независимость. Исключительное историческое значение военного успеха русских в 1380 году привело к тому, что в литературе конца XIV—XV веков возник целый цикл произведений, посвященных героям и событиям Куликовской битвы. В него входят две летописные повести (краткая и пространная), «Задонщина», «Сказание о Мамаевом

побоище»; идейно-тематическую близость к нему испытывают жития Дмитрия Донского и Сергия Радонежского.

Для того чтобы понять, чем дорожила литература возрождающегося древнерусского государства, что она взяла на вооружение из художественного опыта предшествующих эпох и что нового открыла на рубеже XIV— XV веков, достаточно сравнить «Слово о полку Игореве» и «Задонщину», созданную вскоре после Куликовской битвы, в 80-х годах XIV века. Памятник, открытый в 1852 году В. М. Ундольским, сразу привлек внимание исследователей своими параллелями со «Словом о полку Игореве» и сейчас воспринимается как литературное подражание «Слову», как произведение, которое «светит отраженным светом». Достаточно сравнить описания сборов в поход войск князя Игоря и Дмитрия Донского: в «Слове» «трубы трубят в Новгороде, стоят стяги в Путивле», а в «Задонщине» «трубы трубят в Коломне, бубны бьют в Серпухове, встали стяги русские у Дона великого на берегу».

В период собирания русских земель вокруг Москвы была важна опора на духовное наследие Киевской Руси. Обращение автора «Задонщины» к «Слову» не случайность, а часть художественного замысла. Он видит в победе на поле Куликовом осуществление призыва автора «Слова» положить конец феодальным раздорам и объединиться в борьбе с кочевниками. «Задонщина» — акт сознательного противопоставления горестного прошлого славному настоящему, поражения победе. Если в «Слове» солнечное затмение предрекает князю Игорю военную неудачу, то в «Задонщине» солнце ярко освещает путь московскому князю, предвещая победу. Для «Задонщины» характерен радостный, мажорный настрой. В жанровом отношении это больше «слава», чем «плач».

В «Задонщине» по сравнению со «Словом» меньше образов, связанных с языческой мифологией, усилено цер-

ковное начало в осмыслении событий: битва приурочена к празднику Рождества святой Богородицы, во время нее чудеса героизма проявляют монахи-воины Пересвет и Ослябя, на поле боя русские кладут «голова своя за святая церкви, за землю за Русскую и за веру христианскую». Как и автор «Слова», создатель «Задонщины» обращался к художественным средствам и приемам устной народной поэзии, но в «Задонщине» поэтические пассажи, восходящие к фольклору, упрощены, в то время как в «Слове» они ближе к своим устным прообразам. В «Задонщине», несмотря на ее литературную вторичность, немало поэтических находок. Символом возвышающейся Москвы и возрождающейся русской государственности становится образ жаворонка: «О жаворонок, летняя птица, радостных дней утеха! Взлети к синим небесам, взгляни на могучий град Москву, воспой славу великому князю Дмитрию Ивановичу и брату его, князю Владимиру Андреевичу!»

Если «Слову о полку Игореве» присуща стилевая однородность, то «Задонщина» ее лишена. Высоко поэтические фрагменты в ней соседствуют с прозаизмами. Поэтическую образность в произведении «заземляет» обилие подробностей: это и точные хронологические выкладки («А от Калкской битвы до Мамаева побоища прошло 160 лет»), и реалии топографического порядка («У Дона стоят татары поганые, и Мамай царь на реке на Мечи, между Чуровым и Михайловым»), а также статистические данные об участниках похода, пространное титулование и генеалогия князей. Рядом с лирически выразительной картиной потерь русского воинства на поле Куликовом, где «лежат по ковылю тела христианские, словно стоги сена, а Дон-река три дня кровью течет», читается перечень погибших, вызывающий у читателя не меньшее эмоциональное потрясение под воздействием поэзии факта. Русские полки после боя недосчитались «40 бояр московских, 12 князей белозерских, 30 новгородских посадников, 20 бояр коломенских, 40 бояр серпуховских... А воинов, погибших от безбожного Мамаю, двести пятьдесят тысяч и три тысячи», то есть 253 тысячи русских воинов.

Влияние деловой письменности в «Задонщине» заметно даже в плаче русских жен по убитым. Пронизанный единым поэтическим чувством плач Ярославны из «Слова о полку Игореве» разбивается на ряд реплик, которые автор «Задонщины» вкладывает в уста княгинь, боярских и

воеводских жен. При этом многие из них названы по имени, как и их погибшие на поле брани мужья. Персонификация толпы (воинской массы и плачущих жен) отразила намечающееся в русской литературе открытие ценности человеческой личности, внимание к частной жизни конкретного человека.

Психологизм повествования достигается в «Задонщине» широким использованием прямой речи, хотя он еще носит условный, абстрактный характер. Даже во время боя князья обмениваются воодушевляющими призывами: «не уступай», «не потакай», «не медли». Гуманистическая направленность «Задонщины» проявилась в том, что ее автор внимателен не только к изображению внутреннего состояния победителей, но и к передаче смятения чувств побежденных и поэтому достойных жалости татар. «Скрежеща зубами своими, и раздирая лица свои», они причитают: «Не бывать нам в своей земле! Не видать нам больше родных детей! Не ласкать нам желанных женушек! А ласкать нам сырую землю, а целовать нам зелену траву. Не ходить нам теперь набегом на Русь!»

«Задонщина», чей поэтический строй восходит к «Слову о полку Игореве», свидетельствует, что подъем духовных сил русского общества в эпоху Куликовской битвы шел под знаменем возрождения национальной литературной традиции. Во многом благодаря этому Москва к исходу XIV столетия становится средоточием литературной жизни страны.

Литературное развитие на Руси в XV веке определяла борьба за внутреннее раскрепощение личности, главного объекта и субъекта художественного творчества. XV век — это время Андрея Рублева и Феофана Грека, Епифания Премудрого и Пахомия Сербя, век, когда русское искусство стояло на пороге возрождения. Растущий интерес к

«внутреннему человеку» привел к тому, что в литературе стал господствовать экспрессивно-эмоциональный стиль, выражающий стремление писателей раскрыть богатство духовного мира героя, установить связь между его помыслами и деяниями, выразить «невыразимое». Ярче всего этот стиль проявился в агиографическом творчестве Епифания Премудрого (ум. между 1418 и 1422), который долгое время жил в Троице-Сергиевом монастыре, являясь учеником и сподвижником Сергия Радонежского.

Герои произведений Епифания не затворники и аскеты, а натуры деятельные, кипучие, их подвигам присущ государственный размах. Это миссионер-просветитель Стефан Пермский, который крестит пермяков, составляет азбуку и переводит на пермский язык книги Священного Писания. Это и основатель Троицкого монастыря Сергей Радонежский, благословивший на Куликовскую битву московского князя Дмитрия Ивановича, чье житие, возможно, тоже принадлежит перу Епифания Премудрого.

В «Житии Сергия Радонежского», написанном между 1417—1418 годами, Епифаний Премудрый показал, что огромный нравственный авторитет пришел к святому после того, как он в «месте пустынном» в окружении диких зверей и суровой природы совершил подвиг трудничества — «своими руками лес валил», «церковь небольшую поставил», «не имея у себя различных припасов, разве только хлеб и воду из источника». Став игуменом основанного им монастыря, Сергей возлагает на свои плечи тяжелый груз хозяйственных забот, на собственном примере воспитывает в монахах радость «телесного труда».

Епифаний изобразил святого на широком фоне общественно-политической жизни эпохи. Сергей Радонежский выступает как поборник идеи централизации русских земель вокруг Москвы, как вдохновитель Дмитрия Донского на Куликовскую битву, как воспитатель целой плеяды русских игуменов, основателей общежительных монастырей (Андроникова, Симонова, Саввино-Сторожевского и др.). Созданная им Троице-Сергиева лавра стала средоточием духовной жизни возрождающегося Русского государства.

«Житие Сергия Радонежского» — работа зрелого агиографа, заботящегося о гармонизации стиля и избегающего излишней экспрессии в изображении святого. Тон жития, спокойный и ровный, становится эмоционально напряженным,

когда писатель слагает «славу» новому русскому святому. Виртуоз-стилист, Епифаний Премудрый мастерски использует прием амплификации (нагнетения однородных элементов речи), пытаясь выразить красоту и силу духа Сергия, который «словно светило пресветлое воссиял посреди тмы и мрака». Святой сравнивается с прекрасным цветком среди терний, с золотом посреди пыли, с кадиллом благоуханным и яблоком благовонным. Цепочка из нескольких десятков сравнений завершается искомым определением: Сергей Радонежский— «земной ангел» и «небесный человек». Изысканный стиль «плетения словес» в житии святого не мешает динамичности повествования, не исключает внимания к монастырскому быту, стихии разговорной речи.

XV век — время великих географических открытий, не случайно именно на этот период приходится переломный момент в истории жанра древнерусских хождений. Если в XII—XIII веках русские совершали путешествия в Святую землю с паломнической целью и в литературе хождений преобладало религиозно-дидактическое начало («Хождение игумена Даниила»), то начиная с XV века в путевых записках растет светский элемент. Помимо религиозных раритетов и памятников культового искусства, в путевые записки заносятся дорожные приключения, многотрудное хождение в «землю незнаемую», географические и исторические сведения о разных странах и народах. Начинается планомерное и последовательное описание экономики, культуры и быта стран католической Европы и мусульманского Востока. Экзотический мир далекой Индии представал перед русским читателем в «Хождении за три моря» Афанасия Никитина — тверского купца, совершившего путешествие в 60—70-х годах XV века.

До «Хождения» Афанасия Никитина в народном сознании и русской литературе существовал образ Индии как сказочно богатой страны, населенной мудрецами; он сложился под влиянием рассказов «Александрии», «Сказания об Индии богатой», «Слова о рахманах». Понятно, почему именно в Индию направляет свой путь купец, когда в устье Волги русские корабли с товарами были разграблены степными кочевниками: «И мы, заплавав, да разошлись кто куда: у кого что есть на Руси, тот пошел на Русь; а кто должен, тот пошел,

куда глаза глядят». Пути назад не было, ибо в Твери Афанасия ожидали разорение и долговая тюрьма. Природная любознательность, купеческий практицизм и предприимчивость, твердость и решительность характера, не сломленного ударами судьбы, — вот, что толкает Никитина в путешествие «за три моря». Переплыв Каспийское и Индийское моря, пройдя Персию, он достиг самого центра Индостана.

Реальный «портрет» Индии, созданный тверским купцом, развеял представление русских об этой стране как «земном рае», где все счастливы и «нет ни татя, ни разбойника, ни завидлива человека». С болью рассказывает Афанасий Никитин о войнах, потрясавших Индию; он глубоко переживает свое положение «гарипа», неполноправного чужеземца. В изображенной им Индии царят социальное неравенство и религиозная рознь: «сельские люди очень бедны, а бояре власть большую имеют и очень богаты»; мусульманский хан «ездит на людях», хотя «слонов у него и коний много добрых»; «а разных вер люди друг с другом не пьют, не едят, не женятся».

Русского путешественника поражают нравы и быт чужой страны. В путевых записках он отмечает, что кожа у местных жителей «черна» («Куда я ни иду, за мною людей много, да дивятся белому человеку»); «мужчины и женщины все нагие», «а дети рождаются каждый год»; в пищу употребляют много «трав розных» и едят правою рукою. Подробно описывает автор «Хождения» роскошь султанского дворца, вооружение индийской армии, особенности климата страны, ежегодный базар близ Бидара, куда он отправляется, чтобы «посмотреть товаров на Русскую землю». С полным правом можно говорить об энциклопедичности содержания путевых записок Афанасия Никитина. Строгий документализм изложения в «Хождении» нарушает включение местных легенд о птице «гукук», которая предвещает человеку смерть, и об обезьяньем князе, имеющем свое войско: если кто обезьян обидит, они жалуются своему князю, а тот посылает на обидчика рать; «и они, к городу придя, дома разрушают и людей убивают».

Путевые записки Афанасия Никитина имеют автобиографический характер, причем особого рода. Они передают душевные переживания и настроения автора. На чужбине у русского путешественника обостряется чувство родины, причастности к православному миру. Далекий от религиозного

фанатизма, он признает священное право других народов верить в своих богов, описывает буддийские святыни в Парвате, мусульманские обычаи, индийские касты, замечая, что «правую веру» только «Бог ведает». На чужбине Никитин сохраняет верность родине, образ которой свято хранит в своем сердце: «Русская земля, да будет Богом хранима!.. На этом свете нет страны, подобной ей, хотя вельможи Русской земли несправедливы. Да станет Русская земля благоустроенной и да будет в ней справедливость!» Однако вернуться в родную Тверь Афанасию было не суждено, он умер на пути домой, «Смоленска не дошед».

«Хождение за три моря» необычно по своему стилю. Ему чужда риторическая украшенность, основу его составляет разговорная речь, причем русские слова перемежаются в ней с иностранными (арабскими, персидскими, турецкими). Появление в тексте «Хождения» иноязычных элементов, в том числе и в молитвословиях, объясняется либо тем, что этого требовало изображаемое автором чужое для него пространство, либо тем, что не по-русски Афанасий записывал свои не вполне ортодоксальные мысли по религиозным и политическим вопросам. Для стилевой манеры путевых записок об Индии характерны предельный лаконизм и точность описаний. В книге тверского купца, дилетанта в литературном деле и поэтому свободного от канонов церковно-учительной и официальной светской литературы, намечались новые пути в развитии формы «хождения». Они были связаны с процессом обмирщения жанра, активизацией его взаимодействия с деловой прозой, а также ростом автобиографического начала.

XV век в истории русской литературы ознаменован растущим интересом к беллетристическому чтению, к жанру историко-легендарной повести, особенно той ее разновидности, где главной проблемой является вопрос о характере власти и нравственном облике правителя. Эта свойственно, например, «Повести о мутьянском воеводе Дракуле», созданной в конце XV века дьяком Федором Курицыным. Известный еретик и крупнейший дипломат, он возглавлял в 80-е годы русское посольство в Венгрию и Молдавию. Там он мог услышать предания о Дракуле и использовать их в своей повести.

На первый взгляд, произведение — типичная историче-

ская повесть. У героя повести есть реальный прототип — правитель Румынии XV века Влад, по прозвищу Цепеш («сажатель на кол») или Дракула (то есть «Дьявол»), о жестокости которого в Европе ходило много легенд. «Повесть о Дракуле» — оригинальная обработка одного из «бродячих сюжетов» мировой литературы, отличающаяся от немецких и венгерских произведений на эту тему.

Написанная в форме посольской «отписки», повесть состоит из ряда рассказов, похожих на исторические анекдоты, в основе которых лежит диалог. Судьба того, кто ведет беседу с Дракулой, мудрым, не терпящим обмана и лицемерия правителем, часто зависит от его находчивости и смелости. Одним из главных мотивов повести является мотив испытания, «соревнования умов», ибо жестокость в Дракуле сочетается с остроумием, его речи загадочны, иносказательны. Прежде чем сжечь нищих, он спрашивает их, хотят ли они стать «беспечальными» и ни в чем не испытывать нужды, подразумевая, что только смерть может избавить человека от всех бед и забот.

Грозный владыка искореняет зло в своей земле, в какой бы форме оно ни встречалось: ленивой жене, чей муж ходит в рваном платье, по его приказу отрубаят руки; он велит казнить воинов, раненных в спину, а посла, не снявшим перед ним шляпы, прибить их к головам; сжигая нищих и калек, Дракула делает свое государство богатым, а народ здоровым.

Ученые по-разному определяли идейный смысл «Повести о Дракуле»: одни видели в ней осуждение тирании, усматривая в «шутках» Дракулы отрицание самого принципа нравственной нормы, другие — апологию сильной власти. Существование столь противоположных мнений объясняется тем, что «Повесть» — произведение беллетристики, а не публицистики, где автор прямо высказывает свое отношение к герою. «Повесть» выносила на всенародное обсуждение вопрос о том, каким подобает быть русскому государю, милостивому или «грозному», вопрос, который станет одним из главных в русской публицистике грядущего столетия.

XVI столетие — век торжества идеи централизации русских земель вокруг Москвы, образования многонационального по своему характеру государства, которое по своим размерам начинает превосходить Священную Римскую империю, Францию, Англию, Испанию — могущественные европейские державы того времени. Возникает и крепнет

уверенность в том, что Московское государство превращается в центр всего православного мира. В связи с завоеванием Османской империей Византии и порабощением южнославянских стран, а также в связи с ростом национального самосознания русского народа складывается концепция «Москва — третий Рим», афористически сформулированная в послании старца Филофея на звездочетцев, немецких астрологов: «Два убо Рима падоша, а третий стоит, а четвертому не быти» (два Рима — это павшие Римская и Византийская империи, преемницей которых мыслится Московское государство).

На XVI век приходится небывалый расцвет публицистики, что объяснялось остротой социально-политической борьбы эпохи. Ее реформаторский дух в условиях, когда Русская земля «замешалась» и «старые обычаи поисшаталися», сказался в стремлении сделать решение государственных проблем предметом дискуссии. Русская литература XVI столетия находилась в поиске новых форм и средств воздействия на общественное сознание. Обновление жанровой системы во многом шло за счет размывания границ между художественной и дело

вой прозой, широким использованием жанров монастырского устава и духовной грамоты, дипломатического послания и церковного постановления. Их документальная форма легализовала появление публицистического вымысла, политических легенд.

В недрах русской публицистики стали складываться авторские стили, что ослабляло диктат единого для писателей жанрового канона, сдерживающий развитие литературы. Стиль сочинений главы «воинствующей церкви» Иосифа Волоцкого (ум. 1515) деловит и директивен, а главная задача творчества писателя — защита института монашества и привилегий церкви. Главный идейный противник Иосифа — Вассиан Патрикеев (ум. после 1531), известный государственный деятель, ставший монахом по неволе, обращает острие сатиры против монастырей, владеющих землями и живыми душами.

Самое яркое и сложное явление в русской публицистике XVI века — творчество Ивана IV Грозного (1530—1584). Стиль посланий царя не прост, богат контрастами. В нем сталкиваются разные языковые стили, прямо противоположные чувства: искренность и лицедейство, изысканность речи и грубая брань. Если Иосиф Волоцкий был способен менять стиль от послания к посланию в зависимости от адресата, то у Ивана Грозного эти изменения происходят в пределах одного произведения. Послание в Кирилло-Белозерский монастырь игумену Козьме «с братией» (1573) царь открывал в уничижительном для себя тоне: «Увы мне, грешному! Горе мне, окаянному! Ох мне, скверному! Кто я такой, чтобы покушаться на такое величие?» — вспоминая, что когда-то он думал о пострижении в этом монастыре, пытался организовать опричнину наподобие монашеского ордена. От роли «пса смердящего», худшего из грешников Иван Грозный резко переходил к обличению монастырских порядков: «А над гробом Воротынского церковь поставили — над Воротынским-то церковь, а над чудотворцем (Кириллом) нет.» Царя беспокоило, что ссыльные бояре пользуются в монастыре свободой и имеют привилегии. По его словам, и десятый холоп в келье боярина Шереметева ест лучше братии, которая обедает

в трапезной. Иван Грозный опасался превращения монастырей в оплоты боярской оппозиции. Вот почему он обращался к воспоминаниям о прошлом, когда в монастыре царил строгий устав. Ему, опоздавшему к ужину в летнюю пору, когда не отличить дня от ночи, келарь отказал в еде, с достоинством заявив: «... сейчас ночь, взять негде. Государя боюсь, а Бога надо больше бояться». В конце послания прорывается гнев царя, которого беспокоят «злобного ради пса Василья Собакина», «бесова сына Иоанна Шереметева», «дурака и упыря Хабарова» — опальных и ссыльных бояр.

Яркие приметы стиля Ивана Грозного — наличие бранной лексики («собацкий сын», «пес смердящий», «злобесный разум»), использование иронии, диалогичность структуры посланий, куда царь включает «чужую речь», приводит аргументы противников. В своих сочинениях, «кусательных» по стилю, он умело парирует обвинения в жестоких расправах над боярской оппозицией, сам обвиня бояр и в желании безраздельно властвовать в стране, и в смерти первой любимой жены — Анастасии Романовны Захарьиной, и в непочтительном отношении к царскому роду: для него мучительно воспоминание детства, когда боярин положил ногу в сапоге на кровать, где когда-то спали родители. Один из немногих писателей средневековья, Иван Грозный использует в публицистических целях автобиографические элементы, причем имеющие психологическую подоснову, касающиеся жизни человеческого сердца.

Неровность, дисгармоничность стиля царя не следует рассматривать как проявление невежества, необразованности Ивана Грозного. Воспитателями его были выдающиеся книжники XVI в. — поп Сильвестр и митрополит Макарий, причастные к созданию монументальных памятников той эпохи, «Домостроя» и Великих миней четких. Современники Ивана Грозного, и русские, и иноземцы, свидетельствовали, что царь был «в словесной премудрости ритор, естествословен и смышлением быстроумен», «в мудрости никим побежден бысть». Иван Грозный не был профессиональным писателем, его обращение к публицистике — одна из форм борьбы с инакомыслием. Царь верил в то, что слово так же действенно, как приказ и террор. В своем творчестве он не считался с литературными нормами и во многом опередил эпоху.

Литература XVI века в связи с процессом централизации русских земель и государственной власти стремилась свести в своды произведения предшествующих столетий, чтобы подытожить пройденный ею путь, и в этом плане она носила собирательный, обобщающий характер. Инициатором одного из крупнейших литературных предприятий эпохи стал митрополит Московский и всея Руси Макарий. Итогом многолетней работы созданной им «литературной академии» явились 12-томные Великие минеи чети. В них были включены не только памятники агиографии, но и «все чтомые книги, яже в Русской земле обретаются». Минеи чети митрополита Макария стали своего рода энциклопедией русской книжности, предназначенной для «душеполезного чтения», а совместная работа писателей по составлению свода сыграла огромную роль в ликвидации раздробленности в культурной жизни страны.

С деятельностью «ученой дружины» митрополита Макария связана история создания «Повести о Петре и Февронии Муромских», автором которой был известный церковный писатель и публицист XVI века Ермолай (в монашестве Еразм). Написанная по заказу митрополита Макария «Повесть», несмотря на огромную популярность муромских святых, канонизированных на церковном соборе 1547 года, не была включена в состав Великих миней чети, ибо ее содержание резко расходилось с традиционными нормами житийного канона. Вместо религиозных подвигов святых здесь рассказывалась история любви крестьянской девушки из Рязанской земли и муромского князя. Причем именно в этой земной любви автор видел высшую ценность жизни, способную преодолеть все социальные преграды и церковные условности.

«Повесть» состоит из нескольких самостоятельных эпизодов-новелл и имеет анфиладную структуру. Первая часть — вступительная, объясняет мотивы болезни Петра. В основе ее лежит «любовный треугольник»: к жене муромского князя Павла летает Змей-обольститель, принимая облик ее мужа. Княгиня сообщает об этом Павлу и по его совету выведывает тайну смерти врага, которому суждено погибнуть «от Петрова плеча, от Агрикова же меча». Ермолай-Еразм творчески использует мотив змеборчества, хорошо известный в

русском героическом эпосе. Змей не вредит населению Мурома, лишен былинно-сказочной мощи и низведен до роли любовника. Победа Петра над Змеем не имеет общерусского, государственного значения, у нее другой масштаб: змеборчество — личный подвиг героя, совершенный ради семейного счастья брата. В произведении встречаются и такие сюжетные повороты, которые не имеют аналогов в народном творчестве. Например, автор «Повести» нарушает сказочный обычай: Петр, победив Змея, не обретает жены брата, поединок не завершается свадьбой. От крови Змея тело Петра покрывается язвами, герой заболевает. Описание поединка князя со Змеем лишено сказочной обрядности — в «Повести» отсутствует похвальба Змея и сдержанный ответ на нее героя. В отличие от фольклорных образцов тема змеборчества решается в психологическом ключе: сложность положения, в которое попал Петр, острота его переживаний связаны с тем, что он должен убить Змея, принявшего облик любимого старшего брата.

Вторая часть, центральная, раскрывает историю взаимоотношений между Петром и «мудрой девой» Февронией. Истинным героем ее является не муромский князь, способный на обман, идущий на поводу у спесивых бояр, а крестьянка-целительница, что свидетельствует о демократизации житийного героя, о процессе постепенного обмирщения агиографии. Феврония — носитель крайне активной жизненной позиции, воплощение народной мудрости и душевной красоты. Она обладает магической связью с миром природы, ей присущ дар исцелять людей, приручать зверей. Речи девушки поэтически образны и загадочны, требуют истолкования. По словам Февронии, в ее доме нет «ушей и очей», то есть собаки и ребенка, а родители ушли «плакать взаимы», то есть на похороны. Деятельная натура Февронии отличает ее не только от смиренных праведниц русских житий, но и от сказочных «мудрых дев» («Семилетка», «Стрижена девка»), которые никогда не выставляют бранных условий, вступая в «соревнование умов» с царем, паном, судьей, те сами берут их в жены. Феврония же добивается этого, преодолевая сопротивление князя и никогда не упрекая Петра в малодушии и нарушении им обещания.

Конфликт между Февронией и ее будущим мужем не

является главным в произведении. Вторая часть «Повести» завершается свадьбой, но «худородие» жены Петра рождает новый конфликт — между князем и боярством. Боярские жены не могут примириться с тем, что должны подчиняться простолюдинке, которая по крестьянской привычке после еды собирает крошки в ладонь, зная цену хлеба. В третьей части жития Феврония изгоняется боярами из Мурома; как самое дорогое в жизни, она берет с собой мужа. Для княжеской семьи начинается период скитаний; лишь после того, как в борьбе за муромский стол «многие вельможи в городе погибают от меча», Петр и Феврония возвращаются на княжение. Антибоярская направленность «Повести» сближает ее с лучшими памятниками русской публицистики XVI века.

Агиографическое начало становится ведущим в четвертой части «Повести», которая ближе всего к житийному канону: герои состарились и постриглись в монахи, обещав друг другу умереть в один день. Однако и этой части присуща сюжетная напряженность, психологическая сложность внутреннего конфликта. Февронии приходится выбирать между обетом Богу, богоугодной деятельностью монахини, вышивающей «воздух» (пелену для святой чаши), и обещанием, данным мужу, уйти из жизни вместе с ним. Узнав, что Петр умирает, Феврония просит мужа повременить, однако тот не в силах отсрочить смерть. И тогда Феврония выбирает главное — воткнув иголку в холст и обмотав ее ниткой, она умирает вместе с Петром. Бог вопреки всем церковным канонам освящает супружескую любовь и верность, соединяя тела муромских святых в едином гробе. Таким образом, в «Повести» поэтизируется земная любовь, служение ближнему расценивается как жизненный подвиг, переосмысливается само понятие «святость». Сложность жанрово-стилевой природы произведе-

ния, где причудливо переплетаются традиции фольклора и агиографии, переводной новеллистики и отечественной публицистики, превращают «Повесть» в поэтический шедевр, стоящий в преддверии художественных открытий русской романистики.

Рост внимания к частной жизни человека, к проблемам не только бытийного, общегосударственного масштаба, но и бытового, семейного характера отразил «Домострой» — монументальный памятник XVI века, составление которого приписывают духовному наставнику Ивана IV попу Сильвестру. «Домострой» состоял из трех частей: первая учила, «как веровать» и «как царя чтить»; вторая давала советы, «како жить с женами и с детьми и с домочадцами»; третья касалась хозяйственных вопросов — «домовного строения». Стиль «Домостроя» не лишен образности, богат живыми интонациями разговорной речи, близок к пословицам и поговоркам. «Домострой» наставлял, что гостя надобно «почтити, напоити, накормити, добрым словом привечать и ласковым приветом», что двор следует содержать в порядке, он должен быть «крепко горожен... а ворота всегда приперты, а собаки бы стороживы», что в случае ссоры нельзя противника «ни по уху, ни по видению бити, ни под сердце кулаком». «Домострой» завершал ряд назидательных произведений древнерусской литературы, который открывали «Завещание» Ярослава Мудрого и «Поучение» Владимира Мономаха.

XVII век вошел в русскую историю как переходный от средневековья к новому времени, «бунташный». Начало столетия называют Смутным временем из-за кризиса царской власти, разразившегося после смерти Федора Ивановича, последнего правителя из дома Калиты, «самозванщины» и польско-шведской интервенции. После Земского собора 1649 года, по Уложению которого произошло окончательное закрепощение крестьянства, трудовые массы «оскудели и обнищали до конца» — так писалось в одной из челобитных. После подавления первой крестьянской войны под предводительством Болотникова страну сотрясает серия новых волнений: «чумные» и «медные» бунты сменяются казацкими и крестьянскими

выступлениями в Поволжье; в конце 60-х — начале 70-х годов разгорается вторая крестьянская война под руководством Степана Разина.

Вооруженная борьба посадских людей и крестьян против феодалов нуждалась в идеологическом обосновании. Официальная церковь, сама являвшаяся крупнейшим феодалом, стояла на страже существующего миропорядка, проповедовала в народе смирение и покорность, осуждая все формы борьбы против светской и духовной власти. Однако русская церковь в XVII веке не была единой, церковный раскол 1654—1655 годов разделил ее на два враждующих лагеря: старообрядцев и сторонников Никона.

В реформе, проведенной Никоном и вызвавшей раскол, нельзя видеть лишь внешний конфликт между старообрядцами и приверженцами обновленной церкви, а сам конфликт сводить только к тому, как креститься (двумя или тремя перстами), какие поклоны класть в церкви (земные или поясные), как писать имя Христа (Исус или Иисус) и строить культовые здания. Необходимо видеть в старообрядчестве выступление против неограниченной власти, светской и церковной. Старообрядцы были против ориентации русской церкви на иноземные образцы, защищая веру отцов и дедов, они отстаивали национальную самобытность, традиционный уклад жизни. Выражая социальный протест в религиозной форме, старообрядцы видели свой идеал в прошлом, выступали против всего нового, стараясь воспрепятствовать европеизации русской жизни. Таким образом, русское старообрядчество — явление сложное и внутренне противоречивое.

Старообрядческая среда была богата талантами, из нее вышли многие самобытные писатели, и прежде всего протопоп Аввакум (1620—1682), автор знаменитого жития-автобиографии. Сын сельского священника из Нижегородской земли, начавший службу дьяконом в селе Лопатицы и через десять лет ставший протопопом Вознесенской церкви в Юрьевце Повольском, Аввакум рано оказался вовлеченным в религиозно-политическую борьбу эпохи. Вступая в конфликт то с местными начальниками, то с прихожанами, недовольными строгим пастырем, он не раз бежал в Москву. Здесь Аввакум сблизился с членами кружка

«ревнителей благочестия», главная задача которого — возрождение былого нравственного авторитета церкви. Не приняв церковной реформы патриарха Никона, Аввакум большую часть жизни провел в тюрьмах и ссылках. Сосланный в Сибирь, а затем в Даурию, почти одиннадцать лет (1653—1664) протопоп терпел невероятные лишения и голод, видел, как страдает его семья. Дух бунтаря и правдоискателя не смогли сломить ни жестокие расправы с ним воеводы Пашкова, ни смерть детей. В сибирской ссылке родилась его слава мученика за веру, развился его талант проповедника. Попытки склонить Аввакума лестью и богатыми дарами к примирению с властями после его возвращения в Москву окончились неудачей. В 1667 году протопоп был лишен церковного сана, предан проклятию и сослан в Пустозерск, где произошло становление его как писателя.

Аввакум — автор более 80 произведений, часть из которых до нас не дошла. Будучи традиционалистом в области церковной жизни, он стал новатором в литературном деле. В «Житии», которое Аввакум создал в пустозерской тюрьме, «понуждаемый» к этому своим духовным отцом, старцем Епифанием, он выступил сразу в двух ролях: как писатель и как герой, вводя в русскую литературу новый тип — «святого грешника», внутренне противоречивый, но до боли жизненный. Двойственная структура образа Аввакума в «Житии» приводила к столкновению в произведении двух планов повествования: торжественной проповеди и покаянной исповеди. В стиле же высокое, книжно-библейское соседствовало с низким, народно-бытовым. Аввакум не «уничуждал природного русского языка», а брал на вооружение весь арсенал его средств, от церковнославянизмов до площадной брани.

Устойчивый в «Житии» мотив телесной наготы не только реалия тюремного быта, но и символ обнаженной души, неподдельной искренности чувств. Повествование постоянно сопровождают авторские ремарки типа «ох, горе мне», «увы мне, грешному». Традиционная в агиографии сцена искушения святого блудницей для Аввакума интересна не тем, как герой преодолевает зов плоти (положил руку на пламя свечи), а тем, что он переживает в процессе грехопадения и нравственного возрождения. Автор показывает внутренний мир человека,

дает психологическое описание героя, которому «горко было» впасть в искушение, «зело скорбен» пришел он домой, «падох на землю на лица своем, рыдаше горце», до полуночи «плакався» пред образом, «яко и очи опухли». Акцентируя внимание на глаголах внутреннего действия, словах экспрессивно-эмоционального характера, Аввакум создает особую лирическую атмосферу— атмосферу сопереживания, что отражает близость как автора к герою, так и героя к читателю.

Схематизм и безликость неприемлемы для писателя, когда он рисует образ своей верной спутницы Анастасии Марковны, многие годы делившей с ним все тяготы жизни. Образ жены он раскрывает через действие, яркие диалогические сцены. Во время бури на Тунгуске, когда дощаник «налился среди реки полон воды, и парус изорвало, — одны полубы над водою, а то все в воду ушло», она, простоволосая, «на полубы из воды робят кое- как вытаскала», пока Аввакум, «на небо глядя», кричал: «Господи, спаси! Господи, помози!» Когда, возвратившись в Москву, муж мучительно делал выбор между семейным покоем и служением вере («Жена, что сотворю? Зима еретическая на дворе; говорить ли мне, или молчать? Связали вы меня!»), именно Анастасия Марковна благословила его на трудный путь: «...держай проповедати слово Божие по-прежнему, а о нас не тужи... Поди, поди в церковь, Петровичь, — обличай блудню еретическую!» Образ Марковны исторически, социально и психологически конкретен, он не очищен от сомнений и колебаний. «Дольго ли муки сея, протопоп, будет?» — «пеняет» она мужу, когда силы покинули ее во время многодневного перехода по льду Нерчи-реки.

«Житие» насыщено сатирическими портретами врагов Аввакума, прежде всего его идейных противников — патриарха Никона и сторонников церковных нововведений. Нарушая закон евангельского всепрощения, Аввакум грозил мучителям: «Воли мне нет, да силы — перерезал бы... мирских жрецов всех, что собак... развешал бы по дубью». Страстный правдоискатель и народный заступник, он был убежден, что за «мирскую правду... подобает душа своя положить», с горечью признавая: найти правду можно лишь в огне или в тюрьме, — и доказал это своею жизнью, где не было расхождения между

словом и делом.

Появление «Жития» — закономерный результат развития автобиографического начала в русской литературе, где предтечами Аввакума выступают Владимир Мономах и Иван Грозный. Новаторство Аввакума сказалось в том, что он написал не публицистическое сочинение с вкраплением автобиографических элементов, а цельное жизнеописание. Причем автор-герой «Жития» — сын сельского священника-пьяницы, а не представитель княжеского или царского рода. Это свидетельствовало о демократизации литературы и эмансипации творческой личности.

Новый тип святой представляет «Житие Ульянии Осорбиной». Дочь ключника, рачительная хозяйка, любящая жена и мать — Ульяния совершает свой подвиг в миру. Она так занята работой по дому, воспитанием детей и заботой о стариках, родителях мужа, что ей и помолиться некогда. Тяжелая женская доля приравнивалась к подвигу авторитетных святых, служение ближним возводилось в идеал поведения человека. Образ святой достоверен, согрет искренним чувством любви, так как автор жития — сын Ульянии, хорошо знавший особенности характера и историю жизни своей матери.

О наметившемся интересе литературы XVII века к «маленькому человеку» можно судить по «Повести о Горе-Злочастии». Ее герой — безымянный Молодец, презревший родовые устои жизни и заветы отцов и поэтому впавший в «наготу и босоту безмерную». Русского грешника, пропившегося до «гуньки кабацкой», автор ставит в один ряд с Адамом и Евой, которые нарушили «заповедь Божию, вкусили плода виноградного». Обращение к библейской истории грехопадения первых людей должно было подчеркнуть всеобщий и вечный характер изображаемого в «Повести». «Срам» мешает «блудному сыну» вернуться в отчий дом, и герой идет «на чужу страну», где своим умом и трудом наживает большое состояние, следуя советам «добрых людей»: «Не буди ты спесивъ...

покорися ты другу и недругу, поклонися стару и молодцу... не лети ты межъ други и недруги... держися истинны с правдою».

Сгубило Молодца «гнило слово похвалное». Горе, явившись в образе архангела Гавриила, убедило его в том, что

семейное счастье и богатство таят опасность («быть тебе от невесты истравлену... из золота и серебра быть убитому»), а истинное блаженство — быть пьяным и нищим: «Да не бьют, не мучать нагих-босых и из раю нагих-босых не выгонять». Судьба Молодца не родовая, а индивидуальная судьба человека, «горькая» и «злостная». От этой «злой доли», персонифицированной в образе Горя, своеобразного двойника героя, нельзя скрыться: «Молодец полетел сизым голубем, а Горе за ним серым ястребом... Пошел Молодец в море рыбою, а Горе за ним с щастыми неводами». Оно идет с ним по дороге жизни- «под руку под правую, научает Молодца богато жить, убити и ограбить». Только высокие стены монастыря спасают героя от Горя-Злостности, при этом монашество для Молодца — вынужденный поступок.

Герой «Повести» — человек, отвергающий этические нормы рода и естественную потребность его продолжения. Однако этот бродяга, пьяница и хвастун, в полном смысле слова «падший человек», пользуется сочувствием автора. Читатель также сопереживает герою, попытавшемуся жить своим умом, но заблудившемуся в лабиринте мира.

Для литературы ХУЛ столетия характерен процесс социальной дифференциации, деления ее на официальную, культивировавшую новые формы поэзии и драматургии, и демократическую, близкую к фольклору, сатирически заостренную. Появление сатиры — одна из основных примет литературного процесса XVII века. Оно было связано с обострением классовых противоречий в стране, с открытием внесловной ценности человека, а также с потребностью в обобщении опыта сатирического изображения, накопленного в фольклоре и литературе предшествующих столетий.

Русская сатира уже в период становления носила не отвлеченно-морализаторский характер, а была социально острой, поднималась от обличения частных злоупотреблений властью до критики основ существующего миропорядка. Объектами сатирического изображения становились как общечеловеческие пороки (лень, пьянство), так и социальные, исторически обусловленные (продажность судей, безнравственность и лицемерие духовенства, обнищание народа и спаивание его в «царевых кабаках»). Создатель «Повести о бражнике» подвергал сомнению даже догматы

христианской церкви, изображая апостолов и святых великими грешниками, недостойными пребывания в раю. Им противопоставлен бражник, который «всяким ковшем» выпитого им вина прославлял Бога, а не прелюбодействовал, как царь Давид, никого не убивал, как апостол Павел, не отрекался от учителя, как апостол Петр. Бражник свято верит в евангельскую заповедь: «друг друга любляй, а Бог всех любит», и она открывает перед ним двери рая, где ему уготовано лучшее место. Показывая нравственное превосходство пьяницы над праведниками, «Повесть» заставляла сомневаться в правомерности культа святых, почитаемых христианской церковью.

Авторами сатирических произведений в XVII в. были выходцы из посадской среды, крестьянства и «плебейской» части духовенства, поэтому так часто они использовали для своих сочинений жанры деловой письменности и фольклора. Сказочная традиция сильна в сатирической «Повести о Шемякиной суде», где действие происходит в «некоих местах»; легко узнаваемы как сказочные типы герои «Повести» — безымянные братья, бедный и богатый; сам мотив обмана судьи хорошо известен в мировом фольклоре. Трижды бедняк преступает закон: калеча чужую лошадь, случайно убивая младенца, а затем старика. И в суде его ждут три приговора, которые служат зеркальным отражением совершенных им преступлений, что характерно для судебной практики XVII века, где за убийство полагалась смерть, за поджог — сожжение и т. п. Согласно решению судьи бедняк должен владеть лошадей, пока у нее не вырастет новый хвост, жить с попадьей, пока та не родит ребенка, испытать судьбу, встав под мостом, откуда на него должен прыгнуть сын убитого. Понят-

но, почему все три истца откупаются от бедняка и он становится богатым. Неправедный судья Шемяка, чье имя стало нарицательным, оправдал виновного, так как тот во время суда показывал ему узелок, однако вместо золота в узелке оказался камень. Шокирующая своей неожиданностью развязка— примета новеллистического сюжета, своеобразие которого заключается в том, что три новеллистические сюжетные линии (три преступления бедняка) связываются в один сюжетный узел сценой суда.

Главным объектом сатиры в «Повести о Шемякиной суде» является не судья-взяточник, не изъяны законодательной системы, но мир, который словно вывернут наизнанку, мир, где преступник может быть оправдан и вознагражден. Образ бедняка нельзя толковать только как образ неудачника, которого преследуют несчастья. Есть и его вина в случившемся. Следует задуматься над тем, почему «богатый постоянно ссужал бедняка, но тот по-прежнему жил скудно». Невольный грех бедняка — убийство младенца и старика — готов стать осознанным актом, когда герой замысливает самоубийство или грозит судье камнем, завязанным в узелок, поэтому оправдательный по своей сути приговор суда не столько комическая развязка сюжета, сколько трагикомическая. Это следствие нравственного нездоровья общества, алогизма законов, по которым оно живет.

В литературе XVII века устанавливаются новые отношения между историческим и вымышленным. С одной стороны, историческое повествование дорожит документальной точностью изображения, будь то события Смутного времени или борьба казаков за крепость Азов. С другой стороны, историческая проза этого времени обретает публицистическую заостренность, начинает отражать авторский, подчас далекий от официального, взгляд на историю. В «Сказании» келаря Троице-Сергиева монастыря Авраамия Палицына предстает широкая картина «настроений» в Русском государстве периода Смуты. Это самозванщина и польско-литовская интервенция, междоусобицы и голод. Умерших от голода так много, что их тела, как дрова, везут на телегах; люди пытаются укрыться от разбоя в «дебрях непроходимых»; в условиях

военного времени в стране свирепствуют эпидемии, особенно в осажденных врагом городах.

Большая часть книги посвящена героической обороне Троице-Сергиева монастыря (1608—1610). С былинным размахом Авраамий Палицын описывает ратные подвиги Анания Селевина, бой между русским воинством и литовскими гетманами, однако не чуждается и изображения военных будней. Автор рассказывает, как поляки ведут подкоп и в ожидании штурма пируют, а «литва» совершает набеги на монастырский огород. Троицкая обитель для Авраамия Палицына — форпост Русской земли, сдерживающий удар интервентов по «царствующему граду» Москве. Он уверен в победе русских, ведь на стороне осажденных «небесное воинство» во главе с Богородицей и Сергием Радонежским.

Исторические повести в XVII веке начинают дополняться вымышленными сюжетными ходами; факты русской истории соединяются с мотивами сказок и легенд (цикл повестей о начале Москвы, об убиении царевича Димитрия и др.). «Повесть о Тверском Отроче монастыре» рассказывает, как невеста в день свадьбы отвергает своего жениха и неожиданно для всех выходит замуж за другого. Потрясенный изменой, Григорий становится отшельником, основывает Отроч монастырь, но не в силах забыть любимую, вскоре умирает. Любовь объединяет героев «Повести», однако одним она приносит счастье, другим — страдания. В сложившейся драматической ситуации, когда двое мужчин влюблены в одну женщину, никто не виноват, поэтому в «Повести» тема любви перерастает в тему судьбы, обретает философское звучание. Светский характер произведения подчеркивает то, что причиной основания Отроча монастыря является не благочестие героя, а его несчастная судьба.

В «Повести о Савве Грудцыне» вымышленный любовный сюжет прочно вписан в исторический контекст эпохи. Савва Грудцын — купеческий сын, герой своего времени, ибо XVII столетие — «золотой век» русского купечества. Широки географические рамки перемещений Саввы, что отражает идущий в XVII веке процесс освоения новых земель, борьбу купечества за новые рынки сбыта, а также растущую активность литературного героя, который находится в беспорывном движении, меняя не только место пребывания,

но и социальный статус (купец — солдат — монах). Отец Саввы, родом из Великого Устюга, во время Смуты переезжает вместе с семьей в Казань, распространяя свою торговую деятельность до самой Персии. Пройти испытание любовью к замужней женщине, жене друга отца Бажена Второго, Савве суждено в Орле, городе, расположенном на Каме. Позднее герой участвует в исторически достоверной войне за Смоленск (1632 г.), а в конце жизни постригается в московском Чудовом монастыре.

•«Повесть о Савве Грудцыне» являет собой синтез вымышленного и реального. Герой продает душу дьяволу, чтобы вернуть любовь женщины, но в основе всепоглощающей страсти лежат вполне реальные причины: для женщины — это неравный брак (она молодая жена престарелого купца), для Саввы — это первая, поэтому такая пылкая, любовь, запретное, а потому еще более желанное, чувство. Средневековый сюжет о раскаявшемся грешнике лишается однозначного церковно-дидактического звучания. Не случайно исследователи определяют жанр произведения как светскую повесть, первый опыт русского романа.

Первым из европейских стилей, представленных в русской культуре, было барокко. Родиной барокко считается Италия; классической страной, где барокко достигло вершины в своем развитии, — Испания. На Русь барокко пришло из Польши через посредничество Украины и Белоруссии. Если на Западе оно противостояло ренессансу в попытке реставрации средневековья, то в русской культуре барокко сменило средневековье и приняло на себя функции ренессанса. Оно содержало оптимистический пафос и просветительскую направленность, утверждая, что жизнь человека — не сон разума и юдоль страданий, а увлекательное путешествие с целью познания и «пиршество» удовольствий. Барокко сформировало в русской литературе новый тип героя — ловца Фортуны, любознательного и предприимчивого человека, умеющего противостоять ударам судьбы и наслаждаться радостями жизни. Эти черты в петровское время воплотятся в русском дворянине Фроле Скобееве, живущем по принципу «буду полковник или покойник», в российском матросе Василии Кориотском, сумевшем добиться богатства и власти.

Барокко возникло на Руси в то время, когда на Западе

утверждало свои позиции искусство классицизма, поэтому граница между этими стилями в русском искусстве была размыта, условна. Русское барокко прославляло разум, науку и образование. Один из первых просветителей и поэтов барокко в России, Симеон Полоцкий (1629— 1680), собрал вокруг себя кружок писателей-профессионалов, вместе с учеником Сильвестром Медведевым мечтал об учреждении в Москве университета. Другой его сподвижник Карион Истомин возглавил работу Печатного двора, где издал свои «Буквари».

При всей элитарности барочное искусство было обращено к народу, служило целям его образования и воспитания. В поэтическом сборнике Симеона Полоцкого «Вертоград многоцветный» содержалось более тысячи названий, причем под одним заглавием мог идти целый цикл стихотворений, посвященных разным темам: от строения вселенной до описания драгоценных камней, а сам сборник походил на энциклопедический словарь, где стихи располагались по тематическим рубрикам, а внутри них — по алфавиту названий. На букву «С», например, шли стихи, обличающие, часто на исторических примерах, человеческие недостатки («Сквернословие», «Скупость»), толкующие нравственные понятия («Слава», «Совість»), знакомящие с библейскими героями и сюжетами («Соломон»), с экзотическими животными («Скорпий») и природными стихиями (землей, воздухом, водой и огнем). Разные по жанрам, темам, источникам стихотворения были связаны авторским замыслом — показать многообразие мира в его единстве. Таким образом, книга начинала напоминать музей «раритетов» и «курьезов» природы, коллекцию людей разных сословий и профессий, обладающих достоинствами и пороками. Насыщаясь научным и публицистическим материалом, историческими и географическими сведениями, поэзия барокко стремилась выйти за границы литературы.

Излюбленный постулат барокко: жизнь есть сцена, а люди — актеры, в немалой степени способствовал развитию драматургии и рождению русского театра. Новой государевой «потехой» стал придворный театр царя Алексея Михайловича, возникший в 1672 году. Первые пьесы на русской сцене — пьесы на библейские и исторические сюжеты: «Артаксерово действо», «Иудифь», «Ге

мир-Аксаково действо» и др. Связанные с искусством декламации и сценического действия, музыки и танца, театральных костюмов и декораций, они были носителями новой культуры, светской по своему характеру.

Симеон Полоцкий получил известность как автор «Комедии» о блудном сыне и «Трагедии» о царе Навуходоносоре. Написанная на евангельский сюжет, «Комедия» содержала конфликт, типичный для России второй половины XVII века, когда «дети», тяготясь родительской опекой, не хотели в «послушании живот свой кончати», а мечтали «весь мир посещати». Лишившись в чужих краях богатства, блудный сын, чтобы не пропасть, вынужден вернуться под родительский кров.

Юным се образ старейших слушати,
На младый разум свой не уповати, —

поучает автор, адресуя этот «урок» прежде всего тем, кто поверхностно, в уродливой форме осваивал западноевропейскую культуру. Небольшой объем пьесы, простота композиции, условность места действия, малое число персонажей, безымянных с целью усиления художественного обобщения, отсутствие аллегорических фигур — все это сближало «Комедию» с популярными в то время школьными драмами и обеспечило ей успех. В 1685 году пьеса вышла в Москве отдельной книжкой, где текст сопровождали многочисленные иллюстрации. «Трагедия» о царе Навуходоносоре — инсценировка библейского рассказа из Книги пророка Даниила — была посвящена проблеме нравственного облика правителя, позднее занимавшей А. П. Сумарокова в «Димитрии Самозванце» и А. С. Пушкина в «Борисе Годунове». «Трагедия» обличала царя-тирана и утверждала идеал мудрого и справедливого правителя, каким для Симеона Полоцкого являлся Алексей Михайлович.

Барокко укоренило в русской литературе поэзию, обогатив ее новыми стихотворными формами. Поэзия Симеона Полоцкого и его учеников поражает жанровым многообразием. Диапазон форм предельно широк: от приветствий в адрес монархов до эпиграмм, надписей к изображениям и азбук в стихах. Барокко раскрепостило поэта, освободив от жестких жанровых канонов средневекового искусства, дало ему большую свободу в выборе формы произведения, создало условия для поэтического

эксперимента. Однако в процессе развития барочная форма стала преобладать над содержанием. Создание необычных стихотворений превратилось в словесную игру. Поэты барокко соревновались в сложении фигурных стихов в виде креста или сердца, ввели в моду «леонинские» стихи с рифмующимися полустушиями, которыми, например, написано стихотворение «Тело красно» Симеона Полоцкого:

Красное тело зрети весело; егда
растлится, мерзко явится...
Не люби тела и будетъ цела душа
конечно поживетъ вечно.

При сравнении с искусством средневековья и классицизма литература русского барокко кажется далекой от строгих норм и канонов, однако и в ней можно найти устойчивые, повторяющиеся темы, мотивы и образы. Прославляя просвещенного монарха, поэты уподобляли его орлу или солнцу, а Россию — небу. Симеон Полоцкий утверждал: «Вся ны, яко солнце, царь наш согревает, блюдет, освещает, як отец, питает». Сильвестр Медведев, мечтая обрести в царевне Софье покровителя науки и просвещения, обыгрывал значение, скрытое в имени правительницы:

Мудрости бо ти имя подадеся,
богом София мудрость наречеса.
Тебе бо с лично науки начати, яко
премудрой оны совершати.

Позднее эти идеи, стилистические формулы и приемы будут усвоены литературой русского классицизма, которая в отличие от Запада больше опиралась на художественное

наследие барокко, чем боролась против него. Таким образом, между литературой Древней Руси и литературой нового времени не существовало пропасти. Отношения между ними можно определить как активный и продуктивный творческий «диалог». В сознании русских писателей нового времени средневековая литература — «нравственный оплот и святая святых будущего многомиллионного народа» (*Д. Н. Мамин-Сибиряк*). Движение отечественной литературы от XI к XVIII веку убеждает нас в том, что русское средневековье — это время становления того духовного потенциала, который, реализуясь, позднее явит таланты Ломоносова и Державина, Пушкина и Достоевского, Бунина и Булгакова, поможет русской литературе не только догнать европейские, но и стать безусловным лидером мирового процесса художественного творчества.

Л. А. Ольшевская, С. Н. Травников

ПОВЕСТЬ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ

В сокращении

*Вот повести минувших лет, откуда пошла
Русская земля, кто в Киеве стал первым княжить
и как возникла Русская земля*

СОЗДАНИЕ СЛАВЯНСКОЙ АЗБУКИ

В год 6406 (898)*. ...Когда славяне жили уже крещеными, князья их Ростислав, Святополк и Коцел послали к царю Михаилу, говоря: «Земля наша крещена, но нет у нас учителя, который бы наставил и поучил нас, и объяснил святые книги; ибо не знаем мы ни греческого языка, ни латинского. Одни учат нас так, а другие иначе, от этого не знаем мы ни начертания букв, ни их значения. И пошлите нам учителей, которые бы могли нам рассказать о книжных словах и о смысле их». Услышав это, царь Михаил созвал всех философов и передал им все, что сказали славянские князья. И сказали философы: «В Се-луни есть муж, именем Лев. Имеет он сыновей, знающих славянский язык; два сына у него искусные философы». Услышав об этом, царь послал за ними к Льву в Се-лунь со словами: «Пошли к нам без промедления своих сыновей Мефодия и Константина*». Услышав об этом, Лев вскоре же послал их. И пришли они к царю, и сказал им царь: «Вот, прислала послов ко мне Славянская земля, прося себе учителя, который мог бы им истолковать священные книги. Ибо этого они хотят». И уговорил их царь, и послал их в Славянскую землю к Ростиславу,

Здесь и далее см. комментарии в конце каждого текста.
Святополку и Коцелу. Когда же братья эти пришли, начали они составлять славянскую азбуку и перевели Апостол и

Евангелие. И рады были славяне, что услышали они о величии Божьем на своем языке. Затем перевели они Псалтырь и Октоих и другие книги. И поднялись на них некие люди, роптали и говорили, что де «Ни одному народу не следует иметь свою азбуку, кроме евреев, греков и латинян, как в надписи Пилата, который на кресте Господнем написал только на этих языках». Услышав об этом, Папа римский осудил тех, кто ропщет на славянские книги, так говоря: «Да исполнится слово Писания: «Пусть восхвалят Бога все народы» и другое: «Пусть все народы восхвалят величие Божие, поскольку Дух Святой дал им говорить». Если же кто бранит *славянскую* грамоту, да будет отлучен от церкви, пока не исправится; это волки, а не овцы, их следует узнавать по поступкам их и беречься их. Вы же, дети, послушайте Божественного учения и не отвергните церковного поучения, которому поучал вас учитель ваш Мефодий». Константин же вернулся назад и отправился учить болгарский народ, а Мефодия оставил в Моравии. Затем князь Коцел поставил Мефодия епископом в Паннонии на столе святого Андроника — одного из 70 апостолов, ученика святого апостола Павла. Мефодий же посадил двух попов хороших скорописцев и перевел все книги полностью с греческого языка на славянский в шесть месяцев, начав в марте, а закончив 26 октября. Закончив же, воздал достойную хвалу Богу, давшему такую благодать епископу Мефодию, преемнику апостола Андроника; ибо учитель славянскому народу — апостол Андроник. До моравов же доходил и апостол Павел и учил там. Там же находится и Иллирия, до которой доходил апостол Павел и где первоначально жили славяне. Вот почему учитель славян — апостол Павел, из тех же славян — и мы, Русь; поэтому и нам, Руси, учитель Павел, так как учил славянский народ и поставил по себе для славян епископом и наместником Андроника. А славянский народ и русский един, от варягов ведь прозвались Русью, а прежде были славяне; хоть и полянами назывались, но речь была славянской. Полянами прозвались потому, что сидели в поле, а язык был им общий — славянский.

ХОЖДЕНИЕ АПОСТОЛА АНДРЕЯ ПО РУСИ

Когда Андрей* учил в Синопе и прибыл в Корсунь*, узнал он, что недалеко от Корсуни устье Днепра, и захотел отправиться в Рим, и проплыл в устье днепровское, и оттуда отправился вверх по Днепру. И случилось так, что он пришел и

стал под горами на берегу. И утром встал и сказал бывшим с ним ученикам: «Видите ли горы эти? На этих горах воссияет благодать Божья, будет город великий, и воздвигнет Бог много церквей». И взошел на горы эти, благословил их, и поставил крест, и помолился Богу, и сошел с горы этой, где впоследствии возник Киев, и отправился по Днепру вверх. И пришел к славянам, где нынче стоит Новгород, и увидел живущих там людей — каков их обычай и как моются и хлещутся, и удивился им. И отправился в страну варягов, и пришел в Рим, и поведал о том, как учил и что видел, и рассказал: «Удивительное видел я в Славянской земле на пути своем сюда. Видел бани деревянные, и разожгут их докрасна, и разденутся и будут наги, и обольются квасом кожевненным, и поднимут на себя прутья молодые и бьют себя сами, и до того себя добьют, что едва вылезут, чуть живые, и обольются водою студеною, и только так оживут. И творят это всякий день, никем же не мучимые, но сами себя мучат, и то совершают омовенье себе, а не мученье». Те же, слышав об этом, удивлялись; Андрей же, побыв в Риме, пришел в Синоп.

ЛЕГЕНДА ОБ ОСНОВАНИИ КИЕВА

Поляне* же жили в те времена отдельно и управлялись своими родами; ибо и до той братии (о которой речь в дальнейшем) были уже поляне, и жили они родами на своих местах, и каждый управлялся самостоятельно. И были три брата: один по имени Кий, другой — Щек и третий — Хорив, а сестра их была Лыбедь. Сидел Кий на горе, где ныне подъем Боричев, а Щек сидел на горе, которая ныне зовется Щековица, а Хорив на третьей горе, которая прозвалась по нему Хоривицей. И построили городок во имя старшего своего брата и назвали его Киев. Был кругом города лес и бор велик, и ловили там зверей, а были те мужи мудры и смыслены, и назывались они полянами, от них поляне и донныне в Киеве.

Некоторые же, не зная, говорят, что Кий был перевозчиком; был-де тогда у Киева перевоз с той стороны Днепра, отчего и говорили: «На перевоз на Киев». Если бы был Кий перевозчиком, то не ходил бы к Царьграду; а между тем Кий этот княжил в роде своем, и ходил он к царю, и великие почести воздал ему, говорят, тот царь, при котором он приходил. Когда же возвращался, пришел он на Дунай и

облюбовал место, и срубил городок невеликий, и хотел сесть в нем со своим родом, да не дали ему близживущие; так и доньне называют придунай-ские жители городище то — Киевец. Кий же, вернувшись в свой город Киев, тут и умер; и братья его Щек и Хорив и сестра их Лыбедь тут же скончались.

ВЗЯТИЕ ОЛЕГОМ ЦАРЬГРАДА

В год 6415 (907). Пошел Олег на греков, оставив Игоря в Киеве; взял же с собою множество варягов и славян, и чуди, и кривичей, и мерю*, и древлян, и радимичей, и полян, и северян, и вятичей, и хорватов, и дулебов, и тиверцев, известных как толмачи: этих всех называли греки «Великая Скифь». И с этими всеми пошел Олег на конях и в кораблях; и было кораблей числом 2000. И пришел к Царьграду; греки же замкнули Суд, а город затворили. И вышел Олег на берег, и начал воевать, и много убийств сотворил в окрестностях города грекам; и разбили множество палат, и церкви пожгли. А тех, кого захватили в плен, одних иссекли, других мучили, иных же застрелили, а некоторых побросали в море, и много другого зла сделали русские грекам, как обычно поступают враги.

И повелел Олег своим воинам сделать колеса и поставить на них корабли. И с попутным ветром подняли они паруса и пошли со стороны поля к городу. Греки же, увидев это, испугались и сказали через послов Олегу: «Не губи города, дадим тебе дани, какой захочешь». И остановил Олег воинов, и вынесли ему пищу и вино, но не принял его, так как было оно отравлено. И испугались

греки, и сказали: «Это не Олег, но святой Дмитрий*, посланный на нас от Бога». И приказал Олег дать дани на 2000 кораблей: по 12 гривен на человека, а было в каждом корабле по 40 мужей.

И согласились на это греки, и стали греки просить мира, чтобы не воевал Греческой земли. Олег же, немного отойдя от столицы, начал переговоры о мире с греческими царями Леоном и Александром и послал к ним в столицу Карла, Фарлафа, Бермуда, Рулава и Стемида со словами: «Платите мне дань». И сказали греки: «Что хочешь, дадим тебе». И приказал Олег дать воинам своим на 2000 кораблей по 12 гривен на уключину, а затем дать дань для русских городов: прежде всего для Киева, затем для Чернигова, для Переяславля, для Полотска, для Ростова, для Любеча и для прочих городов: ибо по этим городам сидят великие князья, подвластные Олегу. «Когда приходят русские, пусть берут содержание для послов, сколько хотят; а если придут купцы, пусть берут месячное на 6 месяцев: хлеба, вина, мяса, рыбы, плодов. И пусть устраивают им баню — сколько захотят. Когда же русские отправятся домой, пусть берут у царя на дорогу еду, якоря, канаты, паруса и что им нужно». И обязались греки, и сказали цари и все бояре: «Если русские явятся не для торговли, то пусть не берут месячное. Да запретит русский князь указом своим, чтобы приходящие сюда русские не творили ущерба в селах и в стране нашей. Прибывающие сюда русские пусть обитают у церкви святого Мамонта и, когда пришлют к ним от нашего государства и перепишут имена их, только тогда пусть возьмут полагающееся им месячное, — сперва пришедшие из Киева, затем из Чернигова и из Переяславля и из других городов. И пусть входят в город через одни только ворота в сопровождении царского мужа, без оружия, по 50 человек, и торгуют сколько им нужно, не уплачивая никаких сборов».

Итак, царь Леон и Александр заключили мир с Олегом, обязались уплачивать дань и ходили ко взаимной присяге: сами целовали крест, а Олега с мужами его водили к клятве по закону русскому, и клялись те своим оружием и Перуном — их богом, и Волосом — богом ско-

та, и утвердили мир. И сказал Олег: «Сшейте для Руси паруса из наволоков, а славянам полотняные». И было так! И повесил щит свой на воротах в знак победы, и пошли от Царьграда. И подняла Русь паруса из паволоков, а славяне полотняные, и разодрал их ветер. И сказали славяне: «Возьмем свои простые паруса, не дались славянам паруса из паволоков». И вернулся Олег в Киев, неся золото и паволоки, и плоды, и вино, и всякое узорочье. И прозвали Олега Вещим, так как были люди язычниками и непросвещенными. <...>

СМЕРТЬ ОЛЕГА ОТ СВОЕГО КОНЯ

В год 6420 (912). ...И жил Олег, княжа в Киеве, мир имея со всеми странами. И пришла осень, и помянул Олег коня своего, которого когда-то поставил кормить, решив никогда на него не садиться. Ибо когда-то спрашивал он волхвов и кудесников: «Отчего я умру?» И сказал ему один кудесник: «Князь! От коня твоего любимого, на котором ты ездешь, — от него тебе умереть!» Запали слова эти в душу Олегу, и сказал он: «Никогда не сяду на него и не увижу его больше». И повелел кормить его и не водить его к нему, и прожил несколько лет, не видя его, пока не пошел на греков. А когда вернулся в Киев и прошло четыре года, — на пятый год помянул он своего коня, от которого когда-то волхвы предсказали ему смерть. И призвал он старейшину конюхов, и сказал: «Где конь мой, которого приказал я кормить и беречь?» Тот же ответил: «Умер». Олег же посмеялся и укорил того кудесника, сказав: «Неправо говорят волхвы, но все то ложь: конь умер, а я жив». И приказал оседлать себе коня: «Да увижу кости его». И приехал на то место, где лежали его голые кости и череп голый, слез с коня, посмеялся и сказал: «От этого ли черепа смерть мне принять?» И ступил он ногою на череп, и выползла из черепа змея и ужалила его в ногу. И от того разболелся и умер он. Оплакивали его все люди плачем великим, и понесли его, и похоронили на горе, называемой Щековица. Есть же могила его и доньне, слывет могилой Олеговой. И было всех лет княжения его тридцать и три. <...>

НАЧАЛО КНЯЖЕНИЯ ИГОРЯ

В год 6421 (913). По смерти Олега стал княжить Игорь. В это же время стал царствовать Константин, сын Леона. И

затворились от Игоря древляне по смерти Олега. <...>

В год 6449 (941). Пошел Игорь походом на греков. И послали болгары весть царю, что идут русские на Царьград: 10 тысяч кораблей. ...Всю страну Никомидийскую попленили, и Суд весь пожгли. А кого захватили, — одних распинали, в других же, расстанавливая их как мишени, стреляли, хватали, связывали назад руки и вбивали железные гвозди в макушки голов. Много же и святых церквей предали огню, монастыри и села пожгли и с обеих сторон Суда захватили богатств немало. Затем пришли с востока воины — Панфир деместик с сорока тысячами, Фока патрикии с македонянами, Федор стратилат* с фракийцами, с ними же и сановные бояре, и окружили Русь. Русские же, посоветавшись, вышли против греков с оружием, и в жестоком сражении едва одолели греки. Русские же к вечеру возвратились к дружине своей и ночью, сев в ладьи, отплыли. Феофан же встретил их в ладьях с огнем и стал трубами пускать огонь на ладьи русских. И было видно страшное чудо. Русские же, увидев пламень, бросались в воду морскую, стремясь спастись. И так остаток их возвратился домой. И, придя в землю свою, поведали — каждый своим — о происшедшем и о ладейном огне. «Будто молнию небесную, — говорили они, — имеют у себя греки, и, пуская ее, пожгли нас; оттого и не одолели их». Игорь же, вернувшись, начал собирать множество воинов и послал за море к варягам, приглашая их на греков, снова собираясь идти на них походом.

В год 6452 (944). Игорь же собрал своих воинов многих: варягов, русь, и полян, и славян, и кривичей, и тиверцев, — и нанял печенегов, и заложников у них взял, — и пошел на греков в ладьях и на конях, стремясь отомстить за себя. Услышав об этом, корсунцы послали к Роману со словами: «Вот идут русские, без числа кораблей их, покрыли море кораблями». Также и болгары послали весть, говоря: «Идут русские и наняли с собою печенегов». Услышав об этом, царь прислал к Игорю луч

ших бояр с мольбою: «Не ходи, но возьми дань, какую брал Олег, прибавлю и еще к той дани». Так же и к печенегам послал паволоки и много золота. Игорь же, дойдя до Дуная, созвал дружину, и стал с нею держать совет, и поведал ей речь цареви. Сказала же дружина Игорева: «Если так говорит царь, то чего нам еще нужно, — не бившись взять золото, и серебро, и паволоки? Разве знает кто — кому одолеть: нам ли, им ли? Или с морем кто в союзе? Не по земле ведь ходим, но по глубине морской: всем общая смерть». И послушал их Игорь, и повелевал печенегам воевать Болгарскую землю, а сам, взяв у греков золото и ткани на всех воинов, возвратился назад и пришел к Киеву восвосяси.

В го^; 6453 (945). Прислали Роман, и Константин*, и Стефан послов к Игорю восстановить прежний мир. Игорь же говорил с ними о мире; и послал Игорь мужей своих к Роману. Роман же созвал бояр и сановников. И повели русских послов, и велели им говорить и записывать речи тех и других на хартию. <...>

Послы, посланные Игорем, вернулись к нему с послами греческими и поведали ему все речи царя Романа. Игорь же призвал греческих послов и спросил их: «Скажите, что приказал вам царь?» И сказали послы царя: «Вот послал нас царь, обрадованный миром, хочет он иметь мир и любовь с князем русским. Твои послы приводили к присяге нашего царя, а нас послали привести к присяге тебя и твоих мужей». Обещал Игорь сделать так. На следующий день призвал Игорь послов, и пришел на холм, где стоял Перун; и сложили оружие свое, и щиты, и золото и присягали Игорь и люди его, — сколько было язычников между русскими. А христиан русских приводили к присяге в церкви святого Ильи, что стоит над Ручьем в конце Пасынчей беседы: это была соборная церковь, так как было много христиан — варягов и хазар. Игорь же, утвердив мир с греками, отпустил послов, одарив их мехами, рабами и воском. Послы же пришли к царю и поведали ему все речи Игоря и о любви его к грекам.

Игорь же начал княжить в Киеве, мир имея ко всем странам. И пришла осень, и стал он замышлять поход на древлян, желая взять с них еще больше дани.

СМЕРТЬ ИГОРЯ И МЕСТЬ ОЛЬГИ ДРЕВЛЯНАМ

В го^ 6453 (945)^. В тот год сказала дружина Игорю:

«Отроки Свенельда изоделись оружием и одеждой, а мы наги. Пойдем, князь, с нами за данью, да и ты добудешь, и мы». И послушал их Игорь — пошел к древлянам за данью, и прибавил к прежней дани новую, и творили насилие над ними мужи его. Взяв дань, пошел он в свой город. Когда же шел он назад, поразмыслив, сказал своей дружине: «Идите с данью домой, а я возвращусь и пособираю еще». И отпустил дружину свою домой, а сам с малой частью дружины вернулся, желая большего богатства. Древляне же, услышав, что идет снова, держали совет с князем своим Малом: «Если повадится волк к овцам, то выносит все стадо, пока не убьют его. Так и этот: если не убьем его, то нас всех погубит». И послали к нему, говоря: «Зачем идешь опять? Забрал уже всю дань». И не послушал их Игорь. И древляне, выйдя из города Искоростеня против Игоря, убили Игоря и дружину его, так как было ее мало. И погребен был Игорь, и есть могила его у Искоростеня в Деревской земле и до сего времени.

Ольга же была в Киеве с сыном своим ребенком Святославом, и кормилец его был Асмуд, а воевода Свенельд — отец Мстиши. Сказали же древляне: «Вот убили князя мы русского; возьмем жену его Ольгу за князя нашего Мала, и Святослава возьмем и сделаем ему, что захотим». И послали древляне лучших мужей своих, числом двадцать, в ладье к Ольге. <...> И поведали Ольге, что пришли древляне. И призвала их Ольга к себе, и сказала им: «Добрые гости пришли»; и ответили древляне: «Пришли, княгиня». И сказала им Ольга: «Говорите, зачем пришли сюда?» Ответили же им древляне: «Послала нас Деревская земля с такими словами: «Мужа твоего мы убили, так как муж твой, как волк, расхищал и грабил, а наши князья хорошие, потому что ввели порядок в Деревской земле. Пойди замуж за князя нашего за Мала». Было ведь имя ему, князю древлянскому, — Мал. Сказала же им Ольга: «Любезна мне речь ваша, — мужа моего мне уже не воскресить; но хочу воздать завтра честь перед людьми своими; ныне же идите к своей ладье и ложитесь в нее, величаясь. Утром я пошлю за вами, а вы говорите: «Не едем на конях, ни пеши не пойдём, но понесите нас в ладье*. И вознесут вас в ладье». И отпустила их к ладье. Ольга же приказала выкопать на теремном дворе вне града яму великую и глубокую. На следующее утро, сидя в тереме, послала Ольга за гостями. И пришли к ним и сказали: «Зовет вас Ольга для чести великой». Они же ответили: «Не

едем ни на конях, ни на возах и пеши не идем, но понесите нас в ладье». И ответили киевляне: «Нам неволя; князь наш убит, а княгиня наша хочет за вашего князя». И понесли их в ладье. Они же уселись величаясь, избоченившись и в великих нагрудных бляхах. И принесли их на двор к Ольге и как несли, так и сбросили их вместе с ладьей в яму. И, приникнув к яме, спросила их Ольга: «Хороша ли вам честь?» Они же ответили: «Пуще нам Игоревой смерти». И повелела засыпать их живыми; и засыпали их.

И послала Ольга к древлянам, и сказала им: «Если и вправду меня просите, то пришлите лучших мужей, чтобы с великой честью пойти за вашего князя, иначе не пустят меня киевские люди». Услышав об этом, древляне избрали лучших мужей, управляющих Деревскою землею, и прислали за ней. Когда же древляне пришли, Ольга приказала приготовить баню, говоря им так: «Вымывшись, придите ко мне». И разожгли баню, и вошли в нее древляне, и стали мыться; и заперли за ними баню, и повелела Ольга зажечь ее от двери, и сгорели все.

И послала к древлянам со словами: «Вот уже иду к вам, приготовьте меда много у того города, где убили мужа моего, да поплачусь на могиле его и устройю ему тризну ». Они же, услышав об этом, свезли множество медов и заварили их. Ольга же, взяв с собою малую дружину, отправилась налегке, пришла к могиле своего мужа и оплакала его. И повелела людям своим насыпать великую могилу и, когда насыпали, приказала совершать тризну. После того сели древляне пить, и приказала Ольга отрокам своим прислуживать им. И сказали древляне Ольге: «Где дружина наша, которую послали за тобой?» Она же ответила: «Идут за мною с дружиною мужа моего». И когда опьянели древляне, велела отрокам своим пить за их честь, а сама отошла прочь и приказала дружине рубить древлян, и иссекли их 5000. А Ольга вернулась в Киев и собрала войско против оставшихся древлян. <...>

О СВЯТОСЛАВЕ И ЕГО ВОЕННЫХ ПОХОДАХ

В год 6472 (964). Когда Святослав вырос и возмужал, стал он собирать много воинов храбрых, и легко ходил в походах, как пардус, и много воевал. В походах же не возил за собою ни возов, ни котлов, не варил мяса, но, тонко нарезав конину, или

зверину, или говядину и зажарив на углях, так ел; не имел он и шатра, но спал, постилая потник с седлом в головах, — такими же были и все прочие его воины. И посылал в иные земли со словами: «Хочу на вас идти». И пошел на Оку реку и на Волгу и встретил вятичей, и сказал вятичам: «Кому дань даете?» Они же ответили: «Хазарам — по щелягу с сохи даем».

В год 6473 (965). Пошел Святослав на хазар. Услышав же, хазары вышли навстречу во главе со своим князем Каганом и сошлись биться, и в битве одолел Святослав хазар и столицу их и Белую Вежу взял. И победил ясов и касогов.

В год 6474 (966). Вятичей победил Святослав и дань на них возложил.

В год 6475 (967). Пошел Святослав на Дунай на болгар. И бились обе стороны, и одолел Святослав болгар, и взял городов их восемьдесят по Дунаю, и сел княжить там в Переяславце, беря дань с греков.

В год 6476 (968). Пришли впервые печенеги па Русскую землю, а Святослав был тогда в Переяславце, и заперлась Ольга со своими внуками — Ярополком, Олегом и Владимиром в городе Киеве. И осадили печенеги город силою великой: было их бесчисленное множество вокруг города, и нельзя было ни выйти из города, ни вести послать и изнемогали люди от голода и жажды. И собрались люди той стороны Днепра в ладьях и стояли на том берегу, и нельзя было ни тем пробраться в Киев, ни этим из Киева к ним. И стали тужить люди в городе и сказали: «Нет ли кого, кто бы смог перебраться на ту сторону и сказать им: если не подступите утром к городу, — сдадимся печенегам». И сказал один отрок: «Я проберусь»,

и ответили ему: «Иди». Он же вышел из города, держа уздечку, и побежал через стоянку печенегов, спрашивая их: «Не видел ли кто-нибудь коня?» Ибо знал он по-печенежски, и его принимали за своего. И когда приблизился он к реке, то, скинув одежду, бросился в Днепр и поплыл. Увидев это, печенеги кинулись за ним, стреляли в него, но не смогли ему ничего сделать. На том берегу заметили это, подъехали к нему в ладье, взяли его в ладью и привезли его к дружине. И сказал им отрок: «Если не подойдете завтра к городу, то люди сдадутся печенегам». Воевода же их, по имени Претич, сказал он это: «Пойдем завтра в ладьях и, захватив княгиню и княжичей, умчим на этот берег. Если же не сделаем этого, то погубит нас Святослав». И на следующее утро, близко к рассвету, сели в ладьи и громко затрубили, а люди в городе закричали. Печенегам же показалось, что пришел сам князь, и побежали от города врассыпную. И вышла Ольга с внуками и людьми к ладьям. Печенежский же князь, увидев это, возвратился один и обратился к воеводе Претичу: «Кто это пришел?» А тот ответил ему: «Люди той стороны (Днепра)». Печенежский князь снова спросил: «А ты не князь ли уж?» Претич же ответил: «Я муж его, пришел с передовым отрядом, а за мною идет войско с самим князем: бесчисленное их множество». Так сказал он, чтобы их припугнуть. Князь же печенежский сказал Претичу: «Будь мне другом». Тот ответил: «Так и сделаю». И подали они друг другу руки, и дал печенежский князь Претичу коня, саблю и стрелы. Тот же дал ему кольчугу, щит и меч. И отступили печенеги от города, и нельзя было вывести коня напоить: стояли печенеги на Лыбеди. И послали киевляне к Святославу со словами: «Ты, князь, ищешь чужой земли и о ней заботишься, а свою покинул, а нас чуть было не взяли печенеги, и мать твою и детей твоих. Если не придешь и не защитишь нас, то возьмут-таки нас. Неужели не жаль тебе своей отчины, старой матери, детей своих?» Услышав эти слова, Святослав с дружиною быстро сел на коней и вернулся в Киев; приветствовал мать свою и детей и сокрушался о том, что случилось с ними от печенегов. И собрал воинов, и прогнал печенегов в поле, и наступил мир.

ВЫБОР ВЕРЫ

В год 6494 (986). Пришли болгары магометанской веры, говоря: «Ты князь мудр и смыслен, а закона не знаешь. Уверуй в закон наш и поклонись Магомету». И спросил Владимир: «Какова же вера ваша?» Они же ответили: «Веруем Богу, и учит нас Магомет так: совершать обрезание, не есть свинины, не пить вина, зато по смерти, говорит, можно творить блуд с женами. Даст Магомет каждому по семидесяти красивых жен, и изберет одну из НИУ красивейшую, и возложит на нее красоту всех. Та и будет ему женой. Здесь же, говорит, следует невозбранно предаваться всякому блуду. Если кто беден на этом свете, то и на том». И другую всякую ложь говорили, о которой и писать стыдно. Владимир же слушал их, так как и сам любил жен и всякий блуд; потому и слушал их всласть. Но вот что было ему нелюбо: обрезание, воздержание от свиного мяса и от питья; и сказал он: «Руси есть веселие пить, не можем без того быть!». Потом пришли иноземцы из Рима и сказали: «Пришли мы, посланные папой». И обратились к Владимиру: «Так говорит тебе папа: «Земля твоя такая же, как и наша, а вера наша не похожа на твою, так как наша вера — свет; кланяемся мы Богу, сотворившему небо и землю, звезды и месяц и все, что дышит, а ваши боги — просто дерево». Владимир же спросил их: «В чем заповедь ваша?» И ответили они: «Пост по силе; «если кто пьет или ест, то все это во славу Божию», как сказал учитель наш Павел... Сказал же Владимир немцам: «Идите откуда пришли, ибо и отцы наши не приняли этого». Услышав об этом, пришли хазарские евреи и сказали: «Слышали мы, что приходили болгары и христиане, уча тебя каждый своей вере. Христиане же веруют в того, кого мы распяли, а мы веруем в единого Бога Авраама, Исаака и Иакова». И спросил Владимир: «Что у вас за закон?» Они же ответили: «Обрезываться, не есть свинины и зайчатины, хранить субботу». Он же спросил: «А где земля ваша?» Они же сказали: «В Иерусалиме». Снова спросил он: «Точно ли она там?» И ответили: «Разгневался Бог на отцов наших и рассеял нас по различным странам за грехи наши, а землю нашу отдал христианам». Сказал на это Владимир: «Как же вы иных учите, а сами отвергнуты Богом и рассеяны: если бы Бог любил вас и закон ваш, то не были бы вы рассеяны по чужим землям. Или и нам того же хотите?»

Затем прислали греки к Владимиру философа со следующими словами: «Слышали мы, что приходили болгары и учили тебя принять свою веру. Вера же их оскверняет небо и землю, и прокляты они сверх всех людей, уподобились жителям Содома и Гоморры, на которых обрушил Господь горящий камень и затопил их, и потонули. Так вот и этих ожидает день погибели их, когда придет Бог судить народы и погубит всех, творящих беззакония и скверны. Ибо, подмывшись, вливают эту воду в рот, мажут ею по бороде и поминают Магомета. Так же и жены их творят ту же скверну и еще даже большую...» Услышав об этом, Владимир плюнул на землю и сказал: «Нечисто это дело». Сказал же философ: «Слышали мы и то, что приходили к вам из Рима проповедовать у вас веру свою. Вера же их немного от нашей отличается: служат на опресноках, т. е. на облатках, о которых Бог не заповедал, повелев служить на хлебе, и поучал апостолов, взяв хлеб: «Се есть тело Мое, ломимое за вас.....» Так же и чашу взял и сказал: «Сия есть кровь Моя нового завета»... Те же, которые не творят этого, — неправильно веруют». Сказал же Владимир: «Пришли ко мне евреи и сказали, что немцы и греки веруют в того, кого они распяли». Философ ответил: «Воистину веруем в того. Их же пророки предсказывали, что родится Бог, а другие, что распят будет и погребен, но в третий день воскреснет и взойдет на небеса. Они же одних из тех пророков избивали, а других истязали. Когда же сбылись пророчества их, когда сошел Он на землю, был Он распят, воскрес и поднялся на небеса. Ожидал Бог покаяния от них 46 лет, но не покаялись, и тогда послал на них римлян, и римляне разбили их города, а самих рассеяли по иным землям, где и пребывают в рабстве». <...>

В год 6495 (987). Созвал Владимир бояр своих и старцев градских и сказал им: «Вот приходили ко мне болгары, говоря: «Прими закон наш». Затем приходили немцы и хвалили закон свой. За ними пришли евреи. После же всех пришли греки, браня все законы, а свой восхваляя, и многое говорили, рассказывая от начала мира, о бытии всего мира. Мудро говорят они, и чудно слышать их, и каждому любо их послушать, рассказывают они и о другом свете: если кто, говорят, перейдет в нашу веру, то, умерев, снова восстанет и не умереть ему вовеки; если же в ином законе будет, то на том

свете гореть ему в огне. Что же вы посоветуете; что ответите?» И сказали бояре и старцы: «Знай, князь, что своего никто не бранит, но хвалит. Если хочешь в самом деле разузнать, то ведь имеешь у себя мужей: послав их, разузнай, какая у них служба и кто как служит Богу». И понравилась речь их князю и всем людям; избрали мужей славных и умных, числом десять, и сказали им: «Идите сперва к болгарам и испытайте веру их». Они же отправились и, придя к ним, видели их скверные дела и поклонение в мечети, и вернулись в землю свою. И сказал им Владимир: «Идите еще к немцам, высмотрите и у них все, а оттуда идите в Греческую землю». Они же пришли к немцам, увидели службу их церковную, а затем пришли в Царь-град и явились к царю. Царь же спросил их — зачем пришли? Они же рассказали ему все. Услышав их рассказ, царь обрадовался и сотворил им честь великую в тот же день. На следующий же день послал к патриарху, так говоря ему: «Пришли русские испытывать веру нашу. Приготовь церковь и клир и сам оденься в святительские ризы, чтобы видели они славу Бога нашего». Услышав об этом, патриарх повелел созвать клир, сотворил по обычаю праздничную службу, и кадила возожгли и составили пение и хоры. И пошел с русскими в церковь, и поставили их на лучшем месте, показав им церковную красоту, пение и службу архиерейскую, предстояние дьяконов и рассказав им о служении Богу своему. Они же были в восхищении, удивлялись и хвалили их службу. И призвали их цари Василий и Константин*, и сказали им: «Идите в землю вашу», и отпустили их с дарами великими и с честью. Они же вернулись в землю свою. И созвал князь Владимир бояр своих и старцев и сказал им: «Вот пришли посланные нами мужи, послушаем же все бывшее с ними», — и обратился к послам: «Говорите

перед дружиною». Они же сказали: «Ходили-де к болгарам, смотрели, как они молятся в храме, т. е. в мечети, стоят там без пояса; сделав поклон, сядут и глядят туда и сюда, как бешеные, и нет в них веселья, только печаль и смрад великий. Не добр закон их. И пришли мы к немцам, и видели в храмах их различную службу, но красоты не видели никакой. И пришли мы в Греческую землю, и ввели нас туда, где служат они Богу своему, и не знали — на небе или на земле мы: ибо нет на земле такого зрелища и красоты такой и не знаем, как и рассказать об этом. Знаем мы только, что пребывает там Бог с людьми, и служба их лучше, чем во всех других странах. Не можем мы забыть красоты той, ибо каждый человек, если вкусит сладкого, не возьмет потом горького; так и мы не можем уже здесь пребывать в язычестве». Сказали же бояре: «Если бы плох был закон греческий, то не приняла бы его бабка твоя Ольга, а была она мудрейшей из всех людей». И спросил Владимир: «Где примем крещение?» Они же сказали: «Где тебе любо».

КРЕЩЕНИЕ ВЛАДИМИРА

И когда прошел год, в 6496 (988) году пошел Владимир с войском на Корсунь, город греческий, и затворились корсуняне в городе. И стал Владимир на той стороне города у пристани, в расстоянии полета стрелы от города, и сражались крепко из города. Владимир же осадил город. Люди в городе стали изнемогать, и сказал Владимир горожанам: «Если не сдадитесь, то простою и три года». Они же не послушались его. Владимир же, изготовив войско свое, приказал присыпать насыпь к городским стенам. И когда насыпали они, корсунцы, подкопав стену городскую, выкрадывали подсыпанную землю и носили ее себе в город и сыпали посреди города. Воины же присыпали еще больше, и Владимир стоял. И вот некий муж корсунянин, именем Анастас, пустил стрелу, так написав на ней: «Перекопай и перейми воду, идет она по трубам из колодцев, которые за тобою с востока». Владимир же, услышав об этом, посмотрел на небо и сказал: «Если сбудется это, — крещусь!» И тотчас

же повелел копать наперерез трубам и перенял воду. Люди изнемогли от жажды и сдались. Владимир вошел в город с дружиною своею и послал к царям Василию и Константину сказать: «Вот взял уже ваш город славный. Слышал же, что имеете сестру девицу; если не отдадите ее за меня, то сделаю столице вашей то же, что и этому городу». И, услышав это, опечалились цари. И послали ему весть такую: «Не пристало христианам выдавать жен за язычников; если крестишься, то и ее получишь, и царство небесное воспримешь, и с нами единоверен будешь. Если же не сделаешь этого, то не сможем выдать сестру за тебя». Услышав это, сказал Владимир посланным к нему от царей: «Скажите царям вашим так: я крещусь, ибо еще прежде испытал закон ваш и любя мне вера ваша и богослужение, о котором рассказали мне посланные нами мужи». И рады были цари, услышав это, и упросили сестру свою, именем Анну, и послали к Владимиру, говоря: «Крестись и тогда пошлем сестру свою к тебе». Ответил же Владимир: «Придите с сестрою вашею и тогда крестите меня». И послушались цари, и послали сестру свою, сановников и пресвитеров. Она же не хотела идти, говоря: «Иду, как в полон, лучше бы мне здесь умереть». И сказали ей братья: «Может быть, обратит тобою Бог Русскую землю к покаянию, а Греческую землю избавишь от ужасной войны. Видишь ли, сколько зла наделала грекам Русь? Теперь же, если не пойдешь, то сделают и нам то же, что в Корсуни». И едва принудили ее. Она же села в корабль, попрощалась с ближними своими с плачем и отправилась через море. И пришла в Корсунь, и вышли корсунцы навстречу ей с поклоном, и ввели ее в город, и посадили ее в палате. По божественному промыслу разболелся в то время Владимир глазами и не видел ничего. И скорбел сильно, и не знал, что сделать. И послала к нему царица сказать: «Если хочешь избавиться от болезни этой, то крестись поскорей; если же не крестишься, то не избудешь недуга своего». Услышав это, Владимир сказал: «Если вправду исполнится это, то поистине велик Бог христианский». И повелел крестить себя. Епископ же корсунский с царицыными попами, огласив, крестил Владимира. И когда возложил руку на него, тотчас же прозрел Владимир. Владимир же, ощутив свое внезапное исцеление, прославил Бога: «Теперь узнал я истинного Бога». Многие из

дружинников, увидев это, крестились. Крестился же он в церкви святого Василия, а стоит церковь та в городе Корсуни посреди града, где собираются корсунцы на торг; палата же Владимира стоит с края церкви и до наших дней, а царицына палата — за алтарем. По крещении же Владимира привели царицу для совершения брака. Не знающие же истины говорят, что крестился Владимир в Киеве, иные же говорят — в Васильеве, а другие и по-иному скажут. Когда же Владимира крестили и научили его вере христианской, сказали ему так: «Пусть никакие еретики не прельстят тебя, но веруй, говоря так: «Верую во единого Бога Отца Вседержителя, Творца неба и земли — и до конца этот Символ веры .<...>

Не принимай же учения от латинян, — учение их искаженное: войдя в церковь, не поклоняются иконам, но, стоя, кланяются, и, поклонившись, пишут крест на земле и целуют, а встав, становятся на него ногами, — так что, ложась, целуют его, а встав, — попирают. Этому не учили апостолы; апостолы учили целовать поставленный крест и чтить иконы. Ибо Лука евангелист первый написал икону и послал ее в Рим. Как говорит Василий : чествование иконы переходит на ее первообраз. Больше того, называют они землю матерью. Если же земля им мать, то отец им небо, — изначально сотворил Бог небо, также и землю. Теле говорят: «Отче наш, иже еси на небеси». Если, по их мнению, земля мать, то зачем плюете на свою мать? Тут же ее лобзаете и оскверняете? Этого прежде римляне не делали, но постановляли правильно на всех соборах, сходясь из Рима и со всех епархий. <...>

После же этого, последнего, собора Петр Гугнивый вошел с иными в Рим, захватил престол и развратил веру, отвергнувшись от престола иерусалимского, алек-⁰и* сандрийского, константинопольского и антиохийского . Возмутили они всю Италию, сея враждебное учение. Одни священники служат, будучи женаты только на одной жене, а другие, до семи раз женившись, служат; и следу

ет остерегаться их учения. Прощают же они и грехи во время приношения даров, что хуже всего. Бог да сохранит тебя от этого».

После всего этого Владимир взял царицу, и Анастаса, и священников корсунских с мощами святого Климента, и Фива, ученика его, взял и сосуды церковные, и иконы на благословение себе. Поставил (Владимир) и церковь в Корсуне на горе, которую насыпали посреди города, выкрадывая землю из насыпи; стоит церковь та и доньше. Отправляясь, захватил он и двух медных идолов, и четырех медных коней, что и сейчас стоят за церковью Святой Богородицы (Десятинной) и про которые невежды думают, что они мраморные. Корсунь же отдал (Владимир) грекам как вено за царицу, а сам вернулся в Киев. И когда пришел, повелел опрокинуть идолов, — одних изрубить, а других сжечь. Перуна же приказал привязать к хвосту коня и волочить его с горы по Боричеву взвозу к Ручью, и приставил двенадцать мужей колотить его жезлами. Делалось это не потому, что дерево что-нибудь чувствует, но для поругания беса, который обманывал людей в этом образе, — чтобы принял он возмездие от людей. «Велик Ты, Господи, и чудны дела Твои!»... Вчера еще был чтим людьми, а сегодня поругаем. Когда влекли Перуна по Ручью к Днепру, оплакивали его неверные, так как не приняли еще они святого крещения. И, притащив, кинули его в Днепр. И приставил Владимир к нему людей, сказав им: «Если пристанет где к берегу, отпихивайте его. А когда пройдет пороги, тогда только оставьте его». Они же исполнили, что им было приказано. И когда пустили Перуна и прошел он пороги, выбросило его ветром на отмель, и оттого прослыло место то Перунья отмель, как и до сих пор зовется. Затем послал Владимир по всему городу со словами: «Если не придет кто завтра на реку — будь то богатый или бедный, или нищий, или раб — да будет мне враг». Услышав это, с радостью пошли люди, ликуя и говоря: «Если бы не было это хорошим, не приняли бы это князь наш и бояре». На следующий же день вышел Владимир с попами царицыными и корсунскими на Днепр и сошлось там людей без числа. Вошли в воду и стояли там одни до шеи, другие по грудь, молодые же у берега по грудь, некоторые держали младенцев, а уже взрослые бродили, попы же совершали молитвы, стоя на месте. И была видна радость на небе и на

земле по поводу стольких спасаемых душ; а дьявол говорил стеная: «Увы мне! Прогоняют меня отсюда! Здесь думал я обрести себе жилище, ибо здесь не слышно было учения апостольского, не знали здесь Бога, но радовался я служению тех, кто служил мне. И вот уже побежден я невеждой, а не апостолами и не мучениками; не буду уже царствовать более в этих странах». Люди же, крестившись, разошлись по домам. Владимир же был рад, что познал Бога сам и люди его, посмотрел на небо и сказал: «Христос Бог, сотворивший небо и землю! Взгляни на новых людей этих, и дай им, Господи, познать Тебя, истинного Бога, как познали Тебя христианские страны. Утверди в них правильную и неуклонную веру, и мне помоги, Господи, против дьявола, да одолею козни его, надеясь на Тебя и на Твою силу». И, сказав это, приказал рубить церкви и ставить их по тем местам, где прежде стояли кумиры. И поставил церковь во имя святого Василия на холме, где стоял идол Перуна и другие, и где творили им требы князь и люди. И по другим городам стали ставить церкви и определять в них попов, и приводить людей на крещение по всем городам и селам. Посылал он собирать у лучших людей детей и отдавать их в обучение книжное. Матери же детей этих плакали о них; ибо не утвердились еще они в вере, и плакали о них, как о мертвых.

Когда отданы были в учение книжное, то тем самым сбылось на Руси пророчество, гласившее: «В те дни услышат глухие слова книжные и ясен будет язык косноязычных». <...>

В год 6497 (989). Затем жил Владимир в христианском законе и задумал создать церковь Пресвятой Богородице, и послал привести мастеров из Греческой земли. И начал ее строить, а когда кончил строить, украсил ее иконами, и поручил ее Анастасу корсунянину, и поставил служить в ней корсунских священников, дав ей все, что взял перед этим в Корсуни: иконы, сосуды и кресты. <...>

ПОВЕСТЬ О НИКИТЕ КОЖЕМЯКЕ

В год 6500 (992). Пошел Владимир на хорватов. Когда же возвратился он с хорватской войны, пришли печенеги по той стороне (Днепра) от Сулы; Владимир же выступил против них, и встретил их на Трубеже у брода, где ныне Переяславль. И стал Владимир на этой стороне, а печенеги на той, и не решались наши перейти на ту сторону, ни те на эту сторону. И подъехал князь печенежский к реке, вызвал Владимира и сказал ему: «Выпусти ты своего мужа, а я своего — пусть борются. Если твой муж бросит моего на землю, то не будем воевать три года; если же наш муж бросит твоего оземь, то будем разорять вас три года». И разошлись. Владимир же, вернувшись в стан свой, послал глашатаев по лагерю, со словами: «Нет ли такого мужа, который бы схватился с печенегом?» И не сыскался нигде. На следующее утро приехали печенеги и привели своего мужа, а у наших не оказалось. И стал тужить Владимир, посылая по всему войску своему, и пришел к князю один старый муж и сказал ему: «Князь! Есть у меня один сын меньшей дома; я вышел с четырьмя, а он дома остался. С самого детства никто его не бросил еще оземь. Однажды я бранил его, а он мял кожу, так он рассердился и разодрал кожу руками». Услышав об этом, князь обрадовался, и послали за ним, и привели его к князю, и поведал ему князь все. Тот отвечал: «Князь! Не знаю, могу ли я с ним схватиться, — испытайте меня: нет ли большого и сильного быка?» И нашли быка, большого и сильного, и приказали разъярить его; возложили на него раскаленное железо и пустили. И побежал бык мимо него, и схватил быка рукою за бок и вырвал кожу с мясом, сколько захватила его рука. И сказал ему Владимир: «Можешь с ним бороться». На следующее утро пришли печенеги и стали вызывать: «Есть ли муж? Вот наш готов!» Владимир повелел в ту же ночь надеть вооружение, и сошлись обе стороны. Печенеги выпустили своего мужа: был же он очень велик и страшен. И выступил муж Владимира, и увидел его печенег и посмеялся, ибо был он среднего роста. И измерили место между обоими войсками, и пустили их друг против друга. И схватились, и начали крепко

жать друг друга, и удавил печенежина руками до смерти. И бросил его оземь. Раздался крик, и побежали печенеги, и гнались за ними русские, избивая их, и прогнали их. Владимир же обрадовался и заложил город у брода того, и назвал его Переяславлем, ибо перенял славу отрок тот. И сделал его Владимир великим мужем, и отца его тоже. И возвратился Владимир в Киев с победою и со славою великою. <...>

ПОВЕСТЬ О БЕЛГОРОДСКОМ КИСЕЛЕ

В год 6505 (997). Когда Владимир пошел к Новгороду за северными воинами против печенегов, — так как была в это время непрерывная великая война, — узнали печенеги, что нет тут князя, пришли и стали под Белгородом. И не давали выйти из города, и был в городе сильный голод, и не мог Владимир помочь, так как не было у него воинов, а печенегов было много множество. И затянулась осада города, и был сильный голод. И собрали вече в городе, и сказали: «Вот уже скоро умрем от голода, а помощи нет от князя. Разве лучше нам так умереть? — сдадимся печенегам — кого пусть оставят в живых, а кого умертвят; все равно помираем уже от голода». И так порешили на вече. Был же один старец, который не был на том вече, и спросил он: «Зачем было вече?» И поведали ему люди, что завтра хотят сдаться печенегам. Услышав об этом, послал он за городскими старейшинами и сказал им: «Слышал, что хотите сдаться печенегам». Они же ответили: «Не стерпят люди голода». И сказал им: «Послушайте меня, не сдавайтесь еще три дня, и сделайте то, что я вам велю». Они же с радостью обещали послушаться. И сказал им: «Соберите хоть по горсти овса, пшеницы, или отрубей». Они же радостно пошли и собрали. И повелел женщинам сделать болтушку, на чем кисель варят, и велел выкопать колодец и вставить в него кадь, и налить ее болтушкой. И велел выкопать другой колодец и вставить в него кадь, и повелел поискать меду. Они же пошли и взяли лукошко меду, которое было спрятано в княжеской медуше. И приказал сделать из него пресладку сыту и вылить в кадь в другом колодце.

На следующий же день повелел он послать за печенегами. И сказали горожане, придя к печенегам: «Возьмите от нас заложников, а сами войдите человек с десять в город, чтобы посмотреть, что творится в городе нашем». Печенеги же обрадовались, подумав, что хотят им сдаться, взяли заложников, а сами выбрали лучших мужей в своих родах и послали в город, чтобы проведали, что делается в городе. И пришли они в город, и сказали им люди: «Зачем губите себя? Разве можете перестоять нас? Если будете стоять и десять лет, то что сделаете нам? Ибо имеем мы пищу от земли. Если не верите, то посмотрите своими глазами». И привели их к колодцу, где была болтушка для киселя, и почерпнули ведром и вылили в горшки. И когда сварили кисель, взяли его и пришли с ними к другому колодцу, и почерпнули сыты из колодца и стали есть сперва сами, а потом и печенеги. И удивились те, и сказали: «Не поверят нам князи наши, если не отведают сами». Люди же налили им корчагу кисельного раствора и сыты из колодца и дали печенегам. Они же, вернувшись, поведали все, что было. И, сварив, ели князья печенежские, и подивились. И взяв своих заложников, а белгородских пустив, поднялись и пошли от города восвояси. <...>

О ЕДИНОБОРСТВЕ МСТИСЛАВА С РЕДЕДЕЮ

В год 6530 (1022). Пришел Ярослав к Берестью . В то же время Мстислав находился в Тмуторокани и пошел на касогов . Услышав же это, князь касожский Редедя вышел против него. И, когда стали оба полка друг против друга, сказал Редедя Мстиславу: «Чего ради погубим дружины? Но сойдемся, чтобы побороться самим. Если одолеешь ты, возьмешь богатства мои, и жену мою, и детей моих, и землю мою. Если же я одолею, то возьму твое все». И сказал Мстислав: «Да будет так». И сказал Редедя Мстиславу: «Не оружием будем биться, но борьбою». И схватились бороться крепко, и в долгой борьбе стал изнемогать Мстислав, ибо был велик и силен Редедя. И сказал Мстислав: «О пречистая Богородица, помоги мне! Если же одолею его, воздвигну церковь во имя твое». И, сказав так, бросил его на землю. И выхватил нож, и зарезал Редедю. И, пойдя в землю его, забрал все богатства его, и жену его, и детей его, и дань

возложил на касогов. И, придя в Тмуторокань, заложил церковь святой Богородицы и воздвиг ту, что стоит и до сего дня в Тмуторокани.

ПОХВАЛА УЧЕНИЮ КНИЖНОМУ

В год 6545 (1037). Заложил Ярослав город большой, у которого сейчас Золотые ворота, заложил и церковь Святой Софии, митрополию, и затем церковь Святой Богородицы благовещения на Золотых воротах, затем монастырь Святого Георгия и Святой Ирины. При нем начала вера христианская плодиться и распространяться, и

черноризцы стали множиться, и монастыри появляться. Любил Ярослав церковные уставы, попов очень жаловал, особенно же черноризцев, и к книгам проявлял усердие, часто читая их и ночью и днем. И собрал книгописцев множество, которые переводили с греческого на славянский язык. И написали они много книг, по которым верующие люди учатся и наслаждаются учением божественным. Как бывает, что один землю распашет, другой же засеет, а третьи пожинают и едят пищу неоскудевающую, так и здесь. Отец ведь его Владимир землю вспахал и размягчил, то есть крещением просветил. Этот же засеял книжными словами сердца верующих людей, а мы пожинаем, учение получая книжное. <...>

Велика ведь бывает польза от учения книжного; книги наставляют и научают нас пути покаяния, ибо мудрость обретаем и воздержание в словах книжных. Это — реки, наполняющие вселенную, это источники мудрости, в книгах ведь неизмеримая глубина; ими мы в печали утешаемся; они — узда воздержания.

Ярослав же этот, как мы сказали, любил книги и, много их переписав, положил в церкви Святой Софии, которую создал сам. Украсил он ее золотом, серебром и сосудами церковными, в ней возносят к Богу положенные молитвы в назначенное время. И другие церкви ставил он по городам и иным местам, поставляя попов и давая им из своей казны плату, веля им учить людей, потому что это поручено им Богом, и посещать часто церкви. И увеличилось число пресвитеров и людей крещеных. И радовался Ярослав, видя множество церквей и людей крещеных, а враг сетовал на это, побеждаемый новыми людьми

крещеными.

ЗАВЕЩАНИЕ ЯРОСЛАВА МУДРОГО СЫНОВЬЯМ

В год 6562 (1054). Преставился великий князь русский Ярослав. Еще при жизни дал он наставление сыновьям своим, сказав им: «Вот я покидаю мир этот, сыновья мои; имейте любовь между собой, потому что все вы братья, от одного отца и от одной матери. И если будете жить в любви между собой, Бог будет в вас и покорит вам врагов. И будете мирно жить. Если же будете в ненависти жить, в распрях и ссорах, то погибнете сами и погубите землю отцов своих и дедов своих, которые добыли ее трудом своим великим; но живите мирно, слушаясь брат брата. Вот я поручаю стол мой в Киеве старшему сыну моему и брату вашему Изяславу; слушайтесь его, как слушались меня, пусть будет он вам вместо меня; а Святославу даю Чернигов, а Всеволоду — Переяславль, а Игорю — Владимир, а Вячеславу — Смоленск». И так разделил между ними города, запретив им переступать пределы других братьев и стогнать со стола, и сказал Изяславу: «Если кто захочет обидеть брата своего, ты помогай тому, кого обижают». И так наставлял сыновей своих жить в любви.

О ЛЮБЕЧСКОМ* СЪЕЗДЕ КНЯЗЕЙ

В год 6605 (1097). Пришли Святополк , и Владимир , и Давыд Игоревич , и Василько Ростиславич , и Давыд Святославич , и брат его Олег , и собрались на совет в Любече для установления мира, и говорили друг другу: «Зачем губим Русскую землю, сами между собой устраивая распри? А половцы землю нашу несут розно и рады, что между нами идут войны. Да отныне объединимся единым сердцем и будем блюсти Русскую землю, и пусть каждый владеет отчиной своей: Святополк — Киевом, Изяславовой отчиной, Владимир — Всеволодовой, Давыд и Олег и Ярослав — Святославовой, и те, кому Всеволод роздал города: Давыду— Владимир, Ростиславичам же: Володарю— Перемышль, Васильку — Теробовль». И на том целовали крест: «Если отныне кто на кого пойдет, против того будем мы все и крест честной» . Сказали все: «Да будет против того крест честной и вся земля

Русская». И, попрощавшись, пошли восвояси.

ПОВЕСТЬ ОБ ОСЛЕПЛЕНИИ ВАСИЛЬКА ТЕРЕБОВЛЬСКОГО

И пришли Святополк с Давыдом в Киев, и рады были люди все, но только дьявол огорчен был их любовью. И влез сатана в сердце некоторым мужам, и стали они говорить Давыду Игоревичу, что «Владимир соединился с Васильком на Святополка и на тебя». Давыд же, поверив лживым словам, начал наговаривать ему на Василька: «Кто убил брата твоего Ярополка, а теперь злоумышляет против меня и тебя и соединился с Владимиром? Позаботься же о своей голове». Святополк же сильно смутился и сказал: «Правда это или ложь, не знаю». И сказал Святополк Давыду: «Если правду говоришь, Бог тебе свидетель; если же от зависти говоришь, Бог тебе судья». Святополк же пожалел о брате своем и про себя стал думать, не правда ли это? И поверил Давыду, и обманул Давыд Святополка, и начали они думать о Васильке, а Василько этого не знал, и Владимир тоже. И стал Давыд говорить: «Если не схватим Василька, то ни тебе не княжить в Киеве, ни мне во Владимире». И послушался его Святополк. И пришел Василько 4 ноября, и перевезся на Выдобечь, и пошел поклониться к святому Михаилу в монастырь, и ужинал тут, а обоз свой поставил на Рудице; когда же наступил вечер, вернулся в обоз свой. И на другое же утро прислал к нему Святополк, говоря: «Не ходи от имени моих». Василько же отказался, сказав: «Не могу медлить, как бы не случилось дома войны». И прислал к нему Давыд: «Не уходи, брат, не услышайся брата старшего». И не захотел Василько послу-

шаться. И сказал Давыд Святополку: «Видишь ли — не помнит о тебе, ходя под твоей рукой. Когда же уйдет в свою волость, сам увидишь, что займет все твои города — Туров, Пинск и другие города твои. Тогда помянешь меня. Не призови его теперь, схвати и отдай мне». И послушался его Святополк, и послал за Васильком, говоря: «Если не хочешь остаться до именин моих, то приди сейчас, поприветствуешь меня и посидим все с Давыдом». Василько же обещал прийти, не зная об обмане, который замыслил на него Давыд. Василько же, сев на коня, поехал, и встретил его отрок его и сказал ему: «Не ездят, княже, хотят тебя схватить». И не послушал его, помышляя: «Как им меня схватить? Только что целовали крест, говоря: если кто на кого пойдет, то на того будет крест и все мы». И, подумав так, перекрестился и сказал: «Воля Господня да будет». И приехал с малою дружиной на княжеский двор, и вышел к нему Святополк, и пошли в избу, и пришел Давыд, и сели. И стал говорить Святополк: «Останься на праздник». И сказал Василько: «Не могу остаться, брат, я уже и обозу велел идти вперед». Давыд же сидел как немой. И сказал Святополк: «Позавтракай хоть, брат». И обещал Василько позавтракать. И сказал Святополк: «Посидите вы здесь, а я пойду распоряжусь». И вышел вон, а Давыд с Васильком сидели. И стал Василько говорить с Давыдом, и не было у Давыда ни голоса, ни слуха, ибо был объят ужасом и обман имел в сердце. И, посидевши немного, спросил Давыд у отроков своих: «Где брат?» Они же сказали ему: «Стоит на сених». И, встав, сказал Давыд: «Я пойду за ним, а ты, брат, посиди». И, встав, вышел вон. И как скоро вышел Давыд, заперли Василька, — 5 ноября, — и сковали его двойными оковами, и приставили к нему стражу на ночь. На другое же утро Святополк созвал бояр и киевлян и поведал им, что сказал ему Давыд, что «брата твоего убил, а против тебя соединился с Владимиром и хочет тебя убить и города твои захватить». И сказали бояре и люди: «Тебе, князь, следует беречь голову свою; если правду сказал Давыд, пусть понесет Василько наказание; если же неправду сказал Давыд, то пусть сам примет месть от Бога и отвечает перед Богом». И узнали игу-

мены и стали просить за Василька Святополка; и отвечал им Святополк: «Это все Давыд». Узнав же об этом, Давыд начал подуцать на ослепление: «Если не сделаешь этого, а отпустишь его, то ни тебе не княжить, ни мне». Святополк хотел отпустить его, но Давыд не хотел, остерегаясь его. И в ту же ночь повезли Василька в Белгород — небольшой город около Киева, верстах в десяти; и привезли его в телеге закованным, высадили из телеги и повели в избу малую. И, сидя там, увидел Василько торчина, точившего нож, и понял, что хотят его ослепить, и возопил к Богу с плачем великим и со стенаньями. И вот влезли посланные Святополком и Давыдом Сновид Изечевич, конюх Святополков, и Дмитр, конюх Давыдов, и начали расстилать ковер, и, разостлав, схватили Василька, и хотели его повалить; и боролись с ним крепко, и не смогли его повалить. И вот влезли другие, и повалили его, и связали его, и, сняв доску с печи, положили на грудь ему. И сели по сторонам доски Сновид Изечевич и Дмитр и не могли удержать его. И подошли двое других, и сняли другую доску с печи, и сели, и придавили так сильно, что грудь затрещала. И приступил торчин, по имени Берендий, овчарь Святополков, держа нож, и хотел ударить ему в глаз, и, промахнувшись глаза, перерезал ему лицо, и видна рана та у Василька поныне. И затем ударил его в глаз и исторг глаз, и потом — в другой глаз и вынул другой глаз. И был он в то время как мертвый. И, взяв его на ковре, взвалили его на телегу как мертвого, повезли во Владимир. И когда везли его, остановились с ним, перейдя Воздвиженский мост, на торговище и стащили с него сорочку, всю окровавленную, и дали попадье постирать. Попадья же, постирав, надела на него, когда те обедали; и стала оплакивать его попадья как мертвого. И услышал плач, и сказал: «Где я?» И ответили ему: «В Воздвиженске городе». И попросил воды, они же дали ему, и испил воды, и вернулась к нему душа его, и опомнился, и пощупал сорочку, и сказал: «Зачем сняли ее с меня? Лучше бы в той сорочке кровавой смерть принял и предстал бы в ней перед Богом». Те же, пообедав, поехали с ним быстро на телеге по неровному пути, ибо был тогда месяц «неровный» —

грудень, то есть ноябрь. И прибыли с ним во Владимир на шестой день.

Прибыл же и Давыд с ним, точно некий улов уловив. И посадили его во дворе Вакееве, и приставили стеречь его тридцать человек и двух отроков княжих, Улана и Колча.

Владимир же, услышав, что схвачен был Василько и ослеплен, ужаснулся, заплакал и сказал: «Не бывало еще в Русской земле ни при дедах наших, ни при отцах наших такого зла». И тут тотчас послал к Давыду и Олегу Святославичам, говоря: «Идите в Городец, да поправим зло, случившееся в Русской земле и среди нас, братьев, ибо нож в нас брошен. И если этого не поправим, то еще большее зло встанет среди нас, и начнет брат брата закалывать, и погибнет земля Русская, и враги наши половцы, придя, возьмут землю Русскую». Услышав это, Давыд и Олег сильно опечалились и плакали, говоря, что «этого не бывало еще в роде нашем». И тотчас, собрав воинов, пришли к Владимиру. Владимир же с воинами стоял тогда в бору; Владимир же и Давыд и Олег послали мужей своих к Святополку, говоря: «Зачем ты зло это учинил в Русской земле и бросил в нас нож? Зачем ослепил брата своего? Если бы было у тебя какое обвинение против него, то обличил бы его перед нами. А, доказав его вину, тогда и поступил бы с ним так. А теперь объяви вину его, за которую ты сотворил с ним такое». И сказал Святополк: «Поведал мне Давыд Игоревич: «Василько брата твоего убил, Ярополка, и тебя хочет убить и захватить волость твою, Туров, и Пинск, и Берестье, и Погорину, а целовал крест с Владимиром, что сесть Владимиру в Киеве, а Васильку во Владимире». А мне поневоле свою голову беречь. И не я его ослепил, но Давыд; он и привез его к себе». И сказали мужи Владимировы, и Давыдовы, и Олеговы: «Не отговаривайся, будто Давыд ослепил его. Не в Давыдовом городе схвачен и ослеплен, но в твоём городе взят и ослеплен». И, сказав это, разошлись. На следующее утро собрались они перейти через Днепр на Святополка, Святополк же хотел бежать из Киева, и не дали ему киевляне бежать, но послали вдову Всеволодову и митрополита Николу

к Владимиру, говоря: «Молим, княже, тебя и братьев твоих, не погубите Русской земли. Ибо если начнете войну между собою, поганые станут радоваться и возьмут землю нашу, которую оборонили отцы ваши и деды ваши трудом великим и храбростью, борясь за Русскую землю и другие земли приискивая, а вы хотите погубить землю Русскую». Всеволодова же вдова и митрополит пришли к Владимиру, и молили его, и поведали мольбу киевлян — заключить мир и блюсти землю Русскую и биться с погаными. Услышав это, Владимир расплакался и сказал: «Воистину отцы наши и деды наши соблюли землю Русскую, а мы хотим погубить». И преклонился Владимир на мольбу княгинину, которую почитал как мать, памяти ради отца своего, ибо сильно любил он отца своего и при жизни его и по смерти не ослушивался его ни в чем; потому и слушал он ее как мать свою и митрополита также чтил за сан святительский, не ослушался мольбы его.

Владимир был полон любви: любовь имел он и к митрополитам, и к епископам, и к игуменам, особенно же любил монашеский чин и монахинь любил, приходивших к нему кормил и поил, как мать детей своих. Когда видел кого шумным или в каком постыдном положении, не осуждал того, но ко всем относился с любовью и всех утешал. Но вернемся к своему повествованию.

Княгиня же, побывав у Владимира, вернулась в Киев и поведала все, сказанное Святополку к киевлянам, что мир будет. И начали слать друг к другу мужей и помирились на том, что сказали Святополку: «Это козни Давыда, так ты иди, Святополк, на Давыда и либо схвати, либо прогони его». Святополк же согласился на это, и целовали крест друг другу, заключив мир.

Когда же Василько был во Владимире, в прежде указанном месте, и приближался Великий пост, и я был тогда во Владимире, однажды ночью прислал за мной князь Давыд. И пришел к нему, и сидела около него дружина его, и, посадив меня, сказал мне: «Вот молвил Василько сегодня ночью Улану и Колче: «Слышу, что идут Владимир и Святополк на Давыда; если бы Давыд меня послушал, чтобы я послал мужей своих к Владимиру с прось-

бой воротиться, ибо я знаю, что сказать ему, — и он не пойдет дальше». И вот, Василий, посылаю тебя, иди к Васильку, тезке твоему, с этими отроками и молви ему так: «Если хочешь послать мужей своих и если Владимир воротится, дам тебе любой город, который тебе люб, — либо Всеволожь, либо Шеполь, либо Перемиль». Я же пошел к Васильку и поведал ему все речи Давыда. Он же сказал: «Того я не говорил, но надеюсь на Бога. Пошлю к Владимиру, чтобы не проливали ради меня крови. Но тому мне дивно, что дает мне город свой, но мой Теревовль — мое владение и ныне и в будущем», что и сбылось, ибо вскоре он получил владение свое.

КОММЕНТАРИИ

В Древней Руси летосчисление велось от «сотворения мира». В скобках указано современное летосчисление «от рождения Христова».

Ростислав и Святополк — правители Великоморавского княжества.

Коцел — князь Блатенского княжества.

Михаил — византийский император Михаил III (842—867).

Селунь — Фессалоника, второй по величине город в Византии, расположенный на берегу Эгейского моря.

Мефодий (ок. 815—885) и *Константин*, в монашестве Кирилл (ок. 827—869), — создатели славянской азбуки, переводчики богослужебных книг с греческого на славянский язык, миссионеры и проповедники.

Апостол — одна из книг Нового Завета, содержащая Деяния и Послания апостолов. *Псалтирь* — сборник религиозных песнопений, приписываемых царю Давиду. *Октоих* — богослужебная книга, содержащая песнопения на каждый день.

Понтий Пилат — римский наместник в Иудее в I в., осудивший на казнь Иисуса Христа. Согласно легенде, на кресте Христа была надпись: «Се есть Иисус, царь иудейский», воспроизведенная на греческом, латинском, еврейском языках.

Услышав об этом, Папа римский... — Скорее всего, речь может идти о папе Адриане II (867—872).

Паннония — Блатенское княжество, раннефеодальное славянское государство в районе озера Балатон.

Варяги — норманны, выходцы из Скандинавии.

Апостол Андрей — один из учеников Христа, согласно византийским легендам, проповедовал христианство на побережье Черного моря и в Сирии.

Синоп — город на северном берегу Малой Азии.

Корсунь — Херсонес, центр византийской колонии в Крыму. В настоящее время на этом месте расположен город Севастополь.

Поляне — восточнославянское племя, жившее по обеим сторонам среднего течения Днепра вокруг Киева.

Подъем Боричев — дорога, связывавшая центральную часть Киева с пристанью на берегу Днепра, называвшаяся Подолом.

И построили городок... и назвали его Киев. — Топонимическая легенда об основании Киева восходит к VI в. По сведениям археологов, в X в. на месте Киева было три поселения, названия которых соотносились с именами легендарных князей.

Царьград — Константинополь, ныне Стамбул.

...Лий этот княжил, в роде своем, и ходил он к царю... — По мнению историков, Кий посетил Константинополь при императорах Анастасии или Юстиниане (конец V — середина VI в.).

Чудь, меря — угро-финские племена, союзники русичей.

Суд — вход в залив «Золотой Рог». «Замкнуть Суд» — перегородить вход цепями, препятствовавшими прохождению кораблей.

Дмитрий Солунский — популярный византийский воин-святой, покровитель г. Солуни.

Леон и Александр. — Речь идет о византийских императорах Льве VI и Александре, совместное правление которых приходится на 911—912 гг.

...по 12 гривен на уключину... — 12 гривен серебра на одного воина.

Паволока — дорогая шелковая материя.

Константин — византийский император Константин VII Багрянородный (913—959).

Никомидия — провинция Византии на восточном берегу Мраморного моря.

Панфирий, Варда Фока, Федор, Феофан — речь идет о византийских полководцах (стратилатах) Панфирии, Варде Фоке, Федоре, командующем императорским флотом Феофане.

Греческий огонь — зажигательная смесь, состоявшая из смолы, серы, нефти и селитры.

Печенеги — тюркские племена, обитавшие в междуречье Волги и Днепра.

Корсунцы — жители города Херсонес, византийской колонии в Крыму.

Роман — византийский император Роман I Лапикан (920—944).

Прислали Роман, и Константин, и Стефан послов к Игорю... — Соправители Романа, сыновья Константин и Стефан, свергли императора в 944 г., следовательно, договор был подписан до этого времени.

Перун — в славянской мифологии бог небесных стихий, покровитель князя и дружины.

Отроки — младшая дружина и слуги.

Свенельд — воевода князя Игоря.

Искоростень — столица Древлянской земли (современный Коростень Житомирской области Украины).

Тризна — поминальный обряд, сопровождавшийся пиршеством.

Мед — хмельной напиток, приготовлявшийся из меда и сброженного сока ягод и фруктов.

Каган — Хазарский каганат — раннефеодальное тюркское государство середины VI — конца X в., располагавшееся на территории Северного Кавказа, Приазовья, Крыма со столицей Итиль.

Переяславец — ныне село Переслав возле города Тулча в Румынии.

Болгары — речь идет о волжских болгарях, которые в начале X в. приняли ислам.

Обрезание — религиозный обряд, совершаемый над мальчиками у магометан.

«Пришли мы, посланные папой». — В 986 г. Папой римским был Иоанн XV (985—996).

Учитель Павел — апостол Павел.

...хазарские евреи... — Во главе хазарского каганата стояли евреи, поэтому правящая элита государства исповедовала иудаизм.

Содом и Гоморра — города в Палестине, разрушенные Богом за безнравственность их жителей.

Клир — церковнослужители.

Василий и Константин — византийские императоры-соправители — Василий II Болгаробоец (976—1025) и Константин VIII (976—1028).

Символ веры — краткое изложение основ христианства.

Василий — византийский богослов Василий Великий (ок.

330—379).

Петр Гугнивый — устойчивый образ древнерусской полемической литературы, символизирующий папу-вероотступника.

Престолы иерусалимский, александрийский, константинопольский, антиохийский — главные церковно-административные области греческой православной церкви.

Святой Климент — епископ римский. Согласно византийской легенде, умер в Крыму. Его мощи хранились в Херсонесе, откуда были перенесены князем Владимиром в Киев.

Вено — у древних славян выкуп за невесту.

Требы — здесь: жертвоприношения.

Вече — народное собрание.

Сыта — медовый напиток.

Корчага — глиняный сосуд для хранения вина и масла.

Берестье — Берестово — княжеское село под Киевом.

Касоги — название адыгейцев в русских летописях.

Ярослав — сын Владимира Великого **Ярослав Мудрый (1019—1054)**.

Митрополия — крупная церковно-административная единица, возглавлявшаяся митрополитом.

Черноризцы — монахи.

Любеч — село неподалеку от Киева на левом берегу Днепра. На этом княжеском съезде был подтвержден принцип «Каждый да держит отчину свою». Князья представляли все ветви потомков Ярослава Мудрого, поделившего Русскую землю между сыновьями.

Святополк и Давыд — Святополк Изяславич, князь киевский (1050—1113), и Давыд Игоревич, князь Владимира южного.

Владимир и Василько — Владимир Мономах, князь переяславский (1113—1125), и Василько Ростиславич, князь теребовольский (ум. 1124).

Давыд Святославич и Олег Святославич, князья черниговские (ум. 1115).

Выдобечь — Михайло-Выдубицкий монастырь под Киевом.

Торчин — половец на русской службе, принявший христианство.

Воздвижень — город на запад от Киева на реке Здвиже.

...послали вдову Всеволодову... — Речь идет о мачехе Владимира Мономаха, второй жене Всеволода Ярославича, умершей в 1111 г.

СКАЗАНИЕ О БОРИСЕ И ГЛЕБЕ

Господи, благослови, Отче!

«Род праведных благословится, — говорил пророк, — и потомки их благословенны будут».

Так и свершилось незадолго до наших дней при самодержцѣ всей Русской земли Владимирѣ, сыне Святославовом, внуке Игоревом, просветившем святым крещением всю землю Русскую. О прочих его добродетелях в другом месте поведаем, ныне же не время. О том же, что начали, будем рассказывать по порядку. Владимир имел 12 сыновей, и не от одной жены: матери у них были разные. Старший сын — Вышеслав, после него — Изяслав, третий — Святополк, который и замыслил это злое убийство. Мать его гречанка, прежде была монахиней. Брат Владимира Ярополк, прельщенный красотой ее лица, расстриг ее, и взял в жены, и зачал от нее окаянного Святополка. Владимир же, в то время еще язычник, убив Ярополка, овладел его беременной женою. Вот она-то и родила этого окаянного Святополка, сына двух отцов-братьев. Поэтому и не любил его Владимир, ибо не от него был он. А от Рогнеды Владимир имел четырех сыновей: Изяслава, и Мстислава, и Ярослава, и Всеволода. От другой жены были Святослав и Мстислав, а от жены-болгарки — Борис и Глеб. И посадил их всех Владимир по разным землям на княжение, о чем в другом месте скажем, здесь же расскажем про тех, о ком сия повесть.

Посадил Владимир окаянного Святополка на княжение в Пинске, а Ярослава — в Новгороде, а Бориса —

в Ростове, а Глеба — в Муроме. Не стану, однако, много толковать, чтобы во многословии не забыть о главном, но, о ком начал, поведаем вот что. Протекло много времени, и, когда минуло 28 лет после святого крещения, подошли к концу дни Владимира — впал он в тяжкий недуг. В это же время пришел из Ростова Борис, а печенеги вновь двинулись ратью на Русь, и великая скорбь охватила Владимира, так как не мог он выступить против них, и это сильно печалило его. Призвал тогда он к себе Бориса, нареченного в святом крещении Романом, блаженного и скоропослушливого, и, дав ему под начало много воинов, послал его против безбожных печенегов. Борис же с радостью пошел, говоря: «Готов я пред очами твоими свершить, что велит воля сердца твоего». О таких Приточник говорил: «Был сын отцу послушный и любимый матерью своею».

Когда Борис, выступив в поход и не встретив врага, возвращался обратно, прибыл к нему вестник и поведал ему о смерти отца. Рассказал он, как преставился отец его Василий (этим именем назван был Владимир в святом крещении) и как Святополк, утаив смерть отца своего, ночью разобрал помост в Берестове и, завернув тело в ковер, спустил его на веревках на землю, отвез на санях и поставил в церкви святой Богородицы. И как услышал это святой Борис, стал телом слабеть и все лицо его намокло от слез, обливаясь слезами, не в силах был говорить. Лишь в сердце своем так размышлял: «Увы мне, свет очей моих, сияние и заря лица моего, узда юности моей, наставник неопытности моей! Увы мне, отец и господин мой! К кому прибегну, к кому обращу взор мой? Где еще найду такую мудрость и как обойдусь без наставлений разума твоего? Увы мне, увy мне! Как же ты зашло, солнце мое, а меня не было там! Был бы я там, то сам бы своими руками честное тело твое убрал и могиле предал! Но не нес я доблестное тело твое, не сподобился целовать прекрасные твои седины. О, блаженный, помяни меня в месте упокоения твоего! Сердце мое горит, душа разум смущает и не знаю, к кому обратиться, кому поведать эту горькую печаль? Брату, которого я почитал как отца? Но тот, чувствую я, о мирской суете печется и убийство мое замышляет. Если он кровь мою прольет и на убийство мое решится, буду мучеником перед Господом моим. Не воспротивлюсь я, ибо написано: «Бог гор-

дым противится, а смиренным дает благодать». И в послании апостола сказано: «Кто говорит: «Я люблю Бога», а брата своего ненавидит, тот лжец». И еще: «В любви нет страха, совершенная любовь изгоняет страх». Поэтому что я скажу, что сделаю? Вот пойду к брату моему и скажу: «Будь мне отцом — ведь ты брат мой старший. Что повелишь мне, господин мой?»»

И, помышляя так в уме своем, пошел к брату своему и говорил в сердце своем: «Увижу ли я хотя бы братца моего младшего Глеба, как Иосиф Вениамина?» И решил в сердце своем: «Да будет воля Твоя, Господи!» Про себя же подумал: «Если пойду в дом отца своего, то многие люди станут уговаривать меня прогнать брата, как поступал, ради славы и княжения в мире этом, отец мой до святого крещения. А ведь все это преходяще и непрочно, как паутина. Куда я приду по отшествию своем из мира этого? Где окажусь тогда? Какой получу ответ? Где скрою множество грехов своих? Что приобрели братья отца моего или отец мой? Где их жизнь и слава мира сего, и багряницы, и пиры, серебро и золото, вина и меды, яства обильные, и резвые кони, и хоромы изукрашенные и великие, и богатства многие, и дани и почести бесчисленные, и похвальба боярами своими? Всего этого будто и не было: все с ними исчезло, и ни от чего нет подспорья — ни от богатства, ни от множества рабов, ни от славы мира сего. Так и Соломон, все испытал, все видел, всем овладев и все собрав, говорил обо всем: «Суета сует — все суета!» Спасение только в добрых делах, в истинной вере и в нелицемерной любви».

Идя же путем своим, думал Борис о красоте и молодости своей и весь обливался слезами. И хотел сдержаться, но не мог. И все видевшие его тоже оплакивали юность его и красоту его телесную и духовную. И каждый в душе своей стонал от горести сердечной, и все были охвачены печалью.

Кто же не восплачется, представив пред очами сердца своего эту пагубную смерть?

Весь облик его был уныл, и сердце его святое было сокрушено, ибо был блаженный правдив и щедр, тих, кроток, смиренен, всех он жалел и всем помогал.

Так помышлял в сердце своем богоблаженный Борис и говорил: «Знал я, что брата злые люди подстрекают на убийство мое и погубит он меня, и когда прольет кровь мою, то буду я мучеником пред Господом моим, и примет душу мою Владыка». Затем, забыв смертную скорбь, стал утешать он сердце свое Божьим словом: «Тот, кто пожертвует душой своей ради Меня и Моего учения, обретет и сохранит ее в жизни вечной». И пошел с радостным сердцем, говоря: «Господи премилостивый, не отринь меня, на Тебя уповающего, но спаси душу мою!»

Святополк же, сев на княжение в Киеве после смерти отца, призвал к себе киевлян и, щедро одарив их, отпустил. К Борису же послал такую весть: «Брат, хочу жить с тобой в любви и к полученному от отца владению добавлю еще». Но не было правды в его словах. Святополк, придя ночью в Вышгород, тайно призвал к себе Путыпу и вышгородских мужей и сказал им: «Признайтесь мне без утайки — преданы ли вы мне?» Путыпа ответил: «Все мы готовы головы свои положить за тебя».

Когда увидел дьявол, исконный враг всего доброго в людях, что святой Борис всю надежду свою возложил на Бога, то стал строить козни и, как в древние времена Каина, замышлявшего братоубийство, уловил Святополка. Угадал он помыслы Святополка, поистине второго Каина: ведь хотел перебить он всех наследников отца своего, чтобы одному захватить всю власть.

Тогда призвал к себе окаянный треклятый Святополк сообщников злодеяния и зачинщиков всей неправды, отверз свои прескверные уста и вскричал злобным голосом Путыпиной дружине: «Раз вы обещали положить за меня свои головы, то идите тайно, братья мои, и где встретите брата моего Бориса, улучив подходящее время, убейте его». И они обещали ему сделать это.

О таких пророк говорил: «Скоры они на подлое убийство. Оскверненные кровопролитием, они навлекают на себя несчастья. Таковы пути всех, совершающих беззаконие, — нечестием губят душу свою».

Блаженный же Борис возвратился и раскинул свой стан на Альте*. И сказала ему дружина: «Пойди, сядь в Киеве на отчий княжеский стол — ведь все воины в твоих руках». Он же им отвечал: «Не могу я поднять руку на брата своего, к тому же еще и старшего, которого чту я как отца». Услышав это, воины разошлись и остался он только с отроками своими. И был день субботний. В тоске и печали, с удрученным сердцем вошел он в шатер свой и заплакал в сокрушении сердечном, но с душою просветленной, жалобно восклицая: «Не отвергай слез моих, Владыка, ибо уповаю я на Тебя! Пусть удостоюсь участи рабов Твоих и разделю жребий со всеми святыми Твоими, Ты Бог милостивый, и славу Тебе возносим вовеки! Аминь».

Вспомнил он о мучении и страданиях святого мученика Никиты и святого Вячеслава, которые были убиты так же, и о том, как убийцей святой Варвары был ее родной отец. И вспомнил слова премудрого Соломона: «Праведники вечно живут, и от Господа им награда и украшение им от Всевышнего». И только этими словами утешался и радовался.

Между тем наступил вечер, и Борис повелел петь вечерню, а сам вошел в шатер свой и стал творить вечернюю молитву со слезами горькими, частым воздыханием и непрерывными стенаниями. Потом лег спать, и сон его тревожили тоскливые мысли и печаль горькая, и тяжелая, и страшная: как претерпеть мучение и страдание, и окончить жизнь, и веру сохранить, и приуготовленный венец принять из рук Вседержителя. И, проснувшись рано, увидел, что время уже утреннее. А был воскресный день. Сказал он священнику своему: «Вставай, начинай заутреню». Сам же, обувшись и умыв лицо свое, начал молиться Господу Богу.

Посланные же Святополком пришли на Альту ночью, и подошли близко, и услышали голос блаженного страстотерпца, поющего на заутреню Псалтырь. И получил он уже весть о готовящемся убиении его. И начал петь: «Господи! Как умножились враги мои! Многие восстают на меня» — и остальные псалмы, до конца. И, начавши петь по Псалтыри: «Окружили меня скопища псов и тельцы

тучные обступили меня», продолжил: «Господи Боже мой! На Тебя я уповаю, спаси меня!» И после этого пропел канон . И когда окончил заутреню, стал молиться, взирая на икону Господню и говоря: «Господи Иисусе Христе! Как Ты, в этом образе явившийся на землю и собственною волею давший пригвоздить Себя к кресту и принять страдание за грехи наши, сподобь и меня принять страдание!»

И когда услышал он зловещий шепот около шатра, то затрепетал, и потекли слезы из глаз его, и промолвил: «Слава Тебе, Господи, за все, ибо удостоил меня зависти ради принять сию горькую смерть и претерпеть все ради любви к заповедям Твоим. Не захотел Ты Сам избегнуть мук, ничего не пожелал Себе, последуя заповедям апостола: «Любовь долготерпелива, всему верит, не завидует и не превозносится». И еще: «В любви нет страха, ибо истинная любовь изгоняет страх». Поэтому, Владыка, душа моя в руках Твоих всегда, ибо не забыл я Твоей заповеди. Как Господу угодно — так и будет». И когда увидели священник Борисов и отрок, прислуживающий князю, господина своего, объятого скорбью и печалью, то заплакали горько и сказали: «Милостивый и дорогой господин наш! Какой благодати исполнен ты, что не восхотел ради любви Христовой воспротивиться брату, а ведь сколько воинов держал под рукою своей!» И, сказав это, опечалились.

И вдруг увидел устремившихся к шатру, блеск оружия, обнаженные мечи. И без жалости пронзено было честное и многомилостивое тело святого и блаженного Христова страстотерпца Бориса. Поразили его копьями окаянные: Путыпа, Талец, Елович, Ляшко. Видя это, отрок его прикрыл собою тело блаженного, воскликнув: «Да не оставлю тебя, господин мой любимый, — где увядает красота тела твоего, тут и я сподоблюсь окончить жизнь свою!»

Был же он родом венгр, по имени Георгий, и наградил его князь золотой гривной , и был любим Борисом безмерно. Тут и его пронзили, и, раненый, выскочил он в оторопи из шатра. И заговорили стоящие около шатра: «Что стоите и смотрите! Начав, завершим повеленное

нам». Услышав это, блаженный стал молиться и просить их, говоря: «Братья мои милые и любимые! Погодите немного, дайте помолиться Богу». И возрев на небо со слезами, и вознося вздохи горе, начал молиться такими словами: «Господи Боже мой многомилостивый и милостивый и премилостивый! Слава Тебе, что сподобил меня уйти от обольщений этой обманчивой жизни! Слава Тебе, щедрый дарователь жизни, что сподобил меня подвига, достойного святых мучеников! Слава Тебе, Владыка-человеколюбец, что сподобил меня свершить сокровенное желание сердца моего! Слава Тебе, Христос, слава безмерному Твоему милосердию, ибо направил Ты стопы мои на правый путь! Взгляни с высоты святости Твоей и узри боль сердца моего, которую претерпел я от родственника моего — ведь ради Тебя умерщвляют меня в день сей. Меня уравнили с овном, уготовленным на убой. Ведь Ты знаешь, Господи, не противлюсь я, не перечу и, имев под своей рукой всех воинов отца моего и всех, кого любил отец мой, ничего не замышлял против брата моего. Он же сколько смог воздвиг против меня. «Если бы враг поносил меня — это я стерпел бы; если бы ненавистник мой клеветал на меня, — укрылся бы я от него». Но Ты, Господи, будь свидетель и сверши суд между мною и братом моим и не осуждай их, Господи, за грех этот, но прими с миром душу мою. Аминь».

И возрев на своих убийц горестным взглядом, с осунувшимся лицом, весь обливаясь слезами, промолвил: «Братья, приступивши, заканчивайте порученное вам. И да будет мир брату моему и вам, братья».

И все, кто слышали слова его, не могли вымолвить ни слова от страха и печали горькой и слез обильных. С горькими вздыханиями жалобно сетовали и плакали, и каждый в душе своей стонал: «Увы нам, князь наш милостивый и блаженный, поводырь слепым, одежда нагим, посох старцам, наставник неразумным! Кто теперь их всех направит? Не восхотел славы мира сего, не восхотел веселиться с вельможами честными, не восхотел величия в жизни сей. Кто не поразится столь великому смирению, кто не смирится сам, видя и слыша его смирение? »

И так почил Борис, предав душу свою в руки Бога живого в 24 день месяца июля, за 9 дней до календ* августовских.

Перебили и отроков многих. С Георгия же не могли снять гривны и, отрубив ему голову, отшвырнули ее прочь. Поэтому и не смогли опознать тела его.

Блаженного же Бориса, обернув в шатер, положили на телегу и повезли. И когда ехали бором, начал приподнимать он святую голову свою. Узнав об этом, Свято- полк послал двух варягов, и те пронзили Бориса мечом в сердце. И так скончался, восприняв неувядаемый венец. И, принеся тело его, положили в Вышгороде и погребли в земле у церкви святого Василия.

И не остановился на этом убийстве окаянный Свято-полк, но в неистовстве своем стал готовиться на большее преступление. И, увидев осуществление заветного желания своего, не думал о злодейском своем убийстве и о тяжести греха, и нимало не раскаивался в содеянном, и тогда вошел в сердце его сатана, начав подстрекать на еще большие злодеяния и новые убийства. Так говорил в душе своей окаянный: «Что сделаю? Если остановлюсь на этом убийстве, то две участи ожидают меня: когда узнают о случившемся братья мои, то, подстергши меня, воздадут мне горше содеянного мною. А если и не так, то изгонят меня и лишусь престола отца моего, и сожаление по утраченной земле моей изложет меня, и поношения поносящих обрушатся на меня, и княжение мое захватит другой, и в жилищах моих не останется живой души. Ибо я погубил возлюбленного Господом и к болезни добавил новую язву. Добавлю же к беззаконию беззаконие. Ведь и грех матери моей не простится и с праведниками я не буду вписан, но изымется имя мое из книг жизни». Так и случилось, о чем после поведаем. Сейчас же еще не время, а вернемся к нашему рассказу.

И, замыслив это, злой дьявола сообщник послал за блаженным Глебом, говоря: «Приходи не медля. Отец зовет тебя, тяжко болен он».

Глеб быстро собрался, сел на коня и отправился с небольшой дружиной. И когда пришли на Волгу, в поле остутился под ним конь в яме и повредил слегка ногу.

А как пришел Глеб в Смоленск, отошел от Смоленска недалеко и стал на Смядыни, в ладье. А в это время пришла весть от Предславы к Ярославу о смерти отца. И Ярослав прислал к Глебу, говоря: «Не ходи, брат! Отец твой умер, а брат твой убит Святополком».

И, услышав это, блаженный возопил с плачем горьким и сердечной печалью, и так говорил: «О, увы мне, Господи! Вдвойне плачу и стенаю, вдвойне сетую и тужу. Увы мне, увы мне! Плачу горько по отце, а еще горше плачу и горюю по тебе, брат и господин мой, Борис. Как пронзен был, как без жалости убит, как не от врага, но от своего брата смерть воспринял? Увы мне! Лучше бы мне умереть с тобою, нежели одинокому и осиротевшему без тебя жить на этом свете. Я-то думал, что скоро увижу лицо твое ангельское, а вот какая беда постигла меня, лучше бы мне с тобой умереть, господин мой! Что же я буду делать теперь, несчастный, лишенный твоей доброты и многомудрия отца моего? О милый мой брат и господин! Если твои молитвы доходят до Господа, помолись о моей печали, чтобы и я сподобился такое же мучение воспринять и быть вместе с тобою, а не на этом суетном свете».

И когда он так стенал и плакал, орошая слезами землю и призывая Бога с частыми вздохами, внезапно появились посланные Святополком злые слуги его, безжалостные кровопийцы, лютые братоненавистники, свирепые звери, исторгающие душу.

Святой же плыл в это время в ладье, и они встретили его в устье Смядыни. И когда увидел их святой, то возрадовался душою, а они, увидев его, помрачнели и стали грести к нему, и подумал он — приветствовать его хотят. И, когда поплыли рядом, начали злодеи перескакивать в ладью его с блещущими, как вода, обнаженными мечами в руках. И сразу у всех весла из рук выпали, и все помертвели от страха. Увидев это, блаженный понял, что хотят убить его. И глядя на убийц кротким взором, омывая лицо свое слезами, смирившись, в сердечном сокрушении, трепетно вздыхая, заливаясь слезами и ослабев телом, стал жалостно умолять: «Не трогайте меня, братья мои милые и дорогие! Не трогайте меня, никакого

зла вам не причинившего! Пощадите, братья и повелители мои, пощадите! Какую обиду нанес я брату моему и вам, братья и повелители мои? Если есть какая обида, то ведите меня к князю вашему и к брату моему и господину. Пожалейте юность мою, смилуйтесь, повелители мои! Будьте господами моими, а я буду вашим рабом. Не губите меня, в жизни юного, не пожинайте колоса, еще не созревшего, соком беззлобия налитого! Не срезайте лозу, еще не выросшую, но плод имеющую! Умоляю вас и отдаюсь на вашу милость. Побойтесь сказавшего устами апостола: «Не будьте детьми умом: на дело злое будьте как младенцы, а по згму совершеннолетни будьте». Я же, братья, и делом и возрастом молод еще. Это не убийство, но живодерство! Какое зло сотворил я, скажите мне, и не буду тогда жаловаться. Если же кровью моей насытитесь хотите, то я, братья, в руках ваших и брата моего, а вашего князя». И ни единое слово не устыдило их, но как свирепые звери напали на него. Он же, видя, что не внимают словам его, стал говорить: «Да избавятся от вечных мук и любимый отец мой и господин Василий, и мать госпожа моя, и ты, брат Борис, — наставник юности моей, и ты, брат и пособник Ярослав, и ты, брат и враг Свя- тополк, и все вы, братья и дружина, пусть все спасутся! Уже не увижу вас в жизни сей, ибо разлучают меня с вами насильно». И говорил плача: «Василий, Василий, отец мой и господин! Преклони слух свой и услышь глас мой, посмотри и узри случившееся с сыном твоим, как ни за что убивают меня. Увы мне, увы мне! Услышь, небо, и внимли, земля! И ты, Борис брат, услышь глас мой. Отца моего Василия призвал, и не внял он мне, неужели и ты не хочешь услышать меня? Погляди на скорбь сердца моего и боль души моей, погляди на потоки слез моих, текущих как река! И никто не внимлет мне, но ты помяни меня и помолись обо мне перед Владыкой всех, ибо ты угоден Ему и предстоишь пред престолом Его».

И, преклонив колени, стал молиться: «Прецедрый и премилостивый Господь! Не презри слез моих, смилуйся над моей печалью. Возри на сокрушение сердца моего: убивают меня неведомо за что, неизвестно, за какую вину. Ты знаешь, Господи Боже мой! Помню слова, сказан-

ные Тобою своим апостолам: «За имя Мое, Меня ради поднимут на вас руки, и преданы будете родичами и друзьями, и брат брата предаст на смерть, и умертвят вас ради имени Моего». И еще: «Терпением укрепляйте души свои». Смотри, Господи, и суди: вот готова моя душа предстать пред Тобою, Господи! И Тебе славу возносим, Отцу и Сыну и Святому духу, ныне и присно и во веки веков. Аминь».

Потом взглянул на убийц и промолвил жалобным и прерывающимся голосом: «Раз уж начали, приступивши, свершите то, на что посланы!»

Тогда окаянный Горясер приказал зарезать его без промедления. Повар же Глебов, по имени Торчин, взял нож и, схватив блаженного, заклал его, как агнца непорочного и невинного, месяца сентября в 5-й день, в понедельник.

И была принесена жертва Господу чистая и благоуханная, и поднялся в небесные обители к Господу, и свиделся с любимым братом, и восприняли оба венец небесный, к которому стремились, и возрадовались радостью великой и неизреченной, которую и получили.

Окаянные же убийцы возвратились к пославшему их, как говорил Давид : «Возвратятся нечестивые во ад и все забывающие Бога». И еще: «Обнажают меч нечестивые и натягивают лук свой, чтобы поразить идущих прямым путем, но меч их войдет в их же сердце и луки их сокрушатся, а нечестивые погибнут». И когда сказали Святополку, что «исполнили повеление твое», то, услышав это, вознесся он сердцем, и сбылось сказанное псалмопевцем Давидом: «Что хвалишься злодейством сильный? Беззаконие в сей день, неправду замыслил язык твой. Ты возлюбил зло больше добра, больше ложь, нежели правду. Ты возлюбил всякие губительные речи, и язык твой лстивый. Поэтому Бог сокрушит тебя до конца, изринет и исторгнет тебя из жилища твоего и род твой из земли живых».

Когда убили Глеба, то бросили его в пустынном месте меж двух колод. Но Господь, не оставляющий Своих рабов, как сказал Давид, «хранит все кости их, и ни одна из них не сокрушится».

И этого святого, лежавшего долгое время, не оставил Бог в неведении и пренебрежении, но сохранил невредимым и явлениями ознаменовал: проходившие мимо этого места купцы, охотники и пастухи иногда видели огненный столп, иногда горящие свечи или слышали ангельское пение. И ни единому, видевшему и слышавшему это, не пришло на ум поискать тело святого, пока Ярослав, не стерпев сего злого убийства, не двинулся на братоубийцу окаянного Святополка и не начал с ним жестоко воевать. И всегда соизволением Божиим и помощью святых побеждал в битвах Ярослав, а окаянный бывал посрамлен и возвращался побежденным.

И вот однажды этот треклятый пришел со множеством печенегов, и Ярослав, собрав войско, вышел навстречу ему на Альту и стал в том месте, где был убит святой Борис. И, воздев руки к небу, сказал: «Кровь брата моего, как прежде Авелева, вопиет к тебе, Владыка. И ты отомсти за него и, как братоубийцу Каина, повергни Святополка в ужас и трепет. Молю Тебя, Господи, — да будут отмщены братья мои! Если телом вы и отошли отсюда, то благодатию живы и предстоите перед Господом и своей молитвой поможете мне!»

После этих слов сошлись противники друг с другом, и покрылось поле Альтское множеством воинов. И на восходе солнца вступили в бой, и была сеча зла, трижды вступали в схватку и так бились целый день, и лишь к вечеру одолел Ярослав, а окаянный Святополк обратился в бегство. И обуяло его безумие, и так ослабели суставы его, что не мог сидеть на коне, и несли его на носилках. Прибежали с ним к Берестью. Он же говорит: «Бежим, ведь гонятся за нами!» И послали разведать, и не было ни преследующих, ни едущих по следам его. А он, лежа в бессилии и приподнимаясь, восклицал: «Бежим дальше, гонятся! Горе мне!» Невыносимо ему было оставаться на одном месте, и пробежал он через Польскую землю, гонимый гневом Божиим. И прибежал в пустынное место между Чехией и Польшей и тут бесчестно скончался. И принял отмщение от Господа: довел Святополка до гибели охвативший его недуг, и по смерти — муку вечную. И так потерял обе жизни: здесь не только

княжения, но и жизни лишился, а там не только царства небесного и с ангелами пребывания не получил, но мукам и огню был предан. И сохранилась могила его до наших дней, и исходит от нее ужасный смрад в назидание всем людям. Если кто-нибудь поступит так же, зная об этом, то поплатится еще горше. Каин, не ведая об отмщении, единую кару принял, а Ламех, зная о судьбе Каина, в семьдесят раз тяжелее наказан был. Такова месть творящим зло: вот Юлиан цесарь — пролил он много крови святых мучеников, и постигла его страшная и бесчеловечная смерть: неведомо кем пронзен был копьем в сердце. Так же и этот — неизвестно от кого бегая, позорной смертью скончался.

И с тех пор прекратились усобицы в Русской земле, а Ярослав принял всю землю Русскую. И начал он расспрашивать о телах святых — как и где похоронены? И о святом Борисе поведали ему, что похоронен в Вышгороде. А о святом Глебе не все знали, что у Смоленска был убит. И тогда рассказали Ярославу, что слышали от приходящих оттуда: как видели свет и свечи в пустынном месте. И, услышав это, Ярослав послал к Смоленску священников разузнать, в чем дело, говоря: «Это брат мой». И нашли его, где были видения, и, придя туда с крестами, и свечами многими, и с кадилами, торжественно положили Глеба в ладью и, возвратившись, похоронили его в Вышгороде, где лежит тело преблаженного Бориса: раскопав землю, тут и Глеба положили с подобающим почетом.

И вот что чудесно и дивно и памяти достойно: столько лет лежало тело святого Глеба и оставалось невредимым, не тронутым ни хищным зверем, ни червями, даже не почернело, как обычно случается с телами мертвых, но оставалось светлым и красивым, целым и благоуханным. Так Бог сохранил тело Своего страстотерпца.

И не знали многие о лежащих тут мощах святых страстотерпцев. Но, как говорил Господь: «Не может укрыться город, стоящий на верху горы, и, зажегши свечу, не ставят ее под спудом, но на подсвечнике выставляют, чтобы светила всем». Так и этих святых поставил Бог светить в мире, многочисленными чудесами сиять в великой Русской земле, где многие страждущие исце-

ляются: слепые прозревают, хромые бегают быстрее серны, горбатые выпрямляются.

Невозможно описать или рассказать о творимых чудесах, воистину весь мир их не может вместить, ибо дивных чудес больше песка морского. И не только здесь, но и в других странах, и по всем землям они проходят, отгоняя болезни и недуги, навещая заключенных в темницах и закованных в оковы. И в тех местах, где были увенчаны они мученическими венцами, созданы были церкви в их имя. И много чудес совершается с приходящими сюда.

Не знаю поэтому, какую похвалу воздать вам, и недоумеваю, и не могу решить, что сказать? Нарек бы вас ангелами, ибо без промедления являетесь всем скорбящим, но жили вы на земле среди людей во плоти человеческой. Если же назову вас людьми, то ведь своими бесчисленными чудесами и помощью немощным превосходите вы разум человеческий. Провозглашу ли вас цесарями или князьями, но самых простых и смиренных людей превзошли вы своим смирением, это и привело вас в горние места и жилища.

Воистину вы цесари цесарям и князья князьям, ибо вашей помощью и заботой князья наши всех противников побеждают и вашей помощью гордятся. Вы наше оружие, земли Русской защита и опора, мечи обоюдоострые, ими дерзость поганых низвергаем и дьявольские козни на земле попираем. Воистину и без сомнений могу сказать: вы небесные люди и земные ангелы, столпы и опора земли нашей! Защищаете свое отечество и помогаете так же, как и великий Дмитрий Солунский своему отечеству. Он сказал: «Как был с ними в радости, так и в погибели их с ними умру». Но если великий и милосердый Дмитрий об одной лишь Солуни так сказал, то вы не о едином граде, не о двух, не о каком-то селении печетесь и молитесь, но о всей земле Русской!

О блаженны гробы, принявшие ваши честные тела как сокровище многоценное! Блаженна церковь, в коей поставлены ваши гробницы святые, хранящие в себе блаженные тела ваши, о Христовы угодники! Поистине блажен и величественнее всех городов русских и высший город, имеющий такое сокровище. Нет равного ему во всем мире. По праву назван Вышгородом — выше и превыше всех городов: второй Солунь явился в Русской земле, исцеляющий

безвозмездно, с Божьей помощью, не только наш единый народ, но всей земле спасение приносящий. Приходящие из всех земель даром получают исцеление, как в святых евангелиях Господь говорил святым апостолам: «Даром получили, даром давайте». О таких и Сам Господь говорил: «Верующий в Меня, в дела, которые Я творю, сотворит сам их, и больше сих сотворит».

О, блаженные страстотерпцы Христовы, не забывайте отечества, где прожили свою земную жизнь, никогда не оставляйте его. Так же и в молитвах всегда молитесь за нас, да не постигнет нас беда и болезни, да не коснутся тела рабов ваших. Вам дана благодать, молитесь за нас, вас ведь Бог поставил перед собой заступниками и ходатаями за нас. Потому и прибегаем к вам, и, припадая со слезами, молимся, да не окажемся мы под пятой вражеской, и рука нечестивых да не погубит нас, пусть никакая пагуба не коснется нас, голод и озлобление удалите от нас, и избавьте нас от неприятельского меча и между-усобных раздоров, и от всякой беды и нападения защитите нас, на вас уповающих. И к Господу Богу молитву нашу с усердием принесите, ибо грешим мы сильно, и много в нас беззакония, и бесчинствуем с излишеством и без меры. Но, на ваши молитвы надеясь, возопием к Спасителю, говоря: «Владыка, единый без греха! Воззри со святых небес на нас, убогих, и хотя согрешили, но Ты прости, и хотя беззаконие творим, помилуй, и, впавших в заблуждение, как блудницу, прости нас и, как мытаря, оправдай».

Да снизойдет на нас милость Твоя! Да прольется на нас человеколюбие Твое! И не допусти нас погибнуть из-за грехов наших, не дай уснуть и умереть горькою смертью, но избавь нас от царившего в мире зла и дай нам время покаяться, ибо много беззаконий наших пред Тобою, Господи! Рассуди нас по милости Твоей, Господи, ибо имя Твое нарицается в нас, помилуй нас и спаси и защити молитвами преславных страстотерпцев Твоих. И не предай нас в поругание, а излей милость Твою на овец стада Твоего, ведь Ты Бог наш и Тебе славу воссылаем, Отцу и Сыну и Святому Духу, ныне и присно и во веки веков. Аминь!»

КОММЕНТАРИИ

Владимир — Владимир I Святославич (ум. 1015), великий князь киевский, в 988 г. крестил Русь.

Приточник — библейский царь Соломон (Xв. до н. э.), легендарный составитель книги притчей, входившей в состав Библии.

Иосиф и Вениамин — младшие сыновья библейского патриарха Иакова, разлученные по злему умыслу старших братьев.

Багряница — богатая царская одежда.

Вышгород — загородная резиденция великих князей, расположенная в 15 верстах от Киева, выше по течению Днепра.

Каин — сын Адама и Евы, убил из зависти младшего брата Авеля.

Алыта — река к юго-востоку от Киева, впадающая в Тру-беж.

Вспомнил он о мучении и страданиях святого мученика Никиты и т. д. ... — Князь Борис перечисляет имена святых, погибших за христианскую веру от руки родителей и братьев: царский сын *Никита* казнен отцом-язычником, чешский князь *Вячеслав* убит братом *Болеславом*, *Варвара* замучена по приказу отца.

Канон — церковное песнопение.

Гривна — ожерелье, золотой обруч на шее.

Календы — по древнеримскому календарю первые числа месяцев, приходящиеся на время, близкое к новолунию.

Смядынь — река в Смоленской земле, приток Днепра.

Предслава — дочь князя Владимира Святославича и Рогнеды, сестра Ярослава Мудрого.

Василий — христианское имя князя Владимира Святославича.

Давид — легендарный царь Израильско-Иудейского государства (XI—X вв. до н. э.), которому приписывается авторство Псалтири.

Берестье — древнее название города Бреста в Белоруссии.

Ламех — один из потомков Каина, убийца.

Юлиан цесарь Отступник — римский император Флавий Клавдий Юлиан (361—363 гг.), преследовавший христиан и убитый в бою во время персидского похода.

Мытарь — сборщик податей и пошлин.

ПОУЧЕНИЕ

Я, худой, дедом своим Ярославом, благословенным, славным, нареченный в крещении Василием, русским именем Владимир, отцом возлюбленным и матерью своею из рода Мономахов... и христианских ради людей, ибо сколько их соблюл по милости своей и по отцовской молитве от всех бед! Сидя на санях, помыслил я в душе своей и воздал хвалу Богу, который меня до этих дней, грешного, сохранил. Дети мои или иной кто, слушая эту грамотку, не посмейтесь, но кому из детей моих она будет любя, пусть примет ее в сердце свое и не станет лениться, а будет трудиться.

Прежде всего, Бога ради и души своей, страх имейте Божий в сердце своем и милостыню подавайте нескудную, это ведь начало всякого добра. Если же кому не любя грамотка эта, то пусть не посмеются, а так скажут: на дальнем пути, да на санях сидя, безлепицу молвил.

Ибо встретили меня послы от братьев моих на Волге и сказали: «Поспеши к нам, и выгоним Ростиславичей, и волость их отнимем; если же не пойдешь с нами, то мы — сами по себе будем, а ты — сам по себе». И ответил я: «Хоть вы и гневаетесь, не могу я ни с вами пойти, ни крестоцелование преступить».

И, отпустив их, взял Псалтырь, в печали разогнул ее, и вот что мне вынулось: «О чем печалишься, душа моя? Зачем смущаешь меня?» — и прочее. И потом собрал я эти полюбившиеся слова и расположил их по порядку и написал. Если вам последние не понравятся, начальные хоть возьмите.

«Зачем печалишься, душа моя? Зачем смущаешь меня? Уповай на Бога, ибо верю в него». «Не соревнуйся с лукавыми, не завидуй творящим беззаконие, ибо лукавые будут истреблены, послушные же Господу будут владеть землей». И еще немного: «И не будет грешника; посмотришь на место его и не найдешь его. Кроткие же унаследуют землю и многим насладятся миром. Злоумышляет грешный против праведного и скрежещет на него зубами своими; Господь же посмеется над ним, ибо видит, что настанет день его. Оружие извлекли грешники, натягивают лук свой, чтобы пронзить нищего и убогого, заковать правых сердцем. Оружие их пронзит сердца их, и луки их сокрушатся. Лучше праведнику малое, нежели многие богатства грешным. Ибо сила грешных сокрушится, праведных же укрепляет Господь. Как грешники погибнут — праведных же милует и одаривает. Ибо благословляющие Его наследуют землю, клянущие же Его истребятся. Господом стопы человека направляются. Когда он упадет, то не разобьется, ибо Господь поддерживает руку его. Молод был и состарился, и не видел праведника покинутым, ни потомков его просящими хлеба. Всякий день милостыню творит праведник и займы дает, и племя его благословенно будет. Уклонись от зла, сотвори добро, найди мир и отгони зло, и живи во веки веков».

«Когда восстали бы люди, то живыми пожрали бы нас; когда прогневалась бы на нас ярость его, то воды бы потопили нас».

«Помилуй меня, Боже, ибо погряз меня человек; всякий день нападая, теснит меня. Погрязли меня враги мои, ибо много восстающих на меня свыше». «Возвеселится праведник и, когда увидит отмщение, руки омоет свои в крови грешника. И скажет человек: «Если есть награда праведнику, значит, есть Бог, творящий суд на земле». «Освободи меня от врагов моих, Боже, и от восстающих на меня защити меня. Избавь меня от творящих беззаконие и от мужа крови спаси меня, ибо уже уловили душу мою». «Ибо гнев в мгновение ярости его, а вся жизнь в воле его: вечером водворится плач, а наутро радость». «Ибо милость Твоя лучше, чем жизнь моя, и уста мои да восхвалят Тебя. Так благословлю Тебя при жизни моей».

и во имя Твое воздену руки мои». «Укрой меня от сборища лукавых и от множества делающих неправду». «Возвеселитесь все праведные сердцем. Благословлю Господа во всякое время, непрестанна хвала Ему», и прочее.

Ибо как Василий учил, собрав юношей: иметь душу чистую и непорочную, тело худое, беседу кроткую и соблюдать слово Господне: «Есть и пить без шума великого, при старых молчать, премудрых слушать, старшим покоряться, с равными и младшими любовь иметь, без лукавства беседуя, а побольше разуметь; не свирепствовать словом, не хулить в беседе, не смеяться много, стыдиться старших, с нелепыми женщинами не беседовать, глаза держать книзу, а душу ввысь, избегать суеты; не уклоняться учить увлекающихся властью, ни во что ставить всеобщий почет. Если кто из вас может другим принести пользу, от Бога на воздаяние пусть надеется и вечных благ насладится». «О владычица Богородица! Отними от сердца моего бедного гордость и дерзость, чтобы не величался я суетою мира сего» в ничтожной этой жизни.

Научись, верующий человек, быть благочестию свершителем, научись, по евангельскому слову, «очам управлению, языку воздержанию, ума смирению, тела подчинению, гнева подавлению, иметь помыслы чистые, побуждая себя на добрые дела, Господа ради; лишаемый — не мсти, ненавидимый — люби, гонимый — терпи, хулимый — молчи, умертви грех». «Избавляйте обижаемого, давайте суд сироте, оправдывайте вдовицу. Приходите да соединимся, говорит Господь. Если будут грехи ваши как обгащенные, — как снег обелю их», и прочее. «Воссияет весна поста и цветок покаяния; очистим себя, братья, от всякой крови телесной и душевной. Взывая к Светодавцу, скажем: «Слава Тебе, человеколюбец!»

Поистине, дети мои, разумеете, что человеколюбец Бог милостив и премилостив. Мы, люди, грешны и смертны, и если кто нам сотворит зло, то мы хотим его поглотить и поскорее пролить его кровь; а Господь наш, владея и жизнью, и смертью, согрешения наши превыше голов наших терпит всю нашу жизнь. Как отец, чадо свое любя, бьет его и опять привлекает к себе, так же и Господь наш показал нам победу над врагами, как тремя делами доб-

ртчтми избавляться от них и побеждать их: покаянием, слезами и милостынею. И это вам, дети мои, не тяжкая заповедь Божия, как теми делами тремя избавиться от грехов своих и царствия небесного не лишиться.

Бога ради, не ленитесь, молю вас, не забывайте трех дел тех, не тяжки ведь они; ни затворничеством, ни монашеством, ни голоданием, которые иные добродетельные претерпевают, но малым делом можно получить милость Божию.

«Что такое человек, как подумаешь о нем?» «Велик Ты, Господи, и чудны дела Твои; разум человеческий не может постигнуть чудеса Твои», — и снова скажем: «Велик Ты, Господи, и чудны дела Твои, и благословенно и славно имя Твое вовеки по всей земле». Ибо кто не восхвалит и не прославит силу Твою и Твоих великих чудес и благ, устроенных на этом свете: как небо устроено, или как солнце, или как луна, или как звезды, и тьма, и свет, и земля на водах положена, Господи, Твоим промыслом! Звери различные, и птицы и рыбы украшены Твоим промыслом, Господи! И этому чуду подивимся, как из праха создал человека, как разнообразны человеческие лица; если и всех людей собрать, не у всех один облик, но каждый имеет свой облик лица, по Божьей мудрости. И тому подивимся, как птицы небесные из рая идут, и прежде всего в наши руки, и не поселяются в одной стране, но и сильные и слабые идут по всем землям, по Божьему повелению, чтобы наполнились леса и поля. Все же это дал Бог на пользу людям, в пищу и на радость. Велика, Господи, милость Твоя к нам, так как блага эти сотворил Ты ради человека грешного. И те же птицы небесные умудрены Тобою, Господи: когда повелишь, то запоют и людей веселят; а когда не повелишь им, то и имея язык немеют. «И благословен, Господи, и прославлен зело!» «Всякие чудеса и эти блага сотворил и совершил. И кто не восхвалит Тебя, Господи, и не верует всем сердцем и всей душой во имя Отца и Сына и Святого Духа, да будет проклят!»

Прочитав эти Божественные слова, дети мои, похвалите Бога, подавшего нам милость свою; а то дальнейшее — это моего собственного слабого ума наставление. Послушайте меня; если не все примете, то хоть половину.

Если вам Бог смягчит сердце, пролейте слезы о грехах своих, говоря: «Как блудницу, разбойника и мытаря помиловал Ты, так и нас, грешных, помилуй». И в церкви то делайте и ложась. Не пропускайте ни одной ночи, — если можете, поклонитесь до земли; если вам зане- можется, то трижды. Не забывайте этого, не ленитесь, ибо тем ночным поклоном и молитвой человек побеждает дьявола, и что нагрешит за день, то этим человек избавляется. Если и на коне едуци не будет у вас никакого дела и если других молитв не умеете сказать, то «Господи помилуй» взывайте беспрестанно втайне, ибо эта молитва всех лучше, — нежели думать безлепицу, ездя.

Всего же более убогих не забывайте, но, насколько можете, по силам кормите и подавайте сироте и вдовицу оправдывайте сами, а не давайте сильным губить человека. Ни правого, ни виновного не убивайте и не повелевайте убить его; если и будет повинен смерти, то не губите никакой христианской души. Говоря что-либо, дурное или хорошее, не клянитесь Богом, не креститесь, ибо нет тебе в этом никакой нужды. Если же вам придется крест целовать братии или кому-либо, то, проверив сердце свое, на чем можете устоять, на том и целуйте, а поцеловав, соблюдайте, чтобы, преступив, не погубить души своей. Епископов, попов и игуменов чтите, и с любовью принимайте от них благословение, и не устранийтесь от них, и по силам любите и заботьтесь о них, чтобы получить по их мольбе от Бога. Паче же всего гордости не имейте в сердце и в уме, но скажем: смертны мы, сегодня живы, а завтра в гробу; все это, что Ты нам дал, не наше, но Твое, поручил нам это на немного дней. И в земле ничего не сохраняйте, это нам великий грех. Старых чтите, как отца, а молодых, как братьев. В дому своем не ленитесь, но за всем сами наблюдайте; не полагайтесь на тиуна или на отрока, чтобы не посмеялись приходящие к вам, ни над домом вашим, ни над обедом вашим. На войну выйдя, не ленитесь, не полагайтесь на воевод; ни питью, ни еде не предавайтесь, ни спанью; сторожей сами наряживайте, и ночью, расставив стражу со всех сторон, около воинов ложитесь, а вставайте рано; а оружия не снимайте с себя второпях, не оглядевшись по лености,

внезапно ведь человек погибает. Лжи остерегайтесь, и пьянства, и блуда, от того ведь душа погибает и тело. Куда бы вы ни держали путь по своим землям, не давайте отрокам причинять вред ни своим, ни чужим, ни селам, ни посевам, чтобы не стали проклинать вас. Куда же пойдете и где остановитесь, напоите и накормите нищего, более же всего чтите гостя, откуда бы к вам ни пришел, простолюдин ли, или знатный, или посол; если не можете почтить его подарком, — то пищей и питьем: ибо они, проходя, прославят человека по всем землям, или добрым, или злым. Больного навестите, покойника проводите, ибо все мы смертны. Не пропустите человека, не поприветствовав его, и доброе слово ему молвите. Жену свою любите, но не давайте им власти над собой. А вот вам и основа всему: страх Божий имейте превыше всего.

Если не будете помнить это, то чаще перечитывайте: и мне не будет стыдно, и вам будет хорошо.

Что умеете хорошего, то не забывайте, а чего не умеете, тому учитесь — как отец мой, дома сидя, знал пять языков, оттого и честь от других стран. Лениость ведь всему мать: что кто умеет, то забудет, а чего не умеет, тому не научится. Добро же творя, не ленитесь ни на что хорошее, прежде всего к церкви: пусть не застанет вас солнце в постели. Так поступал отец мой блаженный и все добрые мужи совершенные. На заутрене воздавши Богу хвалу, потом на восходе солнца и увидев солнце, надо с радостью прославить Бога и сказать: «Просвети очи мои, Христе Боже, давший мне свет Твой прекрасный». И еще: «Господи, прибавь мне год к году, чтобы впредь, в остальных грехах своих покаявшись, исправил жизнь свою»; так я хвалю Бога и тогда, когда сажусь думать с дружиною, или собираюсь творить суд людям, или ехать на охоту или на сбор дани, или лечь спать. Спанье в полдень назначено Богом; по этому установленью почивают ведь и зверь, и птица, и люди.

РАССКАЗ МОНОМАХА О СВОЕЙ ЖИЗНИ

А теперь поведаю вам, дети мои, о труде своем, как трудился я в разъездах и на охотах с тринадцати лет. Сначала я к Ростову пошел сквозь землю вятичей ; по-

слал меня отец, а сам он пошел к Курску; и снова вторично ходил я к Смоленску, со Ставком Гордятичем, который затем пошел к Берестью с Изяславом, а меня послал к Смоленску; а из Смоленска пошел во Владимир*. Той же зимой послали меня в Берестье братья на пожарище, что поляки пожгли, и там правил я городом утишенным. Затем ходил в Переяславль к отцу, а после Пасхи из Переяславля во Владимир — в Сутейске мир заключить с поляками. Оттуда опять на лето во Владимир.

Затем послал меня Святослав в Польшу: ходил я за Глогов до Чешского леса, и ходил в земле их четыре месяца. И в том же году и сын родился у меня старший, новгородский. А оттуда ходил я в Туров, а на весну в Переяславль и опять в Туров.

И Святослав умер, и я опять пошел в Смоленск, а из Смоленска той же зимой в Новгород; весной — Глебу в помощь. А летом с отцом — под Полоцк, а на другую зиму со Святополком под Полоцк, и выжгли Полоцк; он пошел к Новгороду, а я с половцами на Одреск войною и в Чернигов. И снова пришел я из Смоленска к отцу в Чернигов. И Олег пришел туда, из Владимира выведенный, и я позвал его к себе на обед с отцом в Чернигове, на Красном дворе, и дал отцу триста гривен золота. И опять из Смоленска же придя, пробился я через половецкие войска с боем до Переяславля и отца застал вернувшегося из похода. Затем ходили мы опять в том же году с отцом и с Изяславом к Чернигову биться с Борисом и победили Бориса и Олега. И опять пошли в Переяславль и стали в Оброве.

И Всеслав Смоленск пожег, и я с черниговцами верхом с поводными конями помчался и не застали... в Смоленске. В том походе за Всеславом пожег землю и повоевал ее до Лукомля и до Логожска, затем на Друцк войною и опять в Чернигов.

А в ту зиму повоевали половцы Стародуб весь, и я, идя с черниговцами и со своими половцами, на Десне взяли в плен князей Асадука и Саука, а дружину их перебили. И на следующий день за Новым Городом разбили сильное войско Белкатгина, а семечей и пленников всех отняли.

А в Вятичскую землю ходили подряд две зимы на Ходоту* и на сына его и к Корьдну ходили первую зиму. И опять ходили мы и за Ростиславичами за Микулин , и не настигли их. И на ту весну — к Ярополку на совет в Броды .

В том же году гнались за Хорол за половцами, которые взяли Горошин.

На ту осень ходили с черниговцами и с половцами — читеевичами к Минску, захватили город и не оставили в нем ни челядина, ни скотины.

В ту зиму ходили к Ярополку на сбор в Броды и дружбу великую заключили.

И на весну посадил меня отец в Переяславле выше всей братии и ходили за Сулой . И по пути к Прилуку городу встретили нас внезапно половецкие князья, с восемью тысячами, и хотели было с ними сразиться, но оружие было отослано вперед на возах, и мы вошли в город; только семца одного живым захватили да смердов несколько, а наши половцев больше убили и захватили, и половцы, не смея сойти с коней, побежали к Суле в ту же ночь. И на следующий день, на Успение , пошли мы к Белой Веже, Бог нам помог и святая Богородица: перебили девятьсот половцев и двух князей взяли, Багубарсовых братьев, Осеня и Сакзя, и только два мужа убежали.

И потом на Святославль гнались за половцами, и затем на Торческ город, и потом на Юрьев за половцами. И снова на той же стороне, у Красна, половцев победили, и потом с Ростиславом же у Варина вежи взяли. И затем ходил во Владимир опять, Ярополка там посадил, и Яро- полк умер.

И снова, по смерти отца и при Святополке, на Стугне бились мы с половцами до вечера, бились у Халепа, и потом мир сотворили с Тугорканом и с другими князьями половецкими, и у Глебовой чади отняли дружину свою всю.

И потом Олег на меня пришел со всею Половецкою землею к Чернигову, и билась дружина моя с ними восемь дней за малый вал и не дала им войти в острог; пожалел я христианских душ, и сел горящих, и монастырей и сказал: «Пусть не похваляются язычники». И от-

дал брату отца его стол, а сам пошел на стол отца своего в Переяславль. И вышли мы на святого Бориса день* из Чернигова и ехали сквозь полки половецкие, около ста человек, с детьми и женами. И облизывались на нас половцы точно волки, стоя у перевоза и на горах, — Бог и святой Борис не выдали меня им на поживу, невредимы дошли мы до Переяславля.

И сидел я в Переяславле три лета и три зимы с дружиною своею, и много бед приняли мы от войны и голода. И ходили на воинов их за Римов, и Бог нам помог, перебили их, а других захватили.

И вновь Итлареву чадь перебили, и вежи их взяли, идя за Голтав.

И к Стародубу ходили на Олега, потому что он сдружился с половцами. И на Буг ходили со Святополком на Боняка, за Рось.

И в Смоленск пошли, с Давыдом помирившись. Вновь ходили во второй раз с Вороницы.

Тогда же и торки пришли ко мне с половцами-чичевичами, и ходили мы им навстречу на Сулу.

И потом снова ходили к Ростову на зиму, и три зимы ходили к Смоленску. Из Смоленска пошел я в Ростов.

И опять со Святополком гнались за Боняком, но... убили, и не настигли их. И потом за Боняком же гнались за Рось, и снова не настигли его.

И на зиму в Смоленск пошел, из Смоленска после Пасхи вышел; и Юрьева мать умерла.

В Переяславль вернувшись к лету, собрал братьев.

И Боняк пришел со всеми половцами к Кснятину, мы пошли за ними из Переяславля за Сулу, и Бог нам помог, и полки их победили, и князей захватили лучших, и по Рождестве заключили мир с Аепою, и, взяв у него дочь, пошли к Смоленску. И потом пошел к Ростову.

Придя из Ростова, вновь пошел на половцев на Урусову со Святополком, и Бог нам помог.

И потом опять ходили на Боняка к Лубну, и Бог нам помог.

И потом ходили к Бойню со Святополком, и потом снова на Дон ходили со Святополком и с Давыдом, и Бог нам помог.

И к Вырю* пришли было Аепа и Боняк, хотели взять его; к Ромну пошли мы с Олегом и с детьми на них, и они, узнав, убежали.

И потом к Минску ходили на Глеба, который наших людей захватил, и Бог нам помог, и сделали то, что задумали.

И потом ходили к Владимиру на Ярославца, не стерпев злодеяний его.

А из Чернигова в Киев около ста раз ездил к отцу, за один день проезжая, до вечерни. А всего походов было восемьдесят и три великих, а остальных и не упомяну меньших. И мирю заключил с половецкими князьями без одного двадцать, и при отце и без отца, а раздаривал много скота и много одежды своей. И отпустил из оков лучших князей половецких столько: Шаруканевых двух братьев, Багубарсовых трех, Осеневых братьев четырех, а всего других лучших князей сто. А самих князей Бог живыми в руки давал: Коксусь с сыном, Аклан Бурчевич, таревский князь Азгулуй и иных витязей молодых пятнадцать, этих я, приведя живых, иссек и бросил в ту речку Сальню. А врозь перебил их в то время около двухсот лучших мужей.

А вот как я трудился, охотясь, пока сидел в Чернигове; а из Чернигова выйдя и до этого года по сту уганивал и брал без трудов, не считая другой охоты, вне Турова, где с отцом охотился на всякого зверя.

А вот что я в Чернигове делал: коней диких своими руками связал я в пущах десять и двадцать, живых коней, помимо того, что, разъезжая по равнине, ловил своими руками тех же коней диких. Два тура метали меня рогами вместе с конем, олень меня один бодал, а из двух лосей один ногами топтал, другой рогами бодал; вепрь у меня на бедре меч оторвал, медведь мне у колена потник укусил, лютей зверь вскочил ко мне на бедра и коня со мною опрокинул. И Бог сохранил меня невредимым. И с коня много падал, голову себе дважды разбивал и руки, и ноги свои повреждал — в юности своей повреждал, не дорожа жизнью своею, не щадя головы своей.

Что надлежало делать отроку моему, то сам делал — на войне и на охотах, ночью и днем, в жару и стужу, не

давая себе покоя. На посадников не полагаясь, ни на биричей*, сам делал, что было надо; весь распорядок и в доме у себя также сам устанавливал. И у ловчих охотничий распорядок сам устанавливал, и у конюхов, и о соколах и о ястребах заботился.

Также и бедного смерда и убогую вдовицу не давал в обиду сильным и за церковным порядком и за службой сам наблюдал.

Не осуждайте меня, дети мои или другой, кто прочтет: не хвалю ведь я ни себя, ни смелости своей, но хвалю Бога и прославляю милость его за то, что он меня, грешного и худого, столько лет оберегал от тех смертных опасностей, и не ленивым меня, дурного, создал, на всякие дела человеческие годным. Прочитав эту грамотку, постарайтесь на всякие добрые дела, славя Бога со святыми его. Смерти ведь, дети, не боясь, ни войны, ни зверя, дело исполняйте мужское, как вам Бог пошлет. Ибо, если я от войны, и от зверя, и от воды, и от падения с коня уберегся, то никто из вас не может повредить себя или быть убитым, пока не будет от Бога повелено. А если случится от Бога смерть, то ни отец, ни мать, ни братья не могут вас отнять от нее, но если и хорошее дело — остерегаться самому, то Божие обережение лучше человеческою.

ПИСЬМО МОНОМАХА К ОЛЕГУ СВЯТОСЛАВИЧУ

О я, многострадальный и печальный! Много борешься, душа, с сердцем и одолеваешь сердце мое; все мы тленны, и потому помышляю, как бы не предстать перед страшным судьбою, не покаявшись и не помирившись между собою.

Ибо кто молвит: «Бога люблю, а брата своего не люблю» — ложь это. И еще: «Если не простите прегрешений брату, то и вам не простит Отец Ваш Небесный». Пророк говорит: «Не соревнуйся лукавствующим, не завидуй творящим беззаконие». «Что лучше и прекраснее, чем жить братьям вместе». Но все наущение дьявола! Были ведь войны при умных дедах наших, при добрых и при блаженных отцах наших. Дьявол ведь ссорит нас, ибо не хочет добра роду человеческому. Это я тебе написал, потому что понудил меня сын мой, крещенный тобою, что сидит близко от тебя; прислал он ко мне мужа своего и грамоту, говоря в ней так:

«Договоримся и помиримся, а братцу моему Божий суд пришел. А мы не будем за него мстителями, но положим то на Бога, когда предстанут перед Богом; а Русскую землю не погубим». И я видел смирение сына моего, сжалился и, Бога устрашившись, сказал: «Он по молодости своей и неразумию так смиряется, на Бога возлагает; я же — человек, грешнее всех людей».

Послушал я сына своего, написал тебе грамоту: примешь ли ты ее по-доброму или с поруганием, то и другое увижу из твоей грамоты. Этими ведь словами я предупредил тебя, чего я ждал от тебя, смирением и покаянием желая от Бога отпущения прошлых своих грехов. Господь наш не человек, но Бог всей вселенной, — что захочет, во мгновение ока все сотворит, — и все же сам претерпел хулу, и оплевание, и удары и на смерть отдал себя, владея жизнью и смертью. А мы что такое, люди грешные и худые? — сегодня живы, а завтра мертвы, сегодня в славе и в чести, а завтра в гробу и забыты, — другие собранное нами разделят.

Посмотри, брат, на отцов наших: что они скопили и на что им одежды? Только и есть у них, что сделали душе своей. С этими словами тебе первому, брат, надлежало послать ко мне и предупредить меня. Когда же убили дитя, мое и твое, перед тобою, следовало бы тебе, увидев кровь его и тело его, увянувшее подобно цветку, впервые распустившемуся, подобно агнцу заколотому, сказать, стоя над ним, вдумавшись в помыслы души своей: «Увы мне, что я сделал! И, воспользовавшись его неразумием, ради неправды света сего суетного нажил я грех себе, а отцу и матери его принес слезы!»

Надо было бы сказать тебе словами Давида: «Знаю, грех мой всегда передо мною». Не из-за пролития крови, а свершив прелюбодеяние, помазанник Божий Давид посыпал главу свою и плакал горько, — в тот час отпустил ему согрешенья его Бог. Богу бы тебе покаяться, а ко мне написать грамоту утешительную да сноху мою послать ко мне, — ибо нет в ней ни зла, ни добра, — чтобы я, обняв ее, оплакал мужа ее и ту свадьбу их, вместо песен: ибо не видел я их первой радости, ни венчания их, за грехи мои. Ради Бога, пусти ее ко мне поскорее с первым послем, чтобы, поплакав с нею, поселил у себя, и села бы она как горлица на сухом дереве, горюя, а сам бы я утешился в Боге.

Тем ведь путем шли деды и отцы наши: суд от Бога пришел ему, а не от тебя. Если бы тогда ты свою волю сотворил и Муром добыл, а Ростова бы не занимал и послал бы ко мне, то мы бы отсюда и уладились. Но сам рассуди, мне ли было достойно послать к тебе или тебе ко мне? Если бы ты велел сыну моему: «Сошлись с отцом», десять раз я бы послал.

Дивно ли, если муж пал на войне? Умирили так лучшие из предков наших. Но не следовало ему искать чужого и меня в позор и в печаль вводить. Подучили ведь его слуги, чтобы себе что-нибудь добыть, а для него добыли зла. И если начнешь каяться Богу и ко мне будешь добр сердцем, послав посла своего или епископа, то напиши грамоту с правдою, тогда и волость получишь добром, и наше сердце обратишь к себе, и лучше будем, чем прежде: ни враг я тебе, ни мститель. Не хотел ведь я видеть крови твоей у Стародуба; но не дай мне Бог видеть кровь ни от руки твоей, ни от повеления твоего, ни от кого-либо из братьев. Если же я лгу, то Бог мне судья и крест честной! Если же в том состоит грех мой, что на тебя пошел к Чернигову из-за язычников, я в том каюсь, о том я не раз братии своей говорил и еще им поведал, потому что я человек.

Если тебе хорошо, то... если тебе плохо, то вот сидит подле тебя сын твой крестный с малым братом своим и хлеб едят дедовский, а ты сидишь на своем хлебе, об этом и рядись; если же хочешь их убить, то вот они у тебя оба. Ибо не хочу я зла, но добра хочу братии и Русской земле. А что ты хочешь добыть насильем, то мы, заботясь о тебе, давали тебе и в Стародубе отчину твою. Бог свидетель, что мы с братом твоим рядились, если он не сможет рядиться без тебя. И мы не сделали ничего дурного, не сказали: пересылайся с братом до тех пор, пока не уладимся. Если же кто из вас не хочет добра и мира христианам, пусть тому от Бога мира не видать душе своей на том свете!

Не от нужды говорю я это, ни от беды какой-нибудь, посланной Богом, сам поймешь, но душа своя мне дороже всего света сего.

На Страшном суде без обвинителей сам себя обличаю. И прочее.

КОММЕНТАРИИ

...нареченный в крещении Василием, русским именем Владимир... — В семьях русских православных князей была распространена традиция давать детям два имени: крестное, христианское и мирское, русское.

Сидя на санях... — т. е. в старости — в погребальном действе древних славян одним из важных обрядов была перевозка умершего к месту захоронения на санях.

Ростиславичи — Рюрик, Володарь, Василько Теробовль-ский — дети двоюродного брата Владимира Мономаха.

...взял Псалтырь... — Распространенный обычай в Древней Руси — гадание по Псалтири.

Василий Великий — византийский богослов, архиепископ Кесарийский (ок. 330—379).

...птицы небесные из рая идут... — Согласно древним славянским легендам, зимой птицы улетают в чудесную райскую страну.

Вятичи — племя, жившее по берегам Оки и Десны.

Берестье — древнее название города Бреста в Белоруссии.

Владимир — нынешний город Владимир-Волынский на Украине.

Переяславль — вотчина отца Мономаха — Всеволода; ныне — г. Переяслав-Хмельницкий.

Святослав — Святослав Ярославич, дядя Владимира Мономаха, умер в 1076 г.

Глоггов, Чешский лес — город Глогув на реке Одер. Чешский лес находился на водоразделе рек Дуная и Влтавы, между Богемией и Моравией.

Глеб — Глеб Святославич Новгородский, двоюродный брат Владимира Мономаха.

Красный двор — загородный двор князей.
...победили Бориса и Олега. — Сражение при Нежатиной Ниве произошло 3 октября 1078 г.
Лукомль, Логожск — города в Полоцких землях.
Ас аду к — предположительно — отец половчанки, на которой был женат Олег Святославич.
Ходота — князь вятичей.
Микулин — город, расположенный на берегу реки Серети.
Броды — приграничный город в Волынской земле.
Суна, Сула — реки, притоки Днепра.
Успение — православный христианский праздник в честь Богородицы, приходящийся на 15 августа (по ст. ст.).
Ростислав — имеется в виду брат Мономаха, Ростислав Всеволодович (1070—1093).
...на святого Бориса день — 24 июля (по ст. ст.).
Римов — город на реке Суле.
Голтав — один из городов в Переяславском княжестве на реке Голтава.
Юрьева мать — жена Владимира Мономаха Гита, мать Юрия Долгорукого.
К снятши — город, расположенный на левом притоке Днепра, реке Суле.
Урсова — половецкий князь.
Выра — селение на реке Выре.
Ромен — город на реке Суле, совр. Ромны.
И потом ходили... на Ярославца... — Поход во Владимирско-Волынскую землю, на Ярослава Святополковича.
Бирич — должностное лицо, наделенное властью собирать подати и штрафы, вызывать к суду ответчиков, следить за порядком.
...дитя мое и твое... — Изяслав Владимирович (ум. 1096) был крестным сыном Олега Святославича.
...хлеб едят дедовский... — т. е. находятся в своем родовом уделе.
Рядиться — править, управлять, распоряжаться.

ХОЖДЕНИЕ ИГУМЕНА ДАНИИЛА

О ИЕРУСАЛИМЕ

Святой город Иерусалим расположен в теснине, вплотную около него — высокие каменные горы. Подходя уже к самому городу, видишь сначала столп Давидов , а потом, пройдя немного, видишь Елеонскую гору , и Святая Святых , и церковь Воскресения, где находится гроб Господен, и потом видишь весь город. И есть там пологая гора вблизи от дороги, на расстоянии примерно версты до Иерусалима, — на той горе ссаживаются с коней все люди, и кладут там крестные поклоны, и поклоняются Святому Воскресению* на виду у города. И испытывает тогда всякий христианин огромную радость, видя святой город Иерусалим, и слезы льются тут у верных людей; никто ведь не может не прослезиться, увидев эту желанную землю и видя святые места, где Христос Бог наш претерпел страсти нас ради, грешных. И идут все пешком с радостью великою к городу Иерусалиму.

О ЦЕРКВИ ВОСКРЕСЕНИЯ ГОСПОДНЯ

Церковь Воскресения Господня такова. По форме она круглая; в ней двенадцать круглых цельных столпов, а шесть квадратных сложенных; она красиво вымощена мраморными плитами; дверей у нее шесть; а на хорах у нее шестнадцать столпов. А над хорами на потолке мозаичное изображение святых пророков — как живые стоят. А над алтарем мозаикой изображен Христос. В алтаре же великом мозаика изображает воздвижение Адама*, дальше кверху — мозаичное изображение Вознесения Господня; на обоих столпах по сторонам алтаря изображено мозаикою благовещение. Верх же церкви не до конца сведен камнем, но расперт каркасом из

тесаного дерева, так что она без верха, ничем не покрыта. Под самым же тем непокрытым верхом — гроб Господен.

Гроб же Господен собою таков. Это как бы маленькая пещерка, высеченная в камне, с небольшими дверцами, через которые может, став на колени, войти человек. В высоту она мала, а в длину и в ширину одинаково четыре локтя. И когда входишь в эту пещерку через маленькие дверцы, по правую руку — как бы скамья, высеченная в том же пещерном камне: на той скамье лежало тело Господа нашего Иисуса Христа. Сейчас та святая скамья покрыта мраморными плитами. Сбоку проделаны три круглых оконца, и благодаря этим оконцам виден этот святой камень, и туда целуют все христиане. Пять больших лампад с маслом висят в гробе Господнем, и горят беспрестанно лампы святые день и ночь. Скамья же та святая, где лежало тело Христово, в длину четыре локтя, в ширину два локтя, а по высоте пол-локтя. Перед дверьми пещеры лежит камень — на расстоянии трех стоп от тех пещерных дверей: на том камне, сидя, ангел явился женам и благовествовал им о воскресении Христовом.

Пещерка же та святая отделана снаружи красным мрамором наподобие амвона, и столбики из красного мрамора стоят вокруг числом двенадцать. Сверху же над пещеркой построен как бы теремец красивый на столбах, а наверху того теремца стоит Христос, изваянный из серебра, выше человеческого роста; это фряги сделали; и ныне он стоит под самым верхом тем непокрытым. Есть три двери у теремца того, устроенные хитро — как решетка из крестов: через те двери люди входят к гробу Господню. А что гробом Господним была та пещерка, как я сказал, я хорошо разузнал от живущих здесь издавна и по-настоящему знающих все те святые места.

Церковь же Воскресения по форме круглая, а в длину и в ширину равно имеет тридцать сажений. В ней устроены просторные помещения, и там наверху живет патриарх. Расстояние же от дверей гроба до стены великого алтаря двенадцать сажений. Здесь же, за стеной, вне алтаря, находится Пуп земли; над ним сделан свод, и сверху мозаикой изображен Христос, и надпись гласит: ♦Вот пядью моей я измерил небо и землю».

О ПУТИ К ИОРДАНУ

Путь от Иерусалима к Иордану лежит через Елеонскую гору на юго-восток, и путь этот очень тяжел, страшен и безводен. Ибо горы здесь высокие каменные и разбойников много, и они разбойничают в тех горах и ущельях страшных. Расстояние от Иерусалима до Иордана двадцать шесть больших верст. Пятнадцать верст до Кузивы, где постился святой Иоаким из-за своего неплодства, — есть здесь это место в глубоком ущелье близко у дороги, по левую руку, когда там идешь. И от Кузивы до Иерихона пять верст, а от Иерихона до Иордана шесть верст больших. Тут многие люди задыхаются от зноя и гибнут — от жажды без воды умирают. Там ведь море Содомское близко от той дороги: исходит дух знойный и смердящий — жжет и попалает всю землю ту. И здесь, не доходя до Иордана, близко от дороги, находится монастырь святого Иоанна Предтечи, устроен в горе.

О ИОРДАНЕ

Иордан-река течет быстро, берега же ее с той стороны круты, а с этой пологи. Вода очень мутная и вкусная для питья; не насытятся, когда пьешь воду ту святую; от нее — ни болезни, ни расстройства желудка у человека. Во всем похож Иордан на реку Сновь — и шириной, и глубиной, и тем, что петляет и очень быстро течет, как и Сновь-река. Глубина же четыре сажени посреди самой купели, как я измерил и проверил сам, ибо я перебродил на ту сторону Иордана и много походил по его берегу. Шириной же Иордан — как Сновь в устье. На этой стороне Иордана около купели той — вроде леса; деревья невысокие, похожие на вербу. А выше той купели по берегу Иордана стоит во множестве своего рода лоза, но она не такая, как наша лоза, несколько похожа на кизил; много и тростника. Затоны есть, как у Снови-реки. Зверей много тут: и свиной диких без числа много, и барсов тут много, и львов.

О ЛАВРЕ СВЯТОГО САВВЫ

А от того монастыря до лавры святого Саввы* верст шесть. Оба же те монастыря к югу от Иерусалима. Лавра святого Саввы находится в долине Иосафата, в юдоли плача,

которая начинается от Иерусалима: идя от Гефсимании, эта долина проходит сквозь лавру и доходит до Содомского моря. Лавра же святого Саввы устроена Богом чудесно и непередаваемо словами. Тек некогда поток страшный и очень глубокий и обезводел. Берега у него были высокие. На тех обрывах и лепятся келии — прилеплены и утверждены от Бога каким-то чудесным и страшным образом. На высоте ведь той стоят келии по обоим берегам потока того страшного и лепятся на скалах, будто звезды на небе утверждены. Церквей же три. Среди же келий тех западнее есть пещера чудесная. Пещеру ту Бог показал святому Савве столпом огненным, когда он сначала жил один на месте того потока. Первая же келья святого Саввы, где он жил один, находится поодаль от нынешней лавры, примерно на расстоянии полверсты. Оттуда он увидел показанный ему Богом столп огненный над местом тем святым, где есть ныне лавра святого Саввы. Чудесно это место и совершенно непередаваемо словами. Находится там и гроб святого Саввы между тех трех церквей, от большой на расстоянии сажени четырех. И есть теремок над гробом святого Саввы; сделано красиво. Там же лежат многие святые отцы, как живые телами: святой Иоанн епископ Исихаст тут лежит, святой Иоанн Дамаскин тут лежит, и святой Феодор Едвеский* тут лежит, и Михаил племянник его; Афродитиан святой тут лежит, и иные многие святые тут лежат, телами как живые, и благоухание от них исходит непередаваемое. И видел я колодец святого Саввы, который ему ночью показал дикий осел в потоке том против его кельи; пили мы из колодца того очень вкус-

ную и холодную воду. В месте же том нигде нет ни реки, ни ручья, ни колодца, но только один колодец святого Саввы. Место ведь то безводное, в горах каменных, и вся пустыня та суха и безводна. Только дождевой водой и живы отцы, находящиеся в пустыне той.

О ГОРЕ ХЕВРОН

Хеврон — гора большая; и город был на горе той большой и крепкий весьма. Стрoения его ветхи. Великое множество людей жило прежде по горе той, а ныне все пусто.

Первым на той горе Хевронской поселился после потопа внук Ноев сын Хамов, Ханаан, придя со строительства вавилонского столпа. И населил он землю ту всю около

Хеврона, и так и зовется земля та; Хананейская . И ту землю обещал Бог Аврааму, когда он еще жил в Месопотамии и в Харране, ибо там был дом отца Авраамова. И сказал Бог Аврааму: «Выйди из земли твоей, из дома отца твоего, и иди в землю Хананейскую, и дам тебе землю ту и семени твоему до века, и я буду с тобою». И ныне поистине земля та Богом обетованна, и благословенна от Бога всем добром: пшеницей, и вином, и маслом, и всяким плодом обильна весьма, и множеством скота богата, и овцы и скот дважды рождаются летом, и пчел много в камнях по горам тем красивым, также и виноградников много по тем пригорьям, и деревьев много плодовых стоит — без числа: маслины, смоковницы, и рожки, и яблони, и черешни, и прочие. И всякий плод тут есть, и плод тот лучше и больше всех плодов, сущих на земле под небом. Нет таких плодов нигде больше. И вода хороша в месте том и всячески полезна. И само то место превосходит все красотой и всяческим добром. Несказанна земля та около Хеврона! И там был дом Давидов — на этой горе Хевронской; и жил там Давид восемь лет, когда выгнал его сын Авессалом .

КОММЕНТАРИИ

Стол Давидов — высокая башня в иерусалимской цитадели, пристроенная к дворцу царя Давида.

Елеонская гора — гора в Иерусалиме.

Святая Святых — мечеть, возведенная халифом Омаром I

(634—644). Была построена на месте древнего иерусалимского храма. Позже, во время завоеваний крестоносцев была вновь обращена в христианскую церковь.

Святое Воскресение — храм Воскресения Господня.

Воздвижение Адама — изображение апокрифического сюжета о сошествии Христа в ад, во время которого Бог выводит из пекла («воздвигает») Адама и Еву.

Амвон — полукруглое возвышение в центре храма. Амвон у гроба Господня символизирует камень, с которого ангел возвестил мироносицам о воскресении Иисуса Христа.

Фряги — генуэзцы.

Пуп земли — отверстие за алтарем храма Воскресения Господня, считавшееся центром земли.

Иоаким — отец Марии, матери Иисуса Христа.

Море Содомское — Мертвое море.

Река Сновъ — река в Черниговской области, начинающаяся в окрестностях города Старо дуба и впадающая в Десну.

Святой Савва — монах, основавший в пустыне недалеко от Иордана монастырь, получивший впоследствии его имя.

Иоанн Исихаст («Молчалник»), взяв обет молчания, отказался от епископства и ушел в монастырь св. Саввы.

Иоанн Дамаскин — историк, богослов конца VII в.

Феодор Едесский — эдесский епископ IX в.

Афродитиан (Афродисий) Палестинский — монах, ученик св. Саввы, живший в VI в.

Хананейская земля — земли Ханаана, внука Ноя. В конкретном тексте речь идет о Палестине.

И там был дом Давидов... выгнал его сын Авессалом.— Имеется в виду рассказ о пребывании царя Давида в хевронском дворце. Восстание Авессалома, сына Давида, ошибочно связывается Даниилом с описываемыми событиями библейской истории.

СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ

СЛОВО О ПЪЛКУ ИГОРЕВЪ, ИГОРЯ, СЫНА СВЯТЬСЛАВЛЯ, ВНУКА ОЛЬГОВА

Древнерусский текст

Отрывок

Не л*по ли ны бяшетъ, братие, начяти старыми сло- весы трудныхъ пов*естии о пълку Игорев*, Игоря Святъславлича? Начати же ся тьи п*сни по былинамъ сего времени, а не по замышлению Бояню!

Боянъ бо в*щии, аще кому хотяше пѣснь творити, то растъкашется мыслию по древу, с*рымъ вълкомъ по земли, пшзымъ орломъ подь облакы. Помняшетъ бо, рече, пѣрвыхъ времянь усобиц*. Тогда пушашеть 10 соколовъ на стадо лебед*и, который дотечаше, та преди пѣснь по- яше старому Ярославу, храброму Мстиславу, иже зар*за Редедю предъ пълкы Касожьскими, красному Романови Святъславличю. Боянъ же, братие, не 10 соколовъ на стадо лебедѣи пушаше, нъ своя в*щиа прѣсты на живая струны вѣскладаше, они же сами княземъ славу рокотаху.

Почнемъ же, братие, пов*сть сию отъ стараго Влади- мера до нынѣшняго Игоря, иже истягну умъ кр*постию своею и поостри сердца своего мужествомъ, наплънився ратнаго духа, наведе своя храбрыя пълкы на землю По- лов*цькую за землю Руськую.

Тогда Игорь възр* на св*тлое солнце и вид* отъ него тьмою вся своя воя прикрыты. И рече Игорь къ дружин* своей: «Братие и дружино! луце жъ бы потягу быти, не- же полонену быти, а всядемъ, братие, на свои брѣзья ко- мони да позримъ синего Дону». Спала князю умъ похоти, и жалость ему знамение заступи искусити Дону Велик аго. «Хощу бо, рече, копие приломите конецъ поля Половецкаго, съ вами, Русици, хощу главу свою прило- жити, а любо испити шеломомъ Дону».

О Бонне, соловию старого времени! А бы ты сиа плъкы ущекоталь, скача, славию, по мыслену древу, летая умомъ подь облакы, свивая славы оба полы сего времени, рища въ тропу Трояню чресъ поля на горы. <...>

СЛОВО О ПОХОДЕ ИГОРЕВОМ, ИГОРЯ, СЫНА СВЯТОСЛАВОВА, ВНУКА ОЛЕГОВА

Не пристало ли нам, братья, начать старыми словами печальные повести о походе Игоревома, Игоря Святославича*? Пусть начнется же песнь эта по былям нашего времени, а не по замыслению Бояна!

Бонн же вещей, если хотел кому песнь воспеть, то растекался мыслию по древу, серым волком по земле, сизым орлом под облаками. Помнил он, говорят, прежних времен усобицы. Тогда пускал десять соколов на стаю лебедей, и какую лебедь настигали — та первой и пела песнь старому Ярославу, храброму Мстиславу, что зарезал Редедю пред полками косожскими, прекрасному Роману Святославичу. Боян же, братия, не десять соколов на стаю лебедей напускал, но свои вещи персты на живые струны воск л ад ал, а они уже сами славу князьям рокотали.

Начнем же, братья, повесть эту от старого Владимира до нынешнего Игоря, который скрепил ум волею своею и поострил сердце свое мужеством, исполнившись ратного духа, навел свои храбрые полки на землю Половецкую за землю Русскую.

Тогда Игорь взглянул на светлое солнце и увидел, что оно тьмою воинов его прикрыло. И сказал Игорь дружине своей: «Братья и дружина! Лучше убитым быть, чем пленным быть; так сядем, братья, на борзых коней да посмотрим на синий Дон». Страсть князю ум охватила, и желание отведать Дон Великий заслонило ему предзнаменование. «Хочу, — сказал, — копье преломить на границе поля Половецкого, с вами, русичи, хочу либо голову сложить, либо шлемом испить из Дона».

О Боян, соловей старого времени! Вот бы ты походы эти воспел, скача, соловей, по мысленному древу, летая умом под облаками, свивая славу обеих половин этого времени, рыща по тропе Трояна через поля на горы.

Так бы пелась тогда песнь Игорю, того внуку: «Не буря соколов занесла через поля широкие — стаи галок несутся к Дону Великому». Или так бы запел ты, вещей Боян, внук Велеса: «Кони ржут за Сулой — звенит слава в Киеве. Трубы трубят в Новгороде, стоят стяги в Путивле». Игор. ждет милого брата Всеволода. И сказал ему Буй Тур Всеволод:

«Один брат, один свет светлый — ты, Игорь! Оба мы Святославичи! Седлай же, брат, своих борзых коней, а мои-то готовы, уже оседланы у Курска. А мои-то куряне опытные воины: под трубами повиты, под шлемами взлелеяны, с конца копья вскормлены, пути им ведомы, овраги им знаемы, луки у них натянуты, колчаны отворены, сабли наострены; сами скачут как серые волки в поле, ища себе чести, а князю — славы».

Тогда вступил Игорь-князь в золотое стремя и поехал по чистому полю. Солнце ему тьмою путь заграждало, ночь стонами грозы птиц пробудила, свист звериный поднялся, встрепенулся Див, кличет на вершине дерева, велит послушать земле неведомой, Волге, и Поморию, и Посулию, и Сурожу, и Корсуню, и тебе, Тмуторканский идол. А половцы непроторенными дорогами помчались к Дону Великому. Кричат телеги в полночи, словно лебеди испугнутые.

А Игорь к Дону войско ведет. Уже беду его подстерегают птицы по дубравам, волки грозу накликают по оврагам, орлы клетком зверей на кости зовут, лисицы брешут на червлёные щиты.

О Русская земля! Уже ты за холмом!

Долго ночь меркнет. Заря свет зажгла, туман поля покрыл, щекот соловьиный уснул, говор галочий пробудился. Русичи великие поля червлёными щитами перегородили, ища себе чести, а князю — славы.

Спозаранок в пятницу потоптали они поганые полки половецкие и, рассыпавшись стрелами по полю, помчали красных девушек половецких, а с ними золото, и паволоки, и дорогие оксамиты. Покрывалами, и плащами, и кожухами стали мосты мостить по болотам и топям, и дорогими нарядами половецкими. Червлёный стяг, белая хоругвь, червлёный бунчук, серебряное древко — храброму Святославичу!

Дремлет в поле Олегово храброе гнездо . Далекo за-летело! Не было оно в обиду порождено ни соколу, ни кречету, ни тебе, черный ворон, поганый половец! Гзак* бежит серым волком, Кончак ему след указывает к Дону Великому.

На другой день спозаранку кровавые зори свет предвещают, черные тучи с моря идут, хотят прикрыть четыре солнца, а в них трепещут синие молнии. Быть грому великому, идти дождю стрелами с Дону Великого! Тут копьям преломиться, тут саблям побиться о шеломы половецкие, на реке на Каяле , у Дона Великого.

О Русская земля! Уже ты за холмом!

Вот ветры, внуки Стрибога , веют с моря стрелами на храбрые полки Игоря . Земля гудит, реки мутно текут, пыль поля прикрывает, стяги говорят: половцы идут от Дона и от моря и со всех сторон русские полки обступили. Дети бесовы кликом поля перегородили, а храбрые русичи перегородили червлеными щитами.

Яр Тур Всеволод! Бьешься ты впереди, прыщешь на воинов стрелами, гремишь о шлемы мечами булатными. Куда, Тур, поскачешь, своим золотым шлемом посвечивая, — там лежат поганые головы половецкие. Расщеплены шлемы аварские твоими саблями калеными. Яр Тур Всеволод! Что тому раны, дорогие братья, кто забыл честь и богатство, и города Чернигова отчий золотой престол, и своей милой жены, прекрасной Глебовны*, свычаи и обычаи!

Были века Трояновы, минули годы Ярославовы, были и войны Олеговы, Олега Святославича. Тот ведь Олег мечом крамолу ковал и стрелы по земле сеял. Вступил в золотое стремя в городе Тмуторокани, а звон тот же слышал давний великий Ярослав, а сын Всеволода Владимир каждое утро уши закладывал в Чернигове. А Бориса Вячеславича похвальба на смерть привела, и на Канине зеленый савин постлала за обиду Олега, храброго и молодого князя. С такой же Каялы и Святополк полелеял отца своего между венгерскими иноходцами ко святой Софии

к Киеву. Тогда при Олеге Гориславиче заседалось и прорастало усобицами, погибало достояние Дажь-Божьего* внука, в княжеских крамолах сокращались жизни людские. Тогда по Русской земле редко пахари покрикивали, но часто вороны граяли, трупы между собой деля, а галки по-своему говорили. Хотят полететь на поживу! То было в те рати и в те походы, а такой рати не слыхано! С раннего утра до вечера, с вечера до света летят стрелы каленные, гремят сабли о шлемы, трещат копыя булатные в поле незнаемом среди земли Половецкой. Черна земля под копытами костыми была посеяна, а кровью полита; горем взошли они по Русской земле!

Что мне шумит, что мне звенит издалека рано до зари? Игорь полки заворачивает: жаль ему милого брата Всеволода. Бились день, бились другой, на третий день к полудню пали стяги Игоревы! Тут разлучились братья на берегу быстрой Каялы; тут кровавого вина недостало; тут пир закончили храбрые русичи: сватов напоили, а сами полегли за землю Русскую. Никнет трава от жалости, а древо с тоской к земле приклонилось.

Уже ведь, братья, невеселое время настало, уже пустыня войско прикрыла. Встала обида в войсках Дажь-Божьего внука, вступила девой на землю Троянову, восплескала лебедиными крылами на синем море у Дона, плеская, растревожила времена обилия. Борьба князей с погаными кончилась, ибо сказал брат брату: «Это мое, и то мое же». И стали князья про малое «это великое» молвить и сами на себя крамолу ковать, а поганые со всех сторон приходили с победами на землю Русскую.

О, далеко залетел сокол, птиц избивая, — к морю! А Игорева храброго полка не воскресить! По нем кликнула Карна, и Жля поскакала по Русской земле, размыкивая огонь людям в пламенном роге. Жены русские восплакались, приговаривая: «Уже нам своих милых лад ни в мысли помыслить, ни думою сдумать, ни глазами не повидать, а золота и серебра и пуще того в руках не подержать!» И застонал, братья, Киев от горя, а Чернигов от напастей. Тоска разлилась по Русской земле, печаль обильная потекла среди земли Русской. А князья сами на себя крамолу ковали, а поганые сами, с победа-

ми нарыскивая на Русскую землю, брали дань по белке от двора.

Так и те два храбрых Святославича, Игорь и Всеволод, уже зло пробудили, которое перед тем усыпил было отец их, Святослав грозный великий киевский, грозою своею, усмирив своими сильными полками и булатными мечами; пришел на землю Половецкую, притоптал холмы и овраги, взмутил реки и озера, иссушил потоки и болота.

А поганого Кобяка из лукоморья, из железных великих полков половецких, словно вихрем исторг, и пал Кобяк в городе Киеве, в гриднице Святославовой. Тут немцы и венецианцы, тут греки и моравы поют славу Святославу, корят князя Игоря, что потопил богатство на дне Каялы, реки половецкой, русское золото просыпав. Тут Игорь князь пересел из золотого седла в седло рабское. Приуныли у городов забралы, и веселье поникло.

А Святослав смутный сон видел в Киеве на горах. «Этой ночью с вечера одевали меня, — говорил, — черным саваном на кровати тисовой, черпали мне синее вино, с горем смешанное, сыпали мне крупный жемчуг из пустых колчанов поганых толковин и нежили меня. Уже доски без князька в моем тереме златоверхом. Всю ночь с вечера серые вороны граяли у Плесньска на лугу, были в дебри Кисаней и понесли к синему морю».

И сказали бояре князю: «Уже, князь, горе ум полонило. Вот слетели два сокола с отчего золотого престола добыть города Тмутороканя либо испить шлемом Дона. Уже соколам крылья подсекли саблями поганых, а самих опутали в путы железные. Темно ведь было в третий день: два солнца померкли, оба багряные столпа погасли и в море погрузились, и с ними оба молодых месяца, Олег и Святослав, тьмою заволоклись. На реке на Каяле тьма свет прикрыла: по Русской земле рассыпались половцы, точно выводок пардусов, и великое ликование пробудили в хиновах*».

Уже пала хула на хвалу; уже ударило насилие по свободе; уже бросился Див на землю. Вот уже готские красные девы запели на берегу синего моря, звеня русским

золотом, воспевают время Бусово , лелеют месть за ТТТя-рукана*. А мы уже, дружина, невеселы».

Тогда великий Святослав изронил золотое слово, со слезами смешанное, и сказал: «О племянники мои, Игорь и Всеволод! Рано начали вы Половецкой земле мечами обиду творить, а себе славы искать. Но без чести вы одолели, без чести кровь поганую пролили. Ваши храбрые сердца из крепкого булата скованы и в отваге закалены. Что же сотворили вы моей серебряной седине!

А уже не вижу власти сильного, и богатого, и обильного воинами брата моего Ярослава , с черниговскими боярами, с могутами, ,и с татранами, и с шельбирами, и с топчаками, и с ревугами, и с ольберами. Они ведь без щитов, с засапожными ножами, кликом полки побеждают, звоня в прадедовскую славу. Но сказали вы: «Пому- жествуем сами: прошлую славу себе похитим, а будущую сами поделим». А разве дивно, братья, старому помолодеть? Если сокол в мытех бывает, то высоко птиц взбивает, не даст гнезда своего в обиду. Но вот зло — князья мне не подмога: худо времена обернулись. Вот у Римова кричат под саблями половецкими, а Владимир под ранами . Горе и тоска сыну Глебову!»

Великий князь Всеволод ! Не думаешь ли ты прилететь издалека, отчий золотой престол поблюсти? Ты ведь можешь Волгу веслами расплескать, а Дон шлемами вычерпать. Если бы тьхбыл здесь, то была бы раба по ногате , а раб по резане . Ты ведь можешь посуху живыми шереширами стрелять, удалыми сынами Глебовыми .

Ты, буйный Рюрик , и Давид ! Не ваши ли воины злачеными шлемами в крови плавали? Не ваша ли храбрая дружина рыкает, как туры, раненные саблями калеными, на поле незнаемом? Вступите же, господа, в золотое стремя за обиду нашего времени, за землю Русскую, за раны Игоря, буйного Святославича!

Галицкий Осмомысл Ярослав ! Высоко сидишь на своем златокованом престоле, подпер горы Венгерские" своими железными полками, заступив королю путь, затворив Дунаю ворота, меча бремена через облаки, суды рядя до Дуная. Грозы твои по землям текут, отворяешь Киеву ворота, стреляешь с отцовского золотого престола

салтанов за землями. Стреляй же, господин, Кончака, поганого раба, за землю Русскую, за раны Игоревы, буйного Святославича!

А ты, буйный Роман, и Мстислав! Храбрая мысль влечет ваш ум на подвиг. Высоко взмываешь на подвиг в отваге, точно сокол на ветрах царя, стремясь птицу в смелости одолеть. Ведь у ваших воинов железные паворзы под шлемами латинскими. От них дрогнула земля, и многие народы — хинова, литва, ятвяги, деремела, и половцы копья свои повергли и головы свои склонили под те мечи булатные. Но уже, князь, Игорю померк солнца свет, а дерево не к добру листву сронило: по Роси* и по Суле* города поделили. А Игореву храброго полка не воскресить! Дон тебя, князь, кличет и зовет князей на победу. Ольговичи, храбрые князья, уже поспели на брань...

Ингварь и Всеволод и все три Мстиславича — не худого гнезда соколы! Не по праву побед добыли себе владения! Где же ваши золотые шлемы и копья польские и щиты? Загородите Полю ворота своими острыми стрелами за землю Русскую, за раны Игоревы, буйного Святославича!

Уже Сула не течет серебряными струями к городу Переяславлю, и Двина болотом течет для тех грозных полочан под кликом поганых. Один только Изяслав, сын Васильков, позвенел своими острыми мечами о шлемы литовские, прибил славу деда своего Всеслава, а сам под червлеными щитами на кровавой траве литовскими мечами прибит со своим любимцем, а тот сказал: «Дружину твою, князь, крылья птиц приодели, а звери кровь полизали». Не было тут брата Брючислава, ни другого — Всеволода. Так в одиночестве изронил жемчужную душу из храброго тела через золотое ожерелье. Приуныли голоса, поникло веселье, трубы трубят городенские.

Ярослав и все внуки Всеслава! Уже склоните стяги свои, вложите в ножны мечи свои поврежденные, ибо лишились вы славы дедов. Своими крамолами начали вы наводить поганых на землю Русскую, на достояние Всеслава. Из-за усобиц ведь пошло насилие от земли Половецкой!

На седьмом веке Трояна кинул Всеслав жребий о девице ему милой. Хитростью оперся на коней и скакнул к городу Киеву, и коснулся древком золотого престола киевского. Отскочил от них лютым зверем в полночь из Белгорода, объятый синей мглой, урвал удачу в три попытки: отворил ворота Новгороду, расшиб славу Ярославу, скакнул волком до Немиги с Дудуток.

На Немиге снопы стелют из голов, молотят цепями булатными, на току жизнь кладут, веют душу от тела. Немиги кровавые берега не добром были засеяны, засеяны костями русских сынов.

Всеслав-князь людям суд правил, князьям города рядил, а сам ночью волком рыскал: из Киева до петухов допрыскавал Тмуторокани, великому Хорсу волком путь перерыскавал. Ему в Полоцке позвонили к заутрене рано у Святой Софии в колокола, а он в Киеве звон тот слышал. Хоть и вещая душа была у него в дерзком теле, но часто от бед страдал. Ему вещей Боян еще давно припевку, разумный, сказал: «Ни хитрому, ни умелому, ни птице умелой суда Божьего не миновать!»

О, стонать Русской земле, вспоминая первые времена и первых князей! Того старого Владимира нельзя было пригвоздить к горам киевским; а ныне встали стяги Рюриковы, а другие — Давыдовы, но врозь их знамена развеваются*. Копья поют!

На Дунае Ярославнин голос слышится, кукушкой безвестной рано *кукует*. «Полечу, говорит, кукушкою по Дунаю, омочу шелковый рукав в Каяле-реке, оботру князю кровавые его раны на могучем его теле».

Ярославна рано плачет в Путивле на забрале, приговаривая: «О ветер, ветрило! Зачем, господин, веешь ты наперекор? Зачем мчишь хиновские стрелочки на своих легких крыльницах на воинов моего лады? Разве мало тебе было под облаками веять, лелея корабли на синем море? Зачем, господин, мое веселье по ковылю развеял?»

Ярославна рано плачет на забрале Путивля-города, приговаривая: «О Днепр Словутич! Ты пробил каменные горы сквозь землю Половецкую. Ты лелеял на себе Святославовы ладьи до стана Кобяка. Возлелей, господин, моего ладу ко мне, чтобы не слала я к нему слез на море рано».

Ярославна рано плачет в Путивле на забрале, приговаривая: «Светлое и тресветлое солнце! Всем ты тепло и прекрасно, зачем же, владыко, простерло горячие свои лучи на воинов лады? В поле безводном жаждой им луки согнуло, горем им колчаны заткнуло».

Прыснуло море в полночи, идут смерчи тучами. Игорю-князю Бог путь указывает из земли Половецкой на землю Русскую, к отчему золотому престолу. Погасли вечером зори. Игорь спит и не спит: Игорь мыслью поля мерит от великого Дона до малого Донца. В полночь свистнул Овлур* коня за рекой — велит князю разуметь: не быть князю Игорю! Кликнул, стукнула земля, зашумела трава, задвигались вежи половецкие. А Игорь-князь скакнул горностаем в тростники и белым гоголем на воду, вскочил на борзого коня и соскочил с него серым волком. И помчался к излуине Донца, и полетел соколом под облаками, избивая гусей и лебедей к завтраку, и к обеду, и к ужину. Коли Игорь соколом полетел, тогда Овлур волком побежал, отряхая студеную росу: загнали они своих борзых коней.

Донец сказал: «Князь Игорь! Не мало тебе величия, а Кончаку нелюбия, а Русской земле веселия!» Игорь сказал: «О Донец! Не мало тебе величия, лелеявшему князя на волнах, стлавшему ему зеленую траву на своих серебряных берегах, одевавшему его теплыми туманами под сенью зеленого дерева. Ты стерег его гоголем на воде, чайками на струях, чернядями на ветрах». Не такая, сказал, река Стугна: скудную струю имея, поглотив чужие ручьи и потоки, расширилась к устью и юношу князя Ростислава заключила*. На темном берегу Днепра плачет мать Ростислава по юноше князе Ростиславе. Уныли цветы от жалости, и дерево с тоской к земле приклонилось.

То не сороки застрекотали — по следу Игоря едут Гзак с Кончаком. Тогда вороны не граяли, галки примолкли, сороки не стрекотали, только полозы ползали. Дятлы стуком путь к реке указывают, соловьи веселыми песнями рассвет возвещают. Говорит Гзак Кончаку: «Если сокол к гнезду летит, расстреляем соколенка своими злаченными стрелами». Говорит Кончак Гзе: «Если со-

кол к гнезду летит, то опутаем мы соколенка красной девицей». И сказал Гзак Кончаку: «Если опутаем его красной девицей, не будет у нас ни соколенка, ни красной девицы, и станут нас птицы бить в поле Половецком»*.

Сказали Бонн и Ходына, Святославовы песнотворцы, старого времени Ярославова, Олега-князя любимцы: «Тяжко голове без плеч, беда и телу без головы», — так и Русской земле без Игоря.

Солнце светится на небе — Игорь-князь в Русской земле. Девицы поют на Дунае — вьются голоса через море до Киева. Игорь едет по Боричеву ко святой Богородице Пирогощей . Страны рады, города веселы.

Спев песнь старым князьям, потом молодым петь! Слава Игорю Святославичу, Буй Туру Всеволоду, Владимиру Игоревичу! Здрaвы будьте, князья и дружина, борясь за христиан против полков поганых! Князьям слава и дружине!

Аминь.

КОММЕНТАРИИ

Игорь Святославич (1151—1202), сын черниговского князя Святослава Ольговича, внук Олега Святославича, прозванного в народе за участие в междоусобных войнах «Гориславичем». С 1179 г. князь Новгород-Северской земли.

Боян — певец-сказитель при дворе князя Святослава Ярославича, жил во второй половине XI в.

Ярослав Владимирович Мудрый — великий киевский князь в 1016—1054 гг.

Мстислав Владимирович Великий — князь черниговский и тмутороканский (ум. 1036). О его единоборстве с касожеским князем Редедей рассказывается в Повести временных лет под 1022 г.

Роман Святославич — князь тмутороканский (ум. 1079).

Начнем же... повесть эту от старого Владимира до нынешнего Игоря...— От Владимира I Святославича (ум. 1015 г.) до Игоря Святославича Новгород-Северского.

..Мгорь взглянул на светлое солнце и увидел, что оно тьмою воинов его прикрыло.— 1 мая 1185 г. произошло солнечное затмение.

Троян — языческое божество.

Велес — языческое божество, покровитель искусства. «Внук Велеса» — Боян.

Всеволод Святославич — младший брат князя Игоря (ум. 1196), князь курский и трубчевский.

Тур — дикий бык; в русском средневековье тур символизировал силу, отвагу и мужество.

Див — мифическое существо, возможно, вещая птица.

Поморие — побережье Азовского моря. *Посулие* — земли по реке Суде; *Сурож* и *Корсунь* — города в Крыму.

Тму тороканский идол — античная или языческая статуя, почитавшаяся половцами.

Червленый — красный, розово-красный цвет.

Паволоки, оксамиты — дорогие шелковые ткани.

Хоругвь — знамя, стяг.

Червленый бунчук — конский хвост на древке, выкрашенный в красный цвет, символ власти.

...Олегово храброе гнездо. — Черниговские князья, ходившие в 1185 г. с Игорем Святославичем на половцев, потомки Олега Святославича Черниговского.

Гзак и Кончак — половецкие ханы.

Каяла — скорее всего, мифическая река скорби и печали.

Стрибог — языческий Бог ветра.

...храбрые полки Игоря. — В поход, кроме Игоря и Всеволода, ходил сын Игоря Владимир Путивльский и племянник Святослав Ольгович Рыльский.

...прекрасной Глебовны... — Женой Всеволода была Ольга Глебовна, внучка ростово-суздальского князя Юрия Долгорукова, дочь киевского князя Глеба Юрьевича.

Борис Вячеславич, союзник Олега Святославича, был убит в битве на Нежатиной Ниве в 1078 г.

Дажь-Бог — славянское языческое божество. Внуки Дажь-Бога — русские.

Карна и Жля — олицетворение скорби и печали.

Поганые — язычники.

Святослав Всеволодович (ум. 1194) — киевский князь, двоюродный брат Игоря и Всеволода. Назван «отцом» черниговских князей как старший в роде.

А поганого Кобяка... словно вихрем исторг... — В 1184 г. киевский князь Святослав совершил удачный поход на половцев, захватил в плен и казнил хана Кобяка.

Гридница — помещение для пиров и собрания дружины.

А Святослав смутный сон видел... «сыпали мне крупный жемчуг... Уже доски без князька»... — Согласно народным приметам, увидеть во сне жемчуг — к горю и слезам. *Толковины* — представители кочевых народов, находившиеся на русской службе. *Дом без князька* (верхней несущей балки) — символ гибели, смерти.

Пардус — гепард. Дрессированных гепардов на Руси использовали как охотничьих зверей.

Хинове — вражеские народы.

Готы — народ, живший в Крыму и на Тамани.

Бус и Шарукан — половецкие князья.

...брата моего Ярослава... — Речь идет о Ярославе Всеволодовиче Черниговском (1139—1198), родном брате киевского князя Святослава, у которого служили оседлые половцы из различных тюркских родов и племен.

Вот у Римова кричат... а Владимир под ранами. — Разгромив войско Игоря, половцы разграбили Черниговское и Переяславское княжества, осадили город Римов, где в бою был ранен князь Владимир Глебович Переяславский.

Всеволод Юрьевич Большое Гнездо (1154—1212) — владимиро-суздальский князь.

Ногата и резана — мелкие монеты.

Сыны Глебовы — сыновья рязанского князя Глеба Ростиславича, находившиеся в вассальной зависимости от владимиро-суздальского князя.

Рюрик Ростиславич (ум. 1212) — соправитель киевского князя Святослава Всеволодовича, *Давыд Ростиславич* (ум. 1197) — князь смоленский.

Ярослав Владимирович Галицкий (ум. 1187). — Тесть Игоря Святославича, отец Ярославны.

Горы Венгерские — Карпаты.

Роман Мстиславич Галицкий (ум. 1205). — Кого автор «Слова» имеет в виду под именем «Мстислав» — неясно.

Паворзи — ремешки под подбородком, удерживающие шлем на голове.

Ятвяги, деремела — литовские племена.

Рось — правый, *Сула* — левый приток Днепра.

Ингварь и Всеволод Ярославичи — сыновья Ярослава Изяславича Луцкого.

Три Мстиславича — волынские князья.

Изяслав Василькович Полоцкий — сын полоцкого князя **Василька Володаревича**.

Всеслав Брячиславич Полоцкий (ум. 1101). — На его правнучке **Марии** был женат киевский князь **Святослав Всеволодович**.

Брячислав и Всеволод — сыновья полоцкого князя **Василька Володаревича**.

Ярослав и все внуки Всеслава! — Автор «Слова» призывает прекратить междоусобные войны между потомками **Ярослава Мудрого** и **Всеслава Полоцкого**.

„жребий о девице...» — Под «девицей милой» подразумевается **Киев**, захваченный **Всеславом Полоцким** в 1068 г.

На Немиге снопы стелют из голов... — Речь идет о битве на реке **Немиге** под **Минском** в 1067 г., в которой **Всеслав Полоцкий** потерпел поражение от сыновей **Ярослава Мудрого**: **Изяслава**, **Всеволода** и **Святослава**.

Хоре — Бог солнца у древних славян.

...у святой Софии... — В **Софийском соборе** в **Полоцке**.

Старый Владимир — князь **Владимир I Святославич** (ум. 1015).

...аныне встали стяги Рюриковы, а другие — Давыдовы, но врозь их знамена развеваются. — В 1185 г. **смоленский князь Давыд Ростиславич** отказался помочь брату **Рюрику** в войне против **половцев**, вторгшихся на **Русь**.

Ефросинья Ярославна — жена **Игоря Святославича**, дочь **галицкого князя Ярослава Осмомысла**.

Забрало — крепостная стена.

Каменные горы — пороги на **Днепре**.

Ты лелеял на себе Святославовы лады до стана Кобя-ка. — Речь идет об успешном походе на **лукоморских половцев** в 1184 г. **Святослава Киевского**.

Овлур (Лавр) — крещеный **половец**, помогавший **Игорю** и его спутникам бежать из плена.

Гоголь — порода уток.

...юношу князя Ростислава заключила. — В 1093 г. после неудачной битвы с **половцами**, в реке **Стугне** во время бегства утонул князь **Ростислав Всеволодович**, брат **Владимира Мономаха**.

«Если сокол к гнезду летит~ станут нас птицы бить в поле Половецком». — **Сын Игоря Владимир** в плену женился на дочери хана **Кончала** и в 1187 г. вернулся на **Русь** с женой и дитя-тем».

„ко святой Богородице Пирогощей» — церковь в **Киеве**.

МОЛЕНИЕ ДАНИИЛА ЗАТОЧНИКА

СЛОВО ДАНИИЛА ЗАТОЧНИКА, НАПИСАННОЕ ИМ СВОЕМУ КНЯЗЮ ЯРОСЛАВУ ВЛАДИМИРОВИЧУ

Вострубим, как в златокованные трубы^ во все силы ума своего, и заиграем в серебряные органы гордости своею мудростью. Восстань, слава моя, восстань в псалтыри и в гуслих. Встану рано и расскажу тебе. Да раскрою в притчах загадки мои и возвещу в народах славу мою. Ибо сердце умного укрепляется в теле его красотой и мудростью.

Был язык мой как трость книжника-скорописца*, и приветливы уста мои, как быстрота речная. Того ради попытался я написать об оковах сердца моего и разбил их с ожесточением, как древние — младенцев о камень.

Но боюсь, господине, осуждения твоего.

Ибо я как та смоковница проклятая*: не имею плода покаяния; ибо имею сердце— как лицо без глаз; и ум мой — как ночной ворон, на вершинах бодрствующий; и закончилась жизнь моя, как у ханаанских царей*, бесчестием; и покрыла меня нищета, как Красное море фараона .

Все это написал я, спасаясь от лица бедности моей, как рабыня Агарь от Сарры , госпожи своей.

Но видел, господине, твое добросердечие ко мне и прибег к всегдашней любви твоей. Ибо говорится в Писании: просящему у тебя дай, стучащему открой, да не отвергнут будешь царствия небесного; ибо писано: возложи на Бога печаль свою, и Тот тебя пропитает веки.

Ибо я, княже господине, как трава чахлая, растущая под стеною, на которую ни солнце не сияет, ни дождь не дождит; так и я всеми обижаем, потому что не огражден я страхом грозы твоей, как оплотом твердым.

Не смотри же на меня, господине, как волк на ягненка, а смотри на меня, как мать на младенца. Посмотри на птиц небесных — не пашут они, не сеют, но уповают на милость Божию; так и мы, господине, ищем милости твоей.

Ибо, господине, кому Боголюбово*, а мне горе лютое; кому Белоозеро, а мне оно смолы чернее; кому Лаче-озе-ро*, а мне, на нем живя, плач горький; кому Новый Город, а у меня в доме и углы завалились, так как не расцвело счастье мое.

Друзья мои и близкие мои отказались от меня, ибо не поставил перед ними трапезы с многоразличными яствами. Многие ведь дружат со мной и за столом тянут руку со мной в одну солонку, а в несчастье становятся врагами и даже помогают подножку мне поставить; глазами плачут со мною, а сердцем смеются надо мной. Потому-то не имей веры к другу и не надейся на брата.

Не лгал мне князь Ростислав, когда говорил: «Лучше мне смерть, нежели Курское княжение»; так и мужи говорят: «Лучше смерть, чем долгая жизнь в нищете». Как и Соломон говорил: «Ни богатства, ни бедности не дай мне, Господи: если буду богат, — гордостью вознесусь, если же буду беден, — задумаю воровство или разбой», как женки распутство.

Вот почему взываю к тебе, одержим нищетою: помилуй меня, потомок великого царя Владимира, да не восплачусь, рыдая, как Адам о рае; пусти тучу на землю убожества моего.

Ибо, господине, богатый муж везде введом — и на чужбине друзей имеет, а бедный и на родине ненавидим ходит. Богатый заговорит — все замолчат и после вознесут речь его до облак; а бедный заговорит — все на него закричат. Чьи одежды богаты, тех и речь чтима.

Княже мой, господине! Избавь меня от нищеты этой, как серну из сетей, как птицу из западни, как утенка от когтей ястреба, как овцу из пасти львиной.

Я ведь, княже, как дерево при дороге: многие обрубают ему ветви и в огонь кидают; так и я всеми обижаем, ибо не огражден страхом грозы твоей.

Как олово пропадает, когда его часто плавят, так и человек, когда он много бедствует. Никто ведь не может

ни пригоршнями соль есть, ни в горе разумным быть; всякий человек хитрит и мудрит о чужой беде, а в своей не может рассудить. Злато плавится огнем, а человек напастями; пшеница, хорошо перемолотая, чистый хлеб дает, а человек в напасти обретает ум зрелый. Моль, княже, одежду ест, а печаль — человека; печаль человеку кости сушит.

Если кто в печали человеку поможет, то как студеной водой его напоит в знойный день.

Птица радуется весне, а младенец матери; весна украшает землю цветами, а ты оживляешь людей милостью своею, сирот и вдовиц, вельможами обижаемых.

Княже мой, господине! Покажи мне лицо свое, ибо голос твой сладок и образ твой прекрасен; мед источают уста твои, и дар твой как плод райский.

Когда наслаждаешься многими яствами, меня вспомни, хлеб сухой жующего; или когда пьешь сладкое питье, вспомни меня, теплую воду пьющего в укрытом от ветра месте; когда же лежишь на мягкой постели под собольими одеялами, меня вспомни, под одним платком лежащего, и от стужи оцепеневшего, и каплями дождевыми, как стрелами, до самого сердца пронзаемого.

Да не будет сжата рука твоя, княже мой, господине, на подаяние бедным: ибо ни чашею моря не вычерпать, ни нашими просьбами твоего дому не истощить. Как невод не удерживает воды, а только рыб, так и ты, княже, не удерживай злата и серебра, а раздавай людям.

Паволока*, расшитая разноцветными шелками, красоту свою показывает; так и ты, княже, множеством своей челяди честен и славен во всех странах являешься. Некогда ведь похвалился царь Иезекииль перед послами царя вавилонского и показал им множество злата и серебра; они же сказали: «Наш царь богаче тебя не множеством золота, но множеством воинов; ибо воины золото добудут, а золотом воинов не добыть». Как сказал князь Святослав, сын Ольгин, когда шел на Царьград с небольшою дружиною: «Братья! Нам ли от этого города погибнуть или городу от нас быть пленену?» Как Бог повелит, так и будет; погонит один сто, а от ста побегут тысячи. Тот, кто надеется на Господа, не дрогнет вовек, как гора Сион.

Славно за бугром коней пасти, так и в войске хорошего князя воевать. Часто из-за беспорядка полки погибают. Видел: огромный зверь, а головы не имеет, так и многие полки без хорошего князя.

Гусли ведь настраиваются перстами, а тело крепится жилами; дуб силен множеством корней, так и град наш — твоим управлением.

Ибо щедрый князь — отец многим слугам: многие ведь оставляют отца и мать и к нему приходят. Хорошему господину служба, дослужиться свободы, а злому господину служба, дослужиться еще большего рабства. Ибо щедрый князь — как река, текущая без берегов через дубравы, поит не только людей, но и зверей; а скупой князь — как река в берегах, а берега каменные: нельзя ни самому напиться, ни коня напоить. Боярин щедрый — как колодезь с пресной водой при дороге: прохожих поит; а боярин скупой — как колодезь соленый.

Не имей себе двора близ царева двора и не держи села близ княжого села: ибо тиун его — как огонь, на осине разожженный, а рядовичи его — что искры. Если от огня и устережешься, то от искр не сможешь устеречься и одежду прожжешь.

Господине мой! Не лиши хлеба нищего мудрого, не вознеси до облак глупого богатого. Ибо нищий мудрый — что золото в грязном сосуде, а богатый разодетый да глупый — что шелковая подушка, соломой набитая.

Господине мой! Не смотри на внешность мою, но посмотри, каков я внутри. Я, господине, хоть одеянием и скуден, но разумом обилен; юн возраст имею, а стар смысл во мне. Мыслию бы парил, как орел в воздухе.

Но поставь сосуд гончарный под капельницу языка моего, да накаплет тебе слаще меду слова уст моих. Как Давид сказал: «Сладки слова твои, лучше меда они устам моим». Ибо и Соломон сказал: «Слова добрые сладостью наполняют душу, покрывает же печаль сердце безумного».

Ибо мудрого мужа посылай — и мало ему объясняй, а глупого посылай — и сам вслед не ленись пойти. Очи мудрых желают блага, а глупого — пира в доме. Лучше слушать спор умных, нежели совета глупых. Наставь премудрого, и он еще мудрее станет.

Не сей на межах жита, ни мудрости в сердцах глупых. Ибо глупых не сеют, не жнут, ни в житницу не собирают, но сами себя родят. Как в дырявые меха лить, так и глупого учить; ибо псам и свиньям не нужно ни золота, ни серебра, а глупому — мудрых слов; мертвеца не рассмешишь, а глупого не научишь. Коли пожрет синица орла, коли поплывет камень по воде и коли начнет свинья на белку лаять, тогда и глупый уму научится.

Неужели скажешь мне: от глупости все мне это наговорил? Не видел ты неба холстяного, ни звезд из лучинок, ни глупого, говорящего мудро. Неужели скажешь мне: солгал как пес? Но хорошего пса князья и бояре любят. Неужели скажешь мне: солгал как вор? Если бы украсть умел, то к тебе бы и не жаловался. Девица ведь губит красоту свою прелюбодейством, а муж свое мужество — воровством.

Господине мой! Ведь не море топит корабли, но ветры; не огонь раскаляет железо, но поддувание мехами; так и князь не сам впадает в ошибку, но советчики его вводят. С хорошим советчиком совещаюсь, князь высокого стола добудет, а с дурным советчиком и меньшего лишится.

Говорится ведь в мирских пословицах: ни скот в скотах коза, ни зверь в зверях еж, ни рыба в рыбах рак, ни птица в птицах нетопырь, ни муж в мужах, если над ним жена властвует, ни жена в женах, если от своего мужа прелюбодействует, ни работа в работах — для женок повоз возить.

Дивней дивного, кто в жены возьмет уродину прибытка ради.

Видел жену безобразную, прикинувшую к зеркалу и мажущуюся румянами, и сказал ей: «Не смотришь в зеркало — увидишь безобразие лица своего и еще больше обозлишься».

Неужели скажешь мне: «Женись у богатого тестя, чести ради великой; у него пей и ешь»? Лучше бы уж мне вола бурого ввести в дом свой, чем злую жену взять: вол ведь не говорит, ни зла не замышляет, а злая жена, когда ее бьешь, бесится, а когда кроток с ней — заносится, в богатстве гордой становится, а в бедности других злословит.

Что такое жена злая? Торговка плутоватая, кощунница бесовская. Что такое жена злая? Людская смута, ослепление уму, заводила всякой злобе, в церкви сборщица дани для беса,

защитница греха, заграда от спасения.

Если какой муж смотрит на красоту жены своей и на ее ласковые и льстивые слова, а дел ее не проверяет, то дай Бог ему лихорадкой болеть, и да будет он проклят.

Вот и распознайте, братия, злую жену. Говорит она мужу своему: «Господине мой и свет очей моих! Я на тебя и взглянуть не могу: когда говоришь со мной, тогда смотрю на тебя, и обмираю, и слабеют все члены тела моего, и падаю на землю».

Послушайте, жены, слова апостола Павла: крест — глава церкви, а муж — жене своей. Жены, стойте же в церкви и молитесь Богу и святой Богородице, а чему хотите учиться, то учитесь дома у своих мужей. А вы, мужья, в законе храните жен своих, ибо нелегко найти хорошую жену.

Хорошая жена — венец мужу своему и беспечалие, а злая жена — горе лютое и разорение дому. Червь дерево точит, а злая жена дом своего мужа истощает. Лучше в дырявой ладье плыть, нежели злой жене тайны поведать: дырявая ладья одежду замочит, а злая жена всю жизнь мужа своего погубит. Лучше камень бить, нежели злую жену учить; железо переплавишь, а злой жены не научишь.

Ибо злая жена ни ученья не слушает, ни священника не чтит, ни Бога не боится, ни людей не стыдится, но всех укоряет и всех осуждает.

Что злее льва среди четвероногих и что лютее змеи среди ползающих по земле? Всех тех злее злая жена. Нет на земле ничего лютее женской злобы. Сперва из-за жены прадед наш Адам из рая был изгнан; из-за жены Иосиф Прекрасный в темницу был заключен; из-за жены пророка Даниила в ров ввергли, где львы ему ноги лизали. О, злое, острое оружие дьявола и стрела, летящая с ядом!

У некоего человека умерла жена, он же по смерти ее начал продавать детей. И люди сказали ему: «Зачем детей продаешь?» Он же ответил: «Если родились они в мать, то, как подрастут, меня самого продадут».

Но вернемся к прежнему. Я, княже, ни за море не ездил, ни у философов не учился, но был как пчела — припадая к разным цветам и собирая мед в соты; так и я по многим книгам собирал сладость слов и смысл их и собрал, как в мех воды морские.

Скажу не много еще. Не запрещай глупому глупость его, да не уподобишься сам ему. Не стану с ним много говорить. Да не буду как мех дырявый, роняя богатство в руки неимущих; да не уподоблюсь жерновам, ибо те многих людей насыщают, а сами себя не могут насытить житом; да не окажусь ненавистным миру многословною своею беседою, подобно птице, частящей свои песни, которую вскоре же ненавидеть начинают. Ибо говорится в мирских пословицах: длинная речь не хороша, хороша длинная паволока.

Господи! Дай же князю нашему силу Самсона*, храбрость Александра, разум Иосифа, мудрость Соломона*, искусность Давида и умножь, Господи, всех людей под пятою его. Богу нашему слава, и ныне, и присно, и вовеки.

КОММЕНТАРИИ

Серебряные органы — бубны.

Трость книжника-скоротисца — заостренный тростник, используемый для письма.

Смоковница проклятая — фиговое дерево, которое, согласно Евангелию, Иисус Христос проклял за то, что оно не приносило плодов.

Ханаанские цари — по библейскому преданию, цари оказали вооруженный отпор израильтянам, не соглашаясь сдать города, предназначенные иудеям Богом, за что были преданы проклятью и истреблены.

..Храсное море фараона. — Имеется в виду библейский рассказ об исходе израильтян из Египта. По библейской легенде, Красное море расступилось перед убежавшими евреями, а преследовавших их фараона с египтянами поглотила пучина.

Агарь, Сарра — согласно Библии, Агарь, наложница Авраама, оскорбившая его бесплодную жену Сарру и бежавшая от гнева хозяйки.

Боголюбово — загородная княжеская резиденция близ города Владимира.

Лаче озеро — озеро на севере Новгородской области, вероятное место ссылки Даниила.

Паволока — тонкая дорогая ткань.

Иезекииль (Езекия) — иудейский царь, которому пророк Исайя предрек пленение его царства за то, что он не возблагодарил Бога за быстрое исцеление, а вместо этого с гордостью продемонстрировал свои богатства послам вавилонского царя.

Святослав, сын Ольгин... — Речь идет о сыне княгини Ольги, Святославе Игоревиче, не раз ходившем на Царьград.

Тиун — управляющий княжеским хозяйством.

Межа — мешки, сшитые из мягких, выделанных на пару или в дыме шкур животных, служившие в Древней Руси для хранения вина.

Самсон — герой, которому, по ветхозаветному преданию, приписывалась громадная физическая сила.

Александр — Александр Македонский (356—326 до н. э.), один из величайших полководцев древнего мира.

Иосиф — библейский персонаж Иосиф Прекрасный, ставший за мудрость и добрый нрав соправителем Египта.

Соломон — библейский царь Соломон, сын царя Давида прославился своей мудростью.

Давид — иудейский царь Давид, благодаря ловкости, изворотливости и уму, спасшийся от мести царя Саула.

КИЕВО-ПЕЧЕРСКИЙ ПАТЕРИК

В сокращении

О ДВУХ БРАТЬЯХ, О ТИТЕ-ПОПЕ И О ЕВАГРИИ-ДИАКОНЕ, ВРАЖДОВАВШИХ МЕЖДУ СОБОЙ. СЛОВО 23

Были два брата по духу, Евагрий-диакон и Тит-поп. И имели они друг к другу любовь великую и нелицемерную, так что все дивились единодушию их и безмерной любовью. Ненавидящий же добро дьявол, который всегда рыкает, как лев, ища кого поглотить, посеял между ними вражду, и такую ненависть вложил он в них, что они и в лицо не хотели видеть друг друга. Много раз братья молили их примириться между собой, но они и слышать не хотели.

Когда Евагрий стоял в церкви, а Тит в это время шел с кадиллом, то Евагрий отбегал от фимиама; если же Евагрий не отбегал, Тит проходил мимо него, не покадив. И так пробыли они много времени в мраке греховном. Приступали к святым тайнам, — Тит, не прося прощения, а Евагрий, — гневаясь. До того вооружил их враг.

Однажды этот Тит сильно разболелся и, лежа уже при смерти, стал горевать о своем прегрешении, и послал со смирением к диакону, говоря: «Прости меня, брат, ради Бога, что я гневался на тебя». Евагрий же отвечал жестокими словами и проклятиями. Старцы же те, видя, что Тит умирает, привели Евагрия насильно, чтобы помирился он с братом. Больной же, увидев брата, приподнялся немного, пав ниц ему в ноги, говоря со слезами: «Прости меня, отче, и благослови». Он же, немилостивый и лютый, отказался перед всеми нами, сказав: «Никогда не хочу примириться с ним, ни в этой жизни, ни в будущей», и, произнеся это, вырвался из рук старцев и вдруг упал. Хотели мы поднять его, но увидали,

что он уже мертв, и не могли мы ему ни рук расправить, ни рта закрыть, как будто он уже давно умер. Больной же вскоре встал, как будто никогда и болен не был.

И ужаснулись мы внезапной смерти одного и скорому исцелению другого, и со многим плачем погребли мы Евагрия, рот и глаза у него так и остались открыты, а руки растянуты.

Тогда спросили мы Тита: «Что случилось?» Тит же рассказал нам так: «Видел я, — говорил он, — ангелов, отступивших от меня и плачущих о душе моей, и бесов, радующихся гневу моему, и тогда начал я молить брата, чтобы он простил меня. Когда же вы привели его ко мне, я увидел ангела немилостивого, держащего пламенное копье, и, когда Евагрий не простил меня, он ударил его, и тот пал мертвым, мне же он подал руку и поднял меня». Мы же, услышавши это, убоялись Бога, сказавшего: «Прощайте— и прощены будете». Ведь сказал Господь: «Всякий, гневающийся на брата своего напрасно, подлежит суду». Ефрем* же говорит: «Если кому случится во вражде умереть, то неумолимый суд ждет таких».

И если этот Евагрий, ради святых Антония и Феодосия, прощения не получит — горе лютое ему, побежденному такую страстью!

К Поликарпу. Берегись ее и ты, брат, и не дай места бесу гнева: кто подчинится ему, тот и порабощен им. Но скорее пойдя и поклонись вражду имеющему на тебя, да не будешь предан ангелу немилостивому, пусть и тебя Господь сохранит от всякого гнева. Он ведь сказал: «Да не зайдет солнце во гнев вашем». Слава Ему с Отцом и со Святым Духом ныне и присно!

О СВЯТОМ ГРИГОРИИ ЧУДОТВОРЦЕ. СЛОВО 28

Этот блаженный Григорий пришел в Печерский монастырь к святому отцу нашему Феодосию и от него научился житию иноческому: нестяжанию, смирению, послушанию и прочим добродетелям. Особенное прилежание имел он к молитве, и за то получил власть над бесами, так что, находясь даже вдали от него, они вопили: «О Григорий, изгоняешь ты нас молитвою своею!» У блаженного был обычай после каждого пения творить запретительные молитвы.

Не желая более терпеть гонений от инока, древний враг, не в силах ничем навредить ему, наустил злых людей обокрасть его. Он же не имел ничего, кроме книг. Однажды ночью пришли воры и подстерегали старца, чтобы, когда он пойдет к заутрене, войти и взять все его имущество. Но почуял Григорий приход их, — обычно он целые ночи проводил без сна, пел и молился беспрестанно, стоя посреди келии своей. Помолился он и о пришедших обокрасть его: «Боже! Дай сон рабам твоим, ибо утрудилась цтти всеу, врагу угождая». И спали они пять дней и пять ночей, до тех пор, пока блаженный, призвав братию, не разбудил их, говоря: «Долго ли будете вы стеречь напрасно, думая обокрасть меня? Идите теперь по домам своим». Они встали, но не могли идти, так как изнемогли от голода. Блаженный же дал им поесть и отпустил их.

Об этом узнал властитель города и велел наказать воров тех. И затужил Григорий, что из-за него осуждены они; он пошел, отдал свои книги властителю, а воров отпустил. Остальные же книги продал, а деньги роздал убогим, говоря так: «Да не впадет кто-нибудь в беду, думая украсть их». Ведь сказал Господь: «Не собирайте себе сокровищ на земле, где воры подкапывают и крадут, но собирайте себе сокровища на небесах, где ни моль не истребляет и где воры не крадут. Где сокровище ваше, там и сердце ваше будет». Воры же те, ради чуда, бывшего с ним, покаяться и более не возвращались к прежним делам своим, но, пришедши в Печерский монастырь, стали работать на братию.

Имел этот блаженный Григорий маленький палисадник, где выращивал овощи и плодовые деревья. И на это опять позарились воры, и когда, взвалив на себя ношу, хотели идти, то не смогли. И стояли они два дня неподвижно, под гнетом своей ноши, и начали они вопить: «Господин наш Григорий, пусти нас, мы покаемся в грехах своих и не сделаем больше такого». Услышали это монахи, пришли и схватили их, но не могли свести с места. И спросили они их: «Когда пришли вы сюда?» Воры же отвечали: «Два дня и две ночи стоим мы здесь». Монахи же сказали: «Мы все время тут ходим, но вас здесь не видели». Воры же сказали: «Если бы и мы вас

видели тут, то со слезами молили бы вас, чтобы он нас отпустил. Но вот, уже изнемогши, начали мы кричать. Попросите теперь старца, чтобы он отпустил нас».

И пришел Григорий, и сказал им: «Так как вы всю жизнь свою пребывали праздными, расхищая чужие труды, а сами не хотите трудиться, то теперь стойте здесь праздно и дальше, до конца жизни». Они же со слезами молили старца, обещая, что больше не совершат такого греха. Старец же смиростивился и сказал: «Если хотите работать и трудом своим других кормить, то я отпущу вас». Воры клятвенно обещались. «Ни за что не слушаемся тебя». Тогда Григорий сказал: «Благословен Бог! Отныне будете вы работать на святую братию: приносить от труда своего на нужды ее». И так отпустил их. Воры же эти окончили жизнь свою в Печерском монастыре, занимаясь огородом; потомки их, думаю я, живут еще и донныне.

В другой раз снова пришли трое неизвестных, надеясь обмануть этого блаженного. Двое из них стали молить святого, ложно говоря: «Вот это друг наш, и осужден он на смерть. Молим тебя, помоги спасти его — дай ему, чем откупиться от смерти». Заплакал Григорий от жалости, провидя, что на самом деле приспел конец жизни того, и сказал: «Горе человеку этому, ибо приспел день гибели его!» Они же сказали: «Но если ты, отче, дашь что-нибудь, то он не умрет». Говорили же они это, чтобы получить от него что-нибудь и разделить между собой. Григорий же сказал: «Я дам, но он все равно умрет». И спросил он их: «На какую смерть осужден он?» Они отвечали: «Будет повешен на дереве». Блаженный сказал им: «Точно присудили вы ему, завтра он повесится». После этого сошел он в пещеру, где обыкновенно молился, чтобы не слышать ничего земного и очами не видеть ничего суетного, — и, вынеся оттуда оставшиеся книги, отдал им, сказав: «Если это вам не пригодится, то возвратите мне». Они же, взяв книги, стали смеяться, говоря: «Продадим их, а деньги разделим». И увидели они плодовые деревья, и решили: «Придем нынче ночью и оберем плоды его».

Когда настала ночь, пришли эти трое и заперли инока в пещере, где он был на молитве. Один же из них, тот, о котором они говорили, что его на дереве повесят, взлез на верхушку дерева и начал обрывать яблоки, и ухватился он за одну ветку,

а она обломилась; те двое испугались и побежали, а он, падая вниз, зацепился одеждою за другую ветку и, оставленный без помощи, задушился воротом. Григорий же был заперт и не смог прийти в церковь, на молитву со всей братией. Когда стали выходить из церкви, то все увидели висящего на дереве мертвого человека, и ужас напал на них. Стали искать Григория и нашли его в пещере запертым. Вышедши же оттуда, блаженный велел снять мертвого, друзьям же его сказал: «Вот и сбылась ваша мысль! Бога обмануть нельзя. Если бы вы не заперли меня, я пришел бы и снял его с дерева и он бы не умер. Но так как враг научил вас покрывать суетное ложью, то Бог и не помиловал вас». Обманщики же те, видя, что сбылось слово его, пришли и упали ему в ноги, прося прощенья. И Григорий осудил их на работу Печерскому монастырю, чтобы теперь, трудясь, свой хлеб ели они, и достанет им, чтобы и других питать от своих трудов. И так они и окончили жизнь свою, с детьми своими работая в Печерском монастыре на рабов пресвятой Богородицы и учеников святого отца нашего Феодосия.

Подобает же рассказать и о том, как претерпел блаженный муку смертную. Случилось однажды в монастыре, что осквернился сосуд от падения в него какого-то животного; и по этому случаю преподобный Григорий пошел к Днепру за водой. В то же время проходил здесь князь Ростислав Всеволодич, шедший в Печерский монастырь для молитвы и благословения: он, с братом своим Владимиром, шел в поход против воевавших с Русью половцев. Увидали княжеские слуги старца и стали издеваться над ним, выкрикивая срамные слова. Инок же, провидя, что близок их смертный час, стал говорить им: «О чада! В то время как вам следовало бы быть благочестивыми и призывать всех молиться за вас, вы великое зло творите, — не угодно Богу это. Плачьте о своей гибели и кайтесь в своих согрешениях, чтобы хотя в страшный день принять отраду, ведь вас уже постиг суд: все вы и с князем вашим умрете в воде». Князь же, страха Божия не имея, не внял сердцем словам преподобного, а подумал, что лишь пустые речи — пророчества его, и сказал: «Мне ли предсказываешь смерть от воды, когда я плавать умею!», и, рассердившись, князь велел связать старцу руки и ноги, повесить камень на шею и бросить в воду. Так был он

потоплен. Братия же два дня искала его и не находила, на третий же день пришли в келью его, чтобы взять оставшееся после него, и мертвый оказался в келье, связанный, с камнем на шее, одежды же его были еще мокры, лицо же светло и сам, как живой. И не нашли того, кто принес его, а келья была заперта. Слава Господу Богу, творящему дивные чудеса ради угодников своих! Братия же, вынеся тело преподобного, честно положили его в пещере, и многие годы пребывает оно там цело и нетленно.

Ростислав же не счел за вину греха своего и не пошел в монастырь от ярости. Не захотел он благословения, и оно удалилось от него; возлюбил проклятие, и проклятие пало на него. Владимир же пришел в монастырь для молитвы. И были они у Треполя, и произошло сражение, и побежали князья наши от лица врагов. Владимир, по молитвам и благословению святых, переехал реку, Ростислав же, по слову святого Григория, утонул со всем своим войском. «Каким, — сказано, — судом судите, таким будете судимы, и какою мерою мерите, такою будут мерить ивам».

Подумайте как следует, обидчики, над притчей, сказанной Господом в святом Евангелии о судье немилостивом и вдове обиженной, как она часто приходила к нему и докучала ему, говоря: «Защити меня от противника моего». Говорю вам, что вскоре сотворит Господь отмщение рабам своим, ибо он сказал: «Мне отмщение, и я воздам». Говорит Господь: «Не обижайте ни одного из малых сих, ибо ангелы их на небесах всегда видят лицо отца моего небесного». Ибо праведен Господь и правду возлюбил, и праведники увидят лицо его. Что человек посеет, то и пожнет. Таково гордым отмщение, которым Господь противится, а смиренным дает благодать. Слава ему с отцом и святым духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

ОБ АЛИМПИИ ИКОНОПИСЦЕ

Преподобный же Алимпий отдан был родителями своими учиться иконописи. Это было, когда греческие иконописцы из Царьграда волею Божию и Пречистой Его Матери приведены были, против своего желания, расписывать церкви Печерские, во дни благоверного князя Всеволода Ярославича, при преподобном игумене Никоне*, это о них рассказано в Послании Симона, когда Бог явил и сотворил чудо страшное

в церкви своей.

Когда мастера украшали мозаикой алтарь, вдруг образ Пречистой Владычицы нашей, Богородицы и приснодевы Марии, изобразился сам, а они все были заняты укладкой мозаики внутри алтаря, Алимпий же помогал им и учился у них, — и увидели все дивное и страшное чудо: смотрят они на образ, и вот внезапно засиял образ Владычицы нашей, Богородицы и приснодевы Марии ярче солнца, так что невозможно было смотреть, и все в ужасе пали ниц. Приподнялись они немного, чтобы видеть свершившееся чудо, и вот из уст Пречистой Богоматери вылетел голубь белый, полетел вверх к образу спасову и там скрылся. Они все стали смотреть, не вылетел ли он из церкви, и на глазах у всех снова голубь вылетел из уст спасовых и стал летать по всей церкви. И, прилетая к каждому святому, садился, — одному на руку, другому на голову, слетев же вниз, сел за наместной чудной богородичной иконой. Стоявшие внизу хотели поймать голубя и приставили лестницу, но не нашли его ни за иконой, ни за завесой. Осмотрели всюду, но не нашли, куда скрылся голубь, и стояли все, взирая на икону, и вот снова перед ними вылетел голубь из уст Богородицы и поднялся вверх к спасову образу. И закричали стоявшим вверху: «Хватайте!» Те же, простерши руки, хотели поймать его, а голубь вновь влетел в уста спасовы, откуда вылетел. И вот опять свет, ярче солнечного, озарил всех, ослепляя глаза человеческие. Они же, павши ниц, поклонились Господу. С ними был и этот блаженный Алимпий, воочию видевший святого духа, пребывающего в той святой и честной церкви Печерской.

Когда же окончили расписывать эту церковь, тогда блаженный Алимпий принял пострижение при игумене Никоне. Хорошо выучился он иконописному искусству, иконы писать был он большой мастер. Этому же мастерству он захотел научиться не богатства ради, но Бога ради это делал. Работал же он так, что хватало их всем, — и игумену и всей братии писал иконы, и за это ничего не брал. Если же когда у этого преподобного не было работы, то он брал займы золото и серебро, что нужно для икон, делал икону тому, кому был должен, и отдавал икону займодавцу. Часто также просил друзей своих: если увидят где в церкви

обветшалые иконы, то приносили бы их к нему, и, обновив их, ставил на свои места.

Все это делал он, чтобы не быть праздным, потому что святые отцы велели инокам всегда трудиться и считали это великим делом перед Богом, ибо, как сказал апостол Павел: «Мне и бывшим со мною послужили руки мои и ни у кого я задаром хлеба не ел». Так и этот блаженный Алимпий. Он делил заработанное на три части: одну часть на святые иконы, вторую часть на милостыню нищим, а третью часть на нужды тела своего. И так делал он всегда, не давая себе покоя ни в один из дней: ночь проводил в пении и молитве, а когда наступал день, он принимался за работу, праздным же никогда не видали его, но и от собрания церковного из-за работы не уклонялся никогда. Игумен же за многую его добродетель и чистое житие поставил его священником, и в таком чину священства он добросовестно и богоугодно пребывал.

Некто из богатых киевлян был прокаженным. И много лечился он у волхвов и у врачей, и у иноверных людей искал помощи и не получил, но лишь сильнее разболелся. И один из его друзей уговорил его пойти в Печерский монастырь и упросить кого-нибудь из отцов, да помолятся о нем. Когда привели его в монастырь, игумен повелел напоить его из колодца святого Феодосия и помочить ему голову и лицо. И вдруг покрылся он весь гноем за неверие свое, так что все стали избегать его из-за исходящего от него смрада. Он же возвратился в дом свой плача и сетуя и не выходил оттуда много дней, стыдясь смрада. И говорил он друзьям своим: «Покрыл стыд лицо мое. Чужим стал я для братьев моих и незнакомым для сынов

матери моей, потому что без веры пришел к святым Антонию и Феодосию». И каждый день ожидал он смерти.

Наконец, со временем, образумился он, размыслил о своих согрешениях и, придя к преподобному Алимпию, покаялся ему. Блаженный же сказал ему: «Чадо, хорошо сделал, исповедав Богу грехи свои пред моим недостойством, ведь пророк Давид сказал: «Исповедаюсь в преступлениях моих пред Господом, и он простит нечестие сердца моего». И много поучив его о спасении души, взял преподобный вапницу и разноцветными красками, которыми писал иконы, раскрасил лицо больного и гнойные струпья замазал, придав прокаженному прежний вид и благообразие. Потом привел его в божественную церковь Печерскую, дал ему причаститься святых тайн, и велел ему умыться водой, которой умываются священники, и тотчас спали с него струпья, и он исцелился.

Зри, каков разум блаженного! Христу уподобился он: как Господь, прокаженную исцелив, велел ему показаться священникам и принесли дар за очищение свое, так ведь и этот святой избегал славословия; как Христос, слепого исцелив, не тотчас дал ему прозрение, но повелел ему идти к Силоамской купели умыться, так же и этот блаженный сначала разрисовал красками образ, смердящий за неверие, честь же исцеления уступил служителям Божиим, чтобы и они были с ним участниками чуда. Водю же больного омыв, не только очистил его от телесной, но и от душевной проказы. За это очищение правнук исцеленного оковал кивот золотом над святым престолом. Все удивились такому скорому исцелению. Преподобный же Алимпий сказал им: «Братья! Внимайте сказавшему: «Не может раб служить двум господам». Вот этот прежде служил врагу, пытаясь исцелиться чарованием, а потом пришел к Богу, не веря в душе о спасении своем, и сильнее проказа напала на него за его неверие. «Просите, — сказал Господь, — и не просто просите, но с верою просите, и получите». Когда же он покаялся перед Богом, поставив меня свидетелем, тот, скорый на милость, его исцелил». И отошел исцелившийся в дом свой, славя Бога и родившую его Пречистую Матерь, и преподобных отцов наших, Антония и Фе-

одосия, и блаженного Алимпия. Это нам новый Елисей*, который Неемана Сириянина от проказы исцелил.

Другой муж, некий христороубец из того же города Киева, церковь себе поставил и хотел сделать на украшение церкви большие иконы: пять деисусных и две наместные. И этот христороубец дал двум инокам Печерского монастыря серебро и доски иконные, чтобы они урядились с Алимпием и заплатили бы ему за иконы, сколько он захочет. Монахи же эти ничего не сказали Алимпию, а от киевлянина взяли сколько захотели. Через некоторое время христороубец послал к монахам, чтобы узнать, готовы ли его иконы. Те же сказали, что Алимпий еще золота требует, и снова взяли они у христороубца золото и растратили. И опять послали объявить киевлянину, говоря, что святой еще просит столько же, сколько взял. Христороубец же этот дал с радостью. Спустя немного времени, черноризцы опять сказали: с Алимпием еще столько же требует». Христороубец же сказал. «Хотя бы он и десять раз просил, то я дам, только благословения его хочу, и молитвы, и дела рук его». Алимпий же ничего не знал о том, что эти монахи сотворили.

Наконец, когда этот человек прислал, чтобы посмотреть, написаны ли его иконы, черноризцы те велели передать ему, так говоря: «Алимпий, взяв золото и серебро, не хочет писать икон твоих». Тогда христороубец тот пришел в монастырь с многочисленной дружиной и вошел к игумену Никону, чтобы пожаловаться на преподобного Алимпия. Игумен призвал Алимпия и сказал ему: «Брат, как это такую неправду сделал ты сыну нашему? Много раз он молил тебя, давая тебе, сколько ты хотел, а ведь ты иногда и даром пишешь». Блаженный же сказал: «Честной отче, известно твоему преподобию, что я никогда не ленился в этом деле. Не понимаю, о чем теперь ты говоришь». Игумен же сказал: «Три цены взял ты за семь икон». И вот, для обличения его, велели принести доски иконные и призвать монахов, которые брали плату, чтобы они в споре с ним изобличили его.

Посланные же увидели иконы, написанные с великим искусством, и принесли их к игумену. И, видя это, все удивились, в ужасе и трепете пали нищ на землю и по-

клонились нерукотворному изображению Господа нашего Иисуса Христа и Пречистой его Матери и святых его. И разнеслась громкая слава об этом по всему городу Киеву. Когда же пришли монахи, оговорившие блаженного, то, не зная ничего о случившемся, стали они спорить с Алимпием, говоря так: «Взял тройную плату, а икон не пишешь». И все в ответ сказали им: «А вот теперь иконы эти Богом написаны». И ужаснулись они, видя такое чудо.

Черноризцы же эти, обкрадывавшие монастырь, будучи обличены, лишились всего и изгнаны были из монастыря Печерского. Но и тут они своей злобы не оставили, возводили хулу на блаженного и всем говорили. «Мы написали иконы, а владелец их, не хотя платить нам, вот что замыслил, чтобы лишить нас заработанного нами, — придумал ложь, что иконы, мол, Богом написаны, а не нами изображены». И так убеждали они народ, приходивший посмотреть на иконы, а тем, кто хотел поклониться иконам, они запрещали это, и оттого люди поверили им, оболгавшим блаженного Алимпия.

Но Бог прославляет святых своих, как сказал Господь в Евангелии: «Не может город укрыться, на верху горы стоящий, и зажегши свечу, не ставят ее под сосудом, но на подсвечнике, да светит всем проходящим». Так не утаилось и этого преподобного Алимпия добродетельное житие. Даже до князя Владимира дошла весть о чуде, бывшем с иконами. И вот что случилось некогда. По воле Божьей от пожара выгорело Подолье все, и та церковь сгорела, в которой были эти иконы. После пожара эти семь икон оказались целы, а церковь вся сгорела. И, услышав об этом, князь пошел посмотреть на чудо, свершившееся с иконами, написанными по Божьему мановению за одну ночь, и прославил он творца всех совершающего преславные чудеса молитвами угодников своих, Антония и Феодосия. И взял Владимир одну из икон, святую Богородицу, и послал в город Ростов, в тамошнюю церковь, которую он сам создал; икона эта и донныне цела, я сам видел ее. И вот что при мне произошло в Ростове: церковь рухнула, а та икона осталась неповрежденной и перенесена была в деревянную церковь, которая сгорела от пожара, а икона опять осталась невредима, и признаков огня нет на ней.

Перейдем теперь еще к одному сказанию о блаженном Алимпии. Другой христоролюбец дал этому блаженному написать икону наместную. Через несколько дней разболелся блаженный Алимпий, и икона осталась ненаписанной. Боголюбец же стал докучать блаженному. Блаженный сказал ему: «Чадо, не приходи ко мне, не понукай меня, но положишь в своей печали об иконе на Господа, и он сделает, как ему угодно; икона твоя в свой праздник на своем месте станет». И обрадовался этот человек, что икона до праздника напишется, и поверил он слову блаженного, и отошел в дом свой радуясь. И вот снова пришел этот боголюбец накануне Успения, чтобы взять икону, и увидел, что икона не написана, а блаженный Алимпий сильно болен. И стал он укорять его, говоря: «Почему же не известил ты меня о своей немоги, я бы дал писать икону другому, чтобы праздник светел и честен был, а теперь, задержав икону, ты посрамил меня». Блаженный же кротко отвечал ему: «О чадо! Разве я по лености сделал это? Неужели Бог не сможет икону своей Матери словом написать? Я, как открыл мне Господь, отхожу из этого мира, и по моем отшествии всячески утешит тебя Бог». И в печали ушел от него муж тот в дом свой.

После же ухода его явился некий юноша светлый и, взяв вапницу*, начал писать икону. Алимпий подумал, что заказчик иконы разгневался на него и прислал другого иконописца, потому что тот выглядел как обычный человек, но быстрота, с какой он работал, показала, что это бесплотный. То он золотом покрывал икону, то на камне краски растирал и писал ими^ и за три часа написал он икону и сказал: «О калугер ! Не хватает ли чего-нибудь или в чем-нибудь я ошибся?» Преподобный же сказал: «Ты хорошо поработал. Бог помог тебе столь искусно написать эту икону, и это тобою сделал он ее». Настал вечер, и юноша стал невидим вместе с иконою.

Владелец же иконы провел без сна всю ночь от печали, что нет иконы на праздник, называл себя грешным и недостойным такой благодати. И, встав, он пошел в церковь, чтобы там оплакать свои согрешения, и когда отворил двери церковные, то увидел икону, сияющую на месте своем, и упал он от страха, думая, что это привиделось

ему. Но, оправившись немного от испуга и поняв, что это действительно икона, в великий ужас и трепет пришел он, вспомнил слова преподобного и пошел разбудить домашних своих. Они же с радостью пошли в церковь со свечами и кадилами и, видя икону, сияющую светлее солнца, пали ниц на землю, поклонились иконе и приложились к ней в веселии душевном. Боголюбец же тот пришел к игумену и рассказал о сотворившемся чуде с иконою, и все вместе пошли к преподобному Алимпию и увидели, что он уже отходит из этого мира. И спросил его игумен: «Отче, как и кем написана была икона?» Он же рассказал им все, что видел, говоря: «Ангел написал ее, и вот он стоит возле меня, и хочет меня взять с собою». И, сказав это, испустил дух. Тело его приготовили к погребению, отнесли в церковь, сотворили над ним обычное пение и положили в пещере с преподобными отцами о Христе Иисусе, о Господе нашем, ему же слава с отцом и со святым духом.

О ПРЕПОДОБНОМ ИСАКИИ ПЕЩЕРНИКЕ.

СЛОВО 36

Как в огне очищается золото, так люди в горниле смирения. Если к самому Господу искуситель не постыдился приступить в пустыне, то насколько же больше искушений приносит он человеку! Так было и с этим блаженным.

Этот преподобный отец наш Исакий, когда он еп^ле жил в миру, был богатым купцом, родом торопчанин . И вот он, решив стать монахом, раздал все имущество свое бедным и монастырям и пришел к великому Антонию в пещеру, умоляя постричь его в монахи. И принял его Антоний, и постриг в монахи, и дал ему имя Исакий, мирское же имя его было Чернь.

И стал этот Исакий вести жизнь строгую, облекся во власяницу, велел купить себе козла и содрать с него шкуру, и надел ее на власяницу, и обсохла на нем сырая шкура. И затворился в пещере, в одном из проходов, в небольшой келии, в четыре локтя, и тут молил Бога со слезами. Пищей же ему была одна просфора, и то через

день, и воды в меру пил. Приносил же это ему великий Антоний и подавал в оконце, куда рука едва проходила, и так принимал он пищу. И в таком житии провел семь лет Исакий, не выходя наружу, не ложился на бок, но сидя спал, понемногу.

Однажды, как обычно, когда наступил вечер, он стал класть поклоны и петь псалмы, и так до полуночи, и, утомившись, сел на сиденье свое. И когда он сидел так, как всегда, свечу погасив, внезапно засиял свет в пещере, как от солнца, такой, что мог ослепить человека. И подошли к нему двое юношей прекрасных с лицами блистающими, как солнце, и сказали ему: «Исакий, мы — ангелы, а вот идет к тебе Христос с ангелами». Исакий встал и увидел толпу бесов, и лица их были ярче солнца, а один среди них светился ярче всех, и от лица его лучи исходили. И сказали ему: «Исакий, это Христос, пав, поклонись ему». Исакий же, не поняв бесовского наваждения и забыв перекреститься, вышел из келии и поклонился, как Христу, бесовскому действию. Тогда бесы воскликнули и сказали: «Теперь ты наш, Исакий!»

Ввели они его в келию, посадили и сами стали садиться вокруг него. И вся келия и проход пещерный наполнились бесами. И сказал один из бесов, тот, что назывался Христом: «Возьмите сопели, и бубны, и гусли и играйте, а Исакий нам спляшет». И грянули они в сопели, и в гусли, и в бубны, и начали им забавляться. И, измучив его, оставили его еле живого, и ушли, надругавшись над ним.

Назавтра же, когда настал день и пришла пора вкушения хлеба, пришел Антоний, как обычно, к оконцу, и сказал: «Благослови, отче Исакий!» И не было никакого ответа. И несколько раз говорил так Антоний, и никто не отвечал, и тогда подумал про себя: «Наверное, преставился он». И послал в монастырь за Феодосием и за братией. Пришла братия, и откопали, где был засыпан вход, и взяли Исакия, думая, что он мертв, и когда вынесли его и положили перед пещерой, то увидели, что он жив. И сказал игумен Феодосий, что это случилось с ним из-за бесовского действия. Положили его на постель, и стал прислуживать ему святой Антоний.

Случилось, что в это время пришел Изяелав* из Польши и стал он гневаться на Антония из-за князя Всеслава. И прислал Святослав за святым Антонием, чтобы увезти его ночью в Чернигов. Антоний же, придя к Чернигову, полюбил место, называемое Болдины горы; он вырыл пещеру и поселился тут. И доныне стоит тут на Болдиных горах, близ Чернигова, монастырь святой Богородицы.

Феодосий же, узнав, что Антоний ушел в Чернигов, пошел с братией, и взял Исакия, и перенес его в келью свою, и ухаживал за ним. Был тот так расслаблен умом и телом, что не мог ни повернуться с боку на бок, ни встать, ни сесть, лишь лежал на одном боку, так что у него часто заводились черви под бедрами из-за того, что он мочился и ходил под себя. Феодосий же сам своими руками обмывал и переодевал его, и тот лежал так целых два года, и святой служил ему.

И это было дивное чудо, что в течение двух лет не брал он в рот ни хлеба, ни воды, ни овощей и никакой пищи не ел, ничего не говорил и лежал нем и глух два года.

Феодосий же молился Богу за него и молитву творил над ним день и ночь, пока больной на третий год не заговорил и попросил поднять его на ноги, как младенец, и начал ходить. Но не стремился он в церковь пойти, и его насильно таскали в церковь, и так мало-помалу стал он ходить в церковь. После этого начал он ходить в трапезную, и сажали его отдельно от братии, и клали перед ним хлеб, но он не брал его, они же вкладывали его ему в руку. Феодосий же сказал: «Положите перед ним хлеб, а в руку не вкладывайте: пусть сам ест». Он же не ел целую неделю, а потом понемногу огляделся, и стал пробовать хлеб, и так выучился есть. И так избавил его великий Феодосий от козней дьявола и от прельщений его. И снова предался Исакий жестокому воздержанию.

Когда же преставился Феодосий и на его место стал Стефан*, Исакий сказал: «Ты, дьявол, прельстил меня, когда я сидел на одном месте, поэтому теперь не затворюсь я в пещере, а буду побеждать тебя благодатью Божиего, ходя по монастырю». И снова облекся он во власяницу, а на власяницу надел рубаху грубую и стал юродствовать. Он начал помогать поварам и трудиться на братию,

и на заутреню приходил он раньше всех и стоял твердо и неподвижно. Когда же приспевала зима и наступали морозы лютые, то и тогда стоял он в протоптанных башмаках, так что часто ноги его примерзали к каменному полу, но он не двигал ногами, пока не отпоют заутреню. И после заутрени шел он в поварню, разводил огонь, приносил дрова и воду, после чего приходили прочие повара из братии.

Один из поваров, также по имени Исакий, как-то сказал, насмехаясь: «Исакий, вот сидит ворон черный, — поди, возьми его». Он же поклонился до земли, пошел, взял ворона и принес его на глазах у всех поваров. И ужаснулись все они, видя это, и поведали игумену и всей братии, и после этого братия стала почитать его. Он же, отвергая славу человеческую, стал юродствовать и начал глумиться то над игуменом, то над кем-нибудь из братии, то над мирянами, так, что иные даже били его. И стал ходить по миру, также юродствуя.

И поселился он снова в пещере, в которой жил прежде, — Антоний к этому времени уже умер, — и начал собирать к себе детей, и одевал их в монашеские одежды. И его били за это, — то игумен Никон, то родители детей этих. Блаженный же все это терпел, перенося побои, и наготу, и холод днем и ночью.

Однажды ночью затопил он печь в пещере, и когда печь разгорелась, — а она была ветхая, — пламя стало вырываться вверх через щели, а заложить их ему было нечем, и встал босыми ногами на огонь, и простоял так, пока не прогорела печь, и сошел, не причинив себе вреда. И многое другое рассказывали о нем, а иное я и сам видел.

И такую силу взял он над бесами, что как мухи были они ему, ни во что не ставил он их страдания и наваждения. Он говорил им: «Если вы и прельстили меня в первый раз, потому что не ведал я козней ваших и лукавства, то ныне со мною Господь Иисус Христос, Бог мой, и на молитвы отца моего Феодосия надеюсь, и одержу победу над вами». Много раз пакостили ему бесы и говорили: «Наш ты, Исакий, потому что старейшине нашему поклонился». Он же говорил: «Ваш старейшина антихрист, а вы — бесы», и осенял лицо свое крестным знаменем, и оттого исчезали бесы.

Иногда же снова приходили они к нему, пугая его видением, как будто пришло много народа с мотыгами и кирками, говоря: «Раскопаем пещеру эту и засыпем его здесь»; иные же говорили: «Выходи, Исакий: хотят тебя засыпать». Он же говорил им: «Если бы вы были люди, то днем пришли бы, а вы — тьма и во тьме ходите», и когда осенял себя крестным знаменем, то они исчезали. Иногда же стращали его то в образе медведя, то лютого зверя, то льва, то вползали к нему змеями, или жабами, и мышами, и всякими гадами, и ничего не могли сделать ему.

И сказали: «О Исакий, победил ты нас!» Он же отвечал: «Когда-то вы прельстили меня, приняв образ Иисуса Христа и ангелов, но не достойны вы были такового сана, а теперь вы являетесь в своем истинном образе, зверином и скотском, и змеями, и разными гадами, какие вы и есть на самом деле». И с тех пор не было ему никакой пакости от бесов, о чем он сам и поведал, говоря, что три года была у него с ними эта борьба.

Потом стал он жить в строгости и соблюдать воздержание, пост и бдение. И так жил он, и пришел конец жизни его. Разболелся он в пещере, и перенесли его, больного, в монастырь, и проболел так до восьмого дня, и путем праведным отошел к Господу в добром исповедании. Игумен же Иоанн и вся братия убрали тело его, похоронив честно со святыми отцами в пещере.

Таковы были монахи Феодосиева монастыря, которые сияют и по смерти, как светила, и молят Бога за здесь живущую братию, и за всех работающих в доме Божьей Матери, и за мирскую братию, и за приходящих и жертвующих в монастырь, в котором и доныне добродетельной жизнью живут сообща, все вместе, в пении и молитвах, и в послушании, на славу всемогущему Богу и Пречистой его Матери, соблюдаемые молитвами святых отцов Антония и Феодосия. Да сподобит и нас Господь молитвами их избежать сетей ловящего нас дьявола и оказаться в том месте, где обретаются отцы Антоний и Феодосий. И призовем, братья, блаженных тех отцов и чудотворцев быть помощниками и молитвенниками к Господу Богу, чтобы не быть нам отлученными от преподобных тех черноризцев и отторженными от блаженного и святого того места,

и не лишиться того, чтобы оно оставалось жилищем пренепорочной и Пречистой Девы, как она сама обещала; да будем стремиться и остальные дни жизни своей проводить в покаянии и угождении Богу. Да будет же всем нам милости получить жизнь вечную о Христе Иисусе, о Господе нашем, ему же слава и держава с отцом и пресвятым и животворящим духом.

КОММЕНТАРИИ

Ефрем — Ефрем Сирин — богослов IV в., толкователь священных текстов.

Князь Ростислав Всеволодич — речь идет о нашествии половцев в 1093 г., против которых выступили киевский князь Святополк Изяславич, черниговский Владимир Мономах и младший брат Владимира Ростислав Всеволодович, сидевший в Переяславле. После поражения в битве у Треполя на глазах Владимира Мономаха в реке Стугне утонул юный князь Ростислав.

Треполь — город на Днепре.

Всеволод Ярославин — великий киевский князь (1030—1093).

Никон — игумен Киево-Печерского монастыря (1077—1087/88).

Послание Симона — «Слово о создании церкви Печерской» епископа Владимирского Симона (ум. 1226).

Елисей — пророк Елисей излечил военачальника сирийского царя *Неемана* от жестокой болезни.

Деисус — композиция в центре храма, состоящая из трех икон: Христа, Богородицы и Иоанна Крестителя.

Подолье — район Киева, под горой, на берегу Днепра. В тексте идет речь о грандиозном киевском пожаре 1124 г.

Вапница — ящик, в котором хранились краски.

Калугер — старый монах.

Торопчанин — преподобный Исакий Пещерник был родом из города Торопца.

Сопель — музыкальный инструмент типа свирели.

Князь Изяслав — Изяслав Ярославич, киевский князь (1054—1073), покровитель монастыря.

Стефан — постриженник Киево-Печерского монастыря, ученик Феодосия. После смерти учителя был избран игуменом обители в 1074 г.

СЛОВО О ПОГИБЕЛИ РУССКОЙ ЗЕМЛИ

О, светло-светлая и прекрасно украшенная, земля Русская! Многими красотами прославлена ты: озерами многими славишься, реками и источниками местнотимыми, горами, крутыми холмами, высокими дубравами, чистыми полями, дивными зверями, разнообразными птицами, бесчисленными городами великими, селениями славными, садами монастырскими, храмами Божьими и князьями грозными, боярами честными, вельможами многими. Всем ты преисполнена, земля Русская, о правоверная вера христианская!

Отсюда до угров и до ляхов , до чехов, от чехов до ятвягов , от ятвягов до литовцев, до немцев , от немцев до карелов, от карелов до Устюга, где обитают поганые тоимичи , и за Дышащее море ; от моря до болгар , от болгар до буртасов , от буртасов до черемисов , от черемисов до мордвы — то все с помощью Божьей покорено было христианскому народу, поганые эти страны повиновались великому князю Всеволоду', отцу его Юрию , князю киевскому, деду его Владимиру Мономаху, которыми половцы своих малых детей пугали. А литовцы из болот своих на свет не показывались, а угры укрепляли каменные стены своих городов железными воротами, чтобы их великий Владимир не покорил, а немцы радовались, что они далеко за Синим морем Буртасы, чере- * - *

мисы, в яда и мордва бортничали на великого князя Владимира. А император царьградский Мануил от страха великие дары посылал к нему, чтобы великий князь Владимир Царьград у него не взял.

И в те дни, — от великого Ярослава*, и до Владимира*, и до нынешнего Ярослава , и до брата его Юрия , князя владимирского, — обрушилась беда на христиан...

КОММЕНТАРИИ

Угры — венгры.

Ляхи — поляки.

Ятвяги — литовское племя.

Немцы — под немцами подразумевались народы, населявшие Скандинавию.

Тоймичи — угро-финское племя, жившее по берегу реки Тоймы, притоку Северной Двины.

Дышащее море — Белое море и Северный Ледовитый океан.

Болгары — волжские болгары, жившие в бассейне реки Кама и средней Волги.

Буртасы — мордовское племя.

Черемисы — марийцы.

Всеволод — владими́ро-суздальский князь Всеволод Юрьевич Большое Гнездо (1154—1212).

Юрий — князь суздальский и киевский Юрий Владимирович Долгорукий (1090—1157).

Синее море — Балтийское море.

Вяда — мордовское племя.

Бортничество — сбор меда диких пчел.

Мануил — византийский император Мануил I Комнин (1143—1246); автор ошибся: Мануил I не был современником Владимира Мономаха.

...отп великого Ярослава... — Ярослава Мудрого (ок. 978—1054).

...и до Владимира... — Владимира Мономаха (1053—1125).

...и до нынешнего Ярослава... — князя Ярослава Всеволодовича (1191—1246).

...и до брата его Юрия, князя владимирского... — Юрия Всеволодовича (1188—1238).

ЖИТИЕ АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО

ПОВЕСТЬ О ЖИТИИ И О ХРАБРОСТИ БЛАГОВЕРНОГО И ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ АЛЕКСАНДРА

Во имя Господа него Иисуса Христа, Сына Божия.

Я, жалкий и многогрешный, недалекий умом, осмеливаюсь описать житие святого князя Александра, сына Ярославова, внука Всеволодова . Поскольку слышал я от отцов своих и сам был свидетелем зрелого возраста его, то рад был поведать о святой, и честной, и славной жизни его. Но как сказал Приточник : «В лукавую душу не войдет премудрость: ибо на возвышенных местах пребывает она, посреди дорог стоит, при вратах людей знатных останавливается». Хотя и прост я умом, но все же начну, помолвившись святой Богородице и уповая на помощь святого князя Александра.

Сей князь Александр родился от отца милосердного и человеколюбивого, и более всего — кроткого, князя великого Ярослава и от матери Феодосии. Как сказал Исайя-пророк*: «Так говорит Господь: «Князей я ставлю, священны ибо они, и я их веду». И воистину — не без Божьего повеления было княжение его.

И красив он был, как никто другой, и голос его — как труба в народе, лицо его — как лицо Иосифа , которого египетский царь поставил вторым царем в Египте, сила же его была частью от силы Самсона*, и дал ему Бог премудрость Соломона, храбрость же его — как у царя римского Веспасиана*, который покорил всю землю Иудейскую. Однажды приготовился тот к осаде города Иоатапаты, и вышли горожане, и разгромили войско его. И остался один Веспасиан, и повернул выступивших против него к городу, к городским воротам, и посмеялся над дружиною своею,

и укорил ее, сказав: «Оставили меня одного». Так же и князь Александр — побеждал, но был непобедим.

Потому-то один из именитых мужей Западной страны, из тех, что называют себя слугами Божьими*, пришел, желая видеть зрелость силы его, как в древности приходила к Соломону царица Савская, желая послушать мудрых речей его. Так и этот, по имени Андреаш*, повидав князя Александра, вернулся к своим и сказал: «Прошел я страны, народы и не видел такого ни царя

среди царей, ни князя среди князей».

Услышав о такой доблести князя Александра, король страны Римской из северной земли¹⁷ подумал про себя: «Пойду и завоюю землю Александрову». И собрал силу великую, и наполнил многие корабли полками своими, двинулся с огромным войском, пылая духом ратным. И пришел в Неву, опьяненный безумием, и отправил послов своих, возгордившись, в Новгород к князю Александру, говоря: «Если можешь, защищайся, ибо я уже здесь и разорю землю твою».

Александр же, услышав такие слова, разгорелся сердцем, и вошел в церковь Святой Софии, и, упав на колени пред алтарем, начал молиться со слезами: «Боже славный, праведный, Боже великий, сильный, Боже пречечный, сотворивший небо и землю и установивший пределы народам, Ты повелел жить, не преступая чужих границ». И, припомнив слова пророка, сказал: «Суди, Господи, обидящих меня и огради от борющихся со мною, возьми оружие и щит и встань на помощь мне».

И, окончив молитву, он встал, поклонился архиепископу. Архиепископ же был тогда Спиридон, он благословил его и отпустил. Князь же, выйдя из церкви, осушил слезы и начал ободрять дружину свою, говоря: «Не в силе Бог, но в правде. Вспомним Песнотворца¹⁸, который сказал: «Одни с оружием, а другие на конях, мы же имя Господа Бога Нашего призовем; они, поверженные, пали, мы же устояли и стоим прямо». Сказав это, пошел на врагов с малою дружиною, не дожидаясь своего большого войска, но уповая на святую Троицу.

Скорбно же было слышать, что отец его, князь великий Ярослав не знал о нашествии на сына своего, милого

Александра, и ему некогда было послать весть отцу своему, ибо уже приближались враги. Потому и многие новгородцы не успели присоединиться, так как поспешил князь выступить. И выступил против них в воскресенье пятнадцатого июля, имея веру великую к святым мученикам Борису и Глебу.

И был один муж, старейшина земли Ижорской*, именем Пелугий, ему поручена была ночная стража на море. Был он крещен и жил среди рода своего, язычников, наречено же имя ему в святом крещении Филипп, и жил он богоугодно, соблюдая пост в среду и пятницу, потому и удостоил его Бог видеть видение чудное в тот день. Расскажем вкратце.

Узнав о силе неприятеля, он вышел навстречу князю Александру, чтобы рассказать ему о станах врагов. Стоял он на берегу моря, наблюдая за обоими путями, и провел всю ночь без сна. Когда же начало всходить солнце, он услышал шум сильный на море и увидел один насад*, плывущий по морю, и стоящих посреди насада святых мучеников Бориса и Глеба в красных одеждах, держащих руки на плечах друг друга. Гребцы же сидели, словно мглою одетые. Произнес Борис: «Брат Глеб, вели грести, да поможем сроднику своему князю Александру». Увидев такое видение и услышав эти слова мучеников, Пелугий стоял трепетен, пока насад не скрылся с глаз его.

Вскоре после этого пришел Александр, и Пелугий, радостно встретив князя Александра, поведал ему одному о видении. Князь же сказал ему: «Не рассказывай этого никому».

После того Александр поспешил напасть на врагов в шестом часу дня, и была сеча великая с римлянами, и перебил их князь бесчисленное множество, а на лице самого короля оставил след острого копья своего .

Проявили себя здесь шесть храбрых, как он, мужей из полка Александра.

Первый — по имени Таврило Олексич. Он напал на шнек и, увидев королевича, влекомого под руки, въехал до самого корабля по сходням, по которым бежали с королевичем; преследуемые им схватили Гаврилу Олексича и сбросили его со сходен вместе с конем. Но по Божьей

милости он вышел из воды невредим, и снова налал на них, и бился с самим воеводою посреди их войска.

Второй, по имени Сбыслав Якунович, новгородец. Этот много раз нападал на войско их и бился одним топором, не имея страха в душе своей; и пали многие от руки его, и дивились силе и храбрости его.

Третий — Яков, родом полочанин, был ловчим у князя. Этот напал на полк с мечом, и похвалил его князь.

Четвертый — новгородец, по имени Меша. Этот пеший с дружиною своею напал на корабли и потопил три корабля.

Пятый — из младшей дружины, по имени Сава. Этот ворвался в большой королевский златоверхий шатер и подсек столб шатерный. Полки Александровы, видевши падение шатра, возрадовались.

Шестой — из слуг Александра, по имени Ратмир. Этот бился пешим, и обступили его враги многие. Он же от многих ран пал и так скончался.

Все это слышал я от господина своего великого князя Александра и от иных, участвовавших в то время в этой битве.

Было же в то время чудо дивное, как в прежние дни при Езекии-царе. Когда пришел Сенахирим, царь ассирийский, на Иерусалим, желая покорить святой град Иерусалим, внезапно явился ангел Господень и перебил сто восемьдесят пять тысяч из войска ассирийского, и, встав утром, нашли только мертвые трупы. Так было и после победы Александровой: когда победил он короля, на противоположной стороне реки Ижоры, где не могли пройти полки Александровы, здесь нашли несметное множество убитых ангелом Господним. Оставшиеся же обратились в бегство, и трупы мертвых воинов своих набросали в корабли и потопили их в море. Князь же Александр возвратился с победою, хваля и славя имя своего Творца.

На второй же год после возвращения с победою князя Александра вновь пришли из Западной страны и построили город на земле Александровой. Князь же Александр вскоре пошел и разрушил город их до основания, а их самих — одних повесил, других с собою увел, а иных, помиловав, отпустил, ибо был безмерно милостив.

После победы Александровой, когда победил он короля, на третий год, в зимнее время, пошел он с великой силой на землю немецкую, чтобы не хвастались, говоря: «Покорим себе славянский народ».

А был ими уже взят город Псков и наместники немецкие посажены. Он же вскоре изгнал их из Пскова и немцев перебил, а иных связал и город освободил от безбожных немцев, а землю их повоевал и пожег и пленных взял бесчисленное множество, а других перебил. Немцы же, дерзкие, соединились и сказали: «Пойдем, и победим Александра, и захватим его».

Когда же приблизились немцы, то проведали о них стражи. Князь же Александр приготовился к бою, и пошли они друг против друга, и покрылось озеро Чудское множеством тех и других воинов. Отец Александра, Ярослав, прислал ему на помощь младшего брата Андрея с большою дружиною. Да и у князя Александра было много храбрых воинов, как в древности у Давида-царя, сильных и стойких. Так и мужи Александра исполнились духа ратного, ведь были сердца их как сердца львов, и воскликнули: «О княже наш славный! Ныне пришло нам время положить головы свои за тебя». Князь же Александр воздел руки к небу и сказал: «Суди меня, Боже, рассуди распрю мою с народом неправедным и помоги мне, Господи, как в древности помог Моисею одолеть Амалика и прадеду нашему Ярославу окаянному Святополку».

Была же тогда суббота, и когда взошло солнце, сошлись противники. И была сеча жестокая, и стоял треск от ломающихся копий и звон от ударов мечей, и казалось, что двинулось замерзшее озеро, и не было видно льда, ибо покрылось оно кровью.

А это слышал я от очевидца, который поведал мне, что видел воинство Божие в воздухе, пришедшее на помощь Александру. Итак победил врагов помощью Божьей, и обратились они в бегство, Александр же рубил их, гоня, как по воздуху, и некуда было им скрыться. Здесь прославил Бог Александра пред всеми полками, как Иисуса Навина* у Иерихона. А того, кто сказал: «Захватим Александра», — отдал Бог в руки Александра. И ни-

когда не было противника, достойного его в бою. И возвратился князь Александр с победою славною, и было много пленных в войске его, и вели босыми подле коней тех, кто называет себя «Божьими рыцарями».

И когда приблизился князь к городу Пскову, то игумены, и священники, и весь народ встретили его перед городом с крестами, воздавая хвалу Богу и прославляя господина князя Александра, поюще ему песнь: «Ты, Господи, помог кроткому Давиду победить иноплеменников и верному князю нашему оружием веры освободить город Псков от иноязычников рукою Александровою».

И сказал Александр: «О невежественные псковичи! Если забудете это до правнуков Александровых, то уподобитесь иудеям, которых питал Господь в пустыне манною небесною и перепелами печеными, но забыли все это они и Бога своего, избавившего их от плена египетского».

И прославилось имя его во всех странах, от моря Египетского и до гор Араратских, и по ту сторону моря Варяжского и до великого Рима.

В то же время набрал силу народ литовский и начал грабить владения Александровы. Он же выезжал и избивал их. Однажды случилось ему выехать на врагов, и победил он семь полков за один выезд и многих князей их перебил, а иных взял в плен, слуги же его, насмехаясь, привязывали их к хвостам коней своих. И начали они с того времени бояться имени его.

В то же время был в восточной стране сильный царь, которому покорил Бог народы многие от востока и до запада. Тот царь, прослышав о такой славе и храбрости Александра, отправил к нему послов и сказал: «Александр, знаешь ли, что Бог покорил мне многие народы. Что же — один ты не хочешь мне поклониться? Но если хочешь сохранить землю свою, то приди скорее ко мне и увидишь славу царства моего».

После смерти отца своего пришел князь Александр во Владимир в силе великой. И был грозен приезд его, и промчалась весть о нем до устья Волги. И жены моавитские начали страшать детей своих, говоря: «Вот идет Александр!»

Решил князь Александр пойти к царю в Орду, и благословил его епископ Кирилл. И увидел его царь Батый, и поразился, и сказал вельможам своим: «Истину мне сказали, что нет князя, подобного ему*. Почтив же его достойно, он отпустил Александра.

После этого разгневался царь Батый на меньшего брата его Андрея и послал воеводу своего Неврюя разорить землю Суздальскую. После разорения Неврюем земли Суздальской князь великий Александр воздвиг церкви, города отстроил, людей разогнанных собрал в дома их. О таких сказал Исайя-пророк: «Князь хороший в странах — тих, приветлив, кроток, смирен — и тем подобен Богу*. Не прельщаясь богатством, не забывая о крови праведников, сирот и вдов, по правде судит, милостив, добр для домочадцев своих и радушен к приходящим из чужих стран. Таким и Бог помогает, ибо Бог не ангелов любит, но людей, в щедрости своей щедро одаривает и являет в мире милосердие свое.

Наполнил же Бог землю Александра богатством и славою и продлил Бог дни его.

Однажды пришли к нему послы от Папы из великого Рима с такими словами: «Папа наш так говорит: «Слышали мы, что ты князь достойный и славный и земля твоя велика. Потому и прислали к тебе из двенадцати кардиналов двух умнейших — Агалдада и Гемонта, чтобы послушал ты речи их о законе Божьем».

Князь же Александр, подумав с мудрецами своими, написал ему такой ответ: «От Адама до потопа, от потопа до разделения народов, от смешения народов до начала Авраама, от Авраама до прохождения израильтян сквозь море, от исхода сынов Израилевых до смерти Давида-царя, от начала царствования Соломона до Августа и до Христова Рождества, от Рождества Христова и до распятия его и Воскресения, от Воскресения же его и вознесения на небеса и до царствования Константинова, от начала царствования Константинова до первого собора и седьмого — обо всем этом хорошо знаем, а от вас учения не примем». Они же возвратились восвояси.

И умножились дни жизни его в великой славе, ибо любил священников, и монахов, и нищих, митрополи-

тов же и епископов почитал и внимал им, как самому Христу.

Было в те времена насилие великое от иноверных, гнали они христиан, заставляя их воевать на своей стороне. Князь же великий Александр пошел к царю, чтобы отомолить людей своих от этой беды.

А сына своего Дмитрия послал в Западные страны, и все полки свои послал с ним, и близких своих домочадцев, сказав им: «Служите сыну моему, как самому мне, всей жизнью своей». И пошел князь Дмитрий в силе великой, и завоевал землю Немецкую, и взял город Юрьев, возвратился в Новгород со множеством пленных и с большою добычею.

Отец же его великий князь Александр возвратился из Орды* от царя, и дошел до Нижнего Новгорода, и там занемог, и, прибыв в Городец, разболелся. О горе тебе, бедный человек! Как можешь описать кончину господина своего! Как не выпадут зеницы твои вместе со слезами! Как не вырвется сердце твое с корнем! Ибо отца оставить человек может, но доброго господина нельзя оставить; если бы можно было, то в гроб бы сошел с ним.

Много потрудившись Богу, он оставил царство земное и стал монахом, ибо имел безмерное желание принять ангельский образ. Сподобил же его Бог и больший чин принять — схиму*. И так с миром Богу дух свой предал месяца ноября в четырнадцатый день, на память святого апостола Филиппа.

Митрополит же Кирилл говорил: «Дети мои, знайте, что уже зашло солнце земли Суздальской!» Иереи и диаконы, черноризцы, нищие и богатые и все люди восклицали: «Уже погибаем!»

Святое же тело Александра понесли к городу Владимиру*. Митрополит же, князья и бояре и весь народ, малые и большие, встречали его в Боголюбове со свечами и кадилами. Люди же толпились, стремясь прикоснуться к святому телу его на честном одре. Стояли же вопль, и стон, и плач, каких никогда не было, даже земля содрогнулась. Положено же было тело его в церкви Рождества святой Богородицы, в великой архимандритье, месяца ноября в 24 день, на память святого отца Амфилохия.

Было же тогда чудо дивное и памяти достойное. Когда было положено святое тело его в гробницу, тогда Севастьян-эконом и Кирилл-митрополит хотели разжать его руку, чтобы вложить грамоту духовную. Он же, будто живой, простер руку свою и принял грамоту из руки митрополита. И смятение охватило их, и едва отступили они от гробницы его. Об этом возвестили всем митрополит и эконом Севастьян. Кто не удивится тому чуду, ведь тело его было мертво и везли его из дальних краев в зимнее время.

И так прославил Бог угодника своего.

КОММЕНТАРИИ

Новгородский князь Александр Невский (ок. 1120—1263) был сыном великого князя Ярослава Всеволодовича, внуком Всеволода Юрьевича Большое Гнездо.

Приточник — иудейский царь Соломон (972—932 до н. э.), автор книги Притчей, прославился необычайной мудростью.

Исайя — ветхозаветный пророк, автор одной из книг Библии.

Иосиф — библейский персонаж Иосиф Прекрасный отличался удивительной красотой и умом, за что был назначен египетским фараоном своим соправителем.

Самсон — ветхозаветный герой Самсон обладал необыкновенной силой.

Веспасиан — император Веспасиан Тит Флавий (9—79) прославился как талантливый полководец. Во время иудейской войны при осаде крепости Иоатапаты в одиночку отбил нападение вражеских воинов.

Западная страна — имеется в виду Ливония.

Слуги Божьи — имеются в виду крестоносцы.

Царица Савская — согласно библейскому преданию, царица аравийского государства Сава, услышав о мудрости Соломона, лично решила проверить слухи, для чего прибыла в Иерусалим.

Андреаш — Андреас фон Фельвен, вице-магистр Ливонского ордена крестоносцев.

...король страны Римской из северной земли... — Шведский король Эрих Эрикссон Картавий.

...церковь Святой Софии — новгородский Софийский собор.

Спиридон — новгородский архиепископ Спиридон (1229 — 1249).

Песнотворец — иудейский царь Давид, автор Псалтири.

Ижорская земля — территория по реке Неве и по реке Ижоре, левому притоку Невы, заселенная карелами, союзниками новгородцев.

Насад — речное судно.

-а на лице самого короля оставил след острого копья своего. — Шведским войском командовал зять короля Эриха ярл (граф) Биргер, которого Александр Невский ранил копьем в лицо. Рана на лице, напоминавшая клеймо римского раба, была оскорбительна для воина.

Шнек — речное судно.

Воевода — второй предводитель шведской дружины ярл Ульф Фаси.

Езекия — библейский персонаж, один из царей Иудеи, воевал с ассирийским правителем Сенахиримом, войска которого были чудесным образом истреблены Богом.

...город на земле Александровой. — В 1240 г. на земле, принадлежавшей Новгороду, ливонцы построили крепость Копорье.

А был ими уже взят город Псков... — Город Псков в 1240 г. был захвачен немцами из-за предательства псковских бояр и посадника. Освобожден Александром Невским в 1242 г.

...и покрывлось озеро Чудское множеством тех и других воинов. — Ледовое побоище на Чудском озере произошло в 1242 г.

Моисей — библейский пророк, выведший евреев из египетского плена.

Амалик — предводитель амаликян, оказал сопротивление иудеям, занявшим его страну.

...прадеду нашему Ярославу... — Князь *Ярослав Мудрый* разгромил в 1019 г. войска Святополка Окаянного, отомстив за убийство братьев Бориса и Глеба.

Иисус Навин — библейский персонаж, предводитель войска евреев, взял город Иерихон, стены которого рухнули от звука воинских труб.

Море Египетское — Средиземное, *море Варяжское* — Балтийское.

...был в восточной стране сильный царь... — Имеется в виду *Батый*, хан Золотой Орды (1208—1255).

Моавитяне — племя, жившее на территории Палестины, враждовавшее с израильтянами. В данном случае речь идет о таттаро-монголах.

...и послал воеводу своего Неврюя разорить землю Суздальскую.
— Нашествие Неврюя на Владимиро-Суздальскую землю произошло в 1252 г. при хане Сартаке.

пришли к нему послы от Папы из великого Рима». — Римский папа Иннокентий IV (1243—1254) за переход Руси в католичество обещал военную помощь в войне с Золотой Ордой.

И пошел князь Дмитрий в силе великой... — В 1262 г., во время похода на Юрьев, сыну Александра Невского Дмитрию было 9 лет, поэтому войском командовал его дядя Ярослав Ярославич Тверской.

...возвратился из Орды... — Поездка в Орду была предпринята в 1262 г.

Схима — обет православных монахов соблюдать строгие аскетические правила поведения.

Александр Невский был погребен во Владимирском Рождественском Богородицком монастыре, считавшемся до XVI в. главной обителью Руси.

ПОВЕСТЬ

О РАЗОРЕНИИ РЯЗАНИ БАТЫЕМ

В сокращении

В год 6730 (1222). Прибытие из Корсуни* чудотворного образа Николы Заразского : как прибыл из преславного города Херсонеса в рязанские пределы на третий год после Калкского побоища . Тогда убито было много князей русских. И встали князья русские за половцев, а побиты были за Днепром на речке на Хортице на Калкском поле Половецкой земли, на Калках, месяца июня в шестнадцатый день. <...>

В год 6732 (1224). Явился в видении святой великий чудотворец Никола Корсунский в преславном городе Херсонесе служителю своему, по имени Астафию. И сказал ему великий чудотворец Никола: «Астафий, возьми мой чудотворный образ Корсунский, супругу свою Феодосию и сына своего Астафия и иди в землю Рязанскую. Там хочу пребывать, и чудеса творить, и место то прославить». Астафий пробудился от этого видения и стал ужасаться. А во вторую ночь чудотворец снова ему явился. Астафий в еще больший страх пришел и стал думать: «О великий чудотворец Никола, куда велишь идти? Я, раб твой, ни земли Рязанской не знаю, ни в сердце своем не помышляю. Не знаю той земли, на востоке ли, или на западе, или на юге, или на севере» — так про себя думал. И в третью ночь явился чудотворец Астафию, толкая его под ребра, и веля немедленно идти на восток, и обещая проводить его до Рязанской земли. Астафий стал трепетать от такого видения и помышлять в сердце своем — как ему оставить город Корсунь. И стал медлить, и тотчас напала на него болезнь головы, и покрылись глаза его как чешуей. И стал Астафий скорбеть и плакать. И постепенно стал приходить в разум и каяться в том, что сделал. И прилежно припал к чудотворному образу, и заплакал: «О

великий чудотворец Никола, возвеличенный Господом на небесах и прославленный на земле чудесами! Согрешил перед тобою, владыко: не послушал твоего повеления. Прости меня, грешного раба своего. Да будет воля твоя, как изволил!». И в то же мгновение прозрел и была голова его здорова, а глаза — без бельма, как прежде. Стал Астафий молить всемилостивого Бога, и Пречистую Его Матерь, и великого чудотворца Николу, чтобы ему по чудотворному повелению достигнуть желаемого: дойти до указанного места Рязанской земли. И замыслил пойти вверх по Днепру, и затем снова от Днепра в Половецкую землю на восток к Рязанской земле, надеясь на всемилостивого Бога, и на Пречистую Его Матерь, и на великого чудотворца Николу, что тот сможет его сохранить от язычников-половцев. И не сбился замысел его: великий чудотворец Никола явился Астафию и сказал ему: «Не удобно тебе идти через землю язычников-половцев. Иди в устье Днепра в Понтийском море*, и сядь в корабль, и доплыви до моря Варяжского в Немецкой области. И оттуда пойдешь сухим путем до Великого Новгорода и далее в Рязанскую область не только беспрепятственно, но и с почетом». Астафий не медля взял чудотворный образ великого чудотворца Николы Корсунского, и жену свою Феодосию, и сына своего Астафия, и одного из клириков приближенных своих, и забыл о преславном городе Херсонесе, и отказался от всего своего имущества, и направился в путь, как чудотворец приказал, охраняемый Богом, а чудотворец ему путь указывал. Пришел в устье Днепра и сел в корабль в Понтийском море, — то море называют морем Русским. И доплыл до моря Варяжского, и далее пошел в Немецкую область в город Кесь*, и не долго пробыл в нем. И пошел оттуда сухим путем, и пришел в Великий Новгород к великому князю Ярославу Всеволодовичу и к сыну его князю Александру, и пробыл там много дней. Великий чудотворец стал там великие чудеса творить. И жена Астафия Феодосия возлюбила Великий Новгород, и не захотела сопровождать чудотворный образ, и скрылась от мужа своего. И тотчас расслабли все члены и все тело ее, и стала как мертвая, и неподвижной, — только дыхание в груди ее было. И некие сказали Астафию, что жена его при смерти. Астафий услышал, что жена его при смерти, и припал к чудотворному

образу, и говорил со слезами: «Великий чудотворец Никола, прости рабу свою, согрешившую пред тобой, как одна из безумных жен». И тотчас же была исцелена. Астафий немедленно взял чудотворный образ Николы, отправился в путь свой с великою радостью и славою, собираясь дойти до желаемого места. И через много дней дошел до Рязанской земли и стал думать: «О великий чудотворец Никола, вот земля Рязанская, куда хочу добраться и покой обрести!» И согрешил Астафий в мыслях своих, забыв о прежнем обещании в видении чудотворца и чуда его. Ибо Бог творит чуда с помощью угодника своего сколько пожелает.

Явился великий чудотворец Никола благоверному князю Федору Юрьевичу Рязанскому, и возвестил ему прибытие чудотворного своего образа Кореунского, и сказал: «Князь, иди встречать чудотворный образ мой Корсунский. Ибо хочу здесь пребывать и чуда творить. И умолю о себе всемилостивого и человеколюбивого Владыку Христа, сына Божия, — да дарует тебе венец царствия небесного, и жене твоей, и сыну твоему». Благоверный князь Федор Юрьевич восстал от сна, и устранился от такого видения, и стал помышлять в тайном храме сердца своего, будучи объят страхом. И не поведал никому страшного видения, и стал думать: «О великий чудотворец Никола! Как же умолишь обо мне милостивого Бога — да сподобит меня венца царствия небесного, и жене моей, и сыну моему: я ведь и в браке не состою, и плода чрева не имею». И тотчас направился встречать чудотворный образ, как ему чудотворец повелел. И пришел в то место, о котором говорили, и увидел издали как бы неизреченный свет, блистающий от чудотворного образа. И припал к чудотворному образу Николы любовно с сокрушенным сердцем, испуская слезы из глаз, как струю. И принял чудотворный образ, и принес во область свою. И тотчас послал весть отцу своему великому князю Юрию Ингваревичу Рязанскому*, веля поведать ему о прибытии чудотворного образа Николы из Корсуна-гра- да. Великий князь Георгий Ингваревич услышал о прибытии чудотворного образа Николы и возблагодарил Бога и угодника его чудотворца Николу за то, что посетил Бог людей своих и не забыл создание рук своих.

Князь великий взял с собою епископа Ефросина Свя-

тогорца и тотчас пошел в область, к сыну своему князю Федору Юрьевичу. И увидел от чудотворного образа великие и преславные чудеса, и исполнился радости о его преславных чудесах. И создал храм во имя святого великого чудотворца Николы Корсунского. И освятил его епископ Ефросин, и торжествовал светло, и вернулся в свой город.

Спустя немного лет, князь Федор Юрьевич сочетался браком, взяв супругу из царского рода именем Евпраксию. И вскоре и сына родил именем Ивана Постника. <...>

В год 6745 (1237). В двенадцатый год по перенесении чудотворного образа Николина из Корсуни. Пришел на Русскую землю безбожный царь Батый со множеством воинов татарских и стал на реке Воронеже* близ земли Рязанской. И прислал послов на Рязань к великому князю Юрию Ингваревичу Рязанскому, требуя у него десятой доли во всем: во князьях, и во всяких людях, и в остальном. И услышал великий князь Юрий Ингваревич Рязанский о нашествии безбожного царя Батые, и тотчас послал в город Владимир к благоверному великому князю Георгию Всеволодовичу Владимирскому, прося у него помощи против безбожного царя Батые или чтобы сам на него пошел. Князь великий Георгий Всеволодович Владимирский и сам не пошел, и помощи не послал, задумав один сразиться с Батыем. И услышал великий князь Юрий Ингваревич Рязанский, что нет ему помощи от великого князя Георгия Всеволодовича Владимирского, и тотчас послал за братьями своими: за князем Давыдом Ингваревичем Муромским, за князем Глебом Ингваревичем Коломенским, и за князем Олегом Красным, и за Всеволодом Пронским*, и за другими князьями. И стали совет держать — как утолить нечестивца дарами. И послал сына своего князя Федора Юрьевича Рязанско-

го к безбожному царю Батыю с дарами и мольбами великими, чтобы не ходил войной на Рязанскую землю. И пришел князь Федор Юрьевич на реку Воронеж к царю Батыю, и принес ему дары, и молил царя, чтобы не воевал Рязанской земли. Безбожный же, лживый и немилосердный царь Батый дары принял и во лжи своей притворно обещал не ходить войной на Рязанскую землю. Но хвалился-грозился повоевать всю Русскую землю. И стал просить у князей рязанских дочерей и сестер к себе на ложе. И некто из вельмож рязанских по зависти донес безбожному царю Батыю, что есть у князя Федора Юрьевича Рязанского княгиня из царского рода и что всех прекраснее она красотой телесною. Царь Батый лукав был и немилостив в неверии своем, распалился в похоти своей и сказал князю Федору Юрьевичу: «Дай мне, княже, изведать красоту жены своей». Благоверный же князь Федор Юрьевич Рязанский посмеялся и ответил царю: «Не годится нам, христианам, водить к тебе, нечестивому царю, жен своих на блуд. Когда нас одолеешь, тогда и женами нашими владеть будешь». Безбожный царь Батый разъярился и оскорбился и тотчас повелел убить благоверного князя Федора Юрьевича, а тело его велел бросить на растерзание зверям и птицам, и других князей и воинов лучших поубивал.

И один из пестунов князя Федора Юрьевича, по имени Апоница, укрылся и горько плакал, смотря на славное тело честного своего господина; и, увидев, что никто его не охраняет, взял возлюбленного своего государя и тайно схоронил его. И поспешил к благоверной княгине Евпраксии, и рассказал ей, как нечестивый царь Батый убил благоверного князя Федора Юрьевича.

Благоверная же княгиня Евпраксия стояла в то время в превысоком тереме своем и держала любимое чадо свое — князя Ивана Федоровича, и как услышала она эти смертоносные слова, исполненные горести, бросилась она из превысокого терема своего с сыном своим князем Иваном прямо на землю и разбилась до смерти. И услышал великий князь Юрий Ингваревич об убиении безбожным царем возлюбленного сына своего, блаженного князя Федора, и других князей, и что перебито мно-

го лучших людей, и стал плакать о них с великой княгиней и с другими княгинями и с братией своей. И плакал город весь много времени. И едва отдохнул князь от великого того плача и рыдания, стал собирать воинство свое и расставлять полки. И увидел князь великий Юрий Ингваревич братию свою, и бояр своих, и воевод, храбро и мужественно скачущих, воздел руки к небу и сказал со слезами: «Избавь нас, Боже, от врагов наших. И от подымающихся на нас освободи нас, и сокрой нас от сборища нечестивых и от множества творящих беззаконие. Да будет путь им темен и скользок». И сказал братии своей: «О государи мои и братия, если из рук Господних благое приняли, то и злое не потерпим ли?! Лучше нам смертью славу вечную добыть, нежели во власти поганых быть. Пусть я, брат ваш, раньше вас выпью чашу смертную за святые Божии церкви, и за веру христианскую, и за отчину отца нашего великого князя Ингваря Святославича». И пошел в церковь Успения Пресвятой Владычицы Богородицы. И плакал много перед образом Пречистой Богородицы, и молился великому чудотворцу Николе и сродникам своим Борису и Глебу. И дал последнее целование великой княгине Агриппине Ростиславовне, и принял благословение от епископа и всех священнослужителей. И пошел против нечестивого царя Батыя, и встретили его около границ рязанских. И напали на него, и стали биться с ним крепко и мужественно, и была сеча зла и ужасна. Много сильных полков Батыевых пало. И увидел царь Батый, что сила рязанская бьется крепко и мужественно, и испугался. Но против гнева Божия кто постоит! Батыевы же силы велики были и непреоборимы; один рязанец бился с тысячей, а два — с десятью тысячами. И увидел князь великий, что убит брат его, князь Давыд Ингваревич, и воскликнул: «О братия моя милая! Князь Давыд, брат наш, наперед нас чашу испил, а мы ли сей чаши не изопьем!» И пересели с коня на конь и начали биться упорно. Через многие сильные полки Батыевы проезжали насквозь, храбро и мужественно сражаясь, так что все полки татарские подивились крепости и мужеству рязанского воинства. И едва одолели их сильные полки татарские. Здесь убит был

благоверный великий князь Юрий Ингваревич, брат его князь Давыд Ингваревич Муромский, брат его князь Глеб Ингваревич Коломенский, брат их Всеволод Пронский и многие князья местные, и воеводы крепкие, и воинство: удалыцы и рязанские. Все равно умерли и единую чашу смертную испили. Ни один из них не повернул назад, но все вместе полегли мертвые. Все это навел Бог грехов ради наших.

А князя Олега Ингваревича захватили еле живого. Царь же, увидев многие свои полки побитыми, стал сильно скорбеть и ужасаться, видя множество убитых из своих войск татарских. И стал воевать Рязанскую землю, веля убивать, рубить и сечь без милости. И град Пронск, и град Бел, и Ижеславец разорил до основания и всех людей побил без милосердия. И текла кровь христианская, как река обильная, грехов ради наших.

И увидел царь Батый Олега Ингваревича, столь красивого и храброго, изнемогающего от тяжких ран, и хотел вылечить его от тяжких ран и к своей вере склонить. Но князь Олег Ингваревич укорил царя Батыя и назвал его безбожным и врагом христианства. Окаянный же Батый дохнул огнем от мерзкого сердца своего и тотчас повелел Олега ножами рассечь на части. И был он второй страстотерпец Стефан, принял венец страдания от всемилостивого Бога и испил чашу смертную вместе со всею своею братиею.

И стал воевать царь Батый окаянный Рязанскую землю, и пошел ко граду Рязани. И осадил град, и бились пять дней неотступно. Батыево войско переменилось, а горожане бессменно бились. И многих горожан убили, а иных ранили, а иные от великих трудов изнемогли. А в шестой день спозаранку пошли поганые на город — одни с огнями, другие с пороками, а третьи с бесчисленными лестницами — и взяли град Рязань месяца декабря в двадцать первый день. И пришли в церковь соборную пресвятой Богородицы, и великую княгиню Агриппину, мать великого князя, со снохами и прочими княгинями посекали мечами, а епископа и священников огню предали — во святой церкви пожгли, и иные многие от оружия пали. И в городе многих людей, и жен, и детей ме-

чами посекали. А других в реке потопили, а священников и иноков без остатка посекали, и весь град пожгли, и всю красоту прославленную, и богатство рязанское, и сродников их — князей киевских и черниговских — захватили. А храмы Божии разорили и во святых алтарях много крови пролили. И не осталось в городе ни одного живого: все равно умерли и единую чашу смертную испили. Не было тут ни стонущего, ни плачущего — ни отца и матери о детях, ни детей об отце и матери, ни брата о брате, ни сродников о сродниках, но все вместе лежали мертвые. И было все то за грехи наши.

И увидел безбожный царь Батый страшное пролитие крови христианской, и еще больше разъярился и ожесточился, и пошел на город Суздаль и на Владимир, собираясь Русскую землю пленить, и веру христианскую искоренить, и церкви Божии до основания разорить.

И некий из вельмож рязанских по имени Евпатий Коловрат был в то время в Чернигове с князем Ингварем Ингваревичем, и услышал о нашествии зловерного царя Батыя, и выступил из Чернигова с малою дружиною, и помчался быстро. И приехал в землю Рязанскую, и увидел ее опустевшую, города разорены, церкви пожжены, люди убиты. И помчался в город Рязань, и увидел город разоренный, государей убитых и множество народа полегшего: одни убиты и посечены, другие пожжены, а иные в реке потоплены. И воскричал Евпатий в горести души своей, распаяся в сердце своем. И собрал небольшую дружину — тысячу семьсот человек, которых Бог сохранил вне города. И погнались вослед безбожного царя, и едва нагнали его в земле Суздальской, и внезапно напали на станы Батыевы. И начали сечь без милости, и смешались все полки татарские. И стали татары точно пьяные или безумные. И бил их Евпатий так нещадно, что и мечи притуплялись, и брал он мечи татарские, и сек ими. Почудилось татарам, что мертвые восстали. Евпатий же, насквозь проезжая сильные полки татарские, бил их нещадно. И ездил среди полков татарских так храбро и мужественно, что и сам царь утратился. И едва поймали татары из полка Евпатьева пять человек воинских, изнемогших от великих ран. И привели их к царю Батыю.

Царь Батый стал их спрашивать: «Какой вы веры, и какой земли, и зачем мне много зла творите?» Они же отвечали: «Веры мы христианской, рабы великого князя Юрия Ингваревича Рязанского, а от полка мы Евпатия Коловрата. Посланы мы от князя Ингваря Ингваревича Рязанского тебя, сильного царя, почествовать, и с честью проводить, и честь тебе воздать. Да не дивись, царь, что не успеваем наливать чаш на великую силу — рать татарскую». Царь же подивился ответу их мудрому. И послал шурича своего Хостоврула на Евпатия, а с ним сильные полки татарские. Хостоврул же похвалился перед царем, обещал привести к царю Евпатия живого. И обступили Евпатия сильные полки татарские, стремясь его взять живым. И съехался Хостоврул с Евпатием. Евпатий же был исполин силою и рассек Хостоврула на полы до седла. И стал сечь силу татарскую, и многих тут знаменитых богатырей Батыевых побил, одних пополам рассекал, а других до седла разрубал. И возбоялись татары, видя, какой Евпатий крепкий исполин. И навели на него множество пороков, и стали бить по нему из бесчисленных пороков, и едва убили его. И принесли тело его к царю Батыю. Царь же Батый послал за мурзами, и князьями, и санчакбеями, — и стали все дивиться храбрости, и крепости, и мужеству воинства рязанского. И сказали они царю: «Мы со многими царями, во многих землях, на многих битвах бывали, а таких удальцов и резвцов не видали, и отцы наши не рассказывали нам. Это люди крылатые, не знают они смерти и так крепко и мужественно, на конях разъезжая, бьются — один с тысячею, а два — с десятью тысячами. Ни один из них не съедет живым с побоища». И сказал царь Батый, глядя на тело Евпатиево: «О Коловрат Евпатий! Хорошо ты меня попотчевал с малою своею дружиною, и многих богатырей сильной орды моей побил, и много полков разбил. Если бы такой вот служил у меня, держал бы его у самого сердца своего». И отдал тело Евпатия оставшимся людям из его дружины, которых похватили на побоище. И велел царь Батый отпустить их и ничем не вредить им.

Князь Ингварь Ингваревич был в то время в Чернигове, у брата своего князя Михаила Всеволодовича Чер-

ниговского*, сохранен Богом от злого того отступника и врага христианского. И пришел из Чернигова в землю Рязанскую, в свою отчину, и увидел ее пусту, и услышал, что братья его все убиты нечестивым, законопреступным царем Батыем, и пришел во град Рязань, и увидел город разоренным, а мать свою, и снох своих, и сродников своих, и многое множество людей лежащих мертвыми, город разорен, и церкви пожжены, и все узорочье из казны черниговской и рязанской взято. Увидел князь Ингварь Ингваревич великую последнюю погибель за грехи нятгтт и жалостно воскричал, как труба, созывающая на рать, как сладкий орган звучащий. И от великого того крика и вопля страшного пал на землю, как мертвый. И едва отлили его и отходили на ветру. И с трудом ожила душа его в нем.

Кто не восплачется о такой погибели, кто не възрыдает о стольких людях народа православного, кто не пожалеет стольких убитых великих государей, кто не застонет от такого пленения?

Разбирая трупы убитых, князь Ингварь Ингваревич нашел тело матери своей, великой княгини Агриппины Ростиславовны, и узнал снох своих, и призвал попов из сел, которых Бог сохранил, и похоронил мать свою и снох своих с плачем великим вместо псалмов и песнопений церковных: сильно кричал и рыдал. И похоронил остальные тела мертвых, и очистил город, и освятил. И собралось малое число людей, и немного утешил их. И плакал беспрестанно, поминая мать свою, и братию свою, и род свой, и все узорочье рязанское, без времени погибшее. Все то случилось по грехам нашим. Был город Рязань, и земля была Рязанская, и исчезло богатство ее, и отошла слава ее, и нельзя было увидеть в ней никаких благ ее — только дым и пепел; и церкви все погорели, а великая церковь внутри изгорела и почернела. И не только этот город пленен был, но и иные многие. Не стало в городе ни пения, ни звона; вместо радости — плач непрестанный.

И пришел князь Ингварь Ингваревич туда, где побиты были нечестивым царем Батыем братья его: великий князь Юрий Ингваревич Рязанский, брат его князь Да

выд Ингваревич, брат его Всеволод Ингваревич, и многие князья местные, и бояре, и воеводы, и все воинство, и удальцы, и резвецы, узорочье рязанское. Лежали они все на

земле опустошенной, на траве ковыле, снегом и льдом померзнувшие, никем не блюдомые. Звери тела их поели, и множество птиц их растерзало. Все лежали, все вместе умерли, единую чашу испили смертную. И увидел князь Ингварь Ингваревич великое множество мертвых тел лежащих, и воскричал горько громким голосом, как труба звучащая, и бил себя в грудь руками, и падал на землю. Слезы его из очей как поток текли, и говорил он жалостно: «О милая моя братия и воинство! Как уснули вы, жизни мои драгоценные? Меня одного оставили в такой погибели! Почему не умер я раньше вас! И куда скрылись вы из очей моих, и куда ушли вы, сокровища жизни моей! Почему ничего не промолвите мне, брату вашему, цветы прекрасные, сады мои незрелые! Уже не подарите сладость душе моей! Почему, государи мои, не посмотрите вы на меня, брата вашего, и не поговорите со мною! Ужели забыли меня, брата вашего, от единого отца рожденного и от единой утробы матери нашей — великой княгини Агриппины Ростиславовны, и единою грудью многоплодного сада вскормленного? На кого оставили вы меня, брата своего? Солнце мое дорогое, рано заходящее, месяц мой красный! Скоро погибли вы, звезды восточные; зачем же закатились вы так рано? Лежите вы на земле пустой, никем не охраняемые; чести-славы ни от кого не получаете вы! Помрачилась слава ваша. Где власть ваша? Над многими землями государями были вы, а ныне лежите на земле пустой, лица ваши потемнели от тления. О малая моя братия и дружина ласковая, уже не повеселюся с вами! Светочи мои ясные, зачем потускнели вы? Не много порадовался с вами! Если услышит Бог молитву вашу, то помолитесь обо мне, брате вашем, чтобы умер я вместе с вами. Уже ведь за веселием плач и слезы пришли ко мне, а за утехой и радостью сетование и скорбь явились мне! Почему не прежде вас умер, чтобы не видеть смерти вашей, а своей погибели? Слышите ли вы горестные слова мои, жалостно звучащие! О земля, о земля! о дубравы! Поплачьте со мною! Как опишу и как назову

день тот, в который погубило столько государей и многое узорочье рязанское — удалцы храбрые! Ни один из них не вернулся, но все равно умерли, единую чашу смертную испили. От горести души моей язык мой не слушается, уста закрываются, взор темнеет, сила изнемогает».

Было тогда много тоски, и скорби, и слез, и вздохов, и страха, и трепета от всех тех злых, которые напали на нас. И воздел руки к небу великий князь Ингварь Ингваревич и возвал со слезами, говоря: «Господи Боже мой, на Тебя уповаю, спаси меня и от всех гонящих избавь меня. Пречистая Владычица, мать Христа, Бога нашего, не оставь меня в годину печали моей. Великие страстотерпцы и сродники наши Борис и Глеб, будьте мне, грешному, помощниками в битвах. О братья мои и воинство, помогите мне во святых ваших молитвах на врагов тятих — на агарян и внуков рода Измаила».

И стал разбирать князь Ингварь Ингваревич тела мертвых, и взял тела братьев своих — великого князя Юрия Ингваревича, и князя Давыда Ингваревича Муромского, и князя Глеба Ингваревича Коломенского, и других князей местных — своих сродников, и многих бояр, и воевод, и ближних, знаемых ему, и принес их во град Рязань, и похоронил их с честью, а тела других тут же на пустой земле собрал и надгробное отпевание совершил. И, похоронив так, пошел князь Ингварь Ингваревич ко граду Пронску, и собрал рассеченные части тела брата своего благоверного и христоролюбивого князя Олега Ингваревича, и повелел нести их во град Рязань, а честную главу его сам князь великий Ингварь Ингваревич до града понес, и целовал ее любезно, и положил его с великим князем Юрием Ингваревичем в одном гробу. А братьев своих, князя Давыда Ингваревича да князя Глеба Ингваревича, положил в одном гробу близ могилы тех. Потом пошел князь Ингварь Ингваревич на реку Воронеж, где убит был князь Федор Юрьевич Рязанский, и взял тело честное его, и плакал над ним долгое время. И принес в область его к иконе великого чудотворца Николая Корсунского, и похоронил его вместе с благоверной княгиней Евпраксией и сыном их князем Иваном Федоровичем Постником во едином месте. И поставил над ними кресты каменные. И по той причине зовется великого чудотворца

Николы икона Заразской, что благоверная княгиня Евпраксия с сыном своим князем Иваном сама себя на том месте «заразила» (разбила).

Те государи из рода Владимира Святославича — отца Бориса и Глеба, внуки великого князя Святослава Ольговича Черниговского. Были они родом христолюбивы, братолюбивы, лицом прекрасны, очами светлы, взором грозны, сверх меры храбры, сердцем легки, к боярам ласковы, к приезжим приветливы, к церквам прилежны, на шарование скоры, до государских потех охочи, ратному делу искусны, и перед братией своей и перед послами величавы. Мужественный ум имели, в правде-истине пребывали, чистоту душевную и телесную без порока соблюдали. Отрасль они святого корени и Богом насажденного сада цветы прекрасные! Воспитаны были в благочестии и во всяческом наставлении духовном. От самых пеленок Бога возлюбили. О церквах Божиих усердно пеклись, пустых бесед не творили, злонравных людей отвращались, с добрыми только беседовали, и Божественные писания всегда с умилением слушали. Врагам в сражениях страшными являлись, многих супостатов, поднимавшихся на них, побеждали, и во всех странах имена свои прославили. К греческим царям великую любовь имели и дары от них многие принимали. А в браке целомудренно жили, помышляя о своем спасении. С чистой совестью, и крепостью, и разумом держали свое земное царство, и к небесному приближаясь. Плоти своей не угождали, соблюдая тело свое после брака не причастным греху. Государев сан держали, а к постам и молитвам были прилежны и кресты на груди своей носили. И честь и славу от всего мира принимали, а святые дни святого поста честно хранили и во все святые посты причащались святых пречистых и бессмертных тайн. И многие труды и победы по правой вере показали. А с погаными половцами часто бились за святые церкви и православную веру. А отчину свою от врагов безленостно оберегали. И милостыню неоскудную давали и ласкою своею многих из неверных царей, детей их и братьев к себе привлекали и к вере истинной обращали.

Благоверный князь Ингварь Ингваревич, названный во святом крещении Козьмой, сел на столе отца своего великого князя Ингваря Святославича. И обновил землю Рязанскую, и церкви поставил, и монастыри построил, и пришельцев утешил, и людей собрал. И была радость христианам, которых избавил Бог рукою своею крепкою от безбожного и зловерного царя Батыя. А господина Михаила Всеволодовича Пронского посадил на отца его отчине.

КОММЕНТАРИИ

Корсунь — древнее название греческого города-колонии Херсонеса в Крыму.

Образ Николы Зарзского — икона Николы Зарайского.

Калкское побоище — битва соединенных сил русских и половцев с татаро-монголами на реке Калке в 1223 г.

Понтийское море — Черное море.

Варяжское море — Балтийское море, *Немецкая область* — земли Тевтонского ордена.

Кесь — ныне город Цесис в Латвии.

Новгородский князь Ярослав Всеволодович (1190—1246) и его сын *Александр Ярославич Невский (1221—1263)*.

Федор Юрьевич — князь Зарайский, сын Юрия Игоревича Рязанского. Его жена Евпраксия и сын Иван в летописях не упоминаются.

Юрий Ингваревич — князь Юрий Игоревич правил в Рязани с 1220 по 1237 г.

...на реке Воронеже... — Левый приток Дона, пограничная река Рязанской земли.

Рязань (Старая Рязань) — город у слияния рек Оки и Пронки. Современная Рязань расположена на месте города Переяславля Рязанского.

Георгий Всеволодович — великий князь владимирский (1188—1238).

Давыд Ингваревич Муромский и *Глеб Ингваревич Коломенский* в летописях не упоминаются. *Олег Ингваревич Красный*, известный по письменным источникам в 1252 г. и 1258 г., племянник рязанского князя. *Всеволод Глебович, князь Пронский*, погиб в 1208 г., его имя в «Повести» появилось в результате ошибки автора.

Пестун — воспитатель.

Страстотерпец Стефан — святой Стефан Первомученик за стойкость в христианской вере был убит язычниками камнями. Попавший в плен *Олег Ингваревич* не был убит и вернулся «на свою отчину» в 1252 г.

Евпатий Коловрат — имя Евпатия Львовича Коловрата в летописях не упоминается.

Князь Ингварь Ингваревич Рязанский, согласно письменным источникам, умер в начале 20-х гг. XIII в.

Шурич — сын шурина.

Пороки — катапульты.

Мурзы — мелкие феодалы, вассалы.

Санчакбеи — полководцы.

Михаил Всеволодович Черниговский (1179—1246) убит в Орде, причислен Русской православной церковью к лику святых.

Агаряне — восточные народы, согласно Библии, произошли от Агари, наложницы Авраама, матери Измаила.

Михаил Всеволодович Пронский умер в 1217 г. Его имя внесено в «Повесть» ошибочно.

ЗАДОНЩИНА

СЛОВО О ВЕЛИКОМ КНЯЗЕ ДМИТРИИ ИВАНОВИЧЕ И О БРАТЕ ЕГО КНЯЗЕ ВЛАДИМИРЕ АНДРЕЕВИЧЕ, КАК ПОБЕДИЛИ СУПОСТАТА СВОЕГО ЦАРЯ МАМАЯ

Князь великий Дмитрий Иванович* со своим братом, князем Владимиром Андреевичем , и со своими воеводами был на пиру у Микулы Васильевича*, и сказал он: «Пришла к нам весть, братья, что царь Мамай стоит у быстрого Дона, пришел он на Русь и хочет идти на нас в Залесскую землю ».

Пойдем, братья, в северную сторону — удел сына Ноева Афета*, от которого берет свое начало православный русский народ. Взойдем на горы Киевские, взглянем на славный Днепр, а потом и на всю землю Русскую. И после того посмотрим на земли восточные—удел сына Ноева Сима , от которого пошли хинове — поганые татары, басурманы. Вот они-то на реке на Каяле и одолели род Афетов. С той поры земля Русская невесела; от Калк-ской битвы* до Мамаева побоища тоской и печалью охвачена, плачет, сыновей своих поминая — князей, и бояр, и удалых людей, которые оставили дома свои, жен и детей, и все достояние свое, и, заслужив честь и славу мира этого, головы свои положили за землю за Русскую и за веру христианскую.

Стародавние дела и жалость Русской земли описал я по книжным сказаньям, а далее опишу жалость и похвалу великому князю Дмитрию Ивановичу и брату его, князю Владимиру Андреевичу.

Братья и друзья, сыновья земли Русской! Соберемся вместе, составим слово к слову, возвеселим Русскую землю, отбросим печаль в восточные страны — в удел Симов, и восхвалим победу над поганым Мамаем, а великого князя Дмитрия Ивановича и брата его, князя Владимира Андреевича, прославим! И скажем так: лучше ведь, братья,

возвышенными словами вести нам этот рассказ про поход великого князя Дмитрия Ивановича и брата его, князя Владимира Андреевича, потомков святого великого князя Владимира Киевского*. Начнем рассказывать о их деяниях по делам и по былям... Вспомним давние времена, восхвалим вещего Бонна, искусного гуслея в Киеве. Тот ведь вещий Боян, перебирая быстрыми своими перстами живые струны, пел русским князьям славы: первую славу великому князю киевскому Игорю Рюриковичу, вторую — великому князю Владимиру Святославичу Киевскому, третью — великому князю Ярославу Владимировичу.

Я же помяну рязанца Софония и восхваляю песнями, под звонкий наигрыш гуслей, нашего великого князя Дмитрия Ивановича и брата его, князя Владимира Андреевича, потомков святого великого князя Владимира Киевского. Воспоем деяния князей русских, постоявших за веру христианскую!

А от Калкской битвы до Мамаева побоища сто шестьдесят лет.

И вот князь великий Дмитрий Иванович и брат его, князь Владимир Андреевич, помолившись Богу и Пречистой Его Матери, укрепив ум своей силой, закалив сердца свои мужеством, преисполнившись ратного духа, урядили свои храбрые полки в Русской земле и помянули прадеда своего, великого князя Владимира Киевского.

О жаворонок, летняя птица, радостных дней утеха, взлети к синим небесам, взгляни на могучий град Москву, воспой славу великому князю Дмитрию Ивановичу и брату его, князю Владимиру Андреевичу! Словно бурей занесло соколов из земли Залесской в поле Половецкое! Звенит слава по всей земле Русской: в Москве кони ржут, трубы трубят в Коломне, бубны бьют в Серпухове, встали стяги русские у великого Дона на берегу.

Звонят колокола вечевые в Великом Новгороде, собрались мужи новгородские у храма святой Софии* и говорят так: «Неужто нам, братья, не поспеть на подмогу к великому князю Дмитрию Ивановичу?» И как только слова эти промолвили, уже как орлы слетелись. Нет, то не орлы слетелись — выехали посадники из Великого Новгорода и с ними семь тысяч войска к великому князю Дмитрию

Ивановичу и брату его, князю Владимиру Андреевичу, на помощь.

К славному городу Москве съехались все князья русские и говорили таково слово: «У Дона стоят татары поганые, Мамай-царь у реки Мечи, между Чуровым и Михайловым, хотят реку перейти и с жизнью своей расстаться нам во славу».

И сказал князь великий Дмитрий Иванович: «Брат, князь Владимир Андреевич, пойдем туда, прославим жизнь свою, удивим земли, чтобы старые рассказывали, а молодые помнили! Испытаем храбрецов своих и реку Дон кровью наполним за землю Русскую и за веру христианскую!»

И сказал всем князь великий Дмитрий Иванович: «Братья и князья русские, гнездо мы великого князя Владимира Киевского! Не рождены мы на обиду ни соколу, ни ястребу, ни кречету, ни черному ворону, ни поганому этому Мамаю!»

О соловей, летняя птица, вот бы тебе, соловей, пеньем своим прославить великого князя Дмитрия Ивановича и брата его князя Владимира Андреевича, и из земли Литовской двух братьев Ольгердовичей, Андрея и брата его Дмитрия, да Дмитрия Волынского! Те ведь — сыновья Литвы храбрые, кречеты в ратное время и полководцы прославленные, под звуки труб их пеленали, под шлемами лелеяли, с конца копья они вскормлены, с острого меча вспоены в Литовской земле.

Молвит Андрей Ольгердович своему брату: «Брат Дмитрий, два брата мы с тобой, сыновья Ольгердовы, а внуки мы Гедиминовы, а правнуки мы Сколомендовы. Соберем, брат, любимых панов удалой Литвы, храбрых удалцов, и сами сядем на своих борзых коней и поглядим на быстрый Дон, напьемся из него шлемом воды, испытаем мечи свои литовские о шлемы татарские, а сулицы немецкие о кольчуги басурманские!»

И сказал ему Дмитрий: «Брат Андрей, не пощадим жизни своей за землю за Русскую, и за веру христиан-

скую, и за обиду великого князя Дмитрия Ивановича! Уже ведь, брат, стук стучит и гром гремит в белокаменной Москве. То ведь, брат, не стук стучит, не гром гремит, то стучит могучая рать великого князя Дмитрия Ивановича, гремят удалцы русские золочеными доспехами и червлеными щитами. Седлай, брат Андрей, своих борзых коней, а мои уже готовы — раньше твоих оседланы. Выедем, брат, в чистое поле и сделаем смотр своим полкам, — сколько, брат, с нами храбрых литовцев. А храбрых литовцев с нами семьдесят тысяч латников».

Вот уже, братья, подули сильные ветры с моря к устьям Дона и Днепра, принесли грозные тучи на Русскую землю, из них выступают кровавые зарницы, и в них трепещут синие молнии. Быть стуку и грому великому на речке Непрядве, меж Доном и Днепром, покрыться трупами человеческими полю Куликову, потечь кровью Непрядве-реке!

Вот уже заскрипели телеги меж Доном и Днепром, идут хинове на Русскую землю! Набежали серые волки с устьев Дона и Днепра, воют, притаившись на реке Мече, хотят ринуться на Русскую землю. То не серые волки были — пришли поганые татары, хотят пройти войной всю Русскую землю.

Тогда гуси загоготали и лебеди крыльями заплескали. Нет, то не гуси загоготали и не лебеди крыльями заплескали: то поганый Мамай пришел на Русскую землю и воинов своих привел. А уже гибель их подстерегают крылатые птицы, паря под облаками, вороны неумолчно грают, а галки по-своему говорят, орлы клекочут, волки грозно воют, а лисицы брешут, кости чуя.

Русская земля, ты теперь как за царем за Соломоном побывала.

А уже соколы, и кречеты, и белозерские ястребы рвутся с золотых колодок из каменного города Москвы, обрывают шелковые путы, взвиваясь под синие небеса, звоня золочеными колокольчиками на быстром Дону, хотят ударить на несчетные стада гусиные и лебеди-ные, — то богатыри и удалцы русские хотят ударить на великие силы поганого царя Мамайя.

Тогда князь великий Дмитрий Иванович вступил в золотое свое стремя, сел на своего борзого коня, и взял свой меч в правую руку, и помолился Богу и Пречистой Его Матери. Солнце ему ясно на востоке сияет и путь указывает, а Борис и Глеб молитву возносят за сродников своих.

Что шумит, что гремит рано пред рассветом? То князь Владимир Андреевич полки устанавливает и ведет их к великому Дону. И молвил он брату своему, великому князю Дмитрию Ивановичу: «Не поддавайся, брат, поганым татарам — ведь поганые уже поля русские топчут и вотчину нашу отнимают!»

И сказал ему князь великий Дмитрий Иванович: «Брат Владимир Андреевич! Два брата мы с тобой, а внуки мы великого князя Владимира Киевского. Воеводы у нас уже поставлены — семьдесят бояр, и отважны князья белозерские Федор Семенович и Семен Михайлович, да Микула Васильевич, да оба брата Ольгердовичи, да Дмитрий Волынский, да Тимофей Волуевич, да Андрей Серкизович, да Михаило Иванович, а воинов с нами — триста тысяч латников. А воеводы у нас надежные, а дружина в боях испытанная, а кони под нами борзые, а доспехи на нас золоченые, а шлемы черкасские, а щиты московские, а сулицы немецкие, а кинжалы фряжские, а мечи булатные; а пути им известны, а переправы для них наведены, и все как один готовы головы свои положить за землю за Русскую и за веру христианскую. Словно живые трепещут стяги, жаждут воины себе чести добыть и имя свое прославить».

Уже ведь те соколы и кречеты и белозерские ястребы за Дон скоро перелетели и ударили по несметным стадам гусиным и лебединым. То ведь были не соколы и не кречеты, — то обрушились русские князья на силу татарскую. И ударили копыта каленые о доспехи татарские, загремели мечи булатные о шлемы хиновские на поле Куликовом на речке Непрядве.

Черна земля под копытами, костями татарскими поля усеяны, а кровью их земля залита. Это сильные рати сошлись вместе и растоптали холмы и луга, а реки, потоки и озера замутились. Кликнул Див в Русской земле, велит послушать грозным землям. Понеслась слава

к Железным Воротам*, и к Орначу*, к Риму, и к Кафе* по морю, и к Тырнову, а оттуда к Царьграду на похвалу русским князьям: Русь великая одолела рать татарскую на поле Куликовом, на речке Непрядве.

На том поле грозные тучи сошлись, а из них беспрерывно молнии сверкали и гремели громы великие. То ведь сошлись русские сыновья с погаными татарами за свою великую обиду. Это сверкали доспехи золоченые, а гремели князья русские мечами булатными о шлемы хиновские.

А бились с утра до полудня в субботу на Рождество святой Богородицы.

Не туры возревели у Дона великого на поле Куликовом. То ведь не туры побиты у Дона великого, а посечены князья русские, и бояре, и воеводы великого князя Дмитрия Ивановича. Полегли побитые погаными татарами князья белозерские, Федор Семенович и Семен Михайлович, да Тимофей Волуевич, да Микула Васильевич, да Андрей Серкизович, да Михаило Иванович и много иных из дружины.

Пересвета-чернеца, брянского боярина, на место суда привели. И сказал Пересвет-чернец великому князю Дмитрию Ивановичу: «Лучше нам убитыми быть, нежели в плен попасть к поганым татарам!» Поскакивает Пересвет на своем борзом коне, золочеными доспехами сверкая, а уже многие лежат посечены у Дона великого на берегу.

В такое время старому человеку следует юность вспомнить, а удалым людям мужество свое испытать. И говорит Ослябя-чернец своему брату старцу Пересвету: «Брат Пересеет, вижу на теле твоём раны тяжкие, уже, брат, лететь голове твоей на траву ковыль, а сыну моему Якову лежать на зеленой ковыль-траве на поле Куликовом, на речке Непрядве, за веру христианскую, и за землю Русскую, и за обиду великого князя Дмитрия Ивановича».

И в ту пору по Рязанской земле около Дона ни пахари, ни пастухи в поле не кличут, лишь вороны не переставая каркают над трупами человеческими, страшно и жалостно было это слышать тогда; и трава кровью залита была, а деревья от печали к земле склонились.

Запели птицы жалостные песни — запричитали все княгини и боярыни и все воеводские жены по убитым. Жена Микулы Васильевича Марья рано поутру плакала на забралах стен московских, так причитая: «О Дон, Дон, быстрая река, прорыла ты каменные горы и течешь в землю Половецкую. Принеси на своих волнах моего господина Микулу Васильевича ко мне!» И жена Тимофея Волуевича Федосья тоже плакала, так причитая: «Вот уже веселие мое поникло в славном городе Москве, и уже не увижу я своего государя Тимофея Волуевича живым!» А Андреева жена Марья да Михайлова жена Аксинья на рассвете причитали: «Вот уже для нас обеих солнце померкло в славном городе Москве, домчались к нам с быстрого Дона горестные вести, неся великую печаль: повержены наши удальцы с борзых коней на суженом месте на поле Куликовом, на речке Непрядве!» А уже Див кличет под саблями татарскими, а русским богатырям быть израненными.

Щуры запели жалостные песни в Коломне на забралах городских стен, на рассвете в воскресенье, в день Акима и Анны. То ведь не щуры рано запели жалостные песни — запричитали жены коломенские, приговаривая так: «Москва, Москва, быстрая река, зачем унесла на своих волнах ты мужей наших от нас в землю Половецкую?» Так говорили они: «Можешь ли ты, господин князь великий, веслами Днепр загородить, а Дон шлемами вычерпать, а Мечу-реку трупами татарскими запрудить? Замкни, государь, князь великий, у Оки-реки ворота, чтобы больше поганые татары к нам не ходили. Уже ведь мужья наши побиты на ратях».

В тот же день, в субботу, на Рождество святой Богородицы, разгромили христиане полки поганых на поле Куликовом, на речке Непрядве.

И, кликнув клич, ринулся князь Владимир Андреевич со своей ратью на полки поганых татар, золоченым шлемом посвечивая. Гремят мечи булатные о шлемы хитовские. И восхвалил он брата своего, великого князя Дмитрия Ивановича: «Брат Дмитрий Иванович, в злое время горькое ты нам крепкий щит. Не уступай, князь великий, со своими великими полками, не потакай кра-

мольникам! Уже ведь поганые татары поля наши топчут и храброй дружины нашей много побили — столько трупов человеческих, что борзые кони не могут скакать: в крови по колено бродят. Жалостно ведь, брат, видеть столько крови христианской. Не медли, князь великий, со своими боярами». И сказал князь великий Дмитрий Иванович своим боярам: «Братья, бояре и воеводы, и дети боярские, здесь ваши московские сладкие меды и великие места! Тут-то и добудьте себе места и женам своим. Тут, братья, старый должен помолодеть, а молодой честь добыть».

И воскликнул князь великий Дмитрий Иванович: «Господи Боже мой, на тебя уповаю, да не будет на мне позора никогда, да не посмеются надо мной враги мои!» И помолился он Богу, и Пречистой Его Матери, и всем святым, и прослезился горько, и утер слезы.

И тогда, как соколы, стремглав полетели на быстрый Дон. То ведь не соколы полетели: поскакал князь великий Дмитрий Иванович со своими полками за Дон, а за ним и все русское войско. И сказал: «Брат, князь Владимир Андреевич, — тут, брат, изопьем медовые чары круговые, нападём, брат, своими полками сильными на рать татар поганых».

И начал тогда князь великий наступать. Гремят мечи булатные о шлемы хиновские. Поганые прикрыли головы свои руками своими. И вот поганые бросились вспять. Ветер ревет в стягах великого князя Дмитрия Ивановича, поганые спасаются бегством, а русские сыновья широкие поля кликом огородили и золочеными доспехами осветили. Уже встал тур на бой!

Тогда князь великий Дмитрий Иванович и брат его, князь Владимир Андреевич, полки поганых вспять повернули и начали их бить и сечь беспощадно, тоску на них наводя. И князья их попадали с коней, а трупами татарскими поля усеяны и кровью их реки потекли. Тут рассыпались поганые в смятении и побежали непроторенными дорогами в лукоморье, скрежеща зубами и раздирая лица свои, так приговаривая: «Уже нам, братья, в земле своей не бывать, и детей своих не видать, и жен своих не ласкать, а ласкать нам сырую землю, а целовать нам зеленую мураву, а в Русь ратью нам не хажи-

вать и даней нам у русских князей не спрашивать». Вот уже застонала земля татарская, бедами и горем наполнившись; пропала охота у царей и князей их на Русскую землю ходить. Уже веселье их поникло.

Теперь уже русские сыновья захватили татарские узорочья, и доспехи, и коней, и волов, и верблюдов, и вина, и сахар, и дорогие убранства, тонкие ткани и шелка везут женам своим. И вот уже русские жены забряцали татарским золотом.

Уже по Русской земле разнеслось веселье и ликование. Преодолела слава русская хулу поганых. Уже низвергнут Див на землю, а гроза и слава великого князя Дмитрия Ивановича и брата его, князя Владимира Андреевича, по всем землям пронеслись. Стреляй, князь великий, по всем землям, рази, князь великий, со своей храброй дружиной поганого Мамай-хиновина за землю Русскую, за веру христианскую. Уже поганые оружие свое побросали, а головы свои склонили под мечи русские. И трубы их не трубят, и приуныли голоса их.

И метнулся поганый Мамай от своей дружины серым волком и прибежал к Кафе-городу. И молвили ему фря-ги: «Что же это ты, поганый Мамай, заришься на Русскую землю? Ведь побил тебя орда Залесская. Далеко тебе до Батия-царя: у Батия-царя было четыреста тысяч латников, и полонил он всю Русскую землю от востока и до запада. Наказал тогда Бог Русскую землю за ее согрешения. И ты пришел на Русскую землю, царь Мамай, с большими силами, с девятью ордами и семьюдесятью князьями. А ныне ты, поганый, бежишь сам-девят в лукоморье, не с кем тебе зиму зимовать в поле. Видно, тебя князья русские крепко попотчевали: нет с тобой ни князей, ни воевод! Видно, сильно упились у быстрого Дона на поле Куликовом, на траве-ковыле? Беги-ка ты, поганый Мамай, от нас за темные леса!»

Как милый младенец у матери своей земля Русская: его мать ласкает, а за баловство розгой сечет, а за добрые дела хвалит. Так и Господь Бог помиловал князей русских, великого князя Дмитрия Ивановича и брата его, князя Владимира Андреевича, меж Дона и Днепра, на поле Куликовом, на речке Непрядве.

И стал великий князь Дмитрий Иванович со своим братом, с князем Владимиром Андреевичем, и с остальными своими воеводами на костях на поле Куликовом, на речке Непрядве. Страшно и горестно, братья, было в то время смотреть: лежат трупы христианские, словно сенные стога у Дона великого на берегу, а Дон-река три дня кровью текла. И сказал князь великий Дмитрий Иванович: «Сосчитайтесь, братья, скольких у нас воевод нет и скольких молодых людей недостает?»

Тогда отвечает Михаил Александрович, московский боярин, князю Дмитрию Ивановичу: «Господин князь великий Дмитрий Иванович! Нет, государь, у нас сорока бояр московских, двенадцати князей белозерских, тридцати новгородских посадников, двадцати бояр коломенских, сорока бояр серпуховских, тридцати панов литовских, двадцати бояр переяславских, двадцати пяти бояр костромских, тридцати пяти бояр владимирских, пятидесяти бояр суздальских, сорока бояр муромских, семидесяти бояр рязанских, тридцати четырех бояр ростовских, двадцати трех бояр дмитровских, шестидесяти бояр можайских, тридцати бояр звенигородских, пятнадцать бояр угличских. А посечено безбожным Мамаем двести пятьдесят три тысячи. И помиловал Бог Русскую землю, а татар пало бесчисленное множество».

И сказал князь великий Дмитрий Иванович: «Братья, бояре и князья и дети боярские, суждено вам то место меж Дона и Днепра, на поле Куликовом, на речке Непрядве. Положили вы головы свои за святые церкви, за землю за Русскую и за веру христианскую. Простите меня, братья, и благословите в этом веке и в будущем. Пойдем, брат, князь Владимир Андреевич, во свою Залесскую землю к славному городу Москве и сядем, брат, на своем княжении, а чести мы, брат, добыли и славного имени!»

Богу нашему слава.

КОММЕНТАРИИ

Дмитрий Иванович (1350—1389) — великий князь владимирский и московский. После победы в Куликовской битве в 1380 г. прозван Донским.

Владимир Андреевич (1353—1410) — князь серпуховской, состоявший в близком родстве с Дмитрием Донским, участвовал во многих военных походах того времени.

Микула Васильевич — московский воевода, возглавлявший последнюю тысячу городского ополчения в Московском княжестве. Погиб в Куликовском сражении.

Мамай (ум. 1381) — был женат на дочери хана Золотой Орды и являлся главным военачальником.

Залесская земля — области Владимиро-Суздальского и Московского княжеств.

Удел сына Ноева Афета, Сима — по библейскому писанию, после всемирного потопа Бог спас Ноя с семьей. Отец разделил землю между сыновьями: Лафету (Афету) достались северные, Хаму — южные, Симу — восточные области. Русь входила в «третий» удел — Лафета.

Хинове — кочевники.

Каяла — река, название которой встречается только в «Слове о полку Лгорева», в летописной повести о походе Лгоря и в «Задонщине».

Калкская битва — в 1223 г. на реке Калке произошло первое сражение русских с монголо-татарами.

Владимир Киевский — Владимир I Святославич, князь киевский (980—1015), в 988 г. крестивший Русь.

Боян — певец и сказитель второй половины XI — начала XII в.

Игорь Рюрикович — киевский князь (912—945 гг.).

Ярослав Владимирович — Ярослав Мудрый, великий князь киевский (1016—1054).

...поле Половецкое — так назывались земли, занимаемые сперва половцами, а затем монголо-татарами.

Коломна — стратегический город на Оке, откуда соединенные дружины Дмитрия Донского двинулись на Куликово поле.

Серпухов — город на Оке, столица Серпуховского княжества.

Святая София — название новгородского храма, около которого собиралось вече.

Посадники — правители Новгорода, представители исполнительной власти, избиравшиеся на городском вече.

...и реки Мечи... — Река Красивая Меча — приток Дона.

братья Ольгердовичи, Андрей и ... Дмитрий... — Сыновья литовского князя Ольгерда, бывшие в неприязненных отношениях с литовским правителем Ягайло и служившие московскому

КНЯЗЮ.

Дмитрий Волынский — **Дмитрий Михайлович Боброк-Волынский** — выходец из Литвы, служилый боярин и воевода князя Дмитрия Донского.

...внуки Гедиминовы, а правнуки... Сколомендовы.— Гедимин, великий князь литовский (1316—1341), Сколоменд— видимо, князь Ердивил-Скирмунт (Скилмонт) (XIII в.).

Сулицы — дротики.

...червлеными щитами. — Щиты, окрашенные розово-красной краской.

Непрядва — западный приток Дона.

...лстребы рвутся с золотых колодок... — Колодка — насест, приспособление для соколиной охоты.

Борис и Глеб — сыновья великого киевского князя Владимира I Святославича, убитые братом Святополком и причисленные церковью к лику святых.

Тимофей Волуевич, Андрей Серкизович, Михаил Иванович — воеводы, погибшие на Куликовом поле.

Железные Ворота — это Дербент или узкая стремнина на Дунае.

Орнач — город упоминается в летописях, но точных сведений о нем нет.

Кафа — генуэзская колония в Крыму в районе современной Феодосии.

Тырново — столица Болгарского царства.

Рождество святой Богородицы — 8 сентября (ст. ст.).

Пересеет — монах Троицкого монастыря, принимавший участие в битве на Куликовом поле.

...на место суда привели. — Индивидуальное сражение воинов, в котором по Божьему произволению побеждал правый.

Ослябя— инок троицкой обители, участник Куликовского сражения.

...сыну моему Якову... — Яков Ослябятев, по-видимому, сын героя битвы Осляби.

Забрало — галерея, идущая по верху вдоль деревянной или каменной крепостной стены.

Щур — певчая птица.

День Акима я Анны — 9 сентября.

ЖИТИЕ СЕРГИЯ РАДОНЕЖСКОГО

В сокращении

Благодарим Бога за премногую Его благодать, бывшую на нас, как говорит апостол: •«Благодать Богу о неизреченном Его даре». Ныне же должны мы благодарить Бога, который даровал нам такого старца святого, преподобного Сергия, в земле нашей Русской, в стороне нашей северной, в дни наши, в последние времена; гроб его у нас и пред нами, к нему с верою всегда прибегаем, великое утешение душам нашим получаем и от него пользу имеем; истинно велико то от Бога дарованное нам.

Удивляюсь, прошло столько лет, а житие его не написано; очень сожалел я, как о таком старце, пречудном и предобром, умершем 26 лет назад, никто не решился написать, ни дальние, ни ближние, ни большие, ни меньшие: большие не желали, а меньшие не смели.

Год или два спустя после смерти старца я, окаянный и вседерзкий, решился на это, обратился к Богу и, старца призвав в молитвах, начал мало-помалу подробно писать житие старца, а про себя думал: «Я не отнимаю ни у кого, а для себя пишу, памяти ради и пользы ради». Приготовил за 20 лет этого писания свитки, в которых написал некоторые главы о житии старца для памяти своей: одни в свитках, другие в тетрадах, еще не по порядку, но начало в конце, а конец в начале. Так я ожидаю и жажду такого времени, когда кто-нибудь лучше и разумнее меня научит и вразумит. Но точно разузнав, услышав и увидев, что никто и нигде не говорил и не писал о старце, я, когда про это вспомню и услышу, то думаю и размышляю: такое тихое, дивное и добродетельное житие его ос-

тается не написанным так много лет, что, размышляя, недоумеваю, печалюсь, не разумею и загораюсь желанием писать; и одержим этим желанием — как и каким образом начать писать, чтобы из многого отобрать главное для жития преподобного старца. Нашел двух старцев премудрых, рассудительных и разумных и спросил у тту о нем, чтобы успокоиться; и спросил их, достойно ли это написания? Они ответили: «Как неразумно и не следует жития нечестивых писать, так не подобает жития святых мужей забывать, не писать и молчанию предавать и забвению. Если житие святого мужа написано будет, то от этого великая польза и утешение всем: и пишущим, и рассказывающим, и слушающим. Если же житие святого старца не будет написано, а видевшие и помнившие его умрут, то какая польза в этом забвении и молчании? Если не написано будет житие его, то как узнать не знавшим его о том, каков он был, откуда родом, как родился и рос, как принял постриг и воздерживался, как жил и умер? Если же житие будет написано, то кто-либо, услышав о старце, последует его примеру и от этого получит пользу».

Пишет же Василий Великий : «Будь последователем праведных и их житие и деяния запечатлей в сердце своем. Помни, что жития святых следует писать не только на бумаге, но и на своем сердце, ради пользы, а не скрывать и молчать: молчание в церкви лучше хранить, а дела Божии необходимо и полезно проповедовать».

С тех пор возникло у меня желание выпытывать и вопрошать древних старцев, хорошо сведущих в истине, что им известно о житии Сергия, как сказано в Святом Писании: «Вопроси отца твоего, и возвестит тебе, и старцы твои ответят тебе». Отцы мои поведали мне, что слышали и разумели, что-то я от старцев слышал, что-то узнал от тех, кто немалое время был учеником его и поливал воду на руки его, иное что-то слышал от его старшего брата Стефана, бывшего отцом Федору, архиепископу Ростовскому , другое от иных старцев, древних достоверных, бывших очевидцами его рождения, воспитания, обучения книжного, возмужания и юности его, даже до пострижения в монахи; другие же старцы были очевид-

цы и свидетели истинные его пострижения, начала пустынножителства и доставления во игумены и так по порядку; были же и другие рассказчики и сказители. Но на многие труды старца и на великое его подвижничество взираю словно безгласный и бездельный, приходя в недоумение от ужаса, не находя необходимых слов, достойных деяния его. Как могу я, бедный, в нынешнее Сергиево время по порядку написать сие житие, рассказать о многих его подвигах и неизреченных трудах?

Как же начну, чтобы по достоинству деяний и подвигов его все известное изложить слушателям? Что подобает первым вспомнить? Или какой довольствоваться беседой в похвалу ему? Откуда взять умение, которое укрепит меня к такому повествованию? Как же таковую и невыразимую повесть поведаю, не знаю, поскольку творимое не по силе нашей? Как не может малая ладья, нагруженная большим и тяжелым грузом, плыть, так надлежащая беседа превосходит наш ум и немощь. Если же и побеждает нашу худость, однако молимся всемилостивому и всесильному Богу и Пречистой Его Матери, да вразумит и помилует меня, грубого и неразумного, да подаст мне слово, чтобы отверзлись уста мои, не моего ради недостойнства, но ради молитв святых старцев, и самого Сергия на помощь призываю и осеняющую его благодать духовную, да будет мне поспешник и слову помощник; призываю еще его стадо богозванное, благое собрание, сбор честных старцев, к ним же со смирением припадаю, и в ноги им кланяюсь, и на моление призываю, и понуждаю, очень же в тех молитвах постоянно нуждаюсь именно сейчас, когда начинание мое начинается и к нему устремляется сказание повести. <...>

Преподобный отец наш Сергей родился от добродетельных и благоверных родителей, от отца, называемого Кириллом, и матери по имени Мария, которые были угодниками Божиими, правдивы пред Богом и людьми и всяческими добродетелями украшены, каких же Бог любит. Не допустил Бог, чтобы такому детищу, хотящему просиять, родиться от неправедных родителей, но прежде Бог уготовил и устроил праведных родителей его, а потом от них своего произвел угодника. <...>

И было некое чудо до рождения его; случилось нечто такое, что недостойно предать молчанию. Когда он еще был носим в утробе матери, в один из дней, в воскресенье, мать его пошла в церковь, по обычаю, когда поют святую литургию, и стала с прочими женщинами в притворе . И когда хотели начать читать святое Евангелие в тишине, тогда внезапно младенец так начал вопить в утробе матери, что многие от этого крика ужаснулись, как от чуда, случившегося с младенцем.

Перед началом херувимской песни , называемой «Иже херувим», снова младенец начал громко верещать в утробе матери, во второй раз сильнее первого, так что на всю церковь раздался его глас и ужаснул самую мать и женщин, стоящих тут и недоумевающих про себя: «Что будет с младенцем этим? »

Когда же иерей воскликнул: «Вонмем, святая святым!», тогда снова младенец заверещал громко в третий раз. Мать его чуть не упала на землю от страха, была одержима великим трепетом и, ужаснувшись, начала про себя плакать. Другие же верные женщины, приступивши к ней, начали расспрашивать ее, говоря: «За пазухой ли держишь спеленутого младенца, его же голос слышали по всей церкви?»

Она в недоумении и от рыданий не может произнести ни слова, но лишь кратко отвечает им: «Ищите, — говорит, — но где, я не знаю». Они же выпрашивали друг у друга, искали, но не нашли, и снова обратились к ней: «Мы в церкви искали, но не нашли того младенца, который проверещал».

Мать же его, не имея сил утаить случившегося, отвечает им: «Младенца за пазухой у меня нет, как вы думаете, имею же я его в утробе своей, до времени не рожденного, он же и прокричал». Женщины же говорят ей: «Да как же может возглашать младенец до рождения, находящийся в утробе?» Она же говорит: «Сама удивляюсь сему и вся в страхе трепещу, не ведая случившегося».

Женщины же, вздыхая и бия в груди свои, возвратились каждая на свое место, рассуждая про себя: «Что будет с отроком этим? Да будет с ним по воле Господней».

Мужчины же в церкви этой, все видевшие и слышавшие, стояли пораженные безмолвием до тех пор, пока иерей не закончил литургию, снял ризы свои и распустил людей. И разошлись каждый восвояси, и был страх на всех слышавших это.

Мария же, мать его, с того дня, когда было знамение такое и проявление, пребывала до времени рождения его и младенца в утробе носила, как некое сокровище многоценное, как драгоценный камень, как чудный бисер и как сосуд избранный. И когда в себе его носила и им непраздна была, тогда остерегалась всякой скверны. И от всякой нечистоты постом ограждайся и всякую пищу телесную отвергая, мясо, молоко и рыбу не ела, только хлебом, зеленью и водой питалась, от пьянства воздерживалась, а вместо питья одну только воду и ту помалу испивала, но часто тайно, наедине, с воздыханием и слезами, молилась Богу, говоря: «Господи! Спаси меня, сохрани меня, убогую рабу свою, и сего младенца, носимого в утробе моей, спаси и сохрани. Ты хранитель младенца, Господь, и воля Твоя да будет, Господи, и будет имя Твое благословенно во веки веков. Аминь».

И пребывала даже до самого рождения его в строгом посте и молитвах, как и само зачатие и рождение его исполнено было поста и молитвы; была она добродетельна, ибо очень боялась Бога, который еще до рождения младенца уведен и разумел о нем такое знамение, проявление и удивление. И советовалась с мужем своим, говоря: «Если родится мальчик, обещаем принести его в церковь и посвятить Богу, благодетелю всех». Так это и произошло. О добрая вера! О теплоты благодать! Еще до рождения его обещали привести и посвятить всех благ подателю — Богу, как и древняя пророчица Анна, мать пророка Самуила, когда наступил день рожать ей, и родила младенца, и очень радостно восприняли родители это, и призвали к себе родственников, друзей и соседей, и веселились, славя и благодаря Бога, даровавшего им такое дитя.

После рождения его, когда спеленут был младенец, всякий раз с трудом принимал он грудь; когда же матери случалось вкусить мясную пищу, тогда младенец никак не принимал грудь; и такое случалось не однажды, но иногда

день, иногда два младенца не ел. От этого мать и родственники ее одержимы были скорбью и ужасом. Но когда поняли, что не хочет младенец питаться молоком матери, принимающей мясную пищу, то строго придерживались поста. И с этого момента мать воздерживалась и постилась, а младенец питался тогда, как и положено ему.

И пришел день исполнить обещание матери, так как прошло шесть недель, то есть сорок дней со дня его рождения. Родители принесли младенца в церковь Божию, чтобы отдать его, как и обещали, Богу, давшему его, и просили иерея совершить Божественное крещение.

Иерей же, огласив его и помолившись над ним, с радостью духовной и со старанием окрестил его во имя Отца и Сына и Святого Духа и нарек ему в святом крещении имя Варфоломей. Опустив его в купель с водой, благодать принял Святого Духа, и провидел духом Божественным, и уразумел, что младенец будет сосудом избранным. Отец же и мать его, неплохо зная Святое Писание, рассказали иерею, что, когда носим был в утробе матери, троекратно прокричал в церкви, но что значит это, они не ведают.

Иерей же, именем Михаил, рассудительный в книгах, поведал им из Божественного Писания, из обоих законов, Ветхого и Нового: «Давид в Псалтыри говорит, что все содеянное мною видят очи твои». И сам Господь святыми устами ученикам это говорит: «Вы же, как всегда, со мною». Там, в Ветхом Завете, пророк Иеремя освятил ся, здесь же, в Новом, апостол Павел провозгласил: «Бог, отец Господа нашего Иисуса Христа, воззавший меня из чрева матери моей, яви сына своего во мне, да благовествую в странах». И другое многое от Святого Писания поведал им.

О младенце же сказал родителям: «Не скорбите о нем, но радуйтесь и веселитесь, ибо будет сосуд, избранный Богом, обитель и служитель Святой Троицы», — как и было. И благословив отрока и родителей его, отпустил их домой. <...>

Хочу сказать о времени, когда родился преподобный. Во времена благочестивого, пресл явного и державного царя Андроника, самодержца греческого, который

в Царьграде царствовал, при архиепископе Константинопольском Калисте, патриархе вселенском, в земле Русской, в великое Тверское княжение, при великом князе Дмитрие Михайловиче, при преосвященном архиепископе Петре, митрополите Всея Руси, когда была рать Ах-мылова.

Названный же младенец, о нем рассказ мы с самого начала ведем, спустя некоторое время после крещения, по законам естества, отнимается от груди, освобождается от пелен и от колыбели. И так отрок рос, как обычно, преуспевая душой, телом и духом, исполняясь разума и страха Божия, и милость Божия была на нем. Когда же исполнилось ему семь лет, отдали его родители учиться грамоте.

Прежде поминаемый раб Божий Кирилл имел три сына: первого — Стефана, второго — Варфоломея, третьего же Петра, — воспитал их со всякими наставлениями, в благочестии и чистоте. Стефан и Петр успешно изучали грамоту, отрок же Варфоломей не скоро к писанию привыкал, но медленно и неприлежно. Учитель с большим прилежанием учил его, но отрок не внимал и не умел, не похож был на учащихся с ним. Из-за этого много бранили его родители, еще больше учитель его томил, а соученики — укоряли. Отрок же часто тайно со слезами молился Богу, говоря: «Господи! Дай же мне грамоту эту, научи и вразуми меня».

Поэтому немалая печаль была родителям его, немалое старание прилагал учитель его; все они печалились, не зная, что в этом был высший промысел Божий, который хочет сотворить Бог на отроке этом, ибо не оставит Господь преподобного своего. По воле Божьей было так, что от Бога книжное учение будет ему, а не от человека; так и было. Скажем и то, что от Божия откровения овладел он грамотой.

Однажды послал его отец разыскать жеребят. Это все было от Бога всемудрого судьбами, как первые царские книги извещают о Сауле, который послан был отцом своим Кисом разыскать ослят. Когда он шел, то встретил святого пророка Самуила, от него и помазан был на царство и высшее дело приобрел. Так и блаженный отрок

высшее дело обрел. Ибо, досланный отцом своим Кириллом разыскивать скот, обрел некоего черноризца, святого старца, странника незнакомого, в сане пресвитера, святолепного и ангеловидного, стоявшего на поле под дубом и прилежно со слезами молитву творившего. Отрок, увидев его, прежде сотворил смиренно поклон ему, затем приблизился и встал около него, ожидая конца молитвы. И когда окончил молитву старец и взглянул на отрока, тот прозрел внутренними очами, — так сосуд хочет быть избран Святому Духу; и призвал его к себе старец, и благословил его, и о Христе целование дал ему, и спросил его, сказав: «Что ищешь или что хочешь, дитя?»

Отрок же сказал: «Возлюбила душа моя пожелать больше всего учить грамоту эту, за тем и отдан был учиться, и ныне очень скорбит душа моя, ибо учусь грамоте и не умею. Ты же, святой отец, помолись за меня Богу, чтобы научился я грамоте».

Старец же, воздев руки и глаза к небу, вздохнул и к Богу сотворил молитву прилежную и, окончив, сказал: «Аминь». И достал из рукава своего, как некое сокровище, и оттуда тремя перстами подал ему нечто, похожее на анафору, на вид как малый кус белого хлеба пшеничного, как от святой просфоры, и сказав ему: «Раскрой уста свои, дитя, и прими это, и съешь; это дается тебе знамение благодати Божией и разума Святого Писания, если даже и малым кажется даваемое, то велика сладость вкушения его».

Отрок же раскрыл уста свои и съел это, и была сладость в устах его, как мед сладкий, и сказал: «Не это ли и есть сказанное: «Как сладки гортани моей слова Твои, лучше меда устам моим». И сказал ему старец: «Если веруешь — и больше этого увидишь. И о грамоте, дитя, не скорби. Да будет тебе известно, что от сего дня дарует тебе Господь способность к грамоте лучшую, чем у братии твоей и сверстников твоих».

И поучал его о пользе души. Отрок же сотворил поклонение старцу, и, как земля плодовая и доброплодная, принял семена в сердце свое, и стоял, радуясь душой и сердцем, что сподобился такого святого старца обрести. Старец же намерился отправиться в путь. Тогда отрок пал на землю лицом к ногам старца и со слезами молил его, чтобы жил он в доме его родителей, сказав: «Родители мои очень любят таких, как ты, отец».

Старец удивился вере его, и вошел в дом родителей его. Они же, увидев его, вышли навстречу и поклонились ему. Старец же благословил их, они же приготовили трапезу и поставили перед ним. Старец не сразу вкусил пищу, а прежде вошел в храм молитвенный, в часовню, взяв с собой освященного в утробе отрока, и начал петь часы, повелев отроку говорить псалмы. Отрок же сказал: «Я не умею этого, отец». Старец же ответил: «Сказал тебе, что от сего дня дарует тебе Господь способность к грамоте. Ты же скажи слово Божие без сомнения».

Всех это удивило. Только отрок принял благословение от старца, и с того часа начал стихословить очень хорошо и стройно, и стал очень искусен в грамоте. И сбылось пророчество премудрого пророка Иеремии, говорящего: «Так говорит Господь: «Я дал слова Мои в уста твои». Родители же его и братья, это видевшие и слышавшие, удивились его разуму и мудрости и прославили Бога, давшего ему такую благодать. <...>

Отец же его и мать, взяв от старца благословение и слова его положив на сердца свои, возвратились в свой дом. По отшествии же старца постиг отрок сразу всю грамоту, оттуда добру научившись, переменился странным образом, и какую ни раскроет книгу, то хорошо читает и понимает. Добрый отрок этот достоин был даров духовных, ибо от самых пеленок Бога позвал, и Бога возлюбил, и Богом спасен был. И во всем повиновался родителям своим, стараясь все делать по их повелению и ни в чем их не ослушаться, как и Святое Писание говорит: «Чти отца и мать — будешь долго жить на земле».

Еще об одном деле сего блаженного отрока расскажем, который в детстве мудрость показал, в юные годы строгий пост установил и от всего воздерживался: в среду и в пятницу ничего не ел, в прочие же дни хлебом питался и водою, в ночи же много без сна пребывал с молитвою, и так вселилась в него благодать Святого Духа. <...>

Этот предобрый и вседобрый отрок несколько лет пребывал в доме родителей своих, возрастая и преуспевая в страхе Божиим. К детям играющим не ходил и с ТТХТТУГРГ не играл, пустословным праздным разговорам не внимал, также со сквернословцами и смехотворцами не водился, только упражнялся в славословии Божиим и тем наслаждался. К

церкви Божией прилежно пристоял, на заутреню, на литургию и на вечерню всегда ходил и святые книги читал, во всем утруждал свое тело, и иссушал свою плоть, и чистоту душевную и телесную без скверны соблюдал. <...>

Этот прежденазванный раб Божий Кирилл раньше имел хозяйство большое в Ростовской области. Был он один из славных бояр, богатством изобиловал, но к старости обнищал и оскудел. Как же и отчего он обнищал? Скажем и про это: из-за частых походов с князем в Орду, частых битв с татарами, частых послов татарских, частых тяжких даней для Орды, частого голода хлебного. Надо всеми тогда была великая рать татарская, называемая Федорчуковой Туралыковой, тогда в год один княжение великое досталось великому князю Ивану Даниловичу*, тогда же досталось и Москве Ростовское княжество.

Увы, тяжело тогда было граду Ростову, а также и его князьям, ибо отняли у них власть, и княжества, и имения, и честь, и славу, и все прочее и отдали Москве. Тогда по велению великого князя послан был из Москвы в Ростов воеводой один из вельмож, по имени Василий, по прозвищу Кочева, и с ним Мина. И когда вошли в Ростов, то возложили великие тяготы на город и на всех живущих в нем, умножилось гонение, и немало жителей были вынуждены имущество свое отдать москвичам, а сами, получая взамен побои и оскорбления, с пустыми руками отходили они, как последние бедняки. <...>

И ря дтт этого раб Божий Кирилл двинулся из селения, названного Ростовом, и собрался всей семьей своей и родом своим и переселился из Ростова в Радонеж. И прибыв, поселился вблизи церкви, названной в честь святого Рождества Христова, которая и доньше стоит, и там жил с родом своим. <...>

Сыновья же Кирилла, Стефан и Петр, женились; третий же сын, блаженный юноша Варфоломей, не захотел

жениться, но стремился к иноческому житию, о чем молил отца своего. Родители его сказали ему: «Дитя! Подожди немного и потерпи, ибо мы сейчас в старости, в нужде и в болезни и некому помочь нам. Ибо братья твои, Стефан и Петр, женились и стараются теперь угодить женам; ты же не женился и думаешь, как угодить Богу, благую долю избрал ты, и она не отнимется у тебя. Только послужи нам немного, и когда нас, родителей своих, проводишь до гроба, тогда и мечту сотворишь, когда нас гробу предашь и в землю погребешь, тогда и желание свое исполнишь».

Чудесный юноша с радостью обещал служить им всю жизнь свою и с того дня старался всякий день угодить родителям, чтобы получить от них молитву и благословение. И так пребывал некоторое время, угождая и служа родителям своим всей душой и чистой совестью, затем постриглись они в монашеский чин, отошли каждый в свое время в свой монастырь и, немного лет прожив в монашестве, преставились, а сына своего, блаженного юношу Варфоломея, все дни постоянно благословляли до последнего дыхания.

Блаженный же юноша похоронил родителей своих. Он пропел над ними надгробные песни, обрядил тела их, поцеловал их с большим почтением, предал гробу и, покрыв землю со слезами, как некое сокровище многоценное, почтил отца и мать умерших святыми литургиями и панихидами, украсил память родителей молитвами и милостынями к убогим и нищим и пребывал до 40 дней так, творя память родителям своим. <...>

И, призвав Петра, младшего брата своего, оставил ему отцовское наследство, сам себе взял ничтожную часть. Стефан же вскоре оставил мир и стал монахом в монастыре Святой Богородицы и Покрова, что на Хотькове. К нему же пришел блаженный юноша Варфоломей, моля Стефана, чтобы шел с ним искать место пустынное. Стефан внял словам блаженного и обошел с ним в лесах много мест, и пришли они на одно место пустынное в чаще лесной, где была и вода. Полюбилось это место им. И, сотворив молитву наставляющему их Богу, начали они своими руками лес валить и на плечах бревна

носить. Прежде сделали себе ложе и хижину и покрыли ее, потом одну келью построили, и заложили церковь небольшую, и поставили ее. <...> И когда была церковь построена, пришло время освящать ее. <...> И тогда освящена была церковь во имя Святой Троицы от преосвященного архиепископа Феоноста, митрополита Киевского и Всея Руси. <...>

Стефан, соорудив церковь и освятив ее, увидел труд пустынный, житие скорбное, суровое, со многой теснотой, лишениями и недостатками: не получали они ниоткуда ни яств, ни питья, ни прочих припасов, ибо никто не приходил к ним и ничего не приносил. Не было вокруг пустыни той ни сел, ни дворов, ни людей, ни проезжих дорог, не было там ни прохожего, ни посещающего, но со всех сторон все лес да пустыня.

Увидев это и огорчившись, Стефан оставил пустыню и брата своего, преподобного пустыннолюбца и пустынножителя, и оттуда ушел в Москву, и, придя в город, поселился в монастыре Святого Богоявления. <...>

Преисполненный доброты, блаженный и верный юноша был родным братом Стефану, от одного отца и от одной матери с ним родившимся; хотя и одно чрево их носило, но не одинаково было произволение. Не родными разве были оба брата друг другу? Не единодушно разве согласились и поселились в месте том? Разве не вместе решили поселиться в пустыне той? Как же внезапно разошлись друг с другом: один поступил иначе, чем другой; один в городском монастыре основаться рассудил, другой же и пустыню, как город, сотворил. <...>

Сам преподобный отец наш тогда еще не принял ангельского образа, пока не познал все монастырские дела и чернеческие — на потребу монахам. И всегда, во все времена с великим прилежанием и с желанием и со слезами молился Богу, чтобы сподобиться ангельскому тому образу и причаститься к иноческому лику. И призвал к себе в названную пустынь одного старца духовного, чином священным украшенного, пресвитерскою благодатью почтенного, в сане игумена бывшего, по имени Митрофан. Его молит он со смирением, к нему радостно преклоняет главу свою, в иночество желая от него облечься.

Игумен тут же вошел в церковь и постриг его в ангельский

образ, в месяце октябре, в шестой день, в память о святых мучениках Сергии и Вакхе, и наречено ему было имя в монашестве Сергий. Был святой тогда в возрасте 23 лет, когда принял иноческий образ.

После ухода игумена преподобный Сергий в пустыне жил один, без всякого человека. И кто может рассказать о трудах его, о подвигах его, что претерпел он один в пустыне? Невозможно рассказать, какого труда духовного, каких забот стоило ему начало всего, когда жил он столько лет в лесу пустынном. <...>

Иногда бывали демонские козни и устрашения, иногда угрожали ему звери, ибо много тогда зверей было в пустынном месте том. И среди них один зверь, называемый медведем, часто приходил к преподобному. И видел преподобный, что не злобы ради приходит к нему зверь, но от остатков пищи немного берет себе на еду иногда; и выносил ему из хижины своей немного хлеба, клал на пень или на колоду, чтобы пришедший, по обыкновению, зверь готовую пищу брал себе и уходил. А когда недоставало хлеба и пришедший зверь не находил обычной своей доли, тогда подолгу не уходил, а стоял, озираясь по сторонам, ожидая, как некий злой должник, жаждущий получить долг. А когда нуждался преподобный и не было лишней пищи у него, то делил он на две части: одну — себе, другую — зверю. <...>

Спустя некоторое время начали посещать его монахи, сначала по одному, потом же когда по двое, когда — по трое, молили преподобного, припадая и говоря: «Отец, прими нас, хотим с тобою на этом месте жить и души свои спасти». Преподобный же спрашивал их: «Можете ли терпеть трудности места этого, голод, и жажду, и всякие недостатки?» Они же ответили: «Да, честной отец, хотим». <...>

Преподобный Сергий, видя их веру и усердие, сказал им: «Я вас с радостью приму, только потрудитесь соорудить себе кельи. Но знайте: если в пустыню эту жить придете, если со мною на этом месте быть хотите, если служить Богу пришли, приготовьтесь терпеть скорби, беды, печали, всякую нужду, и недостатки, и бескорыстие, и бдение». <...>

Когда блаженный Сергий сказал это им, они с радостью и усердием обещали, сказав: «Все, что велишь, сделаем и ни в чем тебя не ослушаемся». И создал каждый себе келью и жил с

Богом. Преподобный Сергей, живя с братьями, много трудностей претерпел, великие подвиги постнического жития творил, жил строгой постнической жизнью; добродетелями его были жажда, сильное чувство голода, бдение, сухоядение, на земле возлежание, чистота душевная и телесная, молчание, плотского желания умерщвление, труд, смирение, нелицемерное, непрестанная молитва, доброе рассуждение, любовь совершенная, бедность одежды, память о смерти, кротость, страх Божий непрестанный. Ибо начало премудрости — в страхе Господнем, как цветок — начало ягод и всякого овоща, так и начало всякой добродетели — страх Божий. <...>

Преподобный отец наш игумен Сергей, хоть и принял игуменство как старейший, но не изменил правила своего чернического, помня сказанное: «Если кто хочет быть старейшим, да будет всех меньше и всем слуга». Обычай же в основе своего игуменства имел такой: всякому, приходящему к нему и желающему постричься в монахи, не отказывал — ни старому, ни юному, ни богатому, ни нищему, — всех принимал с заботой и радостью. Но не сразу постригал его, а прежде велел облечься в свиту длинную из черного сукна и в ней проходить с братьями долгое время, пока не привыкнет к жизни монастырской.

Блаженный имел обычай такой: после вечерни, или поздно вечером, или глубокой ночью, также в темные и долгие ночи, сотворив молитву в келье своей и выходя из кельи, обходил монашеские кельи, заботясь о братии своей, не только тела их проведывая, но и о душах их заботясь, чтобы узнать о жизни каждого из них или о желаниях к Богу. И если заставал кого-нибудь творящим молитву, или поклоны кладущим, или дело свое с молитвой творящим, или святые книги читающим, или о грехах своих печелящимся, за них радовался, и Бога благодарил, и молил, чтобы до конца доброе свое дело совершили. Если слышал он, что беседовал кто-то, вдвоем или троим, или смех раздавался — на то негодовал и не

терпел такие вещи, рукой ударял в двери или, стукнув в окно, уходил.

Сперва, когда начинало строиться это место, иногда недоставало хлеба, и муки, и пшеницы, и ржи; иногда же недоставало масла, и соли, и другой еды; иногда же недоставало вина, чтобы служить обедню, и фимиама, чтобы кадить, иногда не хватало воску на свечи, и, служа ночью заутреню, не имея свеч, только лучиной березовой или сосновой светил себе, и так умел каноны и книги читать, и так совершал ночные службы свои.

Преподобный Сергей всякую нужду, тесноту и скудность терпел с благодарением, ожидая от Бога богатых милостей. И случалось иногда искушение, поскольку с искушением бывает и милость Божия; иногда недоставало хлеба и соли у игумена, да и во всем монастыре было мало еды. Но заповедь преподобного игумена к братии была такова: если случится такое искушение, что хлеба не хватит и мало будет еды, то не ходить ради этого из монастыря в деревню или село и не просить у мирян телесных потреб, а терпеливо сидеть в монастыре, просить и ожидать милости Бога. Так он братии велел, так и сам творил и терпел, пребывал по три и четыре дня без пищи.

Когда же минуло три дня, а четвертый настал, взял топор и пришел к одному старцу, живущему в монастыре, по имени Данила, и сказал ему: «Слышал, старец, что хочешь сени построить перед своей кельей. И для того я пришел, чтобы руки мои не бездействовали, я тебе построю». Ответил Данила: «Очень хочу и давно к этому готовлюсь, но ожидаю плотников из села, тебя просить боюсь, не знаю, какую плату возьмешь с меня».

Сказал ему Сергей: «Невеликое воздаяние потребую от тебя, — но есть ли у тебя гнилой хлеб, очень захотел я поесть такого хлеба, другого ничего не требую, не прошу у тебя платы; не говори, старец, что ожидаешь другого плотника, а не меня. Ибо кто для тебя такой плотник, как я?»

Старец Данила принес ему решето гнилых хлебов, сказав: «Если тебе захотелось этого, с радостью отдаю тебе, больше же не имею». <...> Отвечал Сергей: «Довольно мне этого, но прибереги их до девяти часов, ибо до этого руки мои не поработали и до окончания труда плату не приму».

И, сказав это, препоясал чресла крепко и начал трудиться с утра и до вечера, и доски все стесал, столбы изготовил и поставил; Бог помогал ему, и сени соорудил до вечера. Когда стемнело, в вечерний час, Данила-ста-рец вынес ему решето хлебов, цену платы его, ибо руки его поработали. Сергей принял их, положил пред собою, сотворил молитву благословения и начал есть с водой, без варева, без соли; и оба, соединив обед и ужин, все съели.

Говорили некоторые из старцев о преподобном Сергии, что одежды новой никогда не надевал он, ни из сукон немецких, цветных, красивых, ни гладкой и мягкой. «Мягкую, — говорил, — в царских д^омах носят», — но только из простого сукна, из сермяги, и то, что из волос и шерсти овечьей было спрядено и соткано, носил. <...>

Были порты на нем плохие, ибо каждый день их носил; если кто не видел и не знал его, то не подумал бы, что это шумен Сергей, а принял бы его за одного из чернецов, нищего и убогого, за работника, всякую работу делающего. <...>

В то время как много слухов о житии преподобного распространялось, многие люди из разных мест посещали его, приходили, желая только посмотреть на него, и, посмотрев, возвращались к себе, и друг другу рассказывали о нем, удивляясь. Это слышал один христианин, поселянин, пахарь, земледелец, живший в селе своем, пахавший плугом своим и своим трудом питавшийся; жил далеко от этих мест, но, многое слышав, захотел видеть его.

Однажды оставил он работу и пришел в монастырь Сергия, а прежде не видал его; в то время преподобный с киркой трудился, в огороде копал землю, чтобы посадить огородные растения. Пришедший земледелец хотел видеть его, искал и говорил: «Кто есть Сергей и где есть чудный и славный муж, о нем я слышу, и хочет ли он мне показаться?» И каждого из братии спрашивал и просил, чтобы указали ему искомого. Они же ему поведали: «В огороде он, уединился, копает землю, немного подожди, пока не выйдет».

Он же, очень желая, не дождался, а приник к отверстию, увидел блаженного в худой одежде, порванной и заплатаанной, в поте лица трудящегося, и подумал, что это не тот, кого он ищет, ибо не верил тому, о чем слышал. И сказал братии: «Почему не покажете мне его, к нему издалека пришел поклониться, и дело большое есть к нему». Они же сказали: «Показали тебе его, его видел в отверстие. Если еще не веришь, то увидишь его после». Он же не верил, но при дверях стоял, словно откуда-то ждал его.

Когда же преподобный закончил дело свое и из огорода в монастырь вернулся, тогда монахи указали ему, сказав: «Это и есть тот, кого желал видеть». Земледелец отвернулся от блаженного, начал смеяться и побрезговал им, сказав: «Я пришел посмотреть на пророка, а вы мне бедняка показали. Издалека пришел, чтобы пользу получить, а вместо пользы напраслину поимел. В честной монастырь пришел, но и тут пользы не получил: вы же глумитесь надо мною либо думаете, что я безумный. Я святого мужа Сергия, о котором слышал, надеялся увидеть в чести, в славе, в величии. На том, кого вы указали, ничего не вижу — ни чести, ни величия, ни славы, ни одежд красивых, дорогих, ни отроков при нем, ни слуг поспешных, ни рабов, служащих ему или честь воздающих, но все рваное, все нищее, все сирое. И думаю, что это не тот».

Братия же игумену сказала: «Не смеем говорить и боимся тебя, честной отец, а гостя твоего отослали отсюда как бездельника и нечестивца, ибо он, невежда и поселянин, тебе не кланяется, ни чести достойной не воздает, а нас укоряет и не слушает, лжецами нас считает. Хочешь, мы изгоним его?»

Божий человек Сергий, посмотрев на братию, увидел, что смутились они, и сказал: «Братие, не делайте этого, ибо не к вам, а ко мне он пришел. И зачем вы ему беспокойство причиняете, ведь он мне доброе дело сделал, и я вины в нем не нахожу». И это сказал, не дождавшись от него поклона, а сам быстро поприветствовал земледельца со старанием, с великим смущением поклонился ему до земли, и с большой любовью к Христу целование ему дал, и, благословив, очень хвалил поселянина. И не только это, но взял его за руку преподобный и посадил справа от себя, заставляя есть и пить; с честью и с любовью угощение сотворил ему. Он же печален был, говоря себе: «Сергия ради потрудился сюда прийти и видеть его, не

получил желаемого».

Преподобный Сергей сказал ему: «Не печалься, здесь есть милость Божия, ибо никто печальным отсюда не уходит, о ком печалишься и кого ищешь, сейчас Бог даст тебе того». И пока он это говорил, приехал в монастырь некий князь с гордостью и славой, и большой полк был с ним, бояре и отроки. И впереди идущие, и свита княжеская поселянина этого взяли за плечи руками и оттолкнули его далеко от князя и от Сергия. И еще издали князь поклонился Сергию до земли, и Сергей благословил его, и, поцеловавшись, сели они вдвоем, а остальные стояли.

Поселянин же бродил вокруг в поисках игумена. Раньше гнушаясь и брезгуя им, теперь искал его, чтобы прикоснуться к нему, поглядеть на него, припасть к нему, но нигде не мог найти его. И спросил одного из стоящих впереди: «Кто есть тот монах, сидящий справа от князя, поведай мне?» Он же посмотрел на него и сказал: «Ты что — не здешний? Неужели ты не слышал о преподобном отце нашем Сергии? Тот, кто говорит с князем, — он и есть». Тот же, услышав, осудил себя и затрепетал.

Когда князь вышел из монастыря, тогда поселянин взял с собой нескольких монахов и с ними, забежав вперед, кланяясь до земли игумену, говорил: «Отче! Насколько был нечестив и насколько согрешил, прости меня и помоги моему неверию. Ныне познал воистину тебя, отец, все что слышал о тебе, то и увидел».

Преподобный же Сергей, простив его и благословив, побеседовал с ним душепитательными, утешительными словами и отпустил его в дом свой. И с тех пор тот человек великую веру имел к Святой Троице и к преподобному Сергию до самой смерти. И через несколько лет пришел из села в монастырь к преподобному, и постригся в монашеский чин, и пробыл несколько лет в покаянии, и в исповедании, и в исправлении, и преставился к Богу.

Нужно еще о других устройствах чудес и о даре прозорливом вспомнить, и в чудесное предание слово обратим. Настоящее же говорится о епископе Стефане, который был муж добродетельный и житием благоговейный, который с детства сердечной чистотой славился. Стефан многими добродетелями прославился и, как рассказывают, имел он

любовь христианскую духовную, премногую к блаженному отцу нашему святому Сергию.

Как-то случилось ему путешествовать от епархии своей, Пермью называемой, к господствующему граду Москве. Путь же этот, по которому шел епископ, отстоит от монастыря святого Сергия верст на 10 или больше. И задумал он, поспешая в путь, не быть у святого в обители, но когда будет возвращаться в свою, тогда и прийти в обитель к преподобному.

Когда чудный епископ Стефан был против обители святого, он остановился, сотворил «Достойно есть» и обычную молитву и поклонился святому Сергию в ту сторону, где жил он, сказав так: «Мир тебе, духовный брат!» Блаженный с монахами тогда трапезничал. Поняв тотчас же духом, что сотворил епископ Стефан, во время трапезы святой встал, немного постоял, молитву сотворил, поклонился и сказал: «Радуйся и ты, пастух Христова стада, и мир Божий да пребудет с тобою».

Монахи же удивились тому, что святой встал раньше установленного времени. Поняли некоторые из них, что не напрасно встал святой, но что-то за видение посчитал. По окончании трапезы начали ученики его вопрошать о бывшем. Он же все рассказал им, говоря: «Ибо в сей час епископ Стефан идет к граду Москве, и против нашего монастыря поклонился Святой Троице, и нас, смиренных, благословил». Назвал он и место, где был епископ. Некоторые из учеников его помчались в названное место, желая узнать, так ли это. Когда догнали епископа с его спутниками, спросили: «Правда ли это?» И, узнав истину, сказанную святым, дивились прозорливому его дару, какого сподобился святой, и хвалу воздали Богу, прославляющему святых своих угодников. <...>

Стефан, брат святого по плоти, о котором прежде рассказывал вам, привел к Сергию сына своего, Федора, 12 лет, и отдал его в руки святого; Сергий и сподобил его иноческому образу. И когда пребывал он у святого в полном послушании, жизнь добродетельную проводя, тело свое изнурил полным воздержанием, многие ему дивились. Чудно было и то, что никогда же свои помыслы от преподобного не таил он как ночью, так и днем.

Когда он был в чине совершенном и священству спо-

добился, пришла ему мысль, как бы найти место и основать монастырь-общежитие. И пришел и исповедал преподобному помысел свой, и не раз, многократно. Святой же, увидев его утвердившимся в этой мысли, подумал, что это нечто Божие. И спустя время благоразумный пастырь благословляет Федора и отпускает. И нашел тот место красивое для постройки монастыря близ реки Москвы, названием Симоново.

Об этом услышав, святой пришел посмотреть место и, увидев, что место подходящее для этого строения, разрешил ему. Федор благословение от архиерея получил и создал церковь на том месте во имя пречистой Владычицы нашей Богородицы, честного ее Рождества. И так основал монастырь, все по чину стройно и необыкновенно, и общежитие учинил, как подобает по преданию святых отцов, в славу Божию, монастырь чудный, и множество монахов из различных сторон собралось, ибо слава большая во все стороны о Федоре простерлась, ибо многие приходящие великую пользу от него принимали, наставляемые, и видели Федора в добродетелях сияющего, и в телесном возрасте, и в благолепии большом, и в премудрости и в разуме, много рассудительного. И за многие добродетели всеми почитаем был, и день ото дня росла слава о нем, как некогда и старца святого Сергия, который пекся о чести и славе его и молитвы непрестанно о нем к Богу возносил, чтобы Федор благополучно свершил течение своей жизни.

Многие ученики Федора в добродетелях прославились, произведены были в честные игумены, даже и на епископство поставлены в великодержавные города. В некое время пришлось этому чудному мужу Федору в Царьграде быть, и там патриархом вселенским владыкой Нилом был он почтен и у архимандритов всех рус-

ских старейшинства удостоился. В это же время Федоров монастырь Симоновский, честнейший на Руси, строился в патриаршее имя, а на другом месте основана была церковь каменная архимандритом Федором, чудная весьма, во имя Пречистой Богородицы, честного ее Успения. И на том месте благодатью Христовою устроен был монастырь славный, который и доныне всеми видим и почитаем. <...>

И стало известно, что по поущению Божию за грехи тяти ордынский князь Мамай двинул силу великую, всю орду безбожных татар, идет на Русскую землю. И были все люди в великом страхе притесняемы. Князь же великодержавный, который тогда скипетры русских стран держал^ достохвальный и победоносный, — великий Дмитрий — пришел к святому Сергию. Имел он великую веру к святому старцу и хотел спросить его, велит ли ему идти против безбожных татар: ибо знал его как мужа добродетельного и дар пророчества имеющего.

Святой же, услышав это от великого князя, благословил его, молитвою вооружив, и сказал: «Подобает тебе, господин, заботиться о врученном от Бога христоимени- том стаде. Иди против безбожных, и, так как Бог помогать тебе будет, победишь, и в здравии в свое отечество с великими похвалами возвратишься».

Великий же князь сказал: «Если мне Бог поможет, отче, поставлю монастырь во имя Пречистой Богоматери». И это сказав, принял благословение и уехал спешно. И, собрав все свои силы, поспешил против безбожных татар. И, увидев сил их великое множество, стал сомневаться, большим страхом объят, размышляя, что делать. И внезапно в этот час от святого приспел скороход с посланием, говорившим: «Без всякого сомнения, господин, с дерзновением иди против свирепства их, не ужасайся, всяко тебе поможет Бог».

И тотчас князь великий Дмитрий и все воинство его от этого большую храбрость восприняло и выступило против поганых. И сразились, и многие тела пали, и Бог помог великому победоносному Дмитрию, и побеждены были поганые татары, и окончательной пагубе преданы были. <...>

Достохвальный и победоносный великий князь Дмитрий, славную победу над супротивными варварами одержав, возвратился в светлой, большой радости в свое отечество, и немедленно пришел к старцу святому Сергию, благодарность ему воздавая за доброе пророчество, и всесильного Бога прославляя, и за молитвы благодаря старца и монахов, и в веселии сердца поведал о том, как возвеличил Господь милость свою на нем. И милостыню большую монастырю дал, и напомнил великодержавный старцу, что обещал, и хотел быстрее в дело воплотить: Пречистой Богоматери монастырь во имя ее устроить там, где найдется место, подходящее для строительства.

Старец Сергей пошел, поискал место удобное на реке, называемой Дубенка. И пожеланием великого князя на том месте святой Сергей церковь поставил во имя Пречистой Богоматери, во имя Успения Владычицы нашей Богородицы. Через некоторое время при помощи великодержавного стал монастырь прекрасен, богат*. Вручил же святой игуменство одному из учеников своих, по имени Савва, мужу весьма добродетельному.

В то время великодержавный князь великий Дмитрий умолил святого старца Сергия, чтобы в Коломне, на родине его, в Голутвине, пришел благословить место для монастыря во имя Святого Богоявления, и сам место благословил и церковь воздвигнул. Преподобный, имея обычай всегда пешком ходить, послушал великого князя веры его ради, пришел в Коломну, и благословил место, которое великодержавный возлюбил, и церковь воздвигнул во имя Святого Богоявления.

Умолил Дмитрий Сергия, чтобы дал одного из своих учеников на строительство монастыря, и дал он ему одного из учеников своих, Григория-священноинока, мужа благоговейного и многих добродетелей исполненного. И вскоре большое братство собралось, и составилось общежитие; Божиею благодатью монастырь честной и великим князем, и всеми возлюблен и доньше исполнен всяческих благ.

Блаженный митрополит Алексей на старости, почувствовав себя изнемогающим и к концу приближающимся, призвал святого Сергия, и тот пришел, и побеседовали они, и повелел митрополит вынести крест, с параман-дом, золотом и

драгоценными камнями украшенный, и подарил святому. Он же со смирением поклонился, сказал: «Прости меня, владыко, ибо от юности не был злато- носец, в старости же тем более хочу в нищете пребывать». Архиерей же ему сказал: «Знаю, возлюбленный, как это исполняешь ты, но сотвори послушание и прими от нас данное тебе благословение».

И возложив своими руками на святого, как некое обручение, и сказал святому: «Знаешь ли, преподобный, для чего призывал тебя, что хочу для тебя сотворить?» Святой отвечал: «Как я могу, господин, знать?» Он же сказал ему: «Содержал я Богом врученную мне Русскую митрополию, как Бог хотел. Ныне же вижу себя к концу приближающимся, только не знаю дня кончины моей. Желая же при жизни своей обрести мужа, могущего после меня пасти стадо Христово. Но во всех сомневаюсь. Тебя одного избрал, ибо достоин ты нести слово истинное: ибо знаю, что от великодержавных господ и до последних все тебя требуют. И сначала епископским саном наделен будешь, а после смерти моей престол примешь».

Святой, услышав это, очень оскорбился, как будто за большую напраслину посчитал для себя это, и архиерею ответил: «Прости меня, владыко, ибо выше моей веры то, что ты говоришь. И этого во мне не найдешь никогда. Кто я такой — грешный и худший из всех человек?»

Архиерей много слов говорил старцу из Божественных писаний, желая склонить его исполнить волю свою. Но смиренный Сергей не согласился и сказал: «Владыко святой! Если не хочешь отогнать мою нищету от того, чтобы слушал святые слова твои, более не говори и никому другому не вели, так как никто этого во мне найти не может».

И так увидел архиерей, что святой непреклонен, и не стал ему больше об этом говорить, убоявшись, что он опечалится, отойдет во внутреннюю пустыню, и тогда такого светильника лишатся, и, утешив его словами духовными, отпустил его в монастырь. <...>

Как-то блаженный отец молился в обычном своем правиле пред образом матери Господа нашего Иисуса Христа и, часто взирая на икону, говорил: -«Пречистая мать Христа моего, печальница и заступница, крепкая помощница роду человеческому! Будь нам, недостойным, заступницей, постоянно молясь к сыну своему и Богу нашему, чтобы

призрел святое место это, вверенное тебе в похвалу и честь святому имени вовеки».

Когда же он помолился и пропел благодарный канон Пречистой, называемый акафистом, свершив церковное правило, сел немного отдохнуть и сказал Михею: «Чудо! Бди и бодрствуй, ибо посещение чудное будет нам сейчас». И когда он это говорил, тотчас же голос послышался: «Пречистая грядет!»

Святой, услышав, быстро вышел из кельи в придел, и свет великий осенил его ярко, сильнее солнца сияющий, и тотчас видит Пречистую с двумя апостолами, Петром и Иоанном, в неизреченной светлости сияющих. И как увидел святой, пал ниц, не в силах терпеть нестерпимую эту зарю. Пречистая же своими руками прикоснулась к святому, сказав: «Не бойся, избранник мой. Пришла посетить тебя; услышана была молитва твоя об учениках твоих, когда о них молился, и об обители твоей. Не печалься о прочем, ибо отныне всем будет изобиловать обитель, и не только при жизни твоей, но и после твоего отхождения к Господу неотступна буду от обители твоей, потребное подавая щедро». И, сказав так, стала невидима. Святой же в исступлении ума страхом и трепетом великим был одержим, и, придя в себя помалу, нашел ученика своего лежащим от страха, как мертвого, и поднял его.

Он начал кидаться в ноги старцу, говоря: «Скажи мне, отче, Господа ради, что это за чудное видение было? Едва дух мой не разлучился с плотью из-за великолепного видения».

Святой же радовался душою, в то время как и лик его сиял радостью, и ничего не мог ответить, только это: «Потерпи, дитя, ибо и во мне дух мой трепещет от чудного видения». Они стояли и дивились. Вскоре сказал ученику своему: «Дитя, призови ко мне Исаака и Симона». И когда они пришли, рассказал им все подряд, как видел Пречистую с апостолами и какое обещание изрекла Чудесная святому. Услышав это, радости неизреченной исполнились они, и вместе отпели молебен Богоматери, и прославили Бога. Пребывал святой всю ночь без сна, думая о неизреченном видении. <...>

Когда служил блаженный Божественную литургию, помянул ученика своего, еклисиарха Симона, о котором святой старец говорил, что ведет он жизнь совершенную. И

этот Симон узрел чудное видение: когда служил святой, увидел он огонь, горящий на жертвеннике, осеня алтарь и святые трапезы окружая. И когда святой хотел причаститься, тогда Божественный огонь засиял, как некая плащаница, и вошел в святой потир. И так преподобный причастился. Симон же, увидев это, ужаса и трепета преисполнился и изумился. Святой же, отойдя от жертвенника, понял, что Симон видение чудное наблюдал, призвал его и сказал: «Чудо, почему устрасился дух твой?» И сказал: «Господи, видел чудное видение — благодать Святого Духа, общающегося с тобой». Святой же запретил ему, сказав: «Никому не говори, что ты видел, пока Господь не сотворит мне отхождение от жития сего». И общую хвалу воздали Господу.

Жил святой годы в добром воздержании, труде и неисповедимые, несказанные чудеса показал, и в старость глубокую пришел, нимало от Божественных пений или служений не отходя. И чем больше старился возрастом, тем больше укреплялся, и рос усердием, и Божественные подвиги мужественно совершал, будто и не побеждаем был старостью, но ноги его ото дня все больше деревенели, ибо приближался он к кончине. За шесть месяцев до кончины он понял, что преставится, призвал монахов и вручил старейшинство своему ученику, по имени Никон, бывшему в добродетели совершенному и во всем следующему своему учителю, телом молодому, умом же весьма седидами убеленному, что впоследствии проявил, чудеса показав. Ему Сергей и напутственное слово сказал: велел пасти стадо христоименитое внимательно и справедливо, ибо слово хотел сказать не о себе, а о многих. И так великий подвижник, верую благочестивейший — неусыпаемое обуздание, непресыхающий источник, желанное имя, — начал безмолвствовать и в сентябре месяце в телесный недуг впал. И, видя, что настало время отойти к Богу и естеству отдать долг, дух же желанному Иисусу предать, призвал новоизбранное стадо, и беседу простер подобающую, и, пользе поучив, сказал, что непрестанно в православии надо пребывать, единомыслие дружеское хранить завещал, иметь чистоту душевную и любовь нелицемерную, от злых и от скверных похотей отлучиться, пищу и питье иметь смиренное, больше всего

смирением украшаться, страннолюбия не забывать, от супротивословия удаляться, жизни земной чести и славы не возносить, но вместо этого от Бога мздовоздаяния ожидать, небесных благ вечного наслаждения. И прочего много наказал, сказав: «Я к Богу, зовущему меня, отхожу от вас. Предаю вас всемогущему Господу и его Пречистой Богоматери, да будет вам прибежище и защита от сетей вражьих и оскорблений их». И в самый конец, когда хотел от телесного союза отрешиться, владычного тела и крови причастился — а ученик руками его немощные члены поддерживал, — поднял к небу руки, молитву сотворил, чистую и священную свою душу с молитвою Господу предал в лето 1391 месяца сентября 25-го. Жил же преподобный 78 лет.

Излилось тогда благоухание великое и неизреченное от тела святого. Монахи же с плачем и рыданием сокрушались и на одре честное и трудолюбивое тело положили, псалмопением и надгробным пением его провожая. Ученики слез источники пролили, кормчего лишившись, с учителем и отцом разлучения не вынося, плакали, желая умереть вместе с ним. Лицо святого светилось, как снег, а не как обычно у мертвого, но как у живого или у ангела Божия, показывая душевную его чистоту и мздовоздаяния от Бога трудам его. Положили честное его тело в обители, им же созданной. И после кончины чудеса произошли: и расслабленных членов укрепление, и от лукавого духа людям освобождение, и слепых прозрение, горбатых выпрямление, как только они к раке приближались. Хоть и не хотел святой при жизни славы, но крепкая сила Божия его прославила, перед ним летели ангелы, когда он преставился, провожая его к небесам, двери открывая ему райские и в желанное блаженство вводя, в покои праведные, где свет ангельский и всесвятской Троицы озарение принял, как и подобает постнику. Таково было течение жизни святого, таково дарование, таково чудотворение — и не только при жизни, но и при смерти, что и невозможно описать.

Сравним его с теми, кто древле просиял добродетелями жития и мудростью, и увидим, что воистину ни в чем он не уступал им, тем Божественным мужам: после великого Моисея и вслед за ним Иисуса собороводцем он был, и пастырем^для многих людей, и воистину стяжал незлобие Иакова и

страннолюбив Авраама, будучи законоположителем новым, и наследником царствия небесного, и истинным правителем всей своей пастве. Не преисполнил ли он пустынь свою благопопечением многих? Если рассудителен был великий Савва, общему житию правитель, то сей не стяжал ли после него доброе рассуждение о себе, многие монастыри — общежитие проходящих — воздвигая? Не обладал ли он дарованием чудотворца, как и тот, прежде него прославленный, и не прославил ли его Бог, не сделал его именитым на всей земле?

Восхваляем мы его не как похвалы требующего, но так, как он о нас молится, во всем подобен страстотерпцу Христу. Но не будем слишком многоречивы. Ибо кто сможет по достоинству святого прославить?

КОММЕНТАРИИ

Автором жития был монах Троице-Сергиева монастыря *Епифаний Премудрый*. В Троицкой обители покоятся мощи преподобного **Сергия Радонежского**.

Сергий Радонежский скончался в 1391 г.

Василий Великий — **Василий Кесарийский** (ок. 330—379), один из отцов церкви, автор Шестоднева, в котором рассказывается о шести днях творения мира.

Стефан Радонежский, основавший вместе с братом Троицкий монастырь, не захотел жить в глуши и стал монахом московского Богоявленского монастыря. Его сын Федор в 1390 г. возведен в архиепископы Ростовские.

...стала с прочими жєницинами в притворе... — Беременным женщинам запрещалось присутствовать во время службы в храме, они стояли в притворе, западной части церкви, отделенной глухой стеной.

Херувимская песнь — духовная песнь православной церкви, поющаяся во время литургии. *Херувим* — высший ангельский чин.

Иерей — священник.

„как и древняя пророчица Анна... — Согласно библейской легенде, *Анна*, мать пророка Самуила, будучи бездетной, молила Бога даровать ей сына, обещая посвятить его служению в храме.

Варфоломей — имя, данное Сергию Радонежскому при крещении.

Византийский император *Андроник II Палеолог* (1282—1328) не

был современником патриарха Каллиста (1350—1354; 1355—1362), в текст вкралась хронологическая ошибка.

Тверской князь *Дмитрий Михайлович Грозные Очи* занимал престол с 1322 по 1325 г.

Митрополит Московский *Петр* правил в 1308—1326 гг.

Татарский посол князь *Ахмыл* был на Руси в 1322 г.

Просфора — хлеб для причастия в виде кружка с изображением креста.

Часы — церковная служба, совершаемая трижды в день.

Федорчук Туралык — в 1327 г. татарский темник Федорчук и князь *Иван Данилович Калита* подавили восстание в Твери против ордынцев, за что Калита получил ярлык на великое московское княжение.

Панихида — заупокойная церковная служба, богослужение по умершим.

Митрополит *Феогност* управлял русской церковью в 1328—1353 гг.

Ангельский образ — монашество.

Чресла — поясница.

Сермяга. — грубая ткань.

Стефан Пермский — просветитель зырян (ум. 1396), причислен к лику святых.

И так основал монастырь... — *Симонов монастырь* был основан около 1370 г.

Константинопольский патриарх *Нил* был на престоле в 1379—1388 гг.

В 1379 г. Симонов монастырь был перенесен на новое место, а прежняя обитель стала именоваться Старосимоновской.

Великий князь московский *Дмитрий Иванович Донской* (1350—1389), разгромивший войска хана Мамаю на Куликовом поле в 1380 г.

...стал монастырь прекрасен, богат. — Дубенский — Успенский — Шавыкинский монастырь основан Сергием Радонежским на острове реки Дубенка, впадающей в Дубну.

...пришел благословить место для монастыря во имя Святого Богоявления... — Богоявленский Голутвин монастырь построен в 1385 г. в устье реки Москвы.

Параманд (аналав) — четырехугольный плат с изображением креста, который монахи носят на груди.

Еклезитарх — должностное лицо, наблюдающее за порядком в храме.

Плащаница — священное покрывало с изображением тела Христа в гробу.

Потир — сосуд для вина, используемый во время богослужения.

Никон Радонежский — шумен Троицкого монастыря (1391—1427).

Рака — гробница с мощами святого.

Моисей — в библейской мифологии предводитель израильского народа, выведший евреев из египетского плена.

Иисус Навин — библейский персонаж, история которого писана в книге Иисуса Навина.

Иаков и Авраам — библейские персонажи, символы христианской любви и смирения.

ПОВЕСТЬ О ПУТЕШЕСТВИИ ИОАННА НОВГОРОДСКОГО НА БЕСЕ

СЛОВО ВТОРОЕ О ТОМ ЖЕ ВЕЛИКОМ СВЯТИТЕЛЕ
ИОАННЕ, АРХИЕПИСКОПЕ ВЕЛИКОГО НОВГОРОДА,
КАК ОН ЗА ОДНУ НОЧЬ ПОПАЛ ИЗ НОВГОРОДА
В ИЕРУСАЛИМ-ГРАД И СНОВА ВОЗВРАТИЛСЯ
ТОЙ ЖЕ НОЧЬЮ В ВЕЛИКИЙ НОВГОРОД

Нельзя забвению предать то, что случилось однажды по Божьему изволению со святителем Иоанном. Нередко выпадает святым испытание попущением Божьим, чтобы еще больше прославлялись и просияли, как золото искусно выделанное. «Прославляющего меня, — говорит Господь, — ия прославлю». Дивен ведь Бог святыми своими; сам Бог святых своих прославляет. И еще сказал Христос: «Дал я вам власть над духами нечистыми».

Однажды святой по своему обычаю творил ночные молитвы в ложнице своей. Здесь у святого и сосуд с водой стоял, из которого он умывался. И вот, услышав, что кто-то в сосуде этом в воде плещется, быстро подошел святой и догадался, что это бесовское наваждение. И, сотворя молитву, осенил сосуд тот крестным знаменем, и заключил в нем беса. Хотел бес пострашать святого, но натолкнулся на несокрушимую твердыню и твердыни этой поколебать не смог, а сам лукавый был сокрушен.

И не в силах терпеть ни минуты, начал бес вопить: «О, горе мне лютое! Огонь палит меня, не могу вынести, поскорее освободи меня, праведник Божий!» Святой же спросил: «Кто ты таков и как попал сюда?» Дьявол же ответил: «Я бес лукавый, пришел, чтобы смутить тебя. Ведь надеялся я, что ты, как обычный человек, устроишься и молиться перестанешь. Ты же меня, на мое горе, заключил в сосуде этом. И вот как огнем палим я нестерпимо, горе мне, окаянному! Зачем польстился, зачем пришел сюда, не понимаю! Отпусти меня теперь, раб Божий, а я больше никогда не приду сюда!»

И сказал святой беспрерывно вопившему бесу: «За

дерзость твою повелеваю тебе: сей же ночью отнеси меня на себе из Великого Новгорода в Иерусалим-град, к церкви, где гроб Господен, и в сию же ночь из Иерусалима-града—назад, в келию мою, в которую ты дерзнул войти. Тогда я выпущу тебя». Бес клятвенно обещал исполнить волю святого, только умолял: «Выпусти меня, раб Божий, люто я страдаю!»

Тогда святой, закливав беса, выпустил его, сказав: «Да будешь ты как конь оседланный, стоящий перед кельею моею, а я сяду на тебя и исполню желание свое». Бес черным дымом вышел из сосуда и встал конем перед кельею Иоанна, как нужно было святому. Святой же, выйдя из кельи, перекрестился и сел на него, и очутился той же ночью в Иерусалиме-граде, около церкви святого Воскресения, где гроб Господен и часть животворящего креста Господня.

Беса же закливал святой, чтобы он не мог с места того сойти. И бес стоял, не смея сдвинуться с места, покуда святой ходил в церковь святого Воскресения.

Подошел Иоанн к дверям церковным и, преклонив колени, помолился, и сами собой открылись двери церковные, и свечи и паникадила в церкви и у гроба Господня зажглись. Святой же возблагодарил в молитве Бога, прослезился, и поклонился гробу Господню, и облобызал его, поклонился он также и животворящему кресту, и всем святым иконам, и местам церковным. Когда вышел он из церкви, осуществив мечту свою, то двери церковные снова сами собой затворились.

И нашел святой беса, стоящего конем оседланным, на том месте, где повелел. Сел на него Иоанн и той же ночью оказался в Великом Новгороде, в келье своей.

Когда уходил бес из кельи святого, то сказал: «Иоанн! Заставил ты меня в одну ночь донести тебя из Великого Новгорода в Иерусалим-град и в ту же ночь из Иерусалима-града в Великий Новгород. Ведь заклитием твоим, как цепями, был я крепко связан и с трудом это все претерпел. Ты же не рассказывай никому о случившемся со мной. Если же расскажешь, то я тебя оклеветашу. Будешь тогда как блудник осужден, и сильно надругаются над тобой, на плот тебя посадят, и пустят по реке Волхову». И когда так пустословил лукавый, святой перекрестил его, и исчез бес.

Однажды Иоанн, как это было в его обычае, вел душеспасительную беседу с честными игуменами, и с многоразумными иереями, и с богобоязненными мужами, поучая и рассказывая о жизни святых, для пользы душевной людям. Люди же в сладость слушали поучения святого: не ленился он учить людей. И поведал он тогда, как будто о ком-то другом рассказывая, что с ним самим случилось. «Я, — говорил, — знаю такого человека, который за одну ночь успел попасть из Новгорода Великого в Иерусалим-град, поклонился там гробу Господню ненова той же ночью вернулся в Великий Новгород». Игумены же, иереи и все люди подивились этому.

И вот с того времени попущением Божиим начал бес клевету возводить на святого. Жители того города неоднократно видели, будто блудница выходила из кельи святого: это бес преображался в женщину. Горожане же, не зная, что это бесовское наваждение, были уверены, что это на самом деле блудница, и впадали в сомнение. Случалось также, что начальствующие города этого, приходя в келью святого для благословения, видели там мониста девичьи, и обувь женскую, и одежду, и негодовали на это, не зная, что и сказать. А все это бес наваждением своим показывал им, чтобы восстали на святого, несправедно осудили его и изгнали.

Посоветовавшись с начальствующими своими, горожане порешили между собой: «Не подобает такому святителю, блуднику, быть на апостольском престоле: идем и изгоним его!» Ведь это о таких людях Давид сказал: «Пусть онемеют уста лстивые, в гордыне изрекающие ложь о праведнике», — потому что поверили они бесовскому наваждению, как некогда еврейский народ.

Но возвратимся к нашему рассказу.

Когда пришел народ к келье святого, то бес перед глазами всех людей побежал в образе девицы, будто из кельи святого. Люди же закричали, чтобы схватили ее. Но хоть и долго гнались, не смогли поймать.

Святой же, услышав говор людской у кельи своей, вышел к народу и спросил: «Что случилось, дети мои?» Они же рассказали все, что видели, и, не внимая оправданиям святого, осудили его как блудника. И схватили его насильно, и надругались над ним, и, не зная, что еще сделать с ним, надумали так: «Посадим его на плот на реке Волхове — пусть

выплывет из нашего города вниз по реке».

И вывели святого и целомудренного великого святителя Божьего Иоанна на Великий мост, что на реке Волхове, и, опустив святого с моста, на плот посадили. Так сбылось предсказание лукавого дьявола. Дьявол же этому возрадовался, но Божья благодать, и вера святого в Бога, и молитвы пересилили.

Когда посадили Божьего святителя Иоанна на плот на реке Волхове, то поплыл плот, на котором сидел святой, вверх по реке, никем не подталкиваемый, против самой быстрины, которая как раз у Великого моста, к монастырю святого Георгия. Святой же молился о новгородцах, говоря: «Господи! Не вмени им это во грех: ведь сами не ведают, что творят!» Дьявол же, увидев это, посрамился и возрыдал.

Люди же, узрев такое чудо, стали рвать одежды на себе и пошли, говоря: «Согрешили мы, несправедно поступили — овцы осудили пастыря. Теперь-то видим, что бесовским наваждением все произошло!» И побежали в храм великой Премудрости Божией и велели священному собору — иереям и дьяконам — идти с крестами вверх по берегу реки Волхова к монастырю святого Георгия, и молить святого, чтобы возвратился на престол свой. Священники поспешно взяли честной крест и икону святой Богородицы, как подобает, и пошли по берегу реки Волхова вослед за святым, умоляя его, чтобы возвратился на престол свой.

Так же и те люди, которые прежде на святого клевету возводили, шли по берегу реки Волхова к монастырю святого Георгия, с мольбой восклицали, говоря: «Возвратись, честный отче, великий святитель Иоанн, на престол свой, не оставь чад своих осиротевшими, не поминай наше согрешение перед тобой!» И, обогнав святого и крестный ход, остановились за полпоприща до монастыря святого Георгия, и, кланяясь до земли и проливая слезы, умоляли святого, повторяя: «Возвратись, честный отче, пастырь наш, на престол свой! Пусть грех наш падет на нас — прельстились кознями лукавого дьявола и согрешили перед тобой. За дерзость свою прощения просим, не лиши нас благословения своего!» И многое другое говорили, умоляя святого.

Тихо плыл Иоанн на плоту своем против сильного течения, как будто некоей Божественной силой несло его

благоговейно и торжественно, чтобы не обогнать крестного хода, — наравне с несущими честные кресты иереями и дьяконами плыл он. И когда священный собор с честными крестами подошел к тому месту, где стоял народ, то все вместе стали еще горячее молить святого, чтобы возвратился он на престол свой.

Святой же, вняв мольбе их, словно по воздуху несомый, подплыл к берегу и, поднявшись с плота, сошел на землю. Люди же, видевшие все это, радовались, что умолили святого возвратиться, и плакали о своем согрешении перед ним, прощения прося.

Он же, беззлобная душа, простил их всех. Многие из них в ноги падали ему, слезами обливая ноги его, другие же прикладывались к ризам святого. И, попросту сказать, теснились и толкали друг друга, чтобы хоть увидеть святого. Святой же благословлял их. И пошел чудотворец архиерей Божий Иоанн с крестным ходом в монастырь святого Георгия, совершая молитвенные пения со священным собором. И множество народа следовало за ними, восклицая: «Господи, помилуй!»

Архимандрит же и иноки того монастыря не знали, что архиерей Божий Иоанн грядет в их монастырь. А в те времена в монастыре святого Георгия жил некий человек, юродивый, получивший от Бога благодать прозорливости. Сей человек быстро пришел к архимандриту монастыря и, постучав в дверь его кельи, сказал: «Иди, встречай великого святителя Божьего Иоанна, архиепископа Великого Новгорода, — грядет он к нам в монастырь!» Архимандрит же не поверил и послал посмотреть. Посланные же отправились, и узнали от людей, там бывших, о всем случившемся со святым, и, быстро вернувшись, рассказали архимандриту. Архимандрит же повелел в большие колокола звонить.

И собрались иноки этой великой лавры, взяли честные кресты, и пошли из монастыря навстречу святителю Божьему Иоанну. Святой же, увидев их, благословил каждого и, придя в монастырь, вошел в церковь святого Христова великомученика Георгия с архимандритом монастыря того, со всем священным собором и с иноками, и со всем множеством народа. И, совершив молебен, с великой честью вернулся на престол свой в Великий Новгород.

Все это о себе поведал он сам священному собору и другим людям: как его бес хотел устрашить, как он побывал за одну ночь в Иерусалиме-граде и вернулся назад в Новгород, и все, что случилось с ним, по порядку рассказал, как об этом выше повествовалось. И поучал их святой, говоря: «Дети мои! Каждое дело творите, сначала проверив все, чтобы не оказаться прельщенными дьяволом. А то может случиться, что с добродетелью зло переплетется, тогда виновны будете перед Божиим судом: ведь страшно впасть в руки Бога живого!»

Но об этом пока многого говорить не будем.

Князь же и начальствующие города того, посоветовавшись со всем народом, поставили крест каменный на том месте на берегу, куда приплыл святой. Крест этот и ныне стоит во свидетельство преславного чуда этого святого и в назидание всем новгородцам, чтобы не дерзали сгоряча и необдуманно осуждать и изгонять святителя.

Ведь сказал Христос о святых своих: «Блаженны изгнанные правды ради, потому что им принадлежит царство небесное!» А те, которые изгоняют святых несправедливо, что скажут в ответ?

КОММЕНТАРИИ

Паникадило — подставка для свечей или лампад.

Иерей — священник.

Великий мост — на мосту через Волхов казнили преступников, а тела их сбрасывались в реку.

Монастырь святого Георгия — обитель в верховьях Волхова, неподалеку от Новгорода.

Полноприща — примерно 500 метров.

«ХОЖДЕНИЕ ЗА ТРИ МОРЯ» АФАНАСИЯ НИКИТИНА

В год 6983 (1475) <...>. В том же году получил записи Афанасия , купца тверского, был он в Индии четыре года*, а пишет, что отправился в путь с Василием Папиным. Я же расспрашивал, когда Василий Папин послан был с кречетами послом от великого князя, и сказали мне — за год до казанского похода вернулся он из Орды, а погиб под Казанью, стрелой простреленный, когда князь Юрий на Казань ходил. В записях же не нашел, в каком году Афанасий пошел или в каком году вернулся из Индии и умер, а говорят, что умер, до Смоленска не дойдя. А записи он своей рукой писал, и те тетради с его

записями привезли купцы в Москву Василию Мамыреву , дьяку великого князя.

За молитву святых отцов наших, Господи Иисусе Христе, сыне Божий, помилуй меня, раба своего грешного Афанасия Никитина сына.

Записал я здесь про свое грешное хождение за три моря: первое море — Дербентское, дарья Хвалисская, второе море — Индийское, дарья Г^ндустанская, третье море — Черное, дарья Стамбульская .

Пошел я от Спаса святого златоверхого с его милостью, от государя своего великого князя Михаила Борисовича Тверского^, от владыки Геннадия Тверского и от Бориса Захарьича .

Поплыл я вниз Волгою. И пришел в монастырь каля- зинский к святой Троице живоначальной и святым муче- тткам Борису

и Глебу. И у игумена Макария и святой братии получил благословение. Из Калягина плыл до Углича, и из Углича отпустили меня без препятствий. И, отплыв из Углича, приехал в Кострому и пришел к князю Александру с другой грамотой великого князя. И отпустили меня без препятствий. И в Плес приехал без препятствий.

И приехал я в Нижний Новгород к Михаилу Киселеву, наместнику, и к пошленнику Ивану Сараеву, и отпустили они меня без препятствий. А Василий Папин, однако, город уже проехал, и я в Нижнем Новгороде две недели ждал Хасан-бека, посла ширваншаха татарского. А ехал он с кречетами от великого князя Ивана, и кречетов у него было девяносто.

Поплыл я с ними вниз по Волге. Казань прошли без препятствий, не видали никого, и Орду, и Услан, и Сарай, и Берекезан проплыли и вошли в Бузан. И тут встретили нас три татарина неверных да ложную весть нам передали: «Султан Касим подстерегает купцов на Бузани, а с ним три тысячи татар». Посол ширваншаха Хасан-бек дал им по кафтану-однорядке и по штуке полотна, чтобы провели нас мимо Астрахани. А они, неверные татары, по однорядке-то взяли, да в Астрахань царю весть подали. А я с товарищами свое судно покинул, перешел на посольское судно.

Плывем мы мимо Астрахани, а месяц светит, и царь нас увидел, и татары нам кричали: «Качма — не бегите!» А мы этого ничего не слыхали и бежим себе под парусом. За грехи наши послал царь за нами всех своих людей. Настигли они нас на Богуне и начали в нас стрелять. У нас застрелили человека, и мы у них двух татар застрелили. А меньшее наше судно у еза застряло, и они его тут же взяли да разграбили, а моя вся поклажа была на том судне.

Дошли мы до моря на большом судне, да стало оно на мели в устье Волги, и тут они нас настигли и велели судно тянуть вверх по реке до еза. И судно наше большое тут пограбили и четыре человека русских в плен взяли, а нас отпустили голыми головами за море, а назад, вверх по реке, не пропустили, чтобы вести не подали.

И пошли мы, заплавав, на двух судах в Дербент: в одном судне посол Хасан-бек, да тезики, да нас, русских, десять человек; а в другом судне — шесть москвичей, да

шесть тверичей, да коровы, да корм наш. И поднялась на море буря, и судно меньшее разбило о берег. И тут стоит городок Тарки, и вышли люди на берег, да пришли кай* таки и всех взяли в плен.

И пришли мы в Дербент, и Василий благополучно туда пришел, а мы ограблены. И я бил челом Василию Папину и послу ширваншаха Хасан-беку, с которым мы пришли, чтоб похлопотал о людях, которых кайтаки под Тарками захватили. И Хасан-бек ездил на гору к Булат-беку просить. И Булат-бек послал скорохода к ширваншаху передать: «Господин! Судно русское разбилося под Тарками, и кайтаки, придя, людей в плен взяли, а товар их разграбили».

И ширваншах посла тотчас послал к шурина своему, князю кайтаков Халил-беку: «Судно мое разбилося под Тарками, и твои люди, придя, людей с него захватили, а товар их разграбили; и ты, меня ради, людей ко мне пришли и товар их собери, потому что те люди посланы ко мне. А что тебе от меня нужно будет, и ты ко мне присылай, и я тебе, брату своему, ни в чем перечить не стану. А те люди ко мне шли, и ты, меня ради, отпусти их ко мне без препятствий». И Халил-бек всех людей отпустил в Дербент тотчас без препятствий, а из Дербента отослал их к ширваншаху в ставку его — койтул.

Поехали мы к ширваншаху в ставку его и били ему челом, чтоб нас пожаловал, чем дойти до Руси. И не дал он нам ничего: дескать, много нас. И разошлись мы, заплакав, кто куда: у кого что осталось на Руси, тот пошел на Русь, а кто был должен, тот пошел куда глаза глядят. А иные остались в Шемахе, иные же пошли в Баку работать.

А я пошел в Дербент, а из Дербента в Баку, где огонь горит неугасимый; а из Баку пошел за море — в Чапакур.

И прожил я в Чапакуре шесть месяцев, да в Сари жил месяц, в Мазандаранской земле. А оттуда пошел к Амолю и жил тут месяц. А оттуда пошел к Демавенду, а из Демавенда — к Рею. Тут убили шаха Хусейна, из детей Али, внуков Мухаммеда, и пало на убийц проклятие Мухаммеда — семьдесят городов разрушилось.

Из Рея пошел я к Каша ну и жил тут месяц, а из Катана — к Наину, а из Наина к Иезду и тут жил месяц. А из Иезда пошел к Сирджану, а из Сирджана — к Тарому, домашний

скот здесь кормят финиками, по четыре алтына* продают батман фиников. А из Тарома пошел к Лару, а из Лара — к Бендеру — то пристань Ормузская. И тут море Индийское, по-персидски дарья Гундустанская; до Ормуза-града отсюда четыре мили идти.

А Ормуз — на острове, и море наступает на него всякий день по два раза. Тут провел я первую Пасху, а пришел в Ормуз за четыре недели до Пасхи. И потому я города не все назвал, что много еще городов больших. Велик солнечный жар в Ормузе, человека сожжет. В Ормузе был я месяц, а из Ормуза после Пасхи в день Радуницы пошел я в таве с конями за море Индийское.

И шли мы морем до Маската десять дней, а от Маската до Дега четыре дня, а от Дега до Гуджарата, а от Гуджарата до Камбея. Тут родится краска да лак. От Камбея поплыли к Чаулу, а из Чаула вышли в седьмую неделю после Пасхи, а морем шли шесть недель в таве до Чаула.

И тут Индийская страна, и люди ходят нагие, а голова не покрыта, а груди голы, а волосы в одну косу заплетены, все ходят брюхаты, а дети рождаются каждый год, а детей у них много. И мужчины, и женщины все нагие да все черные. Куда я ни иду, за мной людей много — дивятся белому человеку. У тамошнего князя — фата на голове, а другая на бедрах, а у бояр тамошних — фата через плечо, а другая на бедрах, а княгини ходят — фата через плечо перекинута, другая фата на бедрах. А у слуг княжеских и боярских одна фата на бедрах обернута, да щит, да меч в руках, иные с дротиками, другие с кинжалами, а иные с саблями, а другие с луками и стрелами; да все наги, да босы, да крепки, а волосы не бреют. А женщины ходят — голова не покрыта, а груди голы, а мальчики и девочки нагие ходят до семи лет, срам не прикрыт.

Из Чаула пошли посуху, шли до Пали восемь дней, до Индийских гор. А от Пали шли десять дней до Умри, то город индийский. А от Умри семь дней пути до Джуннара.

Правит тут индийский хан — Асад-хан джуннар-ский, а служит он мелик-ат-туджару. Войска ему дано от мелик-ат-туджара, говорят, семьдесят тысяч. А у мелик-ат-туджара под началом двести тысяч войска, и воюет он с кафарами двадцать лет: и они его не раз побеждали, и он их много раз побеждал. Ездит же Асад-хан на людях. А слонов у

него много, и коней у него много добрых, и воинов, хорасанцев, у него много. А коней привозят из Хорасанской земли, иных из Арабской земли, иных из Туркменской земли, иных из Чаготайской земли, а привозят их все морем в тавах — индийских кораблях.

И я, грешный, привез жеребца в Индийскую землю, и дошел с ним до Джуннара, с Божьей помощью, здоровым, и стал он мне во сто рублей. Зима у них началась с Троицына дня. Зимовал я в Джуннаре, жил тут два месяца. Каждый день и ночь — целых четыре месяца — всюду вода да грязь. В эти дни пашут у них и сеют пшеницу, да рис, да горох, да все съестное. Вино у них делают из больших орехов, кози гундустанские называются, а брагу — из татны. Коней тут кормят горохом, да варят кхичри с сахаром да с маслом, да кормят ими коней, а с утра дают шешни. В Индийской земле кони не водятся, в их земле рождаются быки да буйволы — на них ездят и товар и иное возят, все делают.

Джуннар-град стоит на скале каменной, не укреплен ничем, Богом огражден. И пути на ту гору день, ходят по одному человеку: дорога узка, двоим пройти нельзя.

В Индийской земле купцов поселяют на подворьях. Варят гостям хозяйки, и постель стелют хозяйки, и спят с гостями. (Если имеешь с ней тесную связь, давай два жителя", если не имеешь тесной связи, даешь один житель. Много тут жен по правилу временного брака, и тогда тесная связь даром; а любят белых людей).

Зимой у них простые люди ходят — фата на бедрах, другая на плечах, а третья на голове; а князья да бояре надевают тогда на себя порты, да сорочку, да кафтан, да фата на плечах, другой фатой себя опояшет, а третьей фатой голову обернет. (О Боже, Боже великий, Господь истинный, Бог великодушный, Бог милосердный!)

И в том Джуннаре хан отобрал у меня жеребца, когда узнал, что я не бесерменин, а русин. И он сказал: «И жеребца верну, и тысячу золотых впридачу дам, только перейди в веру нашу — в Мухаммедцин и. А не перейдешь в веру нашу, в Мухаммеда мни, и жеребца возьму, и тысячу золотых с твоей головы возьму». И срок назначил — четыре дня, на Спасов день, на Успенский пост. Да Господь Бог сжалился на свой честной праздник, не оставил меня, грешного, милостью

своей, не дал погибнуть в Джуннаре среди неверных. Накануне Спасова дня приехал казначей Мухаммед, хорасанец, и я бил ему челом, чтобы он за меня хлопотал. И он ездил в город к Асад-хану и просил обо мне, чтобы меня в их веру не обращали, да и жеребца моего взял у хана обратно. Таково Господне чудо на Спасов день. А так, братья русские христиане, захочет кто идти в Индийскую землю — оставь веру свою на Руси, да, призвав Мухаммеда, иди в Гундустанскую землю .

Солгали мне псы бесермены, говорили, что много нашего товара, а для нашей земли нет ничего: все товар белый для бесерменской земли, перец да краска, то дешево. Те, кто возят волов за море, те пошлин не платят. А нам провезти товар без пошлины не дадут. А пошлин много, и на море разбойников много. Разбойничают кафары, не христиане они и не бесермены: молятся каменным болванам и ни Христа, ни Мухаммеда не знают.

А из Джуннара вышли на Успенье и пошли к Бидару , главному их городу. Шли до Бидара месяц, а от Бидара до Кулонгири — пять дней и от Кулонгири до Гулбарги пять дней. Между этими большими городами много других городов, всякий день проходили по три города, а иной день по четыре города: сколько ковов — столько и городов. От Чаула до Джуннара двадцать ковов, а от Джуннара до Бидара сорок ковов, от Бидара же до Кулонгири девять ковов, и от Бидара до Гулбарги девять ковов.

В Бидаре на торгу продают коней, камку , шелк и всякий иной товар да рабов черных, а другого товара тут нет. Товар все гундустанский, а из съестного только овощи, а для Русской земли товара нет. А здесь люди все черные, все злодеи, а женки все гулящие, да колдуны, да тати , да обман, да яд, господ ядом морят.

В Индийской земле княжат все хорасанцы, и бояре все хорасанцы. А гундустанцы все пешие и ходят перед хорасанцами, которые на конях; а остальные все пешие, ходят быстро, все наги да босы, в руке щит, в другой _____ меч, а иные с большими, прямыми луками да со стрелами. Бой ведут все больше на слонах. Впереди идут пешие воины, за ними — хорасанцы в доспехах на конях, сами в доспехах и кони. Слонам к голове и бивням привязывают большие

кованные мечи, по кентарю весом, да облачают слонов в доспехи булатные, да на слонах сделаны башенки, и в тех башенках по двенадцать человек в доспехах, да все с пушками, да со стрелами.

Есть тут одно место — Аланд, где шейх Алаеддин* (святой лежит) и ярмарка. Раз в год на ту ярмарку съезжается торговать вся страна Индийская, торгуют тут десять дней; от Бидара двенадцать ковов. Приводят сюда коней — до двадцати тысяч коней — продавать да всякий товар привозят. В Гундустанской земле эта ярмарка лучшая, всякий товар продают и покупают в дни памяти шейха Алаеддина, а по-нашему на Покров святой Богородицы. А еще есть в том Аланде птица гукук, летает ночью, кричит: «кук-кук»; а на чьем доме сядет, там человек умрет, а захочет кто ее убить, она на того огонь изо рта пускает. Мамоны* ходят ночью да хватают кур, а живут они на холмах или среди скал. А обезьяны, те живут в лесу. Есть у них князь обезьяний, ходит с ратью своей. Если кто обезьян обидит, они жалуются своему князю, и он посылает на обидчика свою рать и они, к городу придя, дома разрушают и людей убивают. А рать обезьянья, сказывают, очень велика, и язык у них свой. Детеньшей родится у них много, и если который из них родится ни в мать, ни в отца, таких бросают на дорогах. Иные гундустанцы подбирают их да учат всяким ремеслам; а если продают, то ночью, чтобы они дорогу назад не могли найти, а иных учат (людей забавлять).

Весна у них началась с Покрова святой Богородицы. А празднуют память шейха Алаеддина и начало весны через две недели после Покрова; восемь дней длится праздник. А весна у них длится три месяца, и лето три месяца, и зима три месяца, и осень три месяца.

Бидар — стольный город Гундустана бесерменского. Город большой, и людей в нем очень много. Султан молод, двадцати лет — бояре правят, а княжат хорасанцы и воюют все хорасанцы.

Живет здесь боярин-хорасанец, мелик-ат-туджар, так у него двести тысяч своей рати, а у Мелик-хана сто тысяч, а у Фарат-хана двадцать тысяч, и у многих ханов по десять тысяч войска. А с султаном выходит триста тысяч войска его.

Земля многолюдна, да сельские люди очень бедны, а

бояре власть большую имеют и очень богаты. Носят бояр на носилках серебряных, впереди коней ведут в золотой сбруе, до двадцати коней ведут, а за ними триста всадников, да пеших пятьсот воинов, да десять трубачей, да с барабанами десять человек, да дударей десять.

А когда султан выезжает на прогулку с матерью да с женою, то за ним всадников десять тысяч следует да пеших пятьдесят тысяч, а слонов выводят двести и все в золоченых доспехах, и перед ним — трубачей сто человек, да плясунов сто человек, да ведут триста коней верховых в золотой сбруе, да сто обезьян, да сто наложниц, гауры-ки называются.

Во дворец султана ведет семь ворот, а в воротах сидят по сто стражей да по сто писцов-кафаров. Одни записывают, кто во дворец идет, другие — кто выходит. А чужестранцев во дворец не пускают. А дворец султана очень красив, по стенам резьба да золото, последний камень — и тот в резьбе да золотом расписан очень красиво. Да во дворце у султана сосуды разные.

По ночам город Бидар охраняет тысяча стражей под начальством куттавала, на конях и в доспехах, да в руках у каждого по факелу.

Продал я своего жеребца в Бидаре. Издержал на него шестьдесят восемь футунов, кормил его год. В Бидаре по улицам змеи ползают, длиной по две сажени. Вернулся я в Бидар из Кулонгири на Филиппов пост, а жеребца своего продал на Рождество.

И жил я здесь, в Бидаре, до Великого поста и со многими индусами познакомился. Открыл им веру свою, сказал, что не бесерменин я, а (веры Иисусовой) христианин, и имя мое Афанасий, а бесерменское имя — ходжа Юсуф Хорасанн. И индусы не стали от меня ничего скрывать,

ни о еде своей, ни о торговле, ни о молитвах, ни о штп^ вещах, и жен своих не стали в доме скрывать.

Расспрашивал я их о вере, и они говорили мне: веруем в Адама, а буты, говорят, и есть Адам и весь род его. А всех вер в Индии восемьдесят и четыре веры, и все веруют в бута. А разных вер люди друг с другом не пьют, не едят, не женятся. Иные из них баранину, да кур, да рыбу, да яйца едят, но говядины никто не ест.

Пробыл я в Бидаре четыре месяца и сговорился с индусами пойти в Парват, где у них бутхана* — то их Иерусалим, то же, что для бесермен Мекка. Шел я с индусами до бутханы месяц. И у той бутханы ярмарка, пять дней длится. Велика бутхана, с пол-Твери, каменная, да вырезаны в камне деяния бута. Двенадцать венцов вырезано вокруг бутханы — как бут чудеса совершал, как являлся в разных образах: первый — в образе человека, второй — человек, но с хоботом слоновым, третий — человек, а лик обезьяний, четвертый — наполовину человек, наполовину лютый зверь, являлся все с хвостом. А вырезан на камне, а хвост с сажень, через него переброшен.

На праздник бута съезжается к той бутхане вся страна Индийская. Да у бутханы бреются старые и молодые, женщины и девочки. А сбривают на себе все волосы, бреют и бороды, и головы. И идут к бутхане. С каждой головы берут по две шешкени* для бута, а с коней — по четыре футы. А съезжается к бутхане всего людей (двадцать тысяч лакхов, а бывает время и сто тысяч лакхов).

В бутхане же бут вырезан из камня черного, огромный, да хвост его через него перекинут, а руку правую поднял высоко и простер, как Юстиниан, царь цареградский, а в левой руке у бута копьё. На нем не надето ничего, только бедра повязкой обернуты, а лик обезьяний. А иные буты совсем нагие, ничего на них не надето (срам не прикрыт), и жены бутовы нагими вырезаны, со срамом и с детьми. А перед бутом — бык огромный, из черного камня вырезан и весь позолочен. И целуют его в копыто, и сыплют на него цветы. И на бута сыплют цветы.

Индусы же не едят никакого мяса, тпт говядины, ни баранины, ни курятины, ни рыбы, ни свинины, хотя свиней у них очень много. Едят же днем два раза, а ночью

не едят, и ни вина, ни сыты* не пьют. А с бесерменами не пьют, не едят. А еда у них плохая. И друг с другом не пьют, не едят, даже с женой. А едят они рис, да кхич-ри с маслом, да травы разные едят, да варят их с маслом да с молоком, а едят все правой рукой, а левою не берут ничего. Ножа и ложки не знают. А в пути, чтобы кашу варить, каждый носит котелок. А от бесермен отворачиваются: не посмотрел бы кто из них в котелок или на кушанье. А если посмотрит бесерменин, — ту еду не едят. Потому едят, накрывшись платком, чтобы никто не видел.

А молятся они на восток, как русские. Обе руки подымут высоко да кладут на темя, да ложатся ниц на землю, весь вытянется на земле — то их поклоны. А есть садятся — руки обмывают, да ноги, да и рот полощут. Бутханы же их без дверей, обращены на восток, и буты стоят лицом на восток. А кто у них умрет, тех сжигают да пепел сыплют в реку. А когда дитя родится, принимает муж, и имя сыну дает отец, а мать — дочери. Добронравия у них нет, и стыда не знают. А когда придет кто или уходит, кланяется по-монашески, обеими руками земли касается, и все молча.

В Парват, к своему буту, ездят на Великий пост. Тут их Иерусалим; что для бесермен Мекка, для русских — Иерусалим, то для индусов Парват. И съезжаются все нагие, только повязка на бедрах, и женщины все нагие, только фата на бедрах, а другие все в фатах, да на шее жемчугу много, да яхонтов, да на руках браслеты и перстни золотые. (Ей-богу!) А внутрь, к бутхане, едут на быках, рога у каждого быка окованы медью, да на шее триста колокольцев и копыта медью подкованы. И быков они называют ачче.

Индусы быка называют отцом, а корову — матерью. На помете их пекут хлеб и кушанья варят, а той золой знаки на лице, на лбу и по всему телу делают. В воскресенье и в понедельник едят они один раз на дню. В Индии же (гулящих женщин много, и потому они дешевые: если имеешь с ней тесную связь, дай два жителя; хочешь свои деньги на ветер пустить — дьяй шесть жителей. Так в сих местах заведено. А рабыни-наложницы дешевы: 4фуны — хороша, 5 фун — хороша и черна; черная-пречерная амь-чюкь маленькая, хороша).

Из Парвата приехал я в Бидар за пятнадцать дней до

бесерменского улу байрама . А когда Пасха, праздник воскресения Христова, не знаю; по приметам гадаю — наступает Пасха раньше бесерменского байрама на девять или десять дней. А со мной нет ничего, ни одной книги; книги взял с собой на Руси, да когда меня пограбили, пропали книги, и не соблюсти мне обрядов веры христианской. Праздников христианских— ни Пягatr ни Рождества Христова — не соблюдаю, по средам и пятницам не пошусь. И живя среди иноверных (молю я Бога, пусть он сохранит меня: «Господи Боже, Боже истинный, ты Бог, Бог великий, Бог милосердный, Бог милостивый, всемилостивейший и всемилосерднейший ты, Господи Боже). Бог един, то царь славы, творец неба и земли»).

А иду я на Русь (с думой: погибла вера моя, постился я бесерменским постом). Месяц март прошел, начал я пост с бесерменами в воскресенье, постился месяц, ни мяса не ел, ничего скоромного, никакой еды бесерменской не принимал, а ел хлеб да воду два раза на дню (с женщиной не ложился я). И молился я Христу вседержителю, кто сотворил небо и землю, а иного бога именем не призывал. (Господи Боже, Бог милостивый, Бог милосердный, Бог Господь, Бог великий), Бог царь славы (Бог зиждитель, Бог всемилостивейший, — это все Ты, о Господи).

От Ормуза морем идти до Калхата десять дней, а от Калхата до Дега шесть дней и от Дега до Маската шесть дней, а от Маската до Гуджарата десять дней, от Гуджарата до Камбея четыре дня, а от Камбея до Чаула двенадцать дней, и от Чаула до Дабхола шесть дней. Дабхол же в Индостане пристань последняя бесерменская. А от Дабхола до Кожикоде двадцать пять дней пути, а от Кожикоде до Цейлона пятнадцать дней, а от Цейлона до Шабата месяц идти, а от Шабата до Пегу двадцать дней, а от Пегу до Южного Китая месяц идти — морем весь тот путь. А от Южного Китая до Северного идти сухим путем шесть месяцев, а морем четыре дня идти. (Да устроит мне Господь крышу над головой.)

Ормуз — пристань большая, со всего света лпди тут бывают, всякий товар тут есть; что в делом свете родится, то в Ормузе все есть. Пошлина же большая: со всякого товара десятую часть берут.

Камбей — пристань всего Индийского моря. Делают тут на продажу алачи да пестряди, да киндяки, да делают тут краску синюю, да родится тут лак, да сердолик, да соль.

Дабхол — тоже пристань весьма большая, привозят сюда коней из Египта, из Аравии, из Хорасана, из Туркестана, из Бендер-Ормуза; отсюда ходят сухим путем до Бидара и до Гулбарги месяц.

И Кожикодде — пристань всего Индийского моря. Пройти мимо нее не дай бог никакому судну: кто ее пропустит, тот дальше по морю благополучно не пройдет. А родится там перец, да имбирь, да цветы муската, да орех мускатный, да каланфур — корица, да гвоздика, коренья пряные, да адряк, да всякого коренья родится там много. И все тут дешево. (А рабы и рабыни многочисленны, хорошие и черные.)

А Цейлон — пристань немалая на Индийском море, и там на горе высокой лежит праотец Адам. А около горы добывают драгоценные камни: рубины, да фатисы*, да агаты, да бинчай, да хрусталь, да сумбаду*. Слоны там рождаются, и цену им по росту дают, а гвоздику на вес продают.

А Шабатская пристань на Индийском море весьма большая. Хорасанцам платят там жалованье по тенке на день, и большому и малому. А женится хорасанец, ему князь шабатский дает тысячу тенек на жертву да жалованья каждый месяц по пятьдесят тенек дает. В Шабате родится шелк, да сандал, да жемчуг, — и все дешево.

А Пегу тоже пристань немалая. Живут там индийские дервиши*, а рождаются там драгоценные камни: ма** ник, да яхонт, да кирпук, и продают те камни дервиши.

Китайская же пристань весьма велика. Делают там фарфор и продают его на вес, дешево. А жены их со своими мужьями спят днем, а ночью ходят к приезжим чужестранцам да спят с ними, и дают они чужестранцам деньги на содержание, да приносят с собой кушанья сладкие, да вино сладкое, да кормят и поят купцов, чтобы их любили, а любят купцов, людей белых, потому что люди их страны очень черны. А зачнет жена от купца дитя, то купцу деньги на содержание муж дает. А родится дитя белое, тогда купцу

платят триста тенек, а черное дитя родится, тогда купцу ничего не платят, а что тпгтт да ел, то (даром по их обычаю).

Шабат же от Бидара в трех месяцах пути; а от Дабхо-ла до Шабата— два месяца морем идти, а до Южного Китая от Бидара четыре месяца морем идти, делают там фарфор, да все дешево.

А до Цейлона идти морем два месяца, а до Кожикоде месяц идти.

В Шабате же родится шелк, да инчи — жемчуг скатный, да сандал; слонам цену по росту дают. На Цейлоне рождаются аммоны*, да рубины, да фатисы, да хрусталь, да агаты. В Кожикоде родится перец, да мускатный орех, да гвоздика, да плод фуфал, да цветы муската. В Гуджарате родится краска да лак, а в Камбее — сердолик.

В Райчуре же рождаются алмазы (старой копи и новой копи). Алмаз продают по пять рублей почка*, а очень хорошего — по десять рублей. Почка алмаза новой копи (по пять кени, черного — по четыре — шесть кени, а белого алмаза — одна тенка). Алмазы рождаются в горе каменной, и платят за локоть той горы каменной: новой копи — по две тысячи фунтов золотых, а старой копи — по десять тысяч фунтов. А землей той владеет Мелик-хан, султану служит. А от Бидара тридцать ковов.

А что евреи говорят, что жители Шабата их веры, то неправда: они не евреи, не бесермены, не христиане, иная у них вера, индийская, ни с иудеями, ни с бесерменами не пьют, не едят и мяса никакого не едят. Все в Шабате дешево. Родится там шелк да сахар, и все очень дешево. По лесу у них мамоны ходят да обезьяны, да по дорогам на людей нападают, так что из-за мамонов да обезьян у них ночью по дорогам ездить не смеют.

От Шабата посуху десять месяцев идти, а морем — четыре месяца (нрзб.). У оленей домашних режут пупки — в них мускус родится, а дикие олени пупки роняют по полю и по лесу, но залах они теряют, да и мускус тот не свежий бывает.

Месяца мая в первый день отметил я Пасху в Индостане, в Бидаре бесерменском, а бесермены праздновали байрам в середине месяца; а поститься я начал месяца апреля в первый день. О благоверные христиане русские! Кто по многим землям плавает, тот во многие беды попадает и веру христианскую теряет. Я же, рабище Божий Афанасий, исстрадался по вере христианской. Уже прошло четыре Великих поста и четыре Пасхи прошли, а я, грешный, не знаю, когда Пасха или пост, ни Рождества Христова не соблюдаю, ни других праздников, ни среды, ни пятницы не соблюдаю: книг у меня нет. Когда меня пограбили, книги у меня взяли. И я от многих бед пошел в Индию, потому что на Русь мне идти было не с чем, не осталось у меня никакого товара. Первую Пасху праздновал я в Каине, а другую Пасху в Чапакуре в Мазандаранской земле, третью Пасху — в Ормузе, четвертую Пасху в Индии, среди бесермен, в Бидаре, и тут много печалился по вере христианской.

Бесерменин же Мелик сильно понуждал меня принять веру бесерменскую. Я же ему сказал: «Господин! Ты молитву совершаешь и я также молитву совершаю. Ты молитву пять раз совершаешь, я — три раза. Я — чужестранец, а ты — здешний». Он же мне говорит: «Истинно видно, что ты не бесерменин, но и христианских обычаев не соблюдаешь». И я сильно задумался, и сказал себе: «Горе мне, окаянному, с пути истинного сбился и не знаю уже, по какому пути пойду. Господи, Боже Вседержитель, Творец неба и земли! Не отврати лица от рабшца твоего, ибо в скорби пребываю. Господи! Призри меня и помилуй меня, ибо я создание твое; не дай, Господи, свернуть мне с пути истинного, наставь меня, Господи, на путь правый, ибо в нужде не был я добродетелен перед Тобой, Господи Боже мой, все дни свои во зле прожил. Господь мой (Бог покровитель, Ты, Боже, Господи милостивый, Господь милосердный, милостивый и милосердный. Хвала Богу). Уже прошло четыре Пасхи, как я в бесерменской земле, а христианства я не оставил. Далее Бог ведает, что будет. Господи Боже мой, на Тебя уповал, спаси меня, Господи Боже мой».

В Бидаре Великом, в бесерменской Индии, в Великую ночь на Великий день смотрел я, как Плеяды и Орион в зорю вошли, а Большая Медведица головою стояла на восток.

На байрам бесерменский совершил султан торжественный выезд: с ним двадцать везиров великих выехало да триста слонов, наряженных в булатные доспехи, с башенками, да и башенки окованы. В башенках по шесть человек в доспехах с пушками и пищалями, а на больших слонах по двенадцать человек. И на каждом слоне по два знамени больших, а к бивням привязаны большие мечи весом по кентарю, а на шее — огромные железные гири. А между ушей сидит человек в доспехах с большим железным крюком — им слона направляет. Да тысяча коней верховых в золотой сбруе, да сто верблюдов с барабанами, да трубачей триста, да плясунов триста, да триста наложниц. На султанине кафтан весь яхонтами унизан, да шапка-шишак с огромным алмазом, да саадак золотой с яхонтами, да три сабли на нем все в золоте, да седло золотое, да сбруя золотая, все в золоте. Перед ним кафир бежит вприпрыжку, теремцом поводит, а за ним пеших много. Позади идет злой слон, весь в камку наряжен, людей отгоняет, большая железная цепь у него в хоботе, отгоняет ею коней и людей, чтоб к султану не подступали близко.

А брат султанины сидит на золотых носилках, над ним балдахин бархатный, а маковка — золотая с яхонтами, и несут его двадцать человек.

А махдум сидит на золотых же носилках, а балдахин над ним шелковый с золотой маковкой, и везут его четыре коня в золотой сбруе. Да около него людей великое множество, да перед ним певцы идут и плясунов много; и все с обнаженными мечами да саблями, со щитами, дротиками да копьями, с прямыми луками большими. И кони все в доспехах, с саадаками. А остальные люди нагие все, только повязка на бедрах, срам прикрыт.

В Бидаре луна полная стоит три дня. В Бидаре сладкого овоща нет. В Индостане большой жары нет. Очень жарко в Ормузе и на Бахрейне, где жемчуг рождается, да в Джидде, да в Баку, да в Египте, да в Аравии, да в Ларе. А в Хорасанской земле жарко, да не так. Очень жарко в Чаготае. В Ширазе, да в Йезде, да в Каша не жарко,

но там ветер бывает. А в Гиляне очень душно и парит сильно, да в Шамахе парит сильно; в Багдаде жарко, да в Хумсе и в Дамаске жарко, а в Халебе не так жарко.

В Сивасской округе и в Грузинской земле всего в изобилии. И Турецкая земля всем обильна. И Молдавская земля обильна, и дешево там все съестное. Да и Подольская земля всем обильна. А Русь (Бог да сохранит! Боже, сохрани ее! Господи, храни ее! На этом свете нет страны, подобной ей, хотя эмиры Русской земли несправедливы. Да устроится Русская земля и да будет в ней справедливость! Боже, Боже, Боже, Боже!).

Господи, Боже мой! На Тебя уповал, спаси меня, Господи! Пути не знаю — куда идти мне из Индостана: на Ормуз пойти — из Ормуза на Хорасан пути нет, и на Чаготай пути нет, ни в Багдад пути нет, ни на Бахрейн пути нет, ни на Йезд пути нет, ни в Аравию пути нет. Повсюду усобица князей повыбивала. Мирзу Джехан-шаха убил Узун Хасан-бек, а султана Абу-Саида отравили, Узун Хасан-бек Шираз подчинил, да та земля его не признала, а Мухаммед Ядигар к нему не едет: опасается. А иного пути нет. На Мекку пойти — значит принять веру бесерменскую. Потому, веры ради, христиане и не ходят в Мекку: там в бесерменскую веру обращают. А в Индостане жить — значит издержаться совсем, потому что тут у них все дорого: один я человек, а на харч по два с половиной алтына в день идет, хотя ни вина я не пивал, ни сыты.

Мелик-ат-туджар взял два города индийских, что разбойничали на Индийском море. Семь князей захватил да казну их взял: вьюк яхонтов, вьюк алмазов, да рубинов, да дорогих товаров сто вьюков, а иных товаров его рать без числа взяла. Под городом стоял он два года, и рати с ним было двести тысяч, да сто слонов, да триста верблюдов.

В Бидар мелик-ат-туджар вернулся со своею ратью на курбан байрам, а по-нашему — на Петров день. И султан послал десять везиров встретить его за десять ковов, а в кове — десять верст, и с каждым везиром послал по десять тысяч своей рати да по десять слонов в доспехах.

У мелик-ат-туджара садится за трапезу каждый день по пятьсот человек. С ним вместе за трапезу садятся три

везира, и с каждым везиром по пятьдесят человек, да еще сто его бояр ближних. На конюшне у мелик-ат-туд-жара две тысячи коней да тысячу коней оседланными день и ночь держат наготове, да сто слонов на конюшне. И каждую ночь дворец его охраняют сто человек в доспехах, да двадцать трубачей, да десять человек с барабанами, да десять бубнов больших — бьют в каждый по дтц человека.

Низам-ал-мульк, Мелик-хан да Фатхулла-хан взяли три города больших. А рати с ними было сто тысяч человек да пятьдесят слонов. И захватили они яхонтов без числа, да других драгоценных камней множество. И все те камни, да яхонты, да алмазы скупили от имени мелик-ат-туджара, и он запретил мастерам продавать их купцам, что пришли в Бидар на Успенье.

Султан выезжает на прогулку в четверг и во вторник, и с ним выезжают три везира. Брат султана совершает выезд в понедельник с матерью да с сестрой. И женок две тысячи выезжает на конях да на носилках золоченых, да перед ними ведут сто верховых коней в золотых доспехах. Да пеших множество, да два везира и десять везирей, да пятьдесят слонов в суконных пополах. А на слонах сидит по четыре человека нагих, только повязка на бедрах. И пешие женки наги, носят они за ними воду — пить и умываться, но один у другого воды не пьет.

Мелик-ат-туджар со своей ратью выступил из города Бидара против индусов в день памяти шейха Алаеддина, а по-нашему — на Покров святой Богородицы, и рати с ним вышло пятьдесят тысяч, да султан послал своей рати пятьдесят тысяч, да пошли с ними три везира и с ними еще тридцать тысяч воинов. И пошли с ними сто слонов в доспехах и с башенками, а на каждом слоне по четыре человека с пищалями. Мелик-ат-туджар пошел завоевывать Виджаянагар — великое княжество индийское.

А у князя виджаянагарского триста слонов да сто тысяч рати, а коней у него — пятьдесят тысяч.

Султан выступил из города Бидара на восьмой месяц после Пасхи. С ним выехало двадцать шесть везиров — двадцать бесерменских везиров и шесть везиров индийских. Выступили с султаном двора его рати сто тысяч конных людей, двести тысяч пеших, триста слонов в доспехах и с

башенками да сто лютых зверей на двойных цепях.

А с братом султана вышло двора его сто тысяч конных, да сто тысяч пеших, да сто слонов в доспехах.

А с Мал-ханом вышло двора его двадцать тысяч конных, шестьдесят тысяч пеших, да двадцать слонов в доспехах. А с Бедер-ханом и его братом вышло тридцать тысяч конных, да пеших сто тысяч, да двадцать пять слонов, в доспехах и с башенками. А с Сул-ханом вышло двора его десять тысяч конных, да двадцать тысяч пеших, да десять слонов с башенками. А с Везир-ханом вышло пятнадцать тысяч конных людей, да тридцать тысяч пеших, да пятнадцать слонов в доспехах. А с Ку-тувал-ханом вышло двора его пятнадцать тысяч конных, да сорок тысяч пеших, да десять слонов. А с каждым везиром вышло по десять тысяч, а с некоторыми и по пятнадцать тысяч конных, а пеших — по двадцать тысяч.

С князем виджаянагарским вышло рати его сорок тысяч конных, а пеших сто тысяч да сорок слонов, в доспехи наряженных, и на них по четыре человека с пищалями.

А с султаном вышло двадцать шесть везиров, и с каждым везиром по десять тысяч конной рати, да пеших по двадцать тысяч, а с иным везиром по пятнадцать тысяч конных людей и по тридцать тысяч пеших. А великих индийских везиров четыре, а с ними вышло конной рати сорок тысяч да сто тысяч пеших. И разгневался султан на индусов, что мало людей с ними вышло, и прибавил еще пеших двадцать тысяч, да две тысячи конных, да двадцать слонов. Такова сила султана индийского, бесерменского. (Мухаммедова вера годится.) А раст дени худо донот — а правую веру Бог ведает. А правая вера — единого Бога знать и имя его во всяком месте чистом в чистоте призывать.

На пятую Пасху решился я на Русь идти. Вышел из Бидара за месяц до бесерменского улу байрама (по вере Мухаммеда, посланника Божья). А когда Пасха, воскресение Христово, — не знаю, постился с бесерменами в их пост, с ними и разговелся, а Пасху отметил в Гулбарге, от Бидара в десяти ковах.

Султан пришел в Гулбаргу с мелик-ат-туджаром и с ратью своей на пятнадцатый день после улу байрама. Война им не удалась — один город взяли индийский, а людей много

у них погибло и казны много поистратили.

А индийский великий князь могуществен и рати у него много. Крепость его на горе, и стольный город его Виджаянагар очень велик. Три рва у города, да река через него течет. По одну сторону города густые джунгли, а с другой стороны долина подходит — удивительное место, для всего пригодное. Та сторона не проходима — путь через город идет; ни с какой стороны город не взять; гора там огромная да й седьм за то возьмеем. Яла рать под городом месяц, и люди гибли от жажды, и очень много людей поумирало от голода да от жажды. Смотрели на воду, да не подойти к ней.

Ходжа мелик-ат-туджар взял другой город индийский, силой взял, день и ночь бился с городом, двадцать дней рать ни пила, ни ела, под городом с пушками стояла. И рати его погибло пять тысяч лучших воинов. А взял город — вырезали двадцать тысяч мужского полу и женского, а двадцать тысяч — и взрослых, и малых — в плен взяли. Продавали пленных по десять тенек за голову, а иных и по пять, а детей — по две тенки. Казны же совсем не взяли. И стольного города он не взял.

Из Гулбарги пошел я в Каллур. В Каллуре родится сердолик, и тут его обрабатывают, и отсюда по всему свету развозят.

В Каллуре триста алмазников живут (оружье украшают). Пробыл я тут пять месяцев и пошел оттуда в Коилконду. Там базар очень большой. А оттуда пошел в Гулбаргу, а из Гулбарги к Аланду. А от Ала яда пошел в Амендрие, а из Амендрие — к Нарясу, а из Наряса — в Сури, а из Сури пошел к Дабхолу — пристани моря Индийского.

Большой город Дабхол — съезжаются сюда и с Индийского и с Эфиопского поморья. Тут я, окаянный Афанасий, рабще Бога вышнего, творца неба и земли, призадумался о вере христианской, и о Христовом крещении, о постах, святыми отцами устроенных, о заповедях апостольских и устремился мыслию на Русь пойти. Взошел в таву и стоворился о плате корабельной — со своей головы до Орму-

за-града два золотых дал. Отплыл я на корабле из Дабхо-ла-града на бесерменский пост, за три месяца до Пасхи.

Плыл я в таве по морю целый месяц, не видя ничего. А на другой месяц увидел горы Эфиопские, и все люди вскричали: «Олло переводигер, олло конькар, бизим баши мудна насинь больмышьти», а по-русски это значит: ♦Боже, Господи, Боже, Боже вышний, Царь Небесный, здесь нам судил Ты погибнуть!»

В той земле Эфиопской были мы пять дней. Божией милостью зла не случилось. Много роздали рису, да перцу, да хлеба эфиопам. И они судна не пограбили.

А оттуда шли двенадцать дней до Маската. В Маскате встретил я шестую Пасху. До Ормуза плыл девять дней, да в Ормузе был двадцать дней. А из Ормуза пошел в Лар, и в Ларе был три дня. От Лара до Шираза шел двенадцать дней, а в Ширазе был семь дней. Из Шираза пошел в Эберку, пятнадцать дней шел, и в Эберку был десять дней. Из Эберку до Йезда шел девять дней, и в Йезде был восемь дней. А из Йезда пошел в Исфахан, пять дней шел, и в Исфахане был шесть дней. А из Исфахана пошел в Кашан, да в Кашане был пять дней. А из Кашана пошел в Кум, а из Кума — в Савэ. А из Савэ пошел в Сольтание, а из Сольтание шел до Тебриза, а из Тебриза пошел в ставку Узун Хасан-бека. В ставке его был десять дней, потому что пути никуда не было. Узун Хасан-бек на турецкого султана послал двора своего сорок тысяч рати. Они Сивас взяли. А Токат взяли да пожгли, и Амасию взяли, да много сел пограбили и пошли войной на караманского правителя.

А из ставки Узун Хасан-бека пошел я в Эрзинджан, а из Эрзинджана пошел в Трабзон.

В Трабзон же пришел на Покров святой Богородицы и присно девы Марии и был в Трабзоне пять дней. Пришел на корабль и сговорился о плате — со своей головы золотой дать до Кафы, а на харч взял я золотой в долг — в Кафе отдать.

И в том Трабзоне субаши и паша много зла мне причинили. Добро мое все велели принести к себе в крепость, на гору, да обыскали все. И что было мелочи хорошей — все выграбили. А искали грамоты, потому что шел я из ставки Узун Хасан-бека.

Божией милостью дошел я до третьего моря — Черного, что по-персидски дарья Стамбульская. С попутным ветром шли морем десять дней и дошли до Воны, и тут встретил нас сильный ветер северный и погнал корабль назад к Трабзону. Из-за ветра сильного, встречного стояли мы пятнадцать дней в Платане. Из Платаны выходили в море дважды, но ветер дул нам навстречу злой, не давал по морю идти. (Боже истинный, Боже покровитель!) Кроме него — иного Бога не знаю.

Море перешли, да занесло нас к Балаклаве, и оттуда пошли в Гурзуф, и стояли мы там пять дней. Божиею милостью пришел я в Кафу за девять дней до Филиппова поста. (Бог творец!)

Милостию Божией прошел я три моря. (Остальное Бог знает, Бог покровитель ведает.) Аминь! (Во имя Господа милостивого, милосердного. Господь велик, Боже благой, Господи благой. Иисус дух Божий, мир тебе. Бог велик. Нет Бога, кроме Господа. Господь промыслитель. Хвала Господу, благодарение Богу всепобеждающему. Во имя Бога милостивого, милосердного. Он Бог, кроме которого нет Бога, знающий все тайное и явное. Он милостивый, милосердный. Он не имеет себе подобных. Нет Бога, кроме Господа. Он царь, святость, мир, хранитель, оценивающий добро и зло, всемогущий, исцеляющий, возвеличивающий, творец, создатель, изобразитель, он разрешитель грехов, каратель, разрешающий все затруднения, питающий, победоносный, всеведущий, карающий, исправляющий, сохраняющий, возвышающий, прощающий, низвергающий, всеслышащий, всевидящий, правый, справедливый, благой.)

КОММЕНТАРИИ

Запись датируется 1474—1475 гг.

Афанасий Никитин путешествовал по Индии в 1471—1474 гг.

Казанский поход князя Юрия Васильевича Дмитровского (брата Ивана III) приходится на 1469 г.

Василий Мамырев (1430—1490) — великокняжеский дьяк, принимавший участие в обороне Москвы во время нашествия хана Ахмата в 1480 г., а в 1485 г. возглавлявший строительство военных укреплений во Владимире.

Дербентское, дарья Хвалисская — Каспийское море, *Индийское, дарья Гундустанская* — Индийский океан, *дарья*

Стамбульская — Черное море. «Дарья» в переводе с персидского означает «море».

Спас святой — тверской собор XII в.

Михаил Борисович — тверской князь (1461—1485); *Владыка Геннадий* — тверской епископ (1461—1477); *Борис Захарьич* — тверской воевода.

Калязинский монастырь — Троицкая обитель, расположенная на Волге в городе Калязине.

Ширванишах — правитель Ширванского государства Фар-рух Ясар (1462—1500).

Ез — приспособление для рыбной ловли.

Тезики — иранские купцы; *кайтаки* — жители Кайтака (район Дагестана). *

Хусейн — Шаусень-имам — погиб в Месопотамии в VII в. Дни его памяти отмечались в июне—июле.

Алтын — старинная русская монета, равная шести деньгам.

Батман — единица измерения веса, равная нескольким пудам.

Радунца — девятый день после Пасхи, день поминовения усопших.

Тава — парусное судно.

Краска — имеются в виду индигоносные растения, из которых добывается краска синего цвета, индиго.

Фатой путешественник называет чалму.

Асад-хан джуннарский служил визирю Махмуду Гавану, носившему титул, означавший в переводе с персидского «повелитель купцов».

Кафарами, т. е. «неверными» в переводе с арабского, Афанасий Никитин называет индусов.

Хорасанцы — жители Хорасана.

Троицын день, празднуемый на 50-й день после Пасхи, приходится на май — июнь. В Индии этот период отмечен муссонными дождями, продолжающимися до сентября.

Кхичри — еда из риса особого приготовления.

Шешни — предположительно корм для лошадей из зеленых листьев дерева.

Житель — медная монета.

Спасов день — 6 августа, *Успенский пост* продолжается с 1 по 15 августа (ст. ст.).

Гундустпанская земля — Индия.

Болван — идол.

Бидар — столица Бахманидского царства, город на северо-западе Индии.

Ков — индийская единица измерения длины, равная десяти километрам.

Камка — парча.

Тать — вор.

Кентарь — единица измерения веса, чуть больше 50 кг.

Шейх Алаеддин — мусульманский святой.

Покров Пресвятой Богородицы — великий православный праздник, приходится на 1 октября (ст. ст.).

Гужук — сова.

Мамоны — мелкие хищники.

Филиппов (Рождественский) пост — с 14 ноября по 25 декабря.

Великий пост начинается за семь недель до Пасхи.

Буты — индийские божества, идолы.

Бутхана — дом идола, храм.

Шешкени — серебряная монета.

Бут... как *Юстиниан, царь царьградский...* — **Афанасий Никитин** описывает статую Шивы, атрибутом которого является трезубец (копье).

Сыта — напиток, приготовленный на меду.

Фуна — золотая монета.

Улу байрам, курбан байрам — исламские религиозные праздники.

Алана, пестрядь — виды ткани.

Фатис — камень, употреблявшийся для изготовления недорогих украшений; *бинчай* — гранат; *сумбада* — корунд.

Тенка (танга) — серебряная монета.

Дервиш — мусульманский нищенствующий аскет-мистик.

Афанасий Никитин называет так буддийских монахов.

Маник, киртук — разновидности названия рубина.

Аммон — драгоценный камень.

Почка — мера веса для драгоценных камней.

Махдум — в переводе с арабского «господин».

Саадак — расшитый чехол для лука и стрел.

Кафа — **Феодосия**, город в Крыму, центр торговли Запада с Востоком.

СКАЗАНИЕ О ДРАКУЛЕ ВОЕВОДЕ

Был в Мунтьянской земле воевода, христианин греческой веры, имя его по-валашски Дракула, а по-нашему — Дьявол. Так жесток и мудр был, что, каково имя, такова была и жизнь его.

Однажды пришли к нему послы от турецкого царя и, войдя, поклонились по своему обычаю, а колпаков своих с голов не сняли. Он же спросил их: «Почему так поступили: пришли к великому государю и такое бесчестие мне нанесли?» Они же отвечали: «Таков обычай, государь, в земле нашей». А он сказал им: «И я хочу закон ваш подтвердить, чтобы следовали ему неуклонно». И приказал прибить колпаки к их головам железными гвоздиками, и отпустил их со словами: «Идите и скажите государю вашему: он привык терпеть от вас такое бесчестие, а мы не привыкли, и пусть не посылает свой обычай блюсти у других государей, которым обычай такой чужд, а в своей стране его соблюдает».

Царь был очень разгневан этим, и пошел на Дракулу войной, и напал на него с великими силами. Дракула же, собрав все войско свое, ударил на турок ночью и перебил множество врагов. Но не смог со своей небольшой ратью одолеть огромного войска и отступил. И стал сам осматривать всех, кто вернулся с ним с поля битвы: кто был ранен в грудь, тому воздавал почести и в витязи того производил, а кто в спину, — того велел сажать на кол, говоря: «Не мужчина ты, а баба!» А когда снова двинулся против турок, то так сказал своим воинам: «Кто о смерти думает, пусть не идет со мной, а здесь остается». Царь же, услышав об этом, повернул назад с великим позором, потеряв без числа воинов, и не посмел

выступить против Дракулы.

И отправил царь к Дракуле посла, требуя от него дани. Дракула же воздал послу тому пышные почести, и показал ему свое богатство, и сказал ему: «Я не только готов платить дань царю, но со всем воинством своим и со всем богатством хочу идти к нему на службу, и как повелит мне, так ему служить буду. И ты передай царю, что, когда пойду к нему, пусть объявит он по всей своей земле, чтобы не чинили зла ни мне, ни людям моим, а я вскоре вслед за тобою пойду к царю, и дань принесу, и сам к нему прибуду». Царь же, услышав все это от посла своего, что хочет Дракула прийти к нему на службу, послу его честь воздал и одарил его богато. И рад был царь, ибо в то время вел войну на востоке. И тотчас послал объявить по всем городам и по всей земле, что, когда пойдет Дракула, никакого зла ему не причинять, а, напротив, встречать его с почетом. Дракула же, собрав все войско, двинулся в путь, и сопровождали его царские приставы, и воздавали ему повсюду почести. Он же, углубившись в Турецкую землю на пять дневных переходов, внезапно повернул назад и начал разорять города и села, и людей множество пленил и перебил, одних — на колья сажал, других рассекал надвое или сжигал, не щадя и грудных младенцев. Ничего не оставил на пути своем, всю землю в пустыню превратил, а всех, что было там, христиан увел и расселил в своей земле. И возвратился восвояси, захватив несметные богатства, а приставов царских отпустил с почестями, напутствуя: «Идите и поведайте царю вашему обо всем, что видели. Сколько сил хватило, послужил ему. И если любя ему моя служба, готов и еще ему так же служить, сколько сил моих станет». Царь же ничего не смог с ним сделать, только себя опозорил.

И так ненавидел Дракула зло в своей земле, что если кто совершит какое-либо преступление, украдет, или ограбит, или обманет — не избегнуть тому смерти. Пусть будет он знатный вельможа, или священник, или монах, или простой человек, пусть он владеет несметными богатствами, все равно не откупится он от смерти. Так грозен был Дракула.

Был в земле его источник и колодец, и сходились к тому колодцу и источнику со всех сторон дороги, и множество людей приходило пить из того колодца родниковую воду, ибо

была она холодна и приятна на вкус. Дракула же возле того колодца, хотя был он в безлюдном месте, поставил большую золотую чару дивной красоты, чтобы всякий, кто захочет пить, пил из той чары и ставил ее на место. И сколько времени прошло — никто не посмел украсть ту чару.

Однажды объявил Дракула по всей земле своей: пусть придут к нему все, кто стар, или немощен, или болен чем, или беден. И собралось к нему бесчисленное множество нищих и бродяг, ожидая от него щедрой милостыни. Он же велел собрать их всех в построенном для того хороме и велел принести им вдоволь еды и вина. Они же пировали и веселились. Дракула же сам к ним пришел и спросил: «Чего еще хотите?» Они же все отвечали: «Это ведомо Богу, государь, и тебе: что тебе Бог внушит». Он же спросил их: «Хотите ли, чтобы сделал я вас счастливыми на этом свете, и ни в чем не будете нуждаться?» Они же, ожидая от него великих благодеяний, закричали разом: «Хотим, государь!» А Дракула приказал запереть хором и зажечь его, и сгорели все те люди. И сказал Дракула боярам своим: «Знайте, почему я сделал так: во-первых, пусть не докучают людям, и не будет нищих в моей земле, а будут все богаты; во-вторых, я и их самих освободил: пусть не страдают они на этом свете от нищеты или болезней».

Пришли как-то к Дракуле два католических монаха из Венгерской земли собирать подаяние. Он же велел развести их порознь, позвал к себе одного из них и, указав на двор, где виднелось множество людей, посаженных на кол или колесованных, спросил: «Хорошо ли я поступил, и кто эти люди, посаженные на колья?» Монах же ответил: «Нет, государь, зло ты творишь, казня без милосердия; должен государь быть милостивым. А те на кольях — мученики!» Призвал Дракула другого и спросил его о том же. Отвечал тот: «Ты, государь, Богом поставлен казнить злодеев и награждать добродетельных. А люди эти творили зло, по делам своим и наказа-

ны». Дракула же, призвав первого монаха, сказал ему: «Зачем же ты вышел из монастыря и из кельи своей и ходишь по великим государям, раз ничего не смыслишь? Сам же сказал, что люди эти — мученики, вот я и хочу тебя тоже мучеником сделать, будешь и ты с тшт? в мучениках». И приказал посадить его на кол, а другому велел дать пятьдесят золотых дукатов, говоря: «Ты мудрый человек». И велел его с почетом довести до рубежа Венгерской земли.

Однажды прибыл из Венгерской земли купец в город Дракулы. И, как принято было у Дракулы, оставил воз свой на городской улице перед домом, а товар свой — на возу, а сам лег спать в доме. И кто-то украл с воза 160 золотых дукатов. Купец, придя к Дракуле, поведал ему о пропаже золота. Дракула же отвечал: «Иди, этой же ночью найдешь свое золото». И приказал по всему городу искать вора, пригрозив: «Если не найдете преступника, весь город погублю». И велел той же ночью положить на воз свое золото и добавить один лишний дукат. Купец же наутро, встав, обнаружил золото и пересчитал его и раз, и другой, все выходило, что один дукат лишний. И, придя к Дракуле, сказал: «Государь, нашел золото, но вот один-дукат не мой — лишний». В это время привели и вора с похищенным золотом. И сказал Дракула купцу: «Иди с миром! Если бы не сказал мне о лишнем дукате, то посадил бы и тебя на кол вместе с этим вором».

Если какая-либо женщина изменит своему мужу, то приказывал Дракула вырезать ей срамное место, и кожу содрать, и привязать ее нагую, а кожу ту повесить на столбе, на базарной площади посреди города. Так же поступали и с девицами, не сохранившими девственности, и с вдовами, а иным груди отрезали, а другим сдирали кожу со срамных мест, или, раскалив железный прут, вонзали его в срамное место, так что выходил он через рот. И в таком виде, нагая, стояла женщина, привязанная к столбу, пока не истлеет плоть и не распадутся кости или не расклюют ее птицы.

Однажды ехал Дракула по дороге и увидел на некоем бедняке ветхую и разодранную рубашку и спросил его: «Есть ли у тебя жена?» — «Да, государь», — отвечал тот.

Дракула повелел: «Веди меня в дом свой, хочу на нее посмотреть». И увидел, что жена бедняка молодая и здоровая, и спросил ее мужа: «Разве ты не сеял льна?» Он же отвечал: «Много льна у меня, господин». И показал ему множество льна. И сказал Дракула женщине: «Почему же ленишься ты для мужа своего? Он должен сеять, и пахать, и тебя беречь, а ты должна шить ему нарядные праздничные одежды. А ты и рубашки ему не хочешь сшить, хотя сильна и здорова. Ты виновна, а не муж твой: если бы он не сеял льна, то был бы он виноват». И приказал ей отрубить руки, и труп ее воздеть на кол.

Как-то обедал Дракула среди трупов, посаженных на кол, много их было вокруг стола его. Он же ел среди них и в том находил удовольствие. Но слуга его, подававший ему яства, не мог терпеть трупного смрада и заткнул нос и отвернулся. «Что ты делаешь?» — спросил его Дракула. Тот отвечал: «Государь, не могу вынести этого смрада». Дракула тотчас же велел посадить его на кол, говоря: «Там ты будешь сидеть высоко, и смраду до тебя будет далеко!»

Пришел однажды к Дракуле посол от венгерского короля Матьяша, знатный боярин, родом поляк. И сел Дракула с ним обедать среди трупов. И лежал перед Дракулой толстый и длинный позолоченный кол, и спросил Дракула посла: «Скажи мне: для чего я приготовил такой кол?» Испугался посол тот немало и сказал: «Думается мне, государь, что провинился перед тобой кто-либо из знатных людей и хочешь предать его смерти более почетной, чем других». Дракула же отвечал: «Верно говоришь. Вот ты — великого государя посол, посол королевский, для тебя и приготовил этот кол». Отвечал тот: «Государь, если совершил я что-либо, достойное смерти, — делай как хочешь. Ты судья справедливый — не ты будешь в смерти моей повинен, но я сам». Рассмеялся Дракула и сказал: «Если бы ты не так ответил, быть бы тебе на этом коле». И воздал ему почести, и, одарив, отпустил со словами: «Можешь ходить ты послом от великих государей к великим государям, ибо умеешь с великими государями говорить, а другие пусть и не берутся, а сначала поучатся, как беседовать с великими государями».

Был такой обычай у Дракулы: когда приходил к нему неопытный посол от царя или от короля и не мог ответить на коварные вопросы Дракулы, то сажал он посла на кол, говоря: «Не я виноват в твоей смерти, а либо государь твой, либо ты сам. Если государь твой, зная, что неумышленно ты и неопытен, послал тебя ко мне, многомудрому государю, то твой же государь и убил тебя. Если же ты сам решился идти, неученый, то сам же себя и убил». И так готовил для посла высокий позолоченный кол и сажал его на кол, а государю его посылал грамоту с кем-либо, чтобы впредь не отправлял послом к многомудрому государю глупого и неученого мужа.

Изготовили мастера для Дракулы железные бочки, а он наполнил их золотом и погрузил в реку. А мастеров тех велел казнить, чтобы никто не узнал о его коварстве, кроме тетки его — дьявола .

Однажды пошел на него войной венгерский король Матьяш. Выступил Дракула ему навстречу, сошлись, и сразились, и выдали Дракулу изменники живым в руки противника. Привели Дракулу к королю, и приказал тот бросить его в темницу. И провел он там, в Вышеграде на Дунае, в четырех верстах выше Буды , двенадцать лет. А в Мунтьянской земле король посадил другого воеводу.

Когда же тот воевода умер, послал король к Дракуле в темницу сказать, что если хочет он, как и прежде, быть в Мунтьянской земле воеводой, то пусть примет католическую веру. Если же не согласен он, то так и умрет в темнице. И предпочел Дракула радости суетного мира вечному и бесконечному, и изменил православию, и отступил от истины, и оставил свет, и вверг себя во тьму. Увы, не смог перенести временных тягот заключения, и отдал себя на вечные муки, и оставил нашу православную веру, и принял ложное учение католическое. Король же не только вернул ему Мунтьянское воеводство, но и отдал в жены ему родную сестру, от которой было у Дракулы два сына. Прожил он еще около десяти лет и умер в ложной католической вере.

Рассказывали о нем, что и сидя в темнице не оставил он своих жестоких привычек: ловил мышей или птиц покупал на базаре и мучал их — одних на кол сажал,

другим отрезал голову, а птиц отпускал, выптттыя перья. И научился шить, и кормился этим в темнице.

Когда же король освободил Дракулу из темницы, привели его в Буду, и отвели ему дом в Пеште, что против Буды, но еще не был допущен Дракула к королю. И вот тогда случилось, что некий разбойник забежал во двор к Дракуле и спрятался там. Преследователи же стали искать здесь преступника и нашли его. Тогда Дракула вскочил, схватил свой меч, выбежал из палат, отсек голову приставу, державшему разбойника, а того отпустил. Остальные обратились в бегство и, придя к судье, рассказали ему о случившемся. Судья же с посадниками отправился к королю с жалобой на Дракулу. Послал король к Дракуле, спрашивая: «Зачем же ты совершил такое злодеяние?» Он же отвечал так: «Никакого зла я не совершал, а пристав сам же себя убил: так должен погибнуть всякий, кто, словно разбойник, врывается в дом великого государя. Если бы он пришел ко мне и объявил о произошедшем, то я бы нашел злодея в своем доме и либо выдал его, либо просил бы его помиловать». Рассказали об этом королю. Король же посмеялся и удивился его нраву.

Конец же Дракулы был таков: когда был он уже в Мунтьянской земле, напали на землю его турки и начали ее разорять. Ударил Дракула на турок, и обратились они в бегство. Воины же Дракулы, преследуя их, рубили их беспощадно. Дракула же в радости поскакал на гору, чтобы видеть, как рубят турок, и отъехал от своего войска. Приближенные же приняли его за турка, и один из них ударил его копьем. Дракула, видя, что убивают его свои же, сразил мечом своих убийц, но и его пронзили несколькими копьями, и так был он убит.

Король же взял сестру свою с двумя сыновьями в Венгерскую землю, в Буду. Один сын при короле живет, а другой был у Варданского епископа и при нас умер, а третьего сына, старшего, видели тут же в Буде — бежал он к королю от турецкого царя; еще не будучи женат, прижил этого сына Дракула с одной девкой. Стефан* же молдавский по королевской воле посадил в Мунтьянской земле некоего воеводского сына по имени Влад. Был тот

Влад с юных лет монахом, потом — священником и игуменом, а потом расстригся и сел на воеводство. И женился он на вдове воеводы, правившего некоторое время после Дракулы и убитого Стефаном молдавским, вот на его вдове он и женился. И ныне он воевода в Мунтъянской земле, тот Влад, что был чернец и игумен.

КОММЕНТАРИИ

Мунтъянская земля — Валашское княжество. Мунтения — восточная область территории, расположенной между Карпатами и Дунаем.

Дракула — Влад Цепеш, правитель Валахии в 1456—1462 и 1477 гг.

Матьяш — Матвей Корвин, король Венгрии (1458—1490).

...кроме тезки его — дьявола. — Румынское слово «Е)гас» переводится как дьявол.

Буда — ныне правобережная часть города Будапешта, столицы Венгрии.

Варда — ныне город Орадя в западной Румынии.

Стефан — молдавский князь (1457—1507), талантливый полководец, искусный дипломат.

ЕРМОЛАЙ-ЕРАЗМ
ПОВЕСТЬ О ПЕТРЕ
И ФЕВРОНИИ МУРОМСКИХ
В сокращении

<...> Есть в Русской земле город, называемый Муромом. Как рассказывают, в нем самодержествовал благоверный князь по имени Павел . Искони ненавидящий добро в роде человеческом, дьявол вселился в неприязненного змея, летающего к жене князя того на блуд. И являлся он к ней в своем естественном облике, а людям, приходящим к князю, являлся князем, сидящим с женой своей. В таком наваждении протекло немало времени. Жена этого не таила и рассказала обо всем князю, мужу своему. Змей же неприязненный насилие творил над ней.

Князь думал и не мог придумать, что ему сделать со змеем. И сказал он жене: «Я не могу придумать, что мне сделать с неприязненным змеем. Не знаю я, как его умертвить. Если будет он с тобой говорить, то исхитрись и спроси его об этом: знает ли он, неприязненный, отчего ему умереть. Если узнаешь об этом и нам расскажешь, то освободишься не только в нынешний век от злого его дыхания, и шипения, и распутства, о чем стыдно и говорить, но и в будущий век сделаешь своим нелицемерным судьей милостивого Христа». Жена твердо приняла в сердце слова мужа своего и решила: «Хорошо, так и будет».

Однажды пришел к ней неприязненный змей. Она же, хорошо помня слова своего мужа, начала змею многие льстивые слова говорить и в конце с почтением спросила его, похвалив: «Многое на свете ты знаешь, а знаешь ли ты о своей кончине, какова она будет и от чего?» Он же, неприязненный прельститель, был сам обманут, прельщенный верною женой, и не побоялся ей свою тайну поведать: «Смерть моя от Петрова плеча, от Агрико- ва меча». Жена, услышав ту речь, в сердце это твердо сохранила, и когда неприязненный змей

ушел от нее, она рассказала князю, мужу своему, о том, что сказал ей змей. Услышав это, князь не мог понять, что означают слова: «Смерть от Петрова плеча, от Агрикова меча».

Был у него родной брат, по имени князь Петр. Однажды призвал он его к себе и поведал ему речи змея, что говорил тот жене его. Князь же Петр, услышав от брата своего, что змей назвал причиной смерти своей тезоименитого ему человека, не сомневаясь в своем мужестве, стал думать, как ему убить змея. Но только одно сомнение было у него: не знал он, где Агриков меч.

Имел Петр обыкновение ходить по церквам, уединяясь. За городом была в женском монастыре церковь Воздвижения честного и животворящего креста. Туда пришел Петр один помолиться. Там явился ему отрок и сказал: «Князь, хочешь я покажу тебе Агриков меч?» Князь, хотя желание свое осуществить, сказал: «Покажи, где он?» Отрок ответил: «Иди за мной». И показал ему в алтарной стене в нише между двумя глиняными плитами лежащий меч. Благоверный же князь Петр взял тот меч, пошел и рассказал об этом брату своему. И с этого дня стал выжидать подходящее время, чтобы убить змея.

Каждый день ходил он к брату своему и снохе своей на поклон. Случилось ему прийти в хоромы к брату своему, а затем сей же час пошел к снохе своей в другой покой и увидел сидящего у нее брата своего. Когда он от нее вышел, то, встретив одного из слуг брата, спросил: «Вышел я от брата моего к снохе моей, оставив брата в своих хоромых. Нисколько не медлив, я быстро пришел в покой снохи моей, и не знаю и удивляюсь, как брат мой вперед меня очутился в покое снохи моей? » Тот человек ответил Петру: «Никуда, господин, после твоего ухода брат твой не выходил из хором своих!» Петр понял тогда, что это было пронырство лукавого змея. Он пришел к брату и спросил: «Когда сюда пришел? Я ведь от тебя из этих хором вышел, и, нигде не задерживаясь, пришел в покой к жене твоей, и увидел тебя там с нею сидящим, и удивился, как ты прежде меня там очутился. Пришел снова к тебе, вновь нигде не задержавшись, ты же, не знаю как, меня обогнал и раньше меня здесь очутился». Павел же

сказал: «Я, брат, никуда из хором этих после твоего ухода не выходил и у жены своей не был». Князь Петр на это сказал: «Вот оно, брат, пронырство лукавого змея: он мне тобою является. Если я хотел бы его убить, то не посмел бы, думая, что это мой брат. Теперь же ты, брат, никуда отсюда не выходи. Я же туда пойду бороться со змеем и с Божьей помощью постараюсь его лукавого убить».

И взяв Агриков меч, пришел в покой к снохе своей. Там увидел он змея в облике брата своего и, твердо убедившись, что это не брат его, а прельститель змей, ударил его мечом. И явился змей в своем подлинном облике, и стал извиваться, и издох, обагрив блаженного князя Петра кровью своею. Петр же от неприязненной той крови покрылся струпами и язвами и заболел он тяжелой болезнью. И искал он в своем владении исцеления у многих врачей, и ни от одного не мог его получить.

Слышал Петр, что много есть врачей в Рязанской земле, и приказал он себя туда повезти, ибо сам он не мог сидеть на коне из-за великой своей болезни. Привезли его в пределы Рязанской земли, и послал он сановников своих искать врачей.

Один из предстоящих ему юношей уклонился в село Ласково. И пришел он к воротам одного дома, и не увидел там никого. Вошел он в дом, и там его никто не встретил. Он вошел внутрь дома и увидел чудное виденье: внутри сидела одна девица, ткала полотно, а перед ней прыгал заяц.

И промолвила девица: «Не хорошо быть дому без ушей и без очей!» Юноша же не понял тех слов и спросил девицу: «Где находится мужчина, который здесь живет?» Она же ответила: «Отец и мать мои пошли взаимы плакать. Брат же мой ушел через ноги в глаза смерти смотреть».

Юноша тот не понял слов ее и удивлялся, видя и слыша столь чудные вещи, и спросил он девицу: «Когда вошел я к тебе, то увидел тебя занятую делом и зайца перед тобой скачущего, а потом услышал из уст твоих странные слова, и не понял я, о чем ты говоришь. Сначала ты сказала: «Не хорошо быть дому без ушей и без очей». Про отца же своего и мать сказала, что пошли они взаимы плакать, а о брате своем — что пошел он через ноги в глаза смерти смотреть. И ни единого слова твоего я не понял».

Она же ответила ему: «Ты этого не понимаешь? Придя в дом сей и войдя в горницу мою, увидел ты меня в будничной одежде. Если бы был в доме нашем пес, то он, почуяв тебя, к дому подходящего, залаял бы на тебя: это уши дому. А если бы был в горнице моей ребенок, то, увидев тебя, к дому подходящего, сказал бы мне: это — очи дому. А когда сказала тебе про отца и про мать, что отец мой и мать пошли взаимы плакать, то это значит, что пошли они на похороны и там плачут. Когда же они сами умрут, то другие станут плакать по ним — это и есть заемный плач. Про брата же тебе сказала, потому что отец мой и брат древолазцы-бортники, собирают в лесу с деревьев мед. Теперь брат мой ушел на это дело, и когда он влезет высоко на дерево и через ноги с высоты посмотрит вниз, то подумает, как бы ему не сорваться с высоты. Если же кто сорвется, тот жизни лишится. Поэтому и сказала я, что пошел он через ноги в глаза смерти смотреть».

Промолвил ей юноша: «Вижу, девица, что ты мудра. Скажи мне имя свое». Она ответила: «Имя мое Феврония». Тот юноша сказал ей: «Я служу муромскому князю Петру. Князь мой тяжело болен, покрыт язвами. Покрыли его струны от крови неприязненного летающего змея, которого он своею рукой убил. От своей болезни искал он исцеления у многих врачей, и ни у одного не получил его. За тем и сюда велел привезти себя, поскольку слышал, что здесь много врачей. Но мы их не знаем, ни как их зовут, ни домов их, ни где они живут, и потому спрашиваем о них». Она же ответила: «Тот, кто потребует князя твоего к себе, может вылечить его». Юноша сказал: «Что ты говоришь? Кто может требовать князя моего к себе! Кто его вылечит, тому князь мой даст большое богатство. Но скажи мне имя того врача, кто он и где жилище его». Дева же ответила: «Приведи князя своего сюда. Ежели будет он мягкосердечен и смиренен в ответах, то станет здоровым!» Юноша быстро возвратился к князю своему и рассказал ему обо всем подробно, что видел и что слышал.

Благоверный же князь Петр сказал: «Везите меня к той девице». И привезли его в дом тот, где жила девица. И послал князь отроков своих, говоря: «Скажи мне, девица, кто хочет меня вылечить? Пусть он вылечит меня».

и возьмет богатства много*. Она же, не боясь, ответила: «Я хочу его вылечить, но богатства от него не требую. У меня к нему таково слово: если не стану его женой, то нет смысла мне лечить его». И пришел человек тот и поведал князю своему о том, что сказала девица.

Князь же Петр пренебрег словами ее, подумав: -«Как мне, князю, взять в жены дочь древолазца!» И, послав к ней, сказал: «Передай ей: каково ее врачевание — пусть лечит. Если вылечит, возьму ее себе в жены». Пришедшие передали ей те слова. Она же, взяв небольшой сосуд, зачерпнула хлебной закваски, подула на нее и сказала: «Приготовьте князю вашему баню, и пусть он смажет этим струны и язвы на теле своем. А один струп пусть оставит несмазанным. И будет он здоров!»

И принесли князю эту мазь. И приказал он приготовить баню. Девицу же захотел проверить, так ли она мудра, как слышал он от юноши своего. С одним из слуг своих послал он ей пучок льну и сказал: «Эта девица хочет быть моей женой благодаря своей мудрости. Если она мудра, то пусть из этого льну сделает мне рубашку, штаны и полотенце за то время, которое я буду находиться в бане». Слуга принес ей пучок льну, подал ей и сказал княжеские слова. Она же сказала слуге: «Влезь на печку нашу, и сними с шестка поленце, и принеси его сюда». Послушав ее, слуга принес поленце. Она же, отмерив его пядью, сказала: «Отруби здесь это поленце». Слуга отрубил. Она сказала ему: «Возьми этот обрубок от полена, и пойдя дай его князю своему, и скажи ему от меня: в то время, в какое я этот пучок льну расчешу, пусть князь твой сделает из этой щепки ткацкий станок и все устройство, на котором я смогу соткать полотно». Слуга принес князю обрубок от полена и передал слова девицы. Князь же ответил: «Иди и скажи девице, что невозможно из столь малой деревяшки в столь короткий срок такое устройство сделать!» Слуга, придя, передал ей княжескую речь. Девица ответила: «А разве возможно взрослому мужчине из одного пучка льну за то короткое время, пока он будет находиться в бане, сделать сорочку, штаны и полотенце?» Слуга ушел и все передал князю. Князь же подивился ответу ее.

И через некоторое время пошел князь Петр в баню мыться и по повелению девицы помазал язвы и струны

свои мазью. А один струп оставил он, по повелению девицы, непомазанным. Вышел он из бани и не почувствовал своей болезни. Утром увидел свое тело здоровым и чистым, остался только один струп, не помазанный им по повелению девицы. И подивился он своему быстрому исцелению. Но не захотел он взять девицу себе в жены из-за ее происхождения и послал ей подарки. Она же их не приняла.

Князь Петр поехал в отчину свою, город Муром, здоровым. Оставался на теле его только один струп, не помазанный по повелению девицы. И от этого струпа начали снова струны по телу его расходиться, с того самого момента, как поехал он в отчину свою. И вновь тело его, как и прежде, покрылось многими струнами и язвами.

И вновь возвратился князь на исцеление к той девице. И когда он подошел к дому ее, то со стыдом послал к ней и просил вылечить его. Она же, нисколько на него не сердись, сказала: «Если князь будет моим мужем, то будет исцелен». Он же дал ей твердое слово, что возьмет ее в жены. Она же вновь, как и прежде, то же снадобье дала ему и предписала. Он же, вскоре исцеление получив, взял ее себе в жены. Вот по такой причине и стала Феврония княгиней.

Пришли супруги в отчину свою, город Муром, и жили там в благочестии, соблюдая все Божии заповеди.

Немного времени спустя прежде упомянутый князь Павел отходит от жизни сей. Благоверный же князь Петр после смерти брата своего становится единым самодержцем града своего.

Княгиню же его Февронию бояре не любили по наущению своих жен, поскольку не была она княгиней по происхождению, Бог же прославлял ее за добродетельную жизнь.

Однажды один из слуг пришел к благоверному князю Петру и стал наговаривать на княгиню: «Из-за стола, говорит, она бесчинно выходит. Прежде чем встать, она собирает крошки в руку свою, словно голодная!» Благоверный же князь Петр, желая ее проверить, повелел ей обедать с ним за одним столом. И когда обед закончился, княгиня, по обыкновению, собрала хлебные крошки в руку свою. Князь Петр взял ее за руку, разжал ей пальцы и увидал внутри благовонный Ливан и фимиам". И с этого дня прекратил ее проверять.

Но через некоторое время пришли к нему с яростью бояре и стали говорить: «Все мы, князь, хотим верно служить тебе и самодержцем тебя иметь, но не хотим, чтобы княгиня Феврония над женами нашими господствовала. Если хочешь ты быть самодержцем, то избери себе другую княгиню, Феврония же, взяв себе достаточно богатства, пусть идет, куда хочет!» Блаженный же Петр, как обычно, без всякой ярости, со смирением ответил: «Скажите обо всем Февронии и послушаем, что она скажет».

Неистовые же бояре, исполнившись бесстыдства, задумали устроить пир. Что и сделали. И когда все развеселились, раздались их бесстыжие голоса, словно псы лающие, желали они отнять у святой Божий дар, с которым Бог обещал ей быть неразлучной и после смерти. И говорили они ей: «Госпожа княгиня Феврония! Весь город и бояре говорят тебе: отдай нам то, что мы у тебя просим!» Она же им отвечала: «Возьмите то, что просите!» Они же единодушно воскликнули: «Мы, госпожа, все хотим князя Петра, пусть он нами правит. Тебя же жены тяти не хотят, не хотят, чтобы ты господствовала тяд ними. Взяв достаточно себе богатства, иди, куда хочешь!» Отвечала им она: «Обещала я вам дать то, что вы попросите. Я же вам говорю, дайте и мне то, что я попрошу у вас». Они же, злые, рады были и, не ведая, что будет, поклялись: «Что ты скажешь, то безо всякого прекословия возьмешь». Она же сказала: «Ничего иного, кроме супруга своего Петра, не прошу я у вас!» На это они ответили: «Если сам он захочет, то ничего тебе не скажем». Враг помутил их мысли, и каждый из бояр в уме своем держал, что если не будет князем Петр, то поставят себе другого самодержцем, и каждый из них желал стать им.

Блаженный же князь Петр не возлюбил временного самодержества, а держался Божиих заповедей и их путями шел, как вещает блаженный Матфей в своем благовестовании: «Тот, кто отпустил жену свою из-за слова прелюбодейного и женился на другой, тот прелюбодеяние творит». Сей же блаженный князь по Евангелию поступил и, чтобы Божии заповеди не нарушить, власть свою за ничто посчитал.

Они же, злочестивые бояре, дали Петру и Февронии суда на реке, — текла под городом тем река, называемая

Окой. Они и поплыли по реке в судах. Был на судне у блаженной Февронии некий человек. На том же судне была и его жена. Тот человек, искушаемый лукавым бесом, посмотрел на святую с вожделением. Она же, разгадав злой помысел его, быстро обличила его и сказала: «Зачерпни воды из реки с этой стороны судна». Он почерпнул. И велела она ему выпить. Он выпил. И снова сказала ему: «Зачерпни воды с другой стороны судна». Он почерпнул. И велела ему снова выпить. Он выпил. Она же спросила: «Одинакова ли вода или одна слаще другой?» Он же ответил: «Одинакова, госпожа, вода». Тогда она ему сказала так: «И женское естество одинаково. Зачем же ты, свою жену оставив, думаешь о другой!» Понял тот человек, что есть у нее прозрения дар, и более не смел того помышлять.

С наступлением вечера остановились и расположились на берегу. Блаженный же князь Петр стал думать, что дальше с ними будет, поскольку он добровольно самодержавства лишился. Предивная же Феврония сказала ему: «Не горюй, князь, милостивый Бог, Творец и Помыслитель, не оставит нас в нищете!»

На берегу блаженному князю Петру готовили еду на ужин. И повар его воткнул небольшие палки, на которые повесили котлы. После ужина святая княгиня Феврония пошла по берегу и увидела палки те, благословила их и сказала: «Пусть станут наутро большими деревьями с ветвями и листвой». Что и случилось. Встав наутро, все увидели, что те палки стали большими деревьями с ветвями и листвой.

И когда хотели слуги грузить их имущество с берега на суда, из города Мурома пришли вельможи и стали говорить: «Господин князь! От всех вельмож и от всего города пришли мы к тебе, не оставь нас сиротами и возвращайся на отчий престол. Многие вельможи погибли в городе от меча. Каждый из них хотел править, и сами себя губили. А оставшиеся в живых вместе со всем народом молят тебя, говоря: господин князь, прогневили мы тебя и раздражили, поскольку не хотели, чтобы княгиня Феврония господствовала над нашими женами, ныне же мы, со всеми домами своими, рабы ваши, и хотим вас, любим и молим, не оставьте нас, рабов своих!»

Блаженный же князь Петр и блаженная княгиня Феврония возвратились в город свой. И державствовали в городе том, живя по всем заповедям Божиим без порока, пребывая в непрестанных молитвах, и были они милостивыми ко всем людям, под их властью находящимися, словно чадолюбивые отец и мать. Всех они одинаково любили, не терпели ни гордости, ни притеснений и богатств тленных не берегли, но от Бога богатели. Были они городу своему истинными пастырями, а не наемниками. Правили городом своим истиной и кротостью, а не яростью. Странников принимали, голодных насыщали, нагих одевали, бедных от напастей избавляли.

Когда подошло время их благочестивого преставления, умолили они Бога, чтобы им умереть в одно и то же время. И завещали они положить их обоих в одном гробу. И велели они сделать в одном камне два гроба, имеющих между собою только перегородку. Сами же они одновременно облеклись в монашеские одежды. И назван был блаженный князь Петр во иноческом чине Давидом, преподобная же Феврония названа во иноческом чине Евфросинией.

В то время преподобная и блаженная Феврония, названная Евфросинией, вышивала своими руками для храма Пречистой соборной церкви воздух, на котором были изображены лики святых. Преподобный же и блаженный князь Петр, названный Давидом, прислал к ней, говоря: «О сестра Евфросиния! Хочет уже душа моя отойти от тела, 'но жду только тебя, чтобы вместе умереть». Она же ответила: «Подожди, господин, пока дошью я воздух для церкви святой». Он же вторично послал к ней, говоря: «Немного подожду тебя». И в третий раз прислал он, говоря: «Хочу уже умереть и более не жду тебя!» Она же последние узоры воздуха того святого вышивала, одного только святого риз не вышила; вышив же лицо, прекратила она работу, воткнула иглу свою в воздух и обернула ее ниткой, которой шила. И послала она ко блаженному Петру, названному Давидом, весть об одновременном преставлении. И помолившись, предали они святые свои души в руки Божии месяца июня в 25-й день.

После их смерти хотели люди положить блаженного князя Петра внутри города у соборной церкви Пречистой

Богородицы, Февронию же — вне города в женском монастыре у церкви Воздвижения честного креста, говоря, что в монашеском образе нельзя положить святых в одном гробе. И сделали им отдельные гробы, и положили в них тела: святого Петра, названного Давидом, положили в отдельный гроб и поставили его в церкви Святой Богородицы в городе до утра, тело же святой Февронии, названной Евфросинией, положили в отдельный гроб и поставили вне города в церкви Воздвижения честного и животворящего креста. Общий же гроб, который они повелели сами себе вытесать в одном камне, стоял пустой в том же храме соборной Пречистой церкви, что внутри города. Утром, проснувшись, люди нашли их отдельные гробы, в которые их положили, пустыми. Святые же их тела нашли внутри города в соборной церкви Пречистой Богородицы в едином гробу, который они сами себе велели сделать. Неразумные люди, как при жизни их мятущиеся, так и после честного их преставления, опять переложили их тела в отдельные гробы и снова разнесли. И вновь наутро оказались святые в едином гробу. И после этого уже не смели прикасаться к их святым телам и положили их в едином гробу, в котором они сами велели, у соборной церкви Рождества Пресвятой Богородицы внутри города, что дал Бог на просвещение и спасение городу тому, и те, кто с верою приходят к раке их мощей, неоскудное исцеление принимают.

Мы же, по силе нашей, сложим им хвалу.

Радуйся, Петр, ибо дана была от Бога тебе власть убить летающего свирепого змея! Радуйся, Феврония, ибо в женской голове имела ты мудрость святых мужей! Радуйся, Петр, струны и язвы на теле своем носивший, доблестно скорби претерпевший! Радуйся, Феврония, от Бога имевшая дар в девственной юности недуги целить! Радуйся, славный Петр, заповеди ради Божией добровольно от власти отказавшийся, дабы не оставить супруги своей! Радуйся, дивная Феврония, ибо твоим благоволением в одну ночь небольшие палки выросли деревьями, вознесшими ветви и листья! Радуйтесь, честные головы, ибо в воздержании, в смирении, и молитвах, и милостыни без гордости пожили, потому-то и Христос дал вам благодать, так что и тела ваши после смерти во гробе неразлучно лежат, а ду-

хом вы предстоите перед Владыкой Христом! Радуйтесь, преподобные и преблаженные, после смерти своей исцеление с верой к вам приходящим невидимо подающие!

Молим мы вас, о преблаженные супруги, помолитесь о нас, творящих с верою память вам!

Да помяните и меня, многогрешного, написавшего житие это. Написал о том, что слышал, — не ведая, может быть, и другие о том написали, знающие более меня. Хоть я и грешен и груб, но уповаю на Божии щедроты и благодать и на ваши молитвы ко Христу надеюсь, трудился я мыслями. Хотел вас на земле хвалами почтить. Прославлены вы и венчаны на небесах истинными нетленными венцами от общего всем Владыки Христа. Ему же подобает со безначальным его отцом вместе, и с пресвятыми благими, и животворящим Духом всякая слава, честь и поклонение ныне и всегда и во веки веков. Аминь.

КОММЕНТАРИИ

В летописях муромских князей по имени Павел и Петр не зафиксировано. Существует мнение, что их прототипами были братья-соправители Владимир и Давид Муромские, взошедшие на престол в 1175 г.

Агрик — сказочный персонаж, обладавший чудесным мечом-кладенцом.

Струп — рана, покрытая сухой коркой запекшейся крови.

Ласково — Деревня Ласково находится в Рязанской земле в пяти верстах от Солотчинского монастыря.

Заяц — любимый герой славянского песенного и обрядового фольклора, символ мудрости.

Пядь — мера длины, расстояние между большим и указательным пальцами, растянутыми на плоскости.

Ладан (Ливан) — душистая благовонная смола, употребляемая в богослужении. *Фимиа* — ароматический дым, образующийся при сгорании ладана.

Матфей — один из четырех евангелистов, автор Евангелия от Матфея.

Имя *Давид* в переводе с древнееврейского языка означает «возлюбленный», а греческое имя *Евфросинья* — «радость», «веселие».

Воздух — покров для церковных сосудов.

Главный муромский храм — *Рождественский собор* — был расположен внутри Кремля на Воеводской горе.

ДОМОСТРОЙ

В сокращении

17. КАК ДЕТЕЙ УЧИТЬ И СТРАХОМ СПАСАТЬ

Наказывай сына своего в юности его и упокоит тебя в старости твоей и придаст красоты душе твоей; и не жалея бей ребенка: если прутом посечешь его, не умрет, но здоровее будет, ибо ты, казня его тело, душу его избавляешь от смерти. Если дочери у тебя, направь и на них свою строгость, тем сохранишь их от бед телесных: и ты не посрамишь лица своего, коли в послушании ходит, и не твоя вина, если по глупости нарушит она девство свое и станет известно знакомым твоим, и тогда посрамят тебя перед людьми. Ибо если отдашь дочь свою беспорочной, будто великое дело совершишь и в любом обществе похвалишься, никогда не сердясь на нее. Любя же сына своего, увеличивай ему раны, и потом не нахвалишься им; наказывай сына своего с юности и порадуешься на него потом в зрелости, и среди недоброжелателей сможешь им похвалиться, и позавидуют тебе враги твои. Воспитай дитя в запретах и найдешь в нем покой и благословение; не улыбайся ему, играя: в малом послабишь — в большом пострадаешь скорбя и в будущем будто занозы вгонишь в душу свою. И не дай ему воли в юности, но сокруши ему ребра, пока он растет, и тогда, возмужав, не провинится перед тобой и не станет тебе досадой, и болезнью души и разорением дома, погибелью имущества, и укорижной соседей и насмешкой врагов, и пеней властей, и злою досадой.

20. ПОХВАЛА ЖЕНАМ

Если дарует Бог жену добрую, лучше то камня драгоценного; такая из выгоды не оставит, всегда хорошую жизнь устроит своему мужу. Собрав шерсть и лен, сде-

лай что нужно руками своими, будь как корабль торговый: издалека вбирает в себя богатства и возникает из ночи; и даст она пищу дома и дело служанкам, от плодов своих]эук увеличит достояние намного; препоясав туго чресла* свои, руки свои утвердит на дело и чад своих поучает, как и рабов, и не угаснет светильник ее всю ночь; руки свои протягивает к прялке, а персты ее берутся за веретено, милость обращает на убогого и плоды трудов подает нищим, — не беспокоится о доме муж ее; самые разные одежды расшитые делает мужу своему, и себе, и детям, и домочадцам своим. И потому всегда ее муж соберется с вельможами и сядет, всеми друзьями почтен, и, мудро беседуя, знает, как делать добро, ибо никто без труда не увенчан. Если доброй женою муж благословен, число дней его жизни удвоится, хорошая жена радуется мужа своего и наполнит миром лета его; хорошая жена да будет благою наградою тем, кто боится Бога, ибо жена делает мужа своего добродетельней: во-первых, исполнив Божию заповедь, благословится Богом, а во-вторых, славится и людьми. Жена добрая, и трудолюбивая, и молчаливая — венец своему мужу, коли обрел муж жену свою добрую — только хорошее выносит из дома своего; благословен муж такой жены, и года свои проживут они в добром мире. За хорошую жену похвала мужу и честь.

24. О НЕПРАВЕДНОЙ ЖИЗНИ

А кто не по-Божьи живет, не по-христиански, чинит всякую неправду и насилие, и обиду наносит большую, и долгов не платит, томит волокитой, а незнатного человека во всем избидит, и кто по-соседски не добр или в селе на своих крестьян, или в приказе сидя при власти накладывает тяжкие дани и разные незаконные налоги, или чужую ниву распахал, или лес посек, или землю перепахал, или луг перекошил, или переловил всю рыбу в чужом садке, или борти , или перевесшце и всякие ловчие угодыя неправдою и насилием захватит и ограбит, или покрадет, или уничтожит, или кого в чем ложно обвинит, или кого в чем подведет, или в чем обманет, или ни за что кого-то предаст, или в рабство неповинных лукавством или насилием охолопит, или нечестно судит, или непра-

ведно производит розыск, или ложно свидетельствует, или к раскаявшимся немилостив, или лошадь, и всякое животное, и всякое имущество, и села или сады, или дворы и всякие угодыя силою отнимет, или задешево в неволю купит, или сутяжничеством оттягает или корчемной прибылью, или процентами, и разным лукавым ухищрением, и неправедно скопленным на процентах, поборах или мздах*, и во всяких непотребных делах: в блуде, в распутстве, в сквернословии и срамословии*, и клятвопреступлении, в ярости, и гневе, в злопамятстве, — сам господин или госпожа их творят, или дети их, или люди их, или крестьяне их, а они, господа, в том не возбраняют им и не хранят их от бед и никакой управы не находят на них, — обязательно все вместе будут в аду, а на земле прокляты, ибо во всех тех делах недостойных хозяин такой Богом не прощен и народом проклят, а обиженные им вопиют к Богу. И своей душе на погибель, и дому в запустение, и все проклято, а не благословлено: и владеть, и есть, и пить — то все прибыли и доходы не от Бога, но от бесов; нисходят в ад живые души поступающих так, и милостыня от таковых ни зерном, ни плодом не желанна Богу ни в жизни их, ни после смерти; если хочешь от вечной муки избавиться, отдай неправдой захваченное и впредь обещай обиженному не поступать так со всеми своими, как и написано: «Скор Господь на милость свою, истинно раскаявшихся принимает и даже страшные грехи прощает».

КОММЕНТАРИИ

Чресла — поясница.

Нива — пашня, обработанное поле.

Бортъ — колода для пчел.

Перевесище — место, где развешивались сети для ловли диких птиц.

Корчемная прибыль — прибыль, полученная от содержания корчмы, продажи запрещенных калитков.

Мзда — взятка.

Сквернословие — ругань и брань; *срамословие* — осмеяние святыни.

ПОСЛАНИЕ ИВАНА ГРОЗНОГО В КИРИЛЛО-БЕЛОЗЕРСКИЙ МОНАСТЫРЬ

ПОСЛАНИЕ ЦАРЯ И ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ИОННА ВАСИЛЬЕВИЧА ВСЕЯ РУСИ В КИРИЛЛОВ МОНАСТЫРЬ ИГУМЕНУ КОЗЬМЕ С БРАТИЕЮ ВО ХРИСТЕ

В пречестную обитель Успения Пресвятой и Пречистой Владычицы нашей Богородицы и нашего преподобного и богоносного отца Кирилла-чудотворца, священного христово полка наставнику, проводнику и руководителю на пути в небесные селения, преподобному игумену Козьме* с братиею во Христе царь и великий князь **Иоанн** Васильевич Всея Руси челом бьет.

Увы мне, грешному! Горе мне, окаянному! Ох мне, скверному! Кто я такой, чтобы покушаться на такое величие? Молю вас, господа и отцы, ради Бога, откажитесь от этого замысла. Я и братом вашим называться недостойн, но считайте меня, по евангельскому завету, одним из ваших наемников. И поэтому, припадая к вашим святым ногам, умоляю, ради Бога, откажитесь от этого замысла. Сказано ведь в Писании: «свет инокам— ангелы, свет мирянам — иноки». Так подобает вам, нашим государям, нас, заблудившихся во тьме гордости и находящихся в смертной обители обманчивого тщеславия, чревоугодия и невоздержания, просвещать. А я, пес смердящий, кого могу учить и чему наставлять и чем просветить? Сам вечно в пьянстве, блуде, прелюбодеянии, скверне, убийствах, грабежах, хищениях и ненависти, во всяком злодействе, как говорит великий апостол Павел: «Ты уверен, что ты путеводитель слепым, свет для находящихся во тьме, наставник невеждам, учитель младенцам, имеющий в законе образец знания и истины: как же, уча другого, не учишь себя самого? Проповедуя не красть, крадешь? Говоря «не

прелюбодействуй», прелюбодействуешь; гнуша-

ясь идолов, святотатствуешь; хвалишься законом, а нарушением его досаждаешь Богу?» И опять тот же великий апостол говорит: «Как, проповедуя другим, сам останусь недостойным?» <...>

Вспомните, святые отцы, что писал к некоему монаху великий святитель и епископ Василий Амасийский*, и прочтите там, какого плача и огорчения достойны проступки ваших иноков и послабления им, какую радость и веселье они доставляют врагам и какой плач и скорбь верным! То, что там написано некоему монаху, относится и к вам, и ко всем, которые ушли от великой высоты мирских страстей и богатства в иноческую жизнь, и ко всем, которые воспитались в иночестве. <...>

Видите, как послабление в иноческой жизни достойно плача и скорби? Вы же ради Шереметева и Хабарова* совершили такое послабление и преступили заветы чудотворца. А если мы по Божьему изволению решим у вас постричься, тогда к вам весь царский двор перейдет, а монастыря уже и не будет. Зачем тогда идти в монахи и к чему говорить: «отрекаюсь от мира и всего, что в нем есть», если мир весь в очах? Как в этом святом месте терпеть скорби и всякие напасти со всей братией и быть в повиновении у игумена и в любви и послушании у всей братии, как сказано в иноческом обете? А Шереметеву как назвать вас братиею? Да у него и десятый холоп, который у него в келье живет, ест лучше братии, которая обедает в трапезной. И великие светильники Сергей , и Кирилл', и Варлаам , и Дмитрий , и Пафнутий , и многие преподобные Русской земли установили крепкие уставы иноческой жизни, необходимые для спасения души. А бояре, придя к вам, ввели свои распутные уставы: выходит, что не они у вас постриглись, а вы у них постриглись, не вы им учителя и законодатели, а они вам учителя и законодатели. И если вам устав Шереметева хорош — держите его, а устав Кирилла плох — оставьте его! Сегодня тот боярин один порок введет, завтра другой иное послабление введет, да мало-помалу и весь крепкий монастырский уклад потеряет силу и пойдут мирские обычаи. Ведь во всех монастырях основатели сперва установили крепкие обычаи, а затем их уничтожили распутники. Чудотворец Ки-

рилл был когда-то и в Симонове монастыре*, а после него был там Сергей. Какие там были правила при чудотворце, узнаете, если прочтете его житие, а тот ввел уже некоторые послабления, а другие после него — еще больше; мало-помалу и дошло до того, что сейчас, как вы сами видите, в Симоновом монастыре все, кроме сокровенных рабов господних, только по одеянию иноки, а делается у них все, как у мирских, так же как в Чудовом монастыре, стоящем среди столицы перед тгяттптмтг глазами, — у нас и вас на виду. <...>

Слышал я, что у вас в Кириллове монастыре на праздник были розданы братии свечи не по правилам, а некоторые при этом и служебника обижали. А прежде даже Иоасаф-митрополит не мог уговорить Алексея Айгустова, чтобы тот прибавил нескольких поваров к тому небольшому числу, которое было при чудотворце, даже это не мог установить. Немало и других было в монастыре строгостей, и прежние старцы твердо стояли и настаивали даже на мелочах. А когда мы в юности впервые были в Кирилловом монастыре, как-то опоздали однажды ужинать из-за того, что у вас в Кириллове в летнюю пору не отличить дня от ночи, а также по юношеским привычкам. А в то время помощником келаря был у вас тогда Исаяя Немой. И вот кто-то из тех, кто был приставлен к нашему столу, попросил стерлядей, а Исаяи в то время не было — был он у себя в келье, и они с трудом его привели, и тот, кто был приставлен к нашему столу, спросил его о стерлядях или иной рыбе. А он так ответил: «Об этом, о судари, мне не было приказа; что мне приказали, то я вам и приготовил, а сейчас ночь, взять негде. Государя боюсь, а Бога надо больше бояться». Вот какие у вас тогда были крепкие порядки: «правду говорить и перед царями не стыдился», как сказал пророк. Ради истины праведно и царям возражать, но не ради чего-либо иного. А ныне у вас Шереметев сидит в келье, словно царь, а Хабаров и другие чернецы к нему приходят и едят и пьют, словно в миру. А Шереметев, не то со свадьбы, не то с родин, рассылет по кельям пастилу, коврижки и иные пряные искусные яства, а за монастырем у него двор, а в нем на год всяких запасов. Вы же ему ни слова не скажете против такого ве-

ликого и пагубного нарушения монастырских порядков. Больше и говорить не буду: поверю вашим душам! А то ведь некоторые говорят, будто и вино горячее потихоньку Шереметеву в келью приносили,— так ведь в монастырях зазорно и фряжские вина пить, а не только что горячие. Это ли путь спасения, это ли иноческая жизнь? Неужели вам нечем было кормить Шереметева, что ему пришлось завести особые годовые запасы? Милые мои! До сих пор Кириллов монастырь прокармливал целые области в голодные времена, а теперь, в самое урожайное время, если бы вас Шереметев не прокормил, вы бы все с голоду перемерли. Хорошо ли, чтобы в Кирилловом монастыре завелись такие порядки, которые заводил митрополит Иоасаф, пировавший в Троицком монастыре с клирошанами*, или Мисаил Сукин, живший в Никитском и других монастырях, как вельможа, и как Иона Мотякин и другие многие, не желающие соблюдать монастырские порядки, живут? А Иона Шереметев хочет жить, не подчиняясь правилам, так же как отец его жил. Про отца его хоть можно было сказать, что он неволей, с горя постригся. Да и о таких Лествичник писал: «Видел я насильственно постриженных, которые стали праведнее вольных». Так те ведь невольные! А ведь Иону Шереметева никто взашей не толкал: чего же он бесчинствует?

Но если, может быть, такие поступки у вас считаются приличными, то дело ваше: Бог свидетель, я пишу это только, беспокоясь о нарушении монастырских порядков. <...>

А Хабаров просит меня перевести его в другой монастырь, но я не стану содействовать его скверной жизни. Видно, уж очень надоело! Иноческое житие — не игрушка. Три дня в чернецах, а седьмой монастырь меняет! Пока он был в миру, только и знал, что образа одевать в оклады, переплетать книги в бархат с серебряными застежками и жуками, аналои убирать, жить в затворничестве, кельи ставить, вечно четки в руках носить. А ныне ему с братией вместе есть тяжело! Надо молиться на четках не по скрижалям каменным, а по скрижалям сердец телесных! Я видел — по четкам матерно бранятся! Что в тех четках? Нечего мне писать о Хабарове,— пусть как хочет,

так и дурачится. А что Шереметев говорит, то его болезнь мне известна: так ведь не для всякого же лежебоки нарушать святые правила.

Написал я вам малое из многого ради любви к вам и для укрепления иноческой жизни, вы же это знаете лучше нас. Если же хотите, найдете многое в божественном писании. А мы к вам больше писать не можем, да и нечего писать. Это — конец моего к вам письма. <...>

Да пребудут с вами и снами милость Бога мира и Богородицы и молитвы чудотворца Кирилла. Аминь. А мы вам, мои господа и отцы, челом бьем до земли.

КОММЕНТАРИИ

Козьма — игумен Кирилло-Белозерской обители с 1572 г.

Наемник — работник.

Василий Амасийский — свягценномученик, епископ г. Амасии. Погиб от руки жестокого правителя Ликиния, возненавидевшего священника за то, что он обратил в христианство одну из его служанок и укрывал ее от преследований царя.

Шереметев — Иван Васильевич Большой-Шереметев — политик, военный деятель. В 1564 г. был насильно пострижен в Кирилловом монастыре. Казнен в 1573 г.

Хабаров — Иван Иванович Хабаров — боярин, насильно постриженный в Кирилловом монастыре и казненный по приказу Ивана Грозного. Дата казни неизвестна.

Сергий, Кирилл, Варлаам, Дмитрий, Пафнутий — монахи — основатели монастырей: Сергий Радонежский, Кирилл Белозерский, Дмитрий Прилуцкий, Пафнутий Боровский.

...ы в Симоновом монастыре. — Симонов монастырь находился в Москве на окраине города.

Иоасаф митрополит — Иоасаф Скрипицын (ум. 1555), митрополит московский, писатель, библиофил.

Клирошанин — дьячок, поющий на клиросе.

Лествичник — Иоанн Лествичник — автор книги «Лествица Райская», в которой собраны правила монашеской жизни.

Жуки — выпуклое украшение в серебряном окладе.

Аналой — небольшой стол в церкви, служащий подставкой для Евангелия, креста и икон.

Скрижали — доска, плита с письменами.

СКАЗАНИЕ АВРААМИЯ ПАЛИЦЫНА ОБ ОСАДЕ ТРОИЦЕ-СЕРГИЕВА МОНАСТЫРЯ В сокращении

О ВЫЛАЗКЕ, ОБ ОБНАРУЖЕНИИ ПОДКОПОВ И ОБ ИХ РАЗРУШЕНИИ

Воеводы, князь Григорий Борисович и Алексей*, составив полки для вылазки, пришли в церковь святой живоначальной Троицы к чудотворным образам и приносящим исцеления мощам преподобного отца нашего Сергия чудотворца. И, придя затем к потайным воротам, они приказали выходить по несколько человек и укрываться во рву. В то же время с Пивного двора вышли воеводами старшины туляне Иван Есипов, Сила Марин и Юрий Редриков, переяславец, со своими сотнями и даточными людьми на Луковый огород и на плотину Красного пруда. Также и из Конюшенных ворот вышли со многими знаменами старшины-дворяне: Иван Ходырев, алексинец, Иван Болоховской, владимирец, переяславцы Борис Зубов, Афанасий Редриков и другие сотники с сотнями, а с ними и старцы троицкие во всех полках.

И когда начали они выходить из города за три часа до рассвета, вдруг нашли темные облака, и небо страшно помрачнело, и настала такая тьма, что и человека не было видно. Такое Господь Бог устроил тогда время своими неизреченными судьбами.

Люди же, выйдя из города, приготовились к бою. И вдруг поднялась великая буря и прогнала мрак и темные облака и очистила воздух, и стало светло. И когда трижды ударили в осадные колокола, — ибо так было приказано им дать знак, — Иван Ходырев с товарищами, призвав на помощь святую Троицу и выкрикнув многими голосами как боевой клич Сергиево имя, все

вместе дерзко и мужественно напали на литовских людей. А те, услышав этот боевой клич, тут же смешались и, гонимые Божиим гневом, побежали.

В то же время от Святых ворот пошел против подкопов на литовских людей старшина Иван Внуков с товарищами и со всеми людьми, издав тот же боевой клич, и сбил литовцев и казаков под гору в Нижний монастырь и за мельницу. А Иван Есипов с товарищами своим полком бился с литовцами по Московской дороге от плотины Красного пруда до горы Волкуши. Старцы же Сергиева монастыря ходили с полками, бьющимися с литовцами, и укрепляли людей, чтобы те не ослабевали в делах. И от этого все расхрабрились и бились крепко, говоря друг другу: «Умрем, братья, за веру христианскую!»

И благодатью Божиею нашли тогда устье подкопа. Вскочили тогда в глубь подкопа ради совершаемого дела клементьевские крестьяне Никон, называемый Шилов, да Слота; и, зажегши в подкопе порох с кизяком и смолою, заткнули они устье подкопа и взорвали подкоп. Слота и Никон тут же в подкопе сгорели.

Городские же люди подступали близко к горе Волкуше, к орудиям литовским; но те стреляли из-за туров. Тогда ранили в голову Ивана Есипова и троицких людей прогнали до Нижнего монастыря. Старшина же Иван Внуков, возвратившись со своими людьми от Нижнего монастыря по плотине и по пруду, прогнал литовцев и казаков в Терентьевскую рощу и до горы Волкуши, беспощадно их избивая. Троицкий же слуга Данило Селевин, которого поносили из-за бегства его брата Оськи Селевина, не желая носить на себе изменничье имя, сказал перед всеми людьми: «Хочу за измену брата своего жизнь на смерть променять!» И со своей сотней пошел пешим к колодцу чудотворца Сергия на изменника атамана Чику с его казаками. Данило был сильным и ловким с саблей и посек многих литовских людей, а сверх того и трех вооруженных конников убил. Один литвин ударил Данилу копьем в грудь, но Данило устремился на того литвина и убил его мечом, однако сам от той раны начал сильно слабеть. И его, подхватив, отвели в монастырь, и он преставился во

иноческом образе.

Старшины же Иван Ходырев и Борис Зубов со своими сотнями прогнали литовцев и казаков за мельницу на луг. А Иван Внуков остался в Нижнем монастыре. Атаман же Чика убил Ивана Внукова из самопала. И его отнесли в монастырь. И была среди троицких людей великая скорбь об убитых дворянах и слугах, потому что они были мужественны и в ратном деле искусны.

Троицкое воинство, снова оправясь, убило двух полковников, королевских дворян, Юрия Мозовецкого и Стефана Угорского, да четырех ротмистров из жолнеров* и иных панов, да и всяких людей много побили и поранили. А живых пойманных языков ввели в город.

О МОРЕ СРЕДИ ЛЮДЕЙ

В ноябре с семнадцатого дня начался мор среди людей и тянулся до прихода Давида Жеребцова . Болезнь эта, случающаяся при тяжелых осадах, известна, — врачи называют ее цингой. Она бывает из-за тесноты и недостатков, особенно из-за плохой воды, по причине отсутствия целебных растений и корней, поедающих образующийся в утробах гной. Не имея целебных настоев, распухали они от ног до головы, и зубы у них выпадали, и смрад зловонный из уст их исходил, руки же и ноги скорчивались, сводимые жилами вовнутрь и наружу от гноящихся язв. А из-за того, что не имели они теплых омовений, тела их покрывались струпьями; не привыкший к нерастворению принятого, желудок закрывался, и начинался непрерывный понос, доводивший до полного изнеможения и невозможности ни с места на место перейти, ни передвинуться. И согнивали тела их от извержения кала, и проедала их скверна даже до костей, и черви огромные ползали. И не было помощников у многих ни жажду утолить, ни алчущих накормить, ни к гнойным струпьям пластырь приложить, ни перевернуть на другую сторону, ни червей смыть, ни отогнать надоедающих животных, ни наружу вывести прохладиться, ни приподнять, чтобы дать немного посидеть, ни уста протереть, ни лицо, ни руки умыть, ни с глаз пыль стереть. А кто еще поднимал руки, те оскверняли уста и глаза грязью.

И прежде смерти многие от разрывов, от ветра и от всяких передвижений были посыпаны пылью, так что невозможно было узнать их по виду. Имевшие же серебро и итпт другие вещи отдавали их, чтобы купить необходимую еду и питье. И сколько за покупаемое, столько и за услуги давали. И со слезами молили они, но всякому своего хватало, о прочих же не заботились. И если бы не израсходовали житниц дома чудотворца и погребов не опустошили, то все бы вымерли, второе лето в осаде сидя.

И было тогда не одно бедствие и несчастье: снаружи — меч, а внутри — смерть. И не знали, что делать: или мертвых погребать, или стены городские охранять; или с любимыми своими расставаться, или с врагами на поле сражаться; или очи родителей целовать, или свои зеницы на выклевание предавать. И не имевшие кровной родни, те от стен городских не отходили, но там смерти от противников ожидали, ибо один путь к смерти, говорили, отовсюду. И одним только утешались — храбрым ратоборством с врагами и друг друга на смерть поощряли, говоря: «Вот, господа и братья, не родные ли нятпи и друзья погребаются? Но и нам за ними туда же идти. И если не умрем ныне за правду и за истину, потом все равно умрем, но без пользы и не Бога ради».

Будучи всеми таковыми злыми бедами объята, сперва по двадцать и по тридцать, а потом по пятьдесят и по сто человек умирали в один день. И умножалась смерть в людях, и друг от друга — от запаха — умирали. И великий храм пресвятой Богородицы, во имя честного и славного ее Успения, каждый день мертвыми наполнялся. За могилы же сперва по рублю за выкапывание брали, а потом по два и по три, затем и по четыре и по пять давали, но не было уже кому ни брать, ни копать; и в одну могилу и яму погребали по десять и по двадцать человек, и дважды столько, и больше. И сорок дней стоял темный сумрак и злой смрад. А где выносили мертвых, там за ними сонмы плачущих ходили; погребали же мертвых с утра до вечера. И не было ни покоя, ни сна ни днем ни ночью не только больным, но и здоровым. Ибо одни плакали над умирающими, другие над выносимыми, третьи над погребаемыми; и множество, в разных местах группами стоя,

плакало. И от беспокойного сна как шальные все ходили. И преставилось тогда братии старой в обители двести девяносто семь братьев, а новопостригшихся тогда — более пятисот. Чин священнический совсем изнемог от многих трудов с больными, умершими и умирающими. Глаза иереев отяжелели, и их с трудом поддерживали над немощными. И так все иереи скончались, и мало кто из священного чина — для возвещения только — остался. И воинский чин начал изнемогать, мало кто от смертного часа был избавлен. Много сирот, дев, вдовиц и детей осталось, а с кем можно было всякое дело делать, те умерли. А от кого не было пользы, лишь хлеба едоки, остались, и те, выздоравливая, служили соблазном к великому греху.

И был тогда злой смрад — не только в кельях, но и по всему монастырю, и в служебных помещениях, и во святых церквах: где от немощных людей, а где и от умирающего скота; ибо всякое животное было без пригляда, и растерзывали одни других. И водосточные трубы, сделанные для дождя и грязи, костями животных даже доньше забиты. И более ста возов всякой одежды вывезли из обители и вываливали в ров. За воз же давали по полтора рубля, но мало было берущих из-за вшей, червей и из-за злого смрада. И все это вне обители, с трудом вывозя, сжигали. Всего же у живоначальной Троицы в осаде умерло старцев, и ратных людей было побито, и умерло от осадной немощи слуг, и служебных людей, стрельцов, казаков, пушкарей, заетных бойцов, галичан, даточных людей и прислуги две тысячи сто двадцать пять человек, не считая женского пола, недорослей, маломощных и старых.

О СЛУГЕ АНАНИИ СЕЛЕВИНЕ

Расхрабрил тогда великий чудотворец Сергей бывшего в осаде слугу Ананию Селевина, уже когда в обители чудотворца храбрые и крепкие мужи одни от острия меча иноверных пали, а другие померли в городе от цинги, о которой было сказано прежде. Анания же тот был мужественным: шестнадцать знатных пленников привел он в осажденный город, и никто из сильных поляков и русских изменников не смел приближаться к нему, только ловили они

случай убить его из ружей издалека. Ведь все его знали и, оставляя прочих, ополчились на него. И по коню его многие узнавали, ибо столь быстрым был тот конь, что из гущи литовских полков убежал, и не могли его догнать. Часто они вдвоем с вышеупомянутым немой выходили при вылазках на бой. Тот немой всегда с ним *пешим* на бой выходил, и роту вооруженных копьями поляков они двое с луками обращали вспять. Александр Лисовский, однажды увидев этого Ананию среди своих противников, пошел против него, стараясь его убить. Анания же быстро ударил коня своего и, выстрелив Лисовскому из лука в левый висок, с ухом его прострелил и поверг его наземь, а сам ускакал из гущи казачьих полков; ибо он хорошо стрелял из лука, а также из самопала*.

Раз этот Анания, отбивая у поляков черных людей в кустарнике, был отторгнут двумя ротами от его дружины и, бегая, спасался. Немой скрылся среди пней и видел бедственное положение Анании; у него в руке был лук и большой колчан стрел; и он выскочил, как рысь, и, стреляя по литовцам, яростно бился. Литовцы обратились на него, и тут же Анания вырвался к нему, и они стали рядом. И многих порешили они людей и коней и отошли невредимыми, лишь коня под Ананией ранили.

Поляки только и думали, как бы убить коня под Ананией, ибо знали, что живым его не взять. Когда Анания выходил на бой, то все по коню стреляли. Всего во многих вылазках конь его шесть раз был ранен, а на седьмой убит. И сделалось Анании хуже в боях. А потом Ананию ранили из пищали в ногу, в большой палец, и всю плюсну раздробили; и опухла вся его нога, но он еще хорошо воевал. А через семь дней в колено той же ноги он был ранен. Тогда этот крепкий муж возвратился назад. И отекала нога его до пояса, и через несколько дней он скончался в Господе.

О МОСКОВСКОМ СТРЕЛЬЦЕ НЕХОРОШКЕ И О НИКИФОРЕ ШИЛОВЕ

Однажды, когда Александр Лисовский со своим полком напал на вышедших на вылазку людей и пожирал их устами меча, как волк ягнят, в числе преследуемых

был московский стрелец именем Нехорошко, а с тшш клементьевский крестьянин Никифор Шилов. Увидев Лисовского, одетого в хороший доспех и держащего в руке копье, разгорелись оба сердцем, но страшились свирепства его. И, взглянув на храм пресвятой Троицы, призывая на помощь великого Сергия чудотворца, они поскакали на своих мерилах: Никифор Шилов убил под Лисовским коня. Нехорошко же ударил его копьем в бедро. Они были отняты у казаков троицким воинством и в гуще противников остались невредимыми по молитвам великого чудотворца Сергия. Тот Никифор Шилов и Нехорошко знаменитыми бойцами были, на многих вылазках они отличались, сражаясь крепко.

О ПРИХОДЕ В ОБИТЕЛЬ С ГРАМОТАМИ ОТ КЕЛАРЯ АВРААМИЯ УХОДИВШИХ КАМЕНОТЕСОВ

Месяца мая в седьмой день в четвертом часу ночи пришли в Троицкий Сергиев монастырь уходившие троицкие каменотесы Шушель Шпаликов и Гаранька, будучи присланы из Москвы с грамотами от келаря старца Авраамия Палицына. И писал он в грамотах архимандриту Иоасафу с братией, государевым воеводам, воинам и всем находившимся в осаде людям, православным христианам, чтобы помнили они крестное целование, стояли бы против неверных твердо и непоколебимо, жили бы без оплошностей и берегли бы себя накрепко от литовских людей.

ОБ ОСВЯЩЕНИИ ХРАМА НИКОЛЫ ЧУДОТВОРЦА И ОБ ОСЛАБЛЕНИИ МОРА И БОЛЕЗНЕЙ

На память святого и достохвального апостола и евангелиста Иоанна Богослова, месяца мая в восьмой день, архимандрит Иоасаф и воеводы решили в храме пресвятой Богородицы, во имя честного и славного ее Успения, в приделе освятить храм во имя святого отца нашего Николы чудотворца, в праздник его, мая в девятый день, что и совершили во славу в Троице славимого Бога. И с того дня

даровал Господь Бог наш православным христианам свою милость. И многие больные начали от недугов своих выздоравливать, благодаря пресвятую Троицу, Отца и Сына и святого Духа, так же и всенепорочной владычице Богородице благодарственные песни воссылая и восхваляя святого и великого апостола и евангелиста Иоанна Богослова, великого архиерея чудотворца Николу и великих российских светочей Сергия и Никона чудотворцев, так как по святым их молитвам произошло исцеление от злых болезней и облегчение. И смерть с того дня стала меньше людей уносить. Уцелевшие же от смертоносной болезни здоровые люди каждый день выходили из города на бой с литовскими людьми и бились с усердием, и милость Господня помогала им.

О ВТОРОМ БОЛЬШОМ ПРИСТУПЕ

Месяца мая в двадцать седьмой день опять в Сапегиных таборах и Лисовского был великий шум от многих труб и длился до полудня. С полудня же начали литовские люди подъезжать к городу, осматривая стены и часто озираясь. Тут же начали они готовить места, где поставить свои пушки и пищали. И, гарцуя на лошадях, махали мечами своими в сторону города, как будто грозя. К вечеру же много конных людей начало гарцевать со знаменами по всем полям Клементьевским. Потом и Сапега вышел со многими вооруженными полками и снова скрылся в своих таборах.

Оставшиеся же в троицком воинстве, видя как те коварно посматривают на город, уразумели их злой замысел, чреватый пролитием крови, и поняли, что быть приступу. И стали готовиться к бою. Было же их числом мало. И готовили они на стенах вар с нечистотами и припасали смолу, камни и прочее, что тогда годилось, и подошвенные бойницы очистили.

И когда уже настал вечер, окаянные литовские люди и русские изменники захотели хитростью подобраться к стенам города втайне, ползая, как змеи, по земле и молча таща приспособления для приступа: рубленые щиты, лестницы, туры и стенобитные орудия. Городские люди все,

и мужчины и женщины, вышли на стены и, тоже затаившись, ожидали приступа.

И вдруг с Красной горы загремело из верхних огневых орудий. И тогда, закричав, все множество литовских людей и русских изменников устремилось на город со всех сторон с лестницами, щитами, турусами и иными стенобитными приспособлениями. И, заиграв во многие трубы, они начали приступ всеми силами, всякими способами и средствами. Думали ведь окаянные за один час захватить город, зная, что в городе очень мало людей, да и те немощны, и потому всеми силами налегли на город.

Но подкрепляемое благодатью Божьей троицкое воинство билось крепко и мужественно. Литовцы старались скорей взойти на город и придвинули щиты на колесах и множество лестниц и прилагали все усилия приставить их и взойти на стены. Христолюбивое же воинство и все городские люди не давали им придвинуть щиты и турусы и лестницы прислонять, стреляя через подошвенные бойницы из многих пушек и пищалей, коя в окна, меча камни и лия вар с нечистотами, и метали они, зажигая, серу и смолу, и известью засыпали скверные их глаза. И так бились всю ночь.

Архимандрит же Иоасаф со своим священным собором вошел в храм пресвятой Троицы, молясь всецелому в Троице славимому Богу, пресвятой Богородице и великим чудотворцам Сергию и Никону об избавлении города и о помощи против врагов.

Когда же настал день, увидели окаянные, что не преуспели ни в чем, но только своих множество погубили, и начали с позором отступать от города. Городские же люди тут же отворили город, а некоторые со стен соскочили и устроили вылазку на оставшихся тут у стенобитных своих приспособлений литовских людей. Иные же во рвах бродили и не могли выйти. И таким образом многих тех побили, а живыми взяли панов и русских изменников тридцать человек. И повелели им жернова крутить, работая на братию и на все троицкое воинство вплоть до ухода врагов от города. И так милостью пребезначальной Троицы, заступничеством пречистой Богоматери и мо-

литв ради великих чудотворцев Сергия и Никона побили тогда множество шедших на приступ людей; а турусы их, шиты, лестницы и прочие приспособления, взяв, внесли в город. Сами же все отошли здоровыми, победителями над врагами оказавшись.

О ПОМОЩИ ЧУДОТВОРЦА В РИСКОВАННЫХ ВЫЛАЗКАХ

Удивительно это всегда происходило с самого начала во время сидения в осаде в Троицком Сергиевом монастыре, еще до прихода Давида Жеребцова, когда люди выходили на бой с супостатами : если соберутся они и подготовятся с великим тщанием, то не всегда добром оканчивался выход; если же и с какой-то уверенностью выйдут, то и пагуба бывала. Похвальное же если что делалось, то не подготовкой, а крайней простотой. Удивления эти рассказы достойны.

Когда увидят они противников, где-нибудь стоящих и с уверенностью храбро действующих или близ стен беснующихся, то, удерживаемые воеводами, чтобы не погибали понапрасну, и не имея возможности выйти, друг на друга взглядывая, сердцами они терзались. И, придумывая каждый себе нужду и потребность, у приставленных над ними они отпрашивались: одни за травой, другие за водой, иные дров добыть, иные корни выкопать, кто веники нарезать, а кто и подалее отпрашивался — к колодцу чудотворца , воды для исцеления зачерпнуть. Поляки же, радуясь такой несогласованности, как псы на зайцев отовсюду нападали. И начиналось кровопролитие во многих местах: ибо не по десять или двадцать, но по пять, по три и по два, порознь бродя, смерти они искали. Против же врагов, когда те подходили к ним, они вместе ополчались. И не ради чести выходившие оказывались достойными чести победителями. Благодаря защищающему нас Спасителю в таковом смирении никто никогда не погиб, но все до одного здоровыми возвращались в дом преподобного.

Давид же Жеребцов, когда пришел и увидел, сколь попросту поступают выходящие на вылазки, долго их бесчестив и отослав прочь, повелел не выходить с гли* для боя. Будучи уверен в своем отборном воинстве, хорошо

снарядившись, выходит он переведаться с раздражающими. Столкнувшись же с супостатами и позорно одолеваемый ими, он убежал, вместо пота победителя слезами облившись. Упорядоченный, беспорядочно убежал. По малом же времени, еще дыша рвением, выходит он, чтобы отомстить. Ему простецы сказали на пути: «Мы, государь боярин, прежде просили у чудотворца Сергия помощи и выходили с малым снаряжением, потому что не дают его нам, но как овцы выходили, пастух же наш сам о нас заботился и не губил нас никогда». Давид же, с гневом подняв глаза на говорящих, вышел к врагам на бой. Когда же завязался бой, замечают простецы, что у храброго и мудрого мужа нет удачи, но из-за его запрета не смеют подать ему помощь. Видя же, что порублены будут кедры в дубраве, и не дожидаясь гибели своей надежды, по своему простому обычаю немощные бросились в бой и похитили мудрых от рук лукавых. Гордцы же с тех пор называли немощных и бедных не овцами, но львами, и не сиротами, но господами, и вместе с собой за трапезу их сажают. И бросают немецкую мудрость, и принимают покрываемых преподобным глупость. И, простыми став, забыли, как убежать, но привыкли славно врагов гонять.

КОММЕНТАРИИ

Авраамий Палицын — в миру Аверкий (ум. в 1627 г.), выходец из богатого рода. В 1588 г. был сослан на Соловки, где был пострижен в монахи. В 1608 г. в Троице-Сергиевом монастыре в качестве келаря ведал хозяйством и сношением с внешним миром.

Григорий Борисович и *Алексей* — князь Г. Б. Долгоруков-Роща и А. И. Голохвастов — командиры отряда, участвовавшего в обороне Троице-Сергиева монастыря.

Пивной двор находился снаружи монастыря и был связан с ним тайным ходом.

Святые ворота — главные ворота Троице-Сергиевской обители.

Жолнер (жалонер) — польский солдат.

Давид Жеребцов — воевода князя М. В. Скопина-Шуйского.

Прибыл в монастырь с военной помощью 19 октября 1609 г.

Александр Лисовский— Ян Александр Лисовский, командир двухтысячного польского конного отряда, воевода Лжедмитрия II.

Самопал — ружье.

Пицаль — артиллерийское орудие, заряжаемое со ствола.

Плюсна — ступня.

Сапега— Ян-Петр-Павел Сапега (1569—1611), литовский князь, оказавший в 1608 г. военную помощь Лжедмитрию II.

Подошвенные бойницы — бойницы в башнях, расположенные на уровне земли.

Тур — хворостяная корзина, набиваемая землей для защиты от пуль.

Туруссы — осадные башни на колесах.

Супостаты — враги.

Колодец чудотворца — о нем написано в «Житии Сергия Радонежского»: в обители не хватало воды, что вызывало ропот братии; по молитве Сергия рядом с нею забил чудотворный ключ.

ПОВЕСТЬ О ТВЕРСКОМ ОТРОЧЕ МОНАСТЫРЕ

О ЗАЧАТИИ ОТРОЧА МОНАСТЫРЯ

Лета мироздания 6773 года составлен бысть Отрочь монастырь, тщанием и рачением великаго князя Ярослава Ярославича Тферскаго и великия княгини богему дрыя Ксении по совокуплении их законнаго брака в четвертое лето по прошению и молению любимаго его отрока Григория, а во иноческом чину Гурия.

В лето великаго князя Ярослава Ярославича Тферскаго бысть у сего великаго князя отрок именем Григорий, иже пред ним всегда предстоите и бе ему любим зело и верен во всем; и тако великий князь посылаше его по селом своим, да собирает ему повеленная. Случися же тому отроку быти в селе, нарицаемом Единоново, и ту обита у церковнаго понамаря именем Афанасия, и узре у него дочь его девицу именем Ксению, велми красну, и начат мыслити в себе, да оженится ею. И бояся князя своего, да не когда примет от него великий гнев и велми печален бысть о сем; возлюбил бо ю зело и не поведая мысли своя никому от друге своих, но в себе размышляйте, да како бы ему уллучити желаемое. И случися наедине со отцем ея Афонасием, начат ему глаголати, да вдаст за него дочь свою, и обещается ему во всем помогати. Отец же ея велми удивися о сем: «Да како у таковаго великаго князя имать предстояти всегда пред лицом его, и тако ли вещает мне о сем», и не ведаше, что ему отвещати против словес его. Шед убо Афанасий, вопросил о сем жены своя и дщери, сказа им подробну. Дочь же его, исполнена духа святаго, возглагола отцу своему сице: «Отче мой! сотвори ему вся сия. Блика он тебе обещася, положи на волю его, Богу бо тако изволившу и сие да будет».

Бяше бо девица сия благочестива и кротка, смиренна и весела, и разум имея велик зело, и хождаше во всех заповедех господних, и почиташе родители своя зело, и новину яся има во всем, от младых ногтей Христа возлюбила и последуя ему, слышаше бо святое Писание от отца своего и внимапте прилежно всем сердцем своим.

Отрок же наипаче того уязвися любовию и прилежно о сем вещает отцу ея, да не устрашается: «Аз бо ти во всем имаюся и князя умолю во всем, ты же не бойся». И тако советчастася во всем и быти в том селе браку и венчатиися в церкви святаго великомученика Димитрия Селунскаго, и жити ту, да же великий князь повелит.

И тако повеленная великаго князя исполни вся, яже повелена быша, и возвратися во град Тферь с радостию и дивляшеся в себе велми, яко нигде таковыя обрете девицы, и не поведа сего никому.

Отроковица же после его рече отцу своему и матери: «Господне мои! Не дивитесь о сем, что вам обещался сей отрок, он бо тако совеща, но Бог свое строит: не сей бо мне будит супруг, но той, его же Бог мне подаст». Родители же ея о сем велми дивистася, что рече к ним дщерь их.

Предиреченный же отрок той, усмотри время благополучное и припаде к ногама великаго князя и молит его со многими слезами, и возвещает ему свою мысль, да сочтается законному браку, яко ему годно бысть; красоту и возраст и разум девицы оныя изъясляет. Князь же великий сия от него слышав, рече ему: «Аще восхотел еси женитися, да поимеши себе жену от велмож богатых, а не от простых людей, и небогатых, и худейших, и безотечественных, да не будеши в поношении и уничижении от своих родителей, и от бояр и от другое и от всех ненавидим будеши и от мене удален стыда ради моего». Однако на многи дни отрок моляше прилежно великаго князя, да повелит ему желание свое исполнит и тамо жити. И тако великий князь наедине его увещевает и вопрошает о сем подробну, чего ради тако восхоте. Он же все исповеда великому князю обещание свое, яко же тамо обещася.

Князь же великий Ярослав Ярославич по прошению его повелевает всему быть яко же ему годно и потребно, и насад* изготovit, и вся воли его потребная, и люди ему готовы тамо быть имеют, елико годно будет на по-

служение отроку. Когда приспееет время обручению и венчанию его, и отпускает его в насаде по Волге реке; бе бо то село близ Волги стояй, а кони его обещаваеет при- слати за ним вскорости по берегу.

Отрок же с радостию поклонися великому князю и поиде в насаде по Волге реке со всеми посланными с ним.

На утрии же великий князь повеле готовити себе коня и всему своему сигклиту , яко же угодно великому князю, соколы и пьсы, да едучи ловы деет; в ту бо ношь великий князь сон видел, яко бы быти в поле на ловех и пускати своя соколы на птицы; егда же пусти великий князь любимаго своего сокола на птичье стадо, той же сокол, все стадо птиц разогнав, поймал голубицу красотою зело сияющу, паче злата, и принесе ему в недра, и возбнув князь от сна своего и много размышляше в себе, да что сие будет, и не поведа сна того никому, токмо повеле с собою на лов вся птицы взята; и тако великий князь поиде в ту же страну, иде же отрок, ловы деюще тешася. Бе же великий князь безбрачен и млад, яко два- десяти лет, еще ему не достигшу возраста своего.

Той же отрок, егда прииде в насаде по реке и приста у берега, ожидающе коней от князя, и посла вестники своя к девице, да вся готова будут, яко же есть обычай брачным. Девица же присланным рече: «Возвестите отроку, да же помедлеет тамо, дондеже сама весть пришло к нему, как вся изготована будут, понеже бо нам от него о приходе его вести не было». Вестницы же его пришедше поведаша ему о всем, еже им повелено бысть от девицы возвестити. Провиде бо она великаго князя к себе приход и рече родителем своим, яко «уже сват мой приехал, а жених мой не бывал еще, но уже будет, яко в поле тешится и замедлил тамо, но пождем его короткое время, да же приедет к нам». А о имени его никому от сродников своих не поведа, но токмо готовяше ему честныя дары, яже сама строяше, сродницы же ея велми о сем див- ляхуся, а того жениха ея не ведяху, но токмо она едина.

Князь же великий села того не знаяше, но восхоте тамо быти на утрие или на другий день и да видит своего отрока оженившегося; и тако обночева на лове, бяше бо село то от града Тфери четыредесять поприщ*; в ноци же той виде

сон прежний и наипаче размышляйте в себе, что будет сие видение; на утрие же по обычаю своему ловы деяше.

Отрок же той не дождался вести, ни коней, помысли в себе, яко «аще государь мой великий князь раздумает и пошлет по мене, и велит возвратитися вспять, аз же своего желаннаго не получил». И тако вскоре поиде во двор той, иде же девица та, и по чину своему вся изготовавше. И тако седоста вкупе на место свое, яко же быти вскоре венчанию их, отрок же повелеваше поскорю вся строити и дары разносити. Девица же рече отроку: «Не вели спешить ничем, да еще у меня будет гость незванной, а лутче всех и званых гостей».

Великий же князь в то время близ бе села того, и увиде стадо лебедей на Волге реке, и тако повеле пустити вся своя птицы, соколы и ястребы, пусти же и сокола своего любимаго, и поймайте много лебедей. Той же сокол великаго князя, заигрався, ударися летети на село то; великий же князь погна за ним и приехал в село то борзо, забыв вся; сокол же сяде на церкви святаго великомученика Димитрия Селунскаго; князь же повеле своим вопросити про село чие есть. Селяне же поведаху, яко село то великаго князя Ярослава Ярославича Тферскаго, а церковь святаго великомученика Димитрия Селунскаго. В то же время множества народу сошедшуся смотрети, яко уже к венчанию хотят ити. Князь же, сия слышав от поселян, повеле своим сокола своего манити; сокол же той никако же думаше слетети к ним, но крилома своима поправливаяся и чистяшеся; сам же великий князь поиде на двор, иде же бе отрок его, в дорожном своем платье, не на то бо приехал, но Богу тако изволившу. Людие же, видевшие князя, не знаяху его; мняху бо его с конми и с потехами к жениху приехавша, и не встретили, его никто же.

Девица же рече всем ту сидящим: «Востаните вси и изыдите во стретение* своего великаго князя, а моего жениха», — они же дивляхуся.

Великий же князь вниде в храмину, иде же бяху отрок и девица сидяше; всем же восставшим и поклоншимся великому князю, им же не ведущим пришествия его и прощения просящим; князь же повеле им сести, да видит жениха и невесту. Девица же в то время рече отроку:

«Изыди ты от мене и даждь место князю своему, он бо тебе болши и жених мой, а ты был сват мой».

Великий же князь узре ту девицу зело прекращу и аки бы лучам от лица ея сияющим; и рече великий князь отроку своему Григорию; «Изыди ты отсюду и изыщи ты себе иную невесту иде же хочещи, а сия невеста бысть мне угодна, а не тебе», — возгореся бо сердцем и смятеся мыслию.

Отрок же из места изыде повелением его; великий же князь поим девицу за руку и поидоста в церковь святого великомученика Димитриа Селунскаго, и сотвориша обручение и целование о Христе, яко же подобает, потом же и венчастася в той же день; и тако бысть велия радость у великаго князя той день до вечера, бяше бо летом, и селян повеле покоити день и ночь.

Идущу же великому князю после венчания от церкви ко двору, тогда оный сокол его любимый виде господина своего идуща с супругою своею, сидя на церкви, начат трепетатися яко бы веселяся и позирая на князя. Князь же вопроси своих соколников: «Слетел ли к вам сокол или нет?» Они же поведаша ему: «Не летит с церкви». Князь же возрев на него, кликнул его своим гласом. Сокол же скоро прилете к великому князю и сяде на дес-ней его руке и позирая на обоих, на князя и на княгиню; великий же князь отдаде его соколнику.

Отрок же той великою кручиною одержим бысть, и ни яде и ни пия. Великий же князь велми его любляше и жаловаше, наипаче же ему не веляше деръжатися тоя кручины, и сказа ему сны своя: яко же видех во сне, тако и сбьсться Божиим изволением.

Отрок же той в нощи положил мысль свою на Бога и на Пречистую Богоматерь, да яко же восхотят к которому пути, тако и наставят. И снем с себя княжее платье и порты и купи себе иное платье крестьянское и одеяся в него и утаися от всех своих, и изыде из села того, никому же о сем не ведущу, и поиде лесом незнаемо куды.

На утрии же великий князь того отрока вспомянув, что его у себя не видит, и повеле своим боляром, да пришлют его к нему; они же поискавше его много и не обретоша нигде, токмо платье его видеша. И великому князю возвестиша о нем. Князь же великий о нем велми печален

бысть, и повеле искати его сюду и сюду по реке и в кладезях, бояся того, чтоб сам себя не предал губительной и безвременной смерти; и нигде его не обретоша, но токмо той селянин поведает, что де «купил у меня платье ветхое, и не велел о том никому поведати и поиде в пустыню».

Великий же князь повеле его искати по лесом и по дебрям и по пустыням, да где его обрящут и приведут его; и многие леса, и дебри и пустыни обыдоша и нигде его не обретоша. Бог бо его храняше. И пребысть ту великий князь даже до трех дней.

Великая же княгиня его Ксения вся возвести бывшая великому князю Ярославу Ярославичю о себе и о отроке, яже наперед писана суть.

Великий князь велми печален бысть об отроке своем, глаголаше бо, яко «аз повинен есмь смерти его». Княгиня же его печалитися ему всячески не велит и глаголет великому князю: «Богу убо тако изволившу быть мне с тобою в совокуплении; аще бы не Божиим повелением, како бы было мощно тебе, великому князю, к нашей нищете приехати и пояти мя за себя. Ты же не печалися о сем, но иди с миром во град свой и мене поими с собою, ничего не бойся». Великий же князь велми печален бысть, воздохнув прослезися и воспомяну своя глаголы, яже глагола ко отроку своему Григорию: «Тое на мне со- бысться, а его уже отныне не увижу»; и возложи свою печаль на Бога и на Пречистую его Богоматерь.

И отпусти свою великую княгиню в насаде, и боляр своих, иже были со отроком, во град Тферь, и повеле великий князь боляром своим, да берегут великую княгиню его и покланяются ей и слушают во всем. Сам же великий князь по-прежнему поехал берегом, деюще потехи своя и ловы; и прииде во град Тферь прежде княгини своей. Егда же прииде и великая княгиня его Ксения ко граду Тфери, великий князь повеле боляром своим и з болярынами и своим дворовым и всему граду, да выдут на встречу великия княгини, и з женами своими. Все же слышавше от великаго князя, с радостию изыдоша весь град, мужи и жены, и младенцы от мала даже и до велика с дароношением, и сретоша ея на брезе у церкви Архангела Михаила. Егда же прииде ко граду Тфери, вели-

кий князь посла всех бол яр с коретами, и тако с великою честию сретоша ю и поклонишася ей; и вси зряще красоту ея, велми чудишася, яко «нигде же видехом очима на- шима или слышахом слухом нашим таковую жену благо- образну и светящуюся аки солнце во многих звездах, яко же сию великую княгиню, сияющую во многих женах сего града паче луны и звезд многих»; и провождаше ю во град Тферь с радостию великою и с дары многими на двор великаго князя. И бысть во граде радость и веселие ве- лие; и бысть у великаго князя пиrowание на многи дни всякому чину от мала даже и до велика.

Предиреченнаго же отрока не бе слухом слушати на много время. Божиим же промыслом той отрок прииде на реку зовомую Тферцу, от града Тфери пять на десят поприщ, на место боровое, и ту вселися на лесу и хижу себе постави, и часовню на том месте; и назнаменова где быти церкви во имя Пресвятыя Богородицы честнаго и славнаго ея рождества. И ту пребысть некоторое время, и найдоша его ту близ живущие людие, хождяху бо по лесу потребы ради своея; и вопрошаху его, глаголюще: «Откуда ты сюду пришел еси, и как тебя зовут, и кто тебе велел тут вселитися в нашем месте?» Отрок же им не отвеща ничто же, но токмо им кланяшеся, и тако от него отъидоша восвосяи.

Он же ту мало пребысть и от того места отъиде, и хотяше отъити от града подалее, понеже уведа от пришедших к нему людей, яко близ есть град. Божиим изволением прииде близь града Тфери по той же реке Тферце на устье и выпттед на реку Волгу и позна, яко град Тферь есть, ибо знаем ему бе, и возвратися в лес той и избра себе место немного вдалье от Волги на Тферце, и начат молитися Пресвятой Богородице, да явит ему про место сие. В ноци же то возляже опочинути и в сон тонок сведен бысть, и видит на том месте аки поле чистое и великое зело и свет великий, яко некую лучу божественную сияющую. И воспрянув от сна и мышляше в себе, да что сие будет знамение, и тако моляшеся спасу и Пресвятой Владычице Богородице, да явит ему вещь сию; в ту же ношь паки явися ему Пресвятая Богородица и повелевает ему воздвигнута церковь во имя честнаго и славнаго ея успения и указа ему

место и рече: «Хогцет бо Бог проел авити сие место и роспро-
ространити его, и будет обитель велия; ты же иди с миром во
град ко князю своему, и той помощник тебе будет во всем и
прощение твое исполнит. Ты же, егда вся совер- ттитпи и
монастырь сей исправиши, некоторое время буде- пи ту жити
и изыдеши от жития сего к Богу». И тако воспрянув от сна
своего, и велми ужасеся о видении том, и размышляше в себе,
яко «аще отъиду от сего места, боюся явления сего и
показания месту. Яко Господеви годно, тако и будет. И
помысли в себе глаголя: «Аще ли же пойду к великому князю
и увещати меня станет, однако не хочу в доме его быти». Сие
же ему мыслшщу, абие приидоша в той час во оный лес некия
ради потребности мужие княжив зверей ради. Отрок же позна их и
прикрыся от них; они же видевшие крест и хижу, и удивишася
зело, и глаголаху друг ко другу, яко есть человек тут живяй, и
тако начата искати, и обретоша его, и познаша, яко «той есть
отрок князя нашего». И пришедше к нему и поклонишаея ему,
и возрадовашася о нем радостию великою. Той бо отрок по
пустыни хождаше три лета и вяхцше, и не виде его никто же, и
бе питаем Богом. И тако взявше его с собою и ведо- ша ко
князю, и сказаша ему вся, яко «великий князь печален бысть
зело о тебе и до ныне; аще же увидит тя жива и здрава,
возрадуется о тебе радостию великою». Он же сия слыша от
них, с веселием идяше с ними.

Егда же прииде во двор великаго князя, и вси узревши его
возрадовашася велми о нем и проелавиша Бога и возвестиша о
нем великому князю. Князь же повеле ввести его в верхняя
палаты и виде отрока своего и возрадова- ся велми и похвали
Бога. Он же поклонися великому князю и рече: «Прости мя,
господине мой великий кня- же, яко согреших прет тобою,
опечалих бо тя зело». И рече к нему великий князь: «Како тя
Господь Бог хранит до сего дне и времени?» и обლობызав его.
Он же поклонися до земли и рече: «Прости мя, господине мой
великий княже, яко согреших пред тобою»; и исповеда вся о
себе по ряду, како изыде от него, и како Бог приведе до сего
места. Князь же о сем велми удивися и прослави Бога и повеле
своим предстоящим, да дадут ему всю его первую одежду и да
будет в первом своем чину. Он же со смирением рече:
«Господине мой великий княже, я не того ради дриидох к
тебе, но да ты от печали свободишися и прошения моего да не

презриши: молю тя и прошу, да пове- лиши то место розчистити» — и вся поведа великому князю, како ту прииде и како явилася ему Пресвятая Богородица со святителем Петром митрополитом московским и место показа, и иде же быти церкви во имя пре- святыя Богородицы, честнаго и славнаго ея Успения; и вся ему сказа о себе подробну. Князь же, воздохнув велми и прослезися, и отрока похвали, яко таковаго страшнаго видения сподобися; и обещася во всем помогати месту тому до совершения и беседова с ним многое время и повеле ему пред собою поставити трапезу, да вкусить брашна, он же вкуси малую часть хлеба и воды, а иной же пиши отнюдь не прикоснуса. Великий же князь повеле по воли его быти и тако отпусти его с миром, иде же он восхощет.

Отрок же отъиде на место свое и по обычаю своему моляшеся Богу и Пресвятей Владычице Богородице и на помощь ея призывает о создании обителя тоя, и тако молитвами пресвятыя Богородицы вскоре дело совершается. Князь же великий повеле вскоре собрати крестьян и иных людей, да росчистят место то, иде же оный отрок покажет, и посла их ко отроку. Слышавше же то граждане и сами мнози идяху на помощ месту тому; и тако вскоре очистивше место, еже отрок показа им, и возвестиша великому князю о сем; князь же прослави Бога и отрока своего о сем похвали. И тако сам великий князь прииде на то место и виде его сияюща паче иных мест; отрок же паки припадает к ногама его и молит, да повелит церковь создати деревянную и монастырь возградити. Великий же князь вскоре повеле всем прежним людям тут работати и мастеров добрых собрати к церковному строению. И тако Божию помощию и великаго князя повелением вскоре дело совершается, и освящение церкви сотвориша.

Бысть же ту на освящении церкви Успения Пресвятыя Богородицы сам великий князь Ярослав Ярославин и с своею супругою великою княгинею Ксениею и со всем своим княжиим сигклитом, и всем трапезу устроил; и по прошению отрока своего великий князь даде ему игумена Феодосия и братию собра, и колокола устрой. И назвася место от великаго князя Ярослава Ярославича Отрочь монастырь; и вси проелавиша Бога и Пречистую Его Богоматерь. На другой день по освящении церкви тоя той отрок Григорий

пострижеся в иноческий чин и наречен бысть Гурий от игумена Феодосия. И той отрок, по пострижении своем, немногое время поживе и преставися ко Господу и погребен бысть в своем монастыре.

По преставлении же блаженнаго онаго отрока немногим летом мимошедшим великий князь Ярослав Ярославич и великая княгиня Ксения изволили в том монастыре создати церковь каменную во имя Пресвятыя Богородицы честнаго и славнаго ея Успения, с приделом Петра митрополита московскаго чудотворца, и села подаде к тому монастырю и место то насели, иде же бе отрок прежде пришедый.

Монастырь же той стоит и до ныне Божию благодатию и молитвами пресвятыя Богородицы и великаго святителя Петра митрополита московскаго и Всея России чудотворца.

КОММЕНТАРИИ

Ярослав Ярославич Тверской (1230?—1271) — основатель династии тверских князей, с 1263 г. — великий князь владимирский.

Ксения (ум. 1312) — дочь новгородского боярина Юрия Михайловича, вторая жена Ярослава Ярославича.

Село Единово находилось на левом берегу Волги, в 40 верстах от Твери.

Церковь Дмитрия Солунского — Дмитрий Солунский, святой воин, спасший от врагов родной город Солунь.

Насад — речное судно; лодка.

Синклит — синклит — приближенные, придворные, ближайшее окружение царя.

Поприще — расстояние в 1000 шагов.

Стретение (стретать) — встречать.

Десна — правая сторона.

Место боровое — скорее всего, село Пречистый Бор, которое находится в 15 верстах от Твери.

Святитель Петр — митрополит Московский (ум. 1326), канонизирован в 1339 г.

ПОВЕСТЬ ОБ УЛЬЯНИИ ОСОРЬИНОЙ

МЕСЯЦА ГЕНВАРЯ ВО 2-Й ДЕНЬ УСПЕНИЕ СВЯТЫЯ ПРЕПОДОБНЫЯ УЛЬЯНЕН, МУРОМСКИЯ ЧЮДОТВОРИЦЫ

В дни благовернаго царя и великаго князя **Ивяття** Васильевича всея Руси, от его царьскаго двора бе муж благоверен и нищелюбив, именован Иустин, пореклом Недюрев, саном ключник, имея жену такую же боголюбиву и нищелюбиву, именован Стефаниду, Григорьеву дочь Лукина, от града Мурома. И живяста во всяком благоверии и чистоте, и имяста сыны и дочери и много богатства, и раб множество. От нею же родися сия блаженная Улияния.

Бывши же ей шести лет, и умре мати ея, и поят ю к себе в пределы муромские бабка ея, матери ея мать, вдова Анастасия, Никифорова дочь Дубенского, и воспитавше во всяком благоверии и чистоте шесть же лет. И умре бабка ея, и по заповеди ея, поят ю к себе тетка ея Наталия, Путилова жена Арапова. Сия же блаженная Улияния от младых ногтей Бога возлюбя и Пречистую его Матерь, помногу чтише тетку свою и дочери ея, и имея во всем послушание и смирение, и молитве и посту прилежаше. И того ради от тетки много сварима бе, а от дочерей ея по-смехаема. И глаголаху ей: «О, безумная! что в толицей младости плоть свою изнурявши, и красоту девственную погубляеши». И нуждаху ю рано ясти и нити; она же невдаешся воли их, но все со благодарением приимаше и с молчанием отхождаше: послушание имея ко всякому человеку. Бе бо измлада кротка и молчалива, небуява, невеличава, и от смеха и всякия игры отгребошеся. Аще а многажды на игры и на песни пустошные от сверстниц нудима бе, она же не приставаше к совету их и недоумение на ся возлагая, и тем потаити хотя своя добродетели.

Точию в прядивном и в пяличном деле прилежание вели имяше, и не угасаше свеча ея вся ноци. А иже сироты и вдовы немощныя в веси той бяху, и всех обшиваше и всех нужных и болных всяцем добром назираше, яко всем девитися разуму ея и благоверию; и вселися в ню страх Божий. Не бе бо в веси той церкви близ, но яко два поприща; и не лучися ей в девичестем возрасте в церковь приходити, ни слышати словес Божиих репровождает. и учителя учаща на спасение николи же; но смыслом благим наставляема нраву добродетелному.

Егда же достиже шестаго на десять лета, вдана бысть мужу добродетелну и богату, именем Георгию, пореклом Осорьину, и венчани быша от сущаго ту попа, Потапня именем, в церкви праведнаго Лазаря, в селе мужа ея. Сей поучи их по правилом святых отец закону Божию; она же послуша учения и наказания внятнo и делом исполняйте. Еще бо свекру и свекрови ея в животе сущим; иже видевшие ю возрастом и всею добротою исполнену и разумну, и повелеста ей все домовное строение правити. Она же со смирением послушание имяше к ним, ни в чем не ослушася, ни вопреки глагола, но почиташе я и вся повеленная ими непреткновенно совершайте, яко всем дивитися о ней. И многим искушающим ю в речах и во ответах, она же ко всякому вопросу благочинен и смыслен ответ даяше; и вси дивляхуся разуму ея и славяху бога. По вся же вечера довольно Богу моляшеся и коленопреклонения по сту и множае, и, вставая рано, по вся утра такоже творяше и с мужем своим.

Егда же мужу ея на царских службах бывающу лето или два, иногда же по три лета во Астрахани, она же в та времена по вся ноци без сна пребывайте, в молбах и в рукоделии, в прядиве и в пяличном деле. И то продав, нищим цену даяше и на церковное строение; многу же милостыню отаи творяше в ноци, в день же домовное строение правяше. Вдовами и сироты, аки истовая мать, печашеся, своима рукама омывая, и кормя, и напаяя. Рабы же и рабыни удовляше пищею и одеждою, и дело по силе налагайте, и никого простым именем назваше, и не требоваше воды ей на омовение рук подающего, ни сапог разрешающего, но все сама собою творяше. А неразумныя рабы и рабыни смирением и кротостию наказуя, и исправляйте, и на ся вину возлагаше; никого не оклеветаше, но всю надежду на Бога и на Пречистую Богородицу

возлагаше и великого чудотворца Николу на помощь призываше, от него же помощь приимаше.

Во едину же ночь, востав по обычаю на молитву, без мужа. Беси же страх и ужас велик напушаху ей; она же, млада еще и неискусна, тому убоися и ляже на постели и усну крепко. И виде многи бесы, прешедшие же на ню со оружием, хотяще ю убити, рекуще: «Аще не престанешь от такового начинания, абие погубим тя!» Она же помо- лися Богу и Пречистой Богородице, и святому, Николе чудотворцу. И явися ей святой Никола, держа книгу велику, и разгна бесы, яко дым бо исчезоша. И воздвиг десницу свою и благослови ю, глаголя: «Дщи моя, мужайся и крепи ся, и не бойся бесовскаго прещения: Христос бо мне повеле тебе соблюдать от бесов и злых человек!» Она же абие от сна возбнув и увиде яве мужа свята из храмины дверми изшедша скоро, аки молнию. И востав скоро, иде во след его, и абие невидим бысть: но и притвор* храмины тоя крепко заперт бяше. Она же отголе, извещение припиши, возрадовася, славя Бога, и паче первого добрых дел прилежаше.

Помале же Божию гневу Русскую землю постигшу за грехи наши; гладу велику зело бывшу, и мнози от глада того помираху. Она же многу милостыню отаи творяше, взимаше пищу у свекрови на утренее и на польденное яде- ние, и то все нищим гладным даяше. Свекры же глагола ей: «Како ты свой нрав премени! Егда бе хлебу изобилие, тогда не могах тя к раннему и полуденному ядению принудит; а ныне, егда оскудение пищи, и ты раннее и по- льденное ядение взимаешь». Она же, хотя утаитися, от- веща ей: «Егда не родих детей, не хотяше ми ся ясти, и егда начах дети родити, обезсилех, и не могу наястися. Не точию в день, но и нощию множицею хочет ми ся ясти, но страмляюся у тебе просити». Свекры же, се слышав, рада бысть, и посылаше ей пищу доволну не точию в день, но и в ночь; бе бо у них в дому всего обильно, хлеба и всех потреб. Она же от свекрови пищу приимая, сама не ядыше, гладным все раздаяше. И егда кто умираше, она же на-

имаше омывати, и погребалное даяше и на погребение сребреники даяше; а егда в селе их погребаху мертвых кого нибуди, о всяком моляся о отпущении грех.

По мале же мор бысть на люди силен, и мнози умираху пострелом, и оттого мнози в домех залирахуся и уязвленных пострелом в дом не пушаху, и ризам не прикасахуся. Она же отай свекра и свекрови, язвенных многих • своима рукама в бани омывая, целяше, и о исцелении бога моляше. И аще кто умираше, она же многи сироты своима рукама омываше и погребалная возлагаше, погребати найма, и сорокоуст даяше.

Свекру же и свекрови ея в глубоцей старости во иноцех умершим, она же погребе их честно: многу милостыню и сорокоусты по них разда и повеле служити по них литоргию, и трапезы в дому своем попом, мнихом и нищим поставляше во всю 40-цу по вся дни, и в темницу милостыню посылаше. Мужу бо ея в то время на службе во Астрахани три лета и боле бывшу, она же по них много имения в милостыню истроши, не точию в ты дни, но и по вся лета творя память умершим.

И тако пожив с мужем лета доволна во мнозе добродетели и чистоте по закону Божию, и роди сыны и дщери. Ненавидяй же добра враг тцашеся спону ей сотворити; часты брани воздвизаше в детех и рабех. Она же вся, смыслено и разумно рассуждая, смиряше. Враг же напусти раба их: и уби сына их старейшаго. Потом и другаго сына на службе убиша. Она же вмале аще и оскорбися, но о душах их, а не о смерти: но почти их пением, и молитвою, и милостынею.

Потом моли мужа отпустили ю в монастырь; и не отпусти, но совещастаня вкупе жити, а плотнаго совокупления не имели. И устрой ему обычную постелю, сама же с вечера по мнозе молитве возлегаше на печи без постели, точию дрова острыми странами к телу подстилаше, и ключи железны под ребра своя подлагаше, и на тех мало сна приимаше, дондеже рабы ея усыпаху, и потом вставаше на молитву во всю ночь и до света. И потом в церковь вхожаше к заутрени и к литоргии, и потом ручному делу прилежаше, и дом свой Богоугодно строяше, рабы своя доволно пищею и одеянием удовляше, и дело ко муждо по силе задавшие,

вдовами и сироты печашеся, и бедным во всем помогаше.

И пожив с мужем 10 лет по разлучении плотнем, и мужу ея преставльшуся, она же погребе и честно и почти пением и молитвами, и сорокоусты и милостынею. И паче мирская отверже, печашеся о душе, как угодити Богу, ревнуя прежним святым женам, моляся Богу, и постясь, и милостыню безмерну творя, яко многажды не остати у нея ни единой сребреницы, и займая даяше нищим милостыню, и в церковь по вся дни хождаше к пению. Егда же прихождаше зима, взимаше у детей своих сребреники, чим устроити теплую одежду, и раздал нищим, сама же без теплыя одежды в зиму хождаше, в сапоги же босыми ногами обувашеся, точию под нозе свои ореховы скорлупы и чрепие острые вместо стелек подкладаше, и тело томяше.

Во едино же время зима бе студена зело, яко земли разседатися от мраза; она же, неколико время к церкви не хождаше, но в дому молящеся Богу. Во едино же время зело рано попу церкви тоя пришедшу единому в церковь, и бысть ему глас от иконы богородичны: «Шед, рцы милостивой Ульянеи, что в церковь не ходит на молитву? И домовная ея молитва богоприятна, но не яко церковная; вы же почитайте ю, уже бо она не меньше 60 лет, и дух святыи на ней почивает». Поп же в велицем ужасе быв, абие прииде к ней, пад при ногу ея, прося прощения, и сказа ей видение. Она же тяжко вся то внят, еже он поведа пред многими, и рече: «Соблазнился еси, егда о себе глаголеши; кто есмь аз грешница, да буду достойна сего нарицания». И закла его не доведати никому. Сама же иде в церковь и, с теплыми слезами молебная совершив, целова икону Богородицыну. И оттоле боле подвизася к Богу, ходя к церкви.

По вся вечера молящеся Богу во отходной храмине; бе же ту икона Богородицына и святаго Николы. Во един же вечер вниде в ню по обычаю на молитву, и абие бысть храмина полна бесов со всяким оружием, хотяху убити ю. Она же помолися Богу со слезами, и явися ей святыи Никола, имея палицу, и прогна их от нея, яко дым исчезоша. Единаго же беса поймав, мучаше; святую же бла

гослови крестом, и абие невидим бысть. Бес же плача вопияше: «Аз ти многу спону творих по вся дни: воздвизах брань в детех и в рабех, к самой же не смеях приближити ради милостыни, и смирения, и молитвы». Она бо безпрестани, в руках имея четки, глаголя Иисусову молитву. Аще ядыше и пияше, ли что делая, непрестанно молитву глаголаше. Егда бо и почиваше, уста ея движастася и утроба ея подвизастася на славословие Божие: многожды видехом ю спящу, а рука ея четки отдвигаше. Бес же бежа от нея, вопияше: «Многу буду ныне приях тебе ради, но сотворю ти спону на старость: начнеши гладом измирати, ниже чюжих кормити». Она же знаменася крестом, и исчезе бес от нея. Она же к нам прииде ужасна велми лицом пременися. Мы же, видехом ю смущену, вопрошахом, — и не поведа ничто же. Не по мнозе же сказа нам тайно, и заловеда не рещи никому же.

И пожив во вдовстве 9 лет, многу добродетель показа ко всем, и много имения в милостыню разда, точию нужные потребности домовные оставляше, и пищу точию год до года разчиташе, а избыток весь требующим растокаше. И продолжися живот ея до царя Бориса. В то же время бысть глад крепок во всей Русской земли, яко многим от нужды скверных мяс и человеческих плотей вкушати, и множество человек неизчетно гладом изомроша. В дому же ея велика скудость пищи бысть и всех потребных, яко отнюдь не прорасте из земли всееное жита ея; кони же и скоты изомроша. Она же моляше дети и рабы своя, еже отнюдь ничему чужу и татьбе не коснуться, но елико оставшься скоты, и ризы и сосуды вся распрода на жито и от того челядь кормяше, и милостыню доволну даяше, и в нищите обычныя милостыни не остася, и ни единого от просящих не отпусти тща. Дойде же в последнюю нищету, яко ни единому зерну остатися в дому ея; и о том не смятася, но все упование на Бога возложи.

В то бо лето преселися во ино село нарицаемое Вочнево в пределы нижеградския, и не бе ту церкви, но яко два поприща. Она же, старостию и нищетою одержима, не хоужаше к церкви, но в дому моляшася; и о том немалу печаль имяше, но поминая святого Корнилия, яко не вреди его и домовная молитва, и иных святых. Белице же скудости умножьпися в дому ея. Она же распусти рабы на волю, да не изнурятя гладом. От них же доброрасуднии обещахуся с нею терпети,

а инии отъидоша; она же со благословением и молитвою отпусти я: не держа гнева нимало. И повеле оставшим рабом собирати лебеду и кору деревяную, и в том хлеб сотворити, и от того сама с детьми и рабы питашеся, и молитвою ея бысть хлеб сладок. От того же нищим даяше, и никого нища тща не отпусти; в то бо время без числа нищих бе. Соседи же ея глаголаху нищим: «Что ради в Ульянин дом ходите? Она бо и сама гладом измирает!» Они же поведаша им: «Многи села обходим и чист хлеб возьмем, а тако в сладость не ядохом, яко сладок хлеб вдовы сея». Мнози бо иметп ея не ведаху. Соседи же, изобилны хлебом, посылаху в дом ея просити хлеба, искушающе ю; и тако же свидетельствующа, яко велим хлеб ея сладок. И дивяся, глаголаху к себе: «Горазди раби ея печь хлебов!» И не разумеюще, яко молитвою ея хлеб сладок. Потерне же в той нищете два лета, не опечалися, не смутися, не поропта, и не согреша ни во устах своих и не даст безумия Богу; и не изнеможе нищетою, но паче первых лет весела бе.

Егда же приближися честное ея преставление, и разболеся декабря в 26-й день, и лежа 6 дней. В день лежа молящися; а в нощи, вставая, молящися Богу, особь стояще, никим подьдержима, глаголаше бо: «И от болнаго Бог истязует молитвы духовный».

Генваря во 2-й день, свитающе дню, призва отца духовнаго и причастися святых тайн. И сед, призва дети и рабы своя и поучив их по любви, и о молитве, и о милостыни, и о прочих добродетелях. Прирече же и се. «Желанием возжелал ангельскаго образа иноческаго еще от юности моя, но не сподобихся грех моих ради и нищеты, понеже недостойна бых — грешница сый и убогая, богу тако извольшу, слава праведному суду его». И пове-

* , *

ле уготовити кадило, и фимиям вложити и целова вся сущая ту, и всем мир и прощение даст, возлеже, и прекрестися трижды, обвив чотки около руки своя, последнее слово рече: «Слава Богу всех ради, в руке твои, Господи, предаю дух мой, аминь». И предаст душу свою в руке Божии, его же измлада возлюби. И вси видеша около главы ея круг злат, яко же на иконах около глав святых пишется. И омывше, положише ю в клету, и в ту нощь видеша свет и свеща горяща и благоухание

велие повеваше ис клети тоя. И вложыше ю во гроб дубовый, везоша в пределы муромския, и погребоша у церкви праведнаго Лазаря подле мужа ея в селе Лазареве за четыре версты от града, в лета 7112 генваря в 10 день.

Потом над нею поставиша церковь теплую во имя архистратига Михаила. Над гробом ея лучися пещи быти. Земля же возрасташе над нею по вся лета. И бысть в лето 7123 августа в 8 день преставися сын ея Георгий. И начата в церкви копати ему могилу в притворе между церковию и пещию, — бе бо притвор той без моста, — и обретише гроб ея на верху земли цел, неврежден ничим. И недоумеваху, чий есть, яко от многих лет не бе ту погребаемаго. Того же месяца в 10 день погребоша сына ея Георгия подле гроба ея и пойдоша в дом его, еже учредити погребателей. Жены же, бывшыя на погребении, открыта гроб и видеша полн мира благовонна, и в той час от ужасты не поведаша ничто же; по отшествии же гостей сказаша бывшая. Мы же, слышав, удивихомся, и открывше гроб, видехом так, яко же и жены реша от ужасты, начерпахом мал сосудец мира того и отвезохом во град Муром в соборную церковь. И бе видети в день миро, аки квас свекольный, в нощи же сгустевавшися, аки масло багряновидно. Телеси же ея до коньца от ужасты не смеяхом досмотрети, точию видехом нозе ея и бедра целы суца, главы же ея не видехом, того дея, понеже на коньце гроба бревно пещное лежаше. От гроба же под пещь бяше скважня, ею же гроб той ис под пещья идяше на восток с сажень, дондеже пришед ста у стены церковный. В ту же ноць мнози слышаху у церкви тоя звон; и мнеша пожар, и прибегше, не видеша ничто же, точию благоухание исхождаше. И мнози слышаху, и прихождаху, и мазахуся миром тем, и облегчение от различных недуг приимаху. Егда же миро то раздано бысть, нача подле гроба исходити персть, аки песок; и приходят болящи различными недуги, и обтираются песком тем, и облегчение приемлют и до сего дня. Мы же сего не смеяхом писати, яко не бе свидетельства.

КОММЕНТАРИИ

Иван Васильевич — Иван IV Васильевич Грозный (1530 — 1584), сын великого князя Василия Ш, провозглашенный после смерти отца великим князем (1533); венчался на царство в 1547 г.

Недюрев — Иустин Васильевич, отец Ульянии, в 1542 г. был ключником во Владимире.

Живот — жизнь, имущество.

...никого простым именем назваше... — т. е. не называла слуг неполными именами (Васька, Машка).

Притвор — предхрамье, передняя паперть.

Глад велик — речь идет о страшном трехлетнем голоде во время царствования Бориса Годунова в 1601—1603 гг.

Сорокоуст — ежедневное поминовение на протяжении сорока дней после смерти.

Спока — препятствие.

Чрепие — черепки.

...до царя Бориса... — до Бориса Годунова.

Кадило — церковный сосуд для курения благовоний.

Фимиям — благовоние.

Миро — благовонное масло.

Персть — пыль, прах, земля.

ПОВЕСТЬ О ГОРЕ-ЗЛОЧАСТИИ

ПОВЕСТЬ О ГОРЕ И ЗЛОЧАСТИИ, КАК ГОРЕ-ЗЛОЧАСТИЕ ДОВЕЛО МОЛОТЦА ВО ИНОЧЕСКИЙ ЧИН

Изволением Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа вседержителя, от начала века человеческого.

А в начале века сего тленного сотворил Бог небо и землю, сотворил Бог Адама и Евву, повелел им жити во святом раю, дал им заповедь божественну: и повелел вкушати плода виноградного отедемского древа великаго.

Человеческое сердце несмысленно и неуимчиво: прелстился Адам со Еввою, позабыли заповедь Божию, вкусили плода виноградного от дивнаго древа великаго; и за преступление великое Господь Бог на них разгневался, и изгнал Бог Адама со Еввою из святого раю, из едемского, и вселил он их на землю, на нискую, благословил их раститесь — плодитесь и от своих трудов велел им сытым быть, от земных плодов.

Учинил Бог заповедь законную: велел им браком и женитбам быть

для рождения человеческого и для любимых детей. Ино зло племя человеческо: вначале пошло непокорливо, ко отцову учению зазорчиво, к своей матери непокорливо и к советному другу

обманчиво.

А се роди пошли слабы, добру убожливи, а на безумие обратилися и учели жить в суете и в неправде, в ечерине великое, а прямое смирение отринули.

И за то на них Господь Бог разгневался, — положил их в напасти великия, попустил на них скорби великия и срамныя позоры немерныя, безживотие злое, сопостатныя находы, злую, немерную наготу и босоту, и безконечную нищету, и недостатки последние, все смиряючи нас, наказуя и приводя нас на спасенный путь.

Тако рождение человеческое от отца и от матери.

Будет молодец уже в разуме, в беззлобии, и возлюбилы его отец и мать, учить его учили, наказывать, на добрыя дела наставляють:

«Милое ты наше чадо,
послушай учения родителскаго,
ты послушай пословицы,
добрыя, и хитрыя, и мудрыя:
не будет тебе нужды великия,
ты не будешь в бедности великой
Не ходи, чадо, в пиры и в братчины ,
не садися ты на место большее,
не пей, чадо, двух чар заедину!
еще, чадо, не давай очам воли,
не прелщайся, чадо, на добрых, красных жен,
на отеческия дочери.

Не ложися, чадо, в место заточное , не бойся мудра,
бойся глупа, чтобы глупыя на тя не подумали, да не сняли бы с тебя драгих порт, не доспели бы тебе позорства и стыда великаго и племяни укору и поносу безделнаго!

^т
*
Не ходи, чадо, х костарем и корчемникам,
не знайся, чадо, з головами кабацкими,
не дружися, чадо, з глупыми — не мудрыми,
не думай украсти-огрabitи,
и обмануть-солгать и неправду учинить.
Не прелщайся, чадо, на злато и серебро,
не збирай богатства неправаго,
не буди послух лжесвидетелству,

а зла не думай на отца и мать
и на всякого человека,
да и тебе покрывает Бог от всякого зла.
Не безчествуй, чадо, богата и убога,
а имей всех равно по единому.
А знайся, чадо, с мудрыми
и с разумными водися,
и з други надежными дружися,
которые бы тебя злу не доставили».
Молодец был в то время се мал и глуп,
не в полном разуме и несовершен разумом:
своему отцу стыдно покориться
и матери поклониться,
а хотел жити, как ему любо.
Наживал молодец пятьдесят рублей,
залез он себе пятьдесят другое.
Честь его яко река текла.
Друговя к молотцу прибивалися,
в род-племя причиталися.
Еще у молотца был мил надежен друг —
назвался молотцу названой брат,
прел стил его речми прелесными,
завал его на кабацкой двор,
завел ево в ызбу кабацкую,
поднес ему чару зелена вина
и крушку поднес пива пьянова;
сам говорит таково слово:
«Испей ты, братец мой названой,
в радость себе, и в веселие, и во здравие!
Испей чару зелена вина,
запей ты чашею меду сладково!
Хошь и упьешься, братец, допьяна,
ино где пил, тут и спать ложися.
Надейся на меня, брата назваяова, — я сяду
стеречь-досматривать!
В головах у тебя, мила друга, я поставлю
крушку ишему сладково, вскрай поставлю
зелено вино, близ тебя поставлю пиво пьяное,
зберегу я, мил друг, тебя накрепко, сведу я
тебя ко отцу твоему и матери!»
В те поры молодец понадеяся на своего брата

названного, — не хотелось ему друга
ослушатца: принимался он за питья за
пьянья и испивал чару зелена вина, запивал
он чашею меду слатково, и пил он, молодец,
пиво пьяное, упился он без памяти и где пил,
тут и спать ложился: понадеялся он на брата
названного.

Как будет день уже до вечера, а солнце на
западе, от сна молодец пробуждаетца, в те
поры молодец озирается: а что сняты с него
драгие порты, чирь и чулочки — все
поснимано: рубашка и портки — все
слуплено, и вся собина у его ограблена, а
кирпичек положен под буйн^ его голову, он
накинут гункою кабацкою, в ногах у него
лежат лалотки-отопочки, в головах мила
друга и близко нет.

И вставал молодец на белы ноги,
учал молодец наряжаться: обувал
он лапотки, надевал он гунку
кабацкую, покрывал он свое тело
белое, умывал он лице свое белое.

Стоя молодец закручинился, сам
говорит таково слово:

«Житие мне Бог дал великое, —
ясти-кушати стало нечево!

Как не стало денги, ни полу денги, —
так не стало ни друга не полдруга, род
и племя отчитаются, все дружи прочь
отпираются».

Стало срамно молотцу появиться к
своему отцу и матери, и к своему роду
и племяни, и к своим прежним милым
другом.

Пошел он на чюжу страну, далну, незнаему,
нашел двор, что град стоит, изба на дворе, что
высок терем, а в ызбе идет велик пир почестей,
гости пьют, ядят, потешаются.

Пришел молодец на честен пир, крестил он
лице свое белое, поклонился чюдным образом,

бил челом он добрым людей на все четыре стороны.

А что видят молотца люди добрые, что горазд он крестится, ведет он все по писанному учению, — емлют его люди добрыя под руки, посадили ево за дубовой стол, не в большее место, не в меньшее, — сядят ево в место среднее, где сядят дети гостиные .

Как будет пир на веселие, и все на пиру гости пьяны-веселы, и сядя все похваляютца.

Молодец на пиру невесел сedit, кручиноват, скорбен, нерадостен, а не пьет, ни ест он, ни тешитца и ничем на пиру не хвалитца.

Говорят молодцу люди добрыя:

«Что еси ты, доброй молодец? зачем ты на пиру невесел седишь, кручиноват, скорбен, нерадостен, ни пьешь ты, ни тешышься, да ничем ты на пиру не хвалится?»

Чара ли зелена вина до тебя не дохаживала?

или место тебе не по отчине твоей?

или малые дети тебя избидили?

или глупыя люди немудрыя

чем тебе молотцу насмеялися?

или дети наши к тебе неласковы?»

Говорит им, сядя, доброй молодец: «Государивы, люди добрыя!

Скажу я вам про свою нужду великую,

про свое ослушание родительское

и про питье кабацкое,

про чашу медвяную,

про лестное питие пьяное.

Яз как принялся за питье за пьяное, ослушался

яз отца своего и матери, — благословение мне

от них миновалось, Господь Бог на меня

разгневался и на мою бедность — великия

многия скорби неисцелныя и печали

неутешныя,

скудость и недостатки, и нищета последняя.

Укротила скудость мой речистой язык,

изъсушила печаль мое лице и белое тело. Ради

того мое сердце невесело, а белое лице
унынливо, и ясныя очи замутились, — все
имение и взоры у мене изменилися, отечество
мое потерялося, храбрость молодецкая от мене
миновалася. Государи вы, люди добрыя!
скажите и научите, как мне жить на чюжей
стороне, в чюжих людех, и как залести мне
милых друзей?»

Говорят молотцу люди добрыя:

«Доброй еси ты и разумный молодец!

Не буди ты спесив на чюжой стороне, покорися
ты другу и недругу, поклонися стару и молоду,
а чюжих ты дел не объявляй, а что слышишь
или видишь, не сказывай,

не лети ты межъ други и недруги,
не имей ты упатки вилавья ,
не вейся змиею лукавою,
смирение ко всем имей и ты с кротостию,
держися истинны с правдою, —
то тебе будет честь и хваля великая.
Первое тебе люди отведают и учнуть ти чтить
и жаловать за твою правду великую, за твое
смирение и за вежество, и будут у тебя милыя
други, названья братья надежный!»
И отуду пошел молодец на чюжу сторону, и
учал он жити умеючи.
От великаго разума наживал он живота болшы старова,
присмотрил невесту себе по обычаю — захотелось
молотцу жениться.
Средил молодец честен пир отчеством и вежеством,
любвным своим гостем и другом бил челом
И по грехом молотцу,
и по Божию попущению,
и по действию диаволу
пред любовными своими гостями и други,
и названными братья похвалился.
А всегда гнило слово похвалное, похвала живет человеку
пагуба!
«Наживал-де я, молодец, живота болши старова!»
Послушало Горе-Злочастье хвастане молодецкое, само
говорит таково слово:
«Не хвались ты, молодец, своим счастием, не хвастай
своим богатством!
Бывали люди у меня, Горя, и мудря тебя и досужае, и я
их, Горе, перемудрило, учинися им злочастье великое, до
смерти со мною боролися, во злом злочастии позорилися,
не могли у меня, Горя, уехати, и сами они во гроб
вселились, от мене накрепко они землю
накрылись, босоты и наготы они избыли, и я от
них, Горе, миновалось, а злочастье на их в могиле
осталось.
Еще възгряло я, Горе, к иным привязалось,
а мне, Горю и Злочастию, не впусе же жити —

хочю я, Горе, в людех жить и бататом меня не
выгнать.

А гнездо мое и вотчина во бражниках!» Говорит
серо Горе-горинское:

•«Как бы мне молотцу появиться? »

Ино зло то Горе излукавилось, во сне молотцу
привидялось:

«Откажи ты, молодец, невесте своей любимой:
быть тебе от невесты истравлену, еще быть тебе от
твоей жены удавлену, из золота и серебра бысть
убитому!

Ты пойдешь, молодец, на царев кабак, не жали ты,
пропивай свои животы, а скинь ты платье
гостиное, надежи ты на себя гунку кабацкую,
кабаком то Горе избудетца, да то злое Злочастье
останетца: за нагим то Горе не погонитца, да никто
к нагому не привяжетца, а нагому-босому шумить
розбой!»

Тому сну молодец не поверовал.

Ино зло то Горе излукавилось,
Горе архангелом Гавриилом молотцу
попрежнему явилось,
еще вновь Злочастье привязалось:

«Али тебе, молодец, неведома нагота и босота
безмерная, легота-безпроторица великая?

На себя что купить — то проторится, а ты, удал
молодец, и так живешь!

Да не бьют, не мучат нагих-босых, и из раю
нагих-босых не выгонят, а с тово свету сюды не
вытепут, да никто к нему не привяжется — а
нагому-босому шумить розбой!»
Тому сну молодец он поверовал, сошел он
пропивать свои животы, а скинул он платье
гостиное, надевал он гунку кабацкую, покрывал он
свое тело белое.
Стало молотцу срамно появиться своим милым
другом.
Пошел молодец на чужу страну далну-незнаему.
На дороге пришла ему быстра река,
за рекою перевощики,
а просят у него перевозного,
ино дать молотцу нечево,
не везут молотца безденежно.
Седит молодец день до вечера.
Миновался день до вечера, ни дообеднем, не едал
молодец ни полу куса хлеба.
Вставал молодец на скоры ноги, стоя, молодец
закручинился, а сам говорит таково слово:
«Ахти мне, Злочастье горинское! до беды меня,
молотца, домыкало: уморило меня, молотца,
смертью голодною, — уже три дни мне были
нерадошны; не едал я, молодец, ни полу куса хлеба!
Ино кинусь я, молодец, в быстру реку — полощь мое
тело, быстра река, ино еште, рыбы, мое тело белое!
Ино лутчи мне жития сего позорного.
Уйду ли я у Горя злочастного?»
И в тот час у быстри реки скоча Горе из-за камени:
босо-наго, нет на Горе ни ниточки, еще лычком*
Горе подпоясано, богатырским голосом воскликало:
•«Стой ты, молодец; меня, Горя, не уйдеш никуды! Не
мечися в быстру реку, да не буди в горе кручиноват —
А в горе жить — некручинну быть, а кручинну в горе
погинути!
Спамятуй, молодец, житие свое первое и как тебе отец
говорил, и как тебе мати наказывала!
О чем тогда ты их не послушал?

Не захотел ты им покориться, постыдился им
поклониться, а хотел ты жить, как тебе любо есть.
А хто родителей своих на добро учения не слушает, того
выучю я, Горе злочастное.
Не к любому он учнет упадывать, и учнет он недругу
покаряться!»
Говорит Злочастие таково слово:
«Покорися, мне Горю нечистому, поклонися мне, Горю,
до сыры земли!
А нет меня, Горя, мудря на сем свете!
И ты будешь перевезен за быструю реку, напоят тя,
накормят люди добрыя».
А что видит молодец неминучую, покорился Горю
нечистому, поклонился Горю до сыры земли.
Пошел-поскочил доброй молодец по круту, по красну по
бережку, по желтому песочнику.
Идет весел-некручиноват, утешил он Горе-Злочастие, а
сам идучи думу думает:
«Когда у меня нет ничево, и тужить мне не о чем!»
Да еще молодец некручиноват запел он хорошую
напевочку ог великаго крепкаго разума:
«Безпечална мати меня породила, гребешком кудерцы
розчесывала, драгими порты меня одеяла и отшед под
ручку посмотрела, хорошо ли мое чадо в драгих портах?
— а в драгих портах чаду и цены нет!
Как бы до веку она так пророчила,
ино я сам знаю и ведаю^
что не класти скарлату без мастера,
не утешыти детяти без матери,
не бывать бражнику богату,
не бывать костарю в славе доброй!
Завечен я у своих родителей, что мне быти
белешенку, а что родился головенкою!»
Услышали перевощики молодецкую напевочку,
перевезли молотца за быстру реку, а не взяли у него
перевозного, напоили-накормили люди добрыя,
сняли с него гунку кабацкую, дали ему порты
крестьянские.
Говорят молотцу люди добрыя:
«А что еси ты, доброй молодец, ты поди на свою
сторону, к любимым честным своим родителем, ко
отцу своему и к матери любимой, простися ты с

своими родители, отцем и материю,
возми от них благословение родительское!»
И оттуда пошел молодец на свою сторону.
Как будет молодец на чистом поле, а что злое Горе
наперед зашло, на чистом поле молотца встретило,
учало над молодцом гаяти, что злая ворона над
соколом.

Говорить Горе таково слово:

«Ты стой, не ушел, доброй молодец!

Не на час я к тебе, Горе злочастное, привязалось!
хощь до смерти с тобою помучуся! не одно я Горе,
еще сродники, а вся родня наша добрая, все мы
гладкие, умилные!

А кто в семью к нам примешается — ино тот между
нами замучится! такова у нас участь и лутчая!

Хотя кинся во птицы воздушный, хотя в синее море
ты пойдешь рыбою, а я с тобою пойду под руку под
правую!»

Полетел молодец ясным соколом, а
Горе за ним белым кречатом.

Молодец полетел сизым голубем, а
Горе за ним серым ястребом.

Молодец пошел в поле серым волком, а Горе за ним з
борзыми вежлецы*.

Молодец стал в поле ковыль-трава, а Горе пришло с
косою острою; да еще Злочастие над молотцем
насмиялося: «Быть тебе, травонка, посеченой, лежать
тебе, травонка, посеченой и буйны ветры быть тебе
развеяной!»

Пошел молодец в море рыбою, а Горе за ним с
щастыми неводами,

Еще Горе злочастное насмеялося:

«Быти тебе, рыбонке, у бережку
уловленной,

быть тебе да съеденой,
умереть будет напрасною смертию!»

Молодец пошел пеш дорогого, а Горе под руку под
правую, научает молотца богато жить, убить и
ограбить, чтобы молотца за то повесили, или с
каменем в воду посадили.

Спамятует молодец спасенный путь, и оттоле
молодец и монастыр пошел постригаться а Горе у

снятых ворот остается, к молотцу впредь не
привяжетца!

А сему житию конец мы ведаем.

Избави, Господи, вечныя муки, а дай нам, Господи,
светлый рай Во веки веков. Аминь.

КОММЕНТАРИИ

Эдем — рай.

Ечерине — распря.

Братчина — пир в складчину.

Место заточное — пустынное. *Костарь* — игрок в кости.

Послух — свидетель.
Ишем — мед.
Чиры — башмаки.
Собина — имущество.
Гунка кабацкая — рубище, которое давали в кабаках вмес то
пропитой одежды.
Лапотки-отопочки — стоптанные лапти.
Отчитаться — отречься.
Дети гостиные — купцы.
Упатки вилавья — хитрые подходы.
Воз грать — закаркать.
Батог — палка, посох.
Надежи... — надень.
Архангел Гавриил — один из высших ангелов, носитель ра
достных благовестий.
Лыко — подкорье молодой липы, идущее на лапти. *Скарлатка*
— дорожная ткань.
Борзые вежлецы — гончие собаки.

ПОВЕСТЬ О САВВЕ ГРУДЦЫНЕ

ПОВЕСТЬ ЗЕЛО ПРЕЧУДНА И УДИВЛЕНИЮ ДОСТОЙНА, ИЖЕ СОДЕЯШАСЯ ВО ГРАДЕ КАЗАНИ НЕКОЕГО КУПЦА ФОМЫ ГРУДЦЫНА О СЫНЕ ЕГО САВВЕ

В лето от сотворения миру 7114 бысть во граде велице Устюзе некто купец, муж славен и богат зело, именем и прослытием Фома Грудцын-Усовых. Видев бо гонение и мятеж велик на христианы в Российском государстве и во многих градах, абие оставляет великий град Устюг и преселяется в понизовный славный царственный град Казань, зане в понизовых градах не бысть злочестивыя литвы.

И живяше той Фома з женою своею во граде Казани даже до лет благочестиваго великаго государя царя и великаго князя Михаила Феодоровичя всея России. Имея же у себя той Фома сына едиnorodна, именем Савву, двенадцатолетна возрастом. Обычай же имея той Фома куплю деяти, отъезжая вниз Волгою рекою, овогда к Соли Камской, овогда в Астрахань, а иногда же за Хвалынское море в Шахову область отъезжая, куплю творяще. Тому же и сына своего Савву поучяще и неленостно таковому делу прилежати повелеваше, дабы по смерти его наследник был имению его.

По некоем же времени восхоте той Фома отплыти на куплю в Шахову область и обычныя струги с таваром к плаванию устроившу, сыну же своему, устроив суды со обычными тавары, повелевает плыти к Соли Камской и тако купеческому делу со всяким опасением прилежати повелеваше. И абие обычное целование подаде жоне и сыну своему, пути касается.

Малы же дни помедлив, и сын его на устроенных судах по повелению отца своего к Соли Камской плавание

творити начинает. Достигшу же ему усолекаго града Орла, абие пристаает ко брегу и по повелению отца своего у некоего нарочита человека в гостиннице обитати пристаает. Гостинник же той и жена его, помня любовь и милость отца его, немало прилежание и всяко благодеяние творяху ему и яко о сыне своем всяко попечение имеяху о нем. Он же пребысть в гостиннице оной немало время.

В том же граде Орле бысть некто мещанин града того, именем и прослытием Важен Второй, уже бо преста- ревся в летех и знаем бяше во многих градах благодрав- наго ради жития его, понеже и богат бе зело и попремно- гу знаем и дружен бе Саввину отцу Фоме Грудцыну. Уведев лее Бяжен Второй, яко ис ХСазани Фомы Грудцы— на сын его во граде их обретається, и помыслив в себе, яко «отец его со мною многу любовь и дружбу имеяше, аз же ныне презрех его, но убо возму его в дом мой, да обитает у мене и питается со мною от трапезы моя».

И сия помыслив, усмотри некогда того Савву путем грядуща и, призвав его, начат глаголати: «Друже Савво! Или не веси, яко отец твой со мною многу любовь имат, ты же почто презрел еси мене и не пристал еси в дому моем обитати? Ныне убо не преслушай мене, прииди и обитай в дому моем, да питаемся от общия трапезы моя. Аз убо за любовь отца твоего вселюбезно яко сына приемлю тя». Савва же, слышав таковыя от мужа глаголы, велми рад бысть, яко от такаваго славна мужа прият хочет бы- ти, и низко поклонение творит пред ним. Немедленно от гостинника онаго отходит в дом мужа того Бажена Втора- го и живяше во всяком благоденствии, радуясь. Той же Важен Второй стар сый и имея у себе жену, третиим браком новоприведенную, девою пояту сушу. Ненавидяй же добра роду человечю супостат диавол, видя мужа того до- бродетелное житие и хотя возмутити дом его, абие уязвляет жену его на юношу онаго к скверному смешению блуда и непрестанно уловляше юношу онаго льстивыми словесы к падению блудному: весть бо женское естество уловляти умы молодых к любодеянию. И тако той Савва лестию жены тоя, паче же рещи, от зависти диаволи зачат бысть, па- дея в сеть любодеяния з женою оною ненасытно творяше блуд и безвременно во оном скверном деле пребываше

с нею, ниже бо воскресения день, ниже праздники помняще, но забывше страх Божий и чяс смертный, всегда бо в кале блуда яко свиния валяющесе и в таком во ненасытном блужении многое время яко скот пребывая.

Некогда же приспевшу празднику Вознесения* Господа нашего Иисуса Христа, в навечерии же праздника Важен Второй, поим с собою юношу онаго Савву, поидоша до свята церкви к вечернему пению и по отпущении вечерни паки приидоша в дом свой, и по обычной вечери возлегоша каждой на ложе своем, благодаряще Бога. Внегда же боголюбивый оный муж Важен Второй заслав крепко, жена же его диаволом подстрекаема, востав тайно с ложа своего и пришед к постели юноши онаго и возбудив его, понуждаше к скверному смешению блудному. Он же, аще и млад сый, но яко некоею стрелою страха Божия уязвлен бысть, убоясь суда Божия, помышляше в себе: «Какое в таковой господственный день таковое скверное дело сотворити имам?» И сия помысли, начят с клятвою отрицатися от нея, глаголя, яко «не хочу всеконечно погубити душу свою и в таковой превеликий праздник осквернити тело мое». Она же, ненасытно распалаема похотию блуда, неослабно нудяше его ово ласканием, ово же и прещением неким угрожая ему, дабы исполнил желание ея, и много труждашися, увещавая его, но никакже возможе приклонити его к воли своей: Божественная бо некая сила помагаше ему. Видев же лукавая та жена, яко не возможе привлещи юношу к воли своей, абие зелою яростию на юношу распалися яко лютая змия, возстенав, отиде от ложа его, помышляше волшебными зелии ополити его и неотложно злое свое намерение совершити хотя. И елико замыслив, сия и сотвори.

Внегда же начяше клепали ко утреннему пению, боголюбивый же он муж Важен Второй, скоро востав от ложа своего, возбудив же и юношу онаго Савву, поидоша на славословие Божие ко утренни и отслушавше со вниманием и страхом Божиим и приидоша в дом свой. И егда же приспе время Божественной литургии, поидоша паки с радостию до свята церкви на славословие Божие. Проклятая же она жена тщательно устрояше на юношу волшебное зелие и яко змия хотяще яд свой излевати на него. По отпущении же божественной литургии Важен Второй и Савва изыдоша из

церкви, хотяще итти в дом свой. Воевода же града того пригласив онаго мужа Бажена Второго, да обеду ет с ним, вопросив же и о юноши оном, чей г.ѣт и отку- ду. Он же поведает ему, яко из Казани Фомы Грудцына сын. Воевода же приглашает и юношу онаго в дом свой, за- не добре знающе отца его. Они же бывше в дому его и по обычю общия трапезы причастившеся, с радостию воз- вратившеся в дом свой.

Важен же Второй повеле принести от вина мало, да испиют в доме своем чести ради господственнаго онаго праздника, ничто же бо сведый лукаваго умышления жены своея. Она же, яко ехидна злая, скрывает злобу в сердце своем и подпадает лестию к юноши оному. Принесенну же бывшу вино, наливает абие чашу и подносит мужу своему. Он же и пив благодаря Бога. И потом наливает, сама испив. И абие наливает отравнаго онаго угото- ваннаго зелия и подносит юноши оному Савве. Он же испив, нимало помыслив, ниже убоявся жены оныя, чая- ше, яко же никоего же зла мыслит на него, и без всякаго размышления выпивает лютое оно зелие. И се начят яко некий огонь горсти в сердца его. Он же помышляя, глаголя в себе, яко «много различных нитей в дому отца моего и никогда же таковаго пития испих, яко же ныне». И ег- да же испив онаго, начят сердцем тужити и скорости по жене оной. Она же, яко лютая львица, яростно погляда- ше на него и нимало приветство являше к нему. Он же сокрушашеся, тужаше по ней. Она же начят мужу своему на юношу онаго клеветати и нелепая словеса глаго- лати и повелевше изгнати из дому своего. Богобоязливый же он муж, аще и жалея в сердца своем по юноши, обаче же уловлен бысть женскою лестию, повелевает юноши изыти из дому своего, сказуя ему вины некия. Юноша же той с великою жалостию и тутою сердца отходит из дому его, тужа и сетуя о лукавой жене оной.

И прииде паки в дом гостинника онаго, идеже первее обиташе. Он же вопрошает его: «Каковы ради вины изы- де из дому Баженова?» Он же сказуя им, яко «сам не вос- хоте жити у них, зане гладно ми есть». Сердцем же скорби и неутешно тужаше по жене оной. И начят от великия туги красота лица его увядати и плоть его истончявати- ся. Видев же гостинник юношу сетующа и скорбяща зело, недоумевающеся ему, что бо бысть.

Бысть же во граде том некто волхв, чарованием своим сказуя, кому какова скорбь приключится, он же узнавая, или жити или умрети. Гостинник и жена его, благоразумии сухцы, немало попечение о юноши имяху и призывают тайно волхва онаго, хотяще уведати от него, какова скорбь приключится юноши. Волхв же оный, посмотрив волшебный своя книги, сказует истинну, яко никоторыя скорби юноши не имат в себе, токмо тужит по жене Бажена Второго, яко в блудное смешение падеся, ныне же осужен бысть от нея и, по ней стужая, сокрушается. Гостинник же и жена его, слушавши таковая от волхва, не яша веры, зане Важен муж благочестив быше и бояйся Бога, и ни во что же дело сие вмениша. Савва же непрестанно тужа и скорбя о проклятой жене оной и день от дне от тоя туги истончи плоть свою, яко бы некто великою скорбию болел.

Некогда же той Савва изыде един за град на поле от великаго уныния и скорби прогулятися и идяше един по полю, и никого же за собою или пред собою видяще, и ничто же ино токмо сетуя и скорбя о разлучении своем от жены оной и, помыв в себе во уме своем такову злу мысль, глаголя: «Егда бо кто от человек или сам диавол сотворил ми сие, еже бы паки совокупитися мне з женою оною, аз бы послужил диаволу». И такову мысль помыв, аки бы ума иступив, идяше един и мало пошед слышав за собою глас, зовущ его во имя. Он же обращен, зрит за собою юношу, борзо текуща в нарочито одеянии, помавающа рукою ему, пождати себе повелевающе. Он же стоя, ожидая юношу онаго к себе.

Юноша той, паче же рещи, супостат диавол, иже непрестанно рыщет, ища погибели человеческия, пришед же к Савве и по обычаю поклоншеся между собою. Рече же пришедший отрок к Савве, глаголя: «Брате Савво, что убо яко чюждь бегавши от мене? Аз бо давно ожидах тя к себе, да како бы пришел еси ко мне и сродственную лубовь имел со мною. Аз убо вем тя давно, яко ты от рода Грудцыных-Усовых из града Казани, а о мне аще хошеши уведети, и из того же рода от града Великаго Устюга, zde давно обитаю ради конския покупки, и убо по плотскому рождению братия мы с тобою. А ныне убо буди брат и друг и не отлучайся от мене: аз бо всяко споможение во всем рад чинити тебе». Савва же слышав от мнимаго онаго брата, паче же рещи, от беса, таковыя глаголы,

велми возрадовался, яко в таковой далной незнаемой стране сродника себе обрете, и любезно целовастася, поидоша оба вкупе по пустыни оной.

Пришед же Савво с ним, рече бес к Савве: «Брате Сав- во, какую скорбь имаши в себе, яко велми изчезе юношеская красота твоя?» Он же всяко лукавствуя, сказоваша ему некую быти великую скорбь в себе. Бес же, ослабив- ся, рече ему: «Что убо скрываешия от мене? Аз бо вем скорбь твою. Но что ми даси, аз помогу скорби твоей». Савва же рече: «Аще убо ведаеши истинную скорбь, яже имам в себе, то пойму веры тебе, яко можеша помощи ми». Бес же рече ему: «Ты бо, скорбя, сокрушаешися сердцем своим по жене Бажена Второго, зане отлучен еси от лубви ея. Но что ми даси, аз учиню тя с нею по-прежнему в любви ея». Савва же рече: «Аз убо, елико им zde таваров и богатства отца моего и с прибытками, все отдаю тебе. Токмо сотвори попрежнему любовь имети з женою оною». Бес же и ту усмеявся, рече ему: «Что убо искушавши мя? Аз бо вем яко отец твой много богатства имат. Ты же не веси ли, яко отец мой седмерицею богатеет отца твоего. И что ми будет в таварех твоих? Но даждь ми на ся рукописание мало некое, и аз исполню желание твое». Юноша же рад бысть, помышляя в себе, яко «богатство отца моего цело будет, аз же дам ему писание, что ми велит налисати», а не ведый, в какову пагубу хочет внести, еще же и писати совершенно, ниже слагати что умея. Оле безумия юноши онаго! Како уловлен бысть лестию женскою, и тоя ради в какову погибель снисходит! Егда же изрече бес к юноши словеса сия, он же с радостшо обе- щася дати писание. Мнимый же брат, паче же рещи, бес вскоре изъем из очпага чернила и хартию, дает юноши и повелевает ему немедленно налисати писание. Той же юноша Савва еще несовершенно умеяше писати и, елико бес сказоваша ему, то же и писаша, не слагая, и таковым писанием отречася Христа истиннаго Бога и предадася в служение диаволу. Написав же таковое богоотметное писание, отдает диаволу, мнимому своему брату. И тако поидоша оба во град Орел.

Вопросив же Савва беса, глаголя: «Повеждь ми, брате мой, где обитавши, да увем дом твой». Бес же, возсме- явся, рече ему: «Аз убо особаго дому не имам, но где прилунится, тамо и начую. Аще ли хочеша видетися со мною часто, ищи

мя всегда на Конной площадке. Аз убо, яко же рех ти, zde живу ради конских покупок. Но аз сам не обленюся посещати тебе. Ныне же иди к лавке Ба- жена Второго: вем бо, яко с радостию призовет тя паки в дом свой жити».

Савва же по глаголу брата своего диавола радостно тече к лавке Бажена Второго. Егда же Важен виде Савву, усердно приглашает его к себе, глаголя: «Господине Савво, кую злобу сотворих аз тебе и почто изшел еси из дому моего? Протчее убо молю тя, прииди паки обитати в дом мой, аз убо за любовь отца твоего яко присному своему сыну рад бых тебе всеусердно». Савва же, егда услыша от Бажена таковыя глаголы, неизреченною радостию возрадовася и скоро потече в дом Бажена Второго. И егда же пришед, жена же его, егда виде юношу и, диаволом подстрекаема, радостно сретает его и всяким ласканием приветствоваше его и лобызаше. Юноша же уловлен бысть лестию женскою, паче же диаволом, паки запинается в сети блуда с проклятою оною женою, ниже праздников, ниже страха Божия помняще, ноне ненасытно безпрестанно с нею в кале блуда валялся.

По мнозе времени абие входит в слухи в преслову- щий град Казань к матери Саввиной, яко сын ея живет неисправное и непорядочное житие и, елико было с ним отеческих товаров, все изнурих бе в блуде и пьянстве. Мати же его, таковая о сыне своем слуша, зело огорчися и пишет к нему писание, дабы он оттуду возвратился ко граду Казани и в дом отца своего. И егда прииде к нему писание, он же, прочет, посмеяся и ни во что же вменив. Она же паки посылает к нему второе и третье писмо, ово молением молит, ово же и клятвами закликает его, дабы немедленно ехал оттуду во град Казань. Савва же нимало внят материю молению и клятве, но ни во что не вменяше, токмо в страсти блуда упражняшеся.

По некоем же времени поемлет бес Савву и поидоша оба за град Орел на поле. Изшедшим же им из града, глаголет бес к Савве: «Брате Савво, веси ли, кто семь аз? Ты **5760** мниши мя совершение быта от рода Грудцыных, но несть тако. Ныне убо за любовь твою повем ти всю истину, ты же не бойся, ниже устыдися зватися братом со мною: аз убо всесовершенно улюбих тя во братство себе. Но аще хочещи ведати о мне, аз убо сын царев. Пойдем протчае, да покажу ти славу и могущество отца моего». И сия глаголя, приводе его в пусто

место на некий холм и показа ему в некоем раздолии град велми славен: стены и покровы и помосты все от злата чиста блистаяся. И рече ему: «Се есть град отца моего, но идем убо и поклонимся купно отцу моему, а еже ми дал еси писание, ныне возьм сам вручи его отцу моему и великой честию почтен будеши от него». И сия изглаголя, бес отдает Савве богоотметное оно писание. Оле безумие отрока! Ведый бо, яко некоторое царство прилежит в близости к Московскому государству, но все обладаема бе царем Московским. Аще бы тогда вообразил на себе образ честнаго креста, вся бы сия мечты дияволския яко сень погibli. Но на предлежащее возвратимся.

Егда же поидоша оба к привиденному граду и приближившимся им ко вратом града, сретают их юноши темнообразнии, ризами и поясы украшены златыми и со тщанием покланяющеся, честь воздающе сыну цареву, паче же рещи, бесу, такожде и Савве покланяющеся. Вшедшим же им во двор царев паки сретают инии юноши, ризами блистающеся паче первых, такожде покланяющеся им. Егда же внидоша в полаты царевы, абие друзии юноши сретают их друг друга честью и одеянием превосходяще, воздающе достойную честь сыну цареву и Савве. Вшед же бес в полату, глаголя: «Брате Савво, пожди мя zde мало: аз убо шед возвещу о тебе отцу моему и введу тя к нему. Егда же будеши пред ним, ничто же размышляя или бояся, подаждь ему писание свое». И сия рек, поиде во внутренни полаты, оставль Савву единаго. И помедлив тамо мало, приходит к Савве и по сем вводит его пред лице князя тьмы.

Той же сед я на престоле висоце, камением драгим и златом преукрашенном, сам же той славою великою и одеянием блистайся. Окрест же престола его зрит Савва множество юнош крылатых стоящих. Лица же их овых сини, овых багряны, иных же яко смола черны. Пршпед же Савва пред царя онаго, пад на землю, поклонися ему. Вопросы же его царь глаголя: «Откуда пришел еси семо и что есть дело твое?» Безумный же он юноша подносит ему богоотметное свое писание, глаголя, яко «приидох, великий царю, послужити тебе». Древний же змий сатана, прием писание и прочет его, обзревся к темнообразным своим воинам, рече: «Аще ли и прииму отрока сего, но не вем, крепок ли будет мне или ни».

Призвав же сына своего, Саввина мнимаго брата, глаголя ему: «Иди протчяе и обедуй з братом своим». И тако оба поклонившася царю и изыдоша в преднюю полату, наченша обе- дати. Неизреченныя и благовонныя яди приношаху им, такожде и питье, яко Савве дивитися, глаголя: «Никогда же в дому отца моего таковых ядей вкушать или пития испих». По ядении же приемлет бес Савву и поидо- ша паки з двора царева и изыдоша из града. Вопрошает же Савва брата своего беса, глаголя: «Что убо, брате, яко видех у отца твоего окрест престола его юнош крылатых стоящих?» Бес же, улыбался, рече ему: «Или не веси, яко мнози языцы служат отцу моему: индеи и персы и инии мнози? Ты же не дивися сему и не сомневайся братом звати мя себе. Аз бо да буду тебе меньши брат; токмо, елико реку ти, во всем буди послушен мне. Аз же всякаго добродетельства рад чинити тебе». Савва же всем обещался послушен быти ему. И тако уверишася, приидоша паки во град Орел. И оставльпе бес Савву, отходит. Савва же паки прииде в дом Баженов и пребыва- ше в прежнем своем скаредном деле.

В то же время прииде в Казань из Персиды со многими прибытки отец Саввин Фома Грудцын и, яко же лепо, обычное целование подав жене своей, вопрошает ю о сыне своем, жив ли есть. Она же поведает ему, глаголя, яко «от многих слышу о нем: по отшествии твоём в Перейду, отъиде он к Соли Камской, тамо и донныне живет житие неудобное, все богатство наше, яко же глаголют, изнурих в пианстве и блуде. Аз же много писах к нему о сем, дабы оттуду возвратился в дом наш, он же ни единыя отповеди подаде ми, но и ныне тамо пребывает, жив ли или ни, о сем не вемы». Фома же, таковыя глаголы слышав от жены своея, зело смутися умом своим и скоро сед, написав епистолию к Савве, со многим молением, дабы без всяка- го замедления оттуду ехал во град Казань, «да вижу, ре- че, чядо, красоту лица твоего». Савва же таковое писание прием и прочет ё, ни во что же вмени, ниже помысли еха- ти ко отцу своему, но токмо упражнялся в ненасытном блужении. Видев же Фома, яко ничто не успеваает писание его, абие повелеваает готовити подобныя струги с та- варом, к пути касается к Соли Камской, по Каме. «Сам, рече, сыскав, пойму сына своего в дом мой».

Бес же, егда уведе и яко отец Саввин путешествие творит к

Соли Камской, хотя пояти Савву в Казань, и абие глаголет Савве: «Брате Савво, доколе зде во едином малом граде жити будем? Идем убо во иныя грады и погуляем, паки суда возвратимся». Савва же нимало отречеся, но глаголя ему: «Добре, брате глаголеши, идем, но пожди мало: аз бо возьму от богатства моего неколико пенязей на путь». Бес же возбраняет ему о сем, глаголя: «Или не ведал еси отца моего, не веси ли, яко везде села его ест, да иде же приидем, тамо и денег у нас будет, елико потребно». И тако поидоша от града Орла, никим не ведомы, ниже то сам Важен Второй, ниже жена его уведевши о отшествии Саввине.

Бес же и Савва об едину ночь от Соли Камския объявишася на реке Волге во граде, нарицаемом Кузьмодемьянском, разстояние имеюще от Соли Камской боле 2000 поприщ. И глаголет бес Савве: «Аще кто тя знаемый узрит зде и спросит, откуда пришел еси, ты же рцы: от Соли Камския в третью неделю приидохом до зде». Савва же, елико повода ему бес, тако и сказываша, и пребываше в Кузьмодемьянску неколико дней.

Абие бес паки поемлет Савву и об едину ночь ис Кузьмодемьянску приидоша на реку Оку в село, нарицаемое Павлов Перевоз. И бывшим им тамо в день четвертка, в той же день в селе оном торг бывает. Ходящим же им по торгу, узрев Савва некоего престарела нища мужа стояща, рублищами гнусными зело одеянна и зряща на Савву прилежно и велми плачуща. Савва же отлучися мало от беса и притече ко старцу оному, хотя уведати вины плача его. Пришед же ко старцу и рече: «Кая ти, отце, печаль есть, яко неутешно тако плачеш?» Нищий же он старец снятый глаголет ему: «Плачю, рече, чядо, о погибели души твоея: не веси бо, яко погубил еси душу свою и волею предался еси диаволу. Веси ли, чядо, с кем ныне ходиши и его же братом себе нарицаеши? Но сей не человек, диявол, но бес, ходяй с тобою, доводит тя до пропасти адския». Егда же изрече старец к юноше глаголы сия, обозревся Савва на мнимаго брата своего, паче же рещи, на беса. Он же издаlechя стоя и грозя на Савву, зубы своими скрежеташе на него. Юноша же вскоре, оставль святаго онаго старца, прииде к бесу паки. Диявол же велми начят поносити его и глаголати: «Чесо бо ради с таковым злым душегубцом сообщился еси? Не знаешь ли сего лукавого старца, яко многих погубляет; на тебе

же видев одеяние нарочито и глаголы лестныя происпустив к тебе, хотя от-лучити тя от людей и удавом удавити и обрати с тебе одеяние твое. Ныне убо аще оставлю тя единого, то вскоре погибнеша без мене». И сия изрече, со гневом поемлет Савву отгуду и приходит с ним во град нарицаемый Шую и тамо пребываху неколико времени.

Фома же Грудцын-Усов, пришед во град Орел, вопрошает о сыне своем и никто же можаше поведати ему о нем. Все бо видяху, яко пред его приездом сын его во граде хождаше всеми видим, а иде же внезапно скрыся, никто же весть. Ови глаголаху, яко «убояся пришествия твоего, зане zde изнурил все богатство твое и сего ради скрыся». Паче же всех Важен Второй и жена его, ди-влящся, глаголаху, яко «об ночь спаше с нами, заутра же пошед некуды, мы же ожидахом его обедати, он же от того чясу никако нигде же явился во граде нашем, а иде же надеся, ни аз, ни жена моя о сем не вем». Фома же многими слезами обливался, живой, ожидая сына своего и немало пождав тщею надеждою возвратися в дом свой. И возвещает нерадостный случай жене своей и оба вкупе сетуя и скорбяща о лишении единородного сына своего. И в таком сетовании Фома Грудцын поживе неколико время, ко господу отъиде, жена же его оставши вдовою сущи.

Бес же и Савва живяше во граде Шуе. Во время же то благочестивый государь, царь и великий князь Михаил Феодорович всея России возжелаше послати воинство свое противу короля польскаго под град Смоленск и по его царскаго величества указу по всей России набираху новобраных тамошних салдат. Во град же Шую ради салдатскаго набору послан с Москвы столник Тимофей Воронцов и новобраных салдат по вся дни воинскому артикулу учяще. Бес же и Савва, приходяще, смотряху учения. И рече же бес к Савве: «Брате Савво, хочещи ли послужити царю, да напишемся и мы в салдаты?» Савва же рече: «Добре, брате, глаголещи, послужим». И тако написавшеся в салдаты и наченше купно на учение ходи-ти. Бес же в воинском учении такому премудрость дарова Савве, яко и старых воинов и начяльников во учении превосходит. Сам же бес, яко бы слугуя Савве, хождаше за ним и оружие его ношаше.

Егда же из Шуи новобраных салдат приведоша к Москве и отдаша их в научение некоему немецкому полковнику, той же

полковник, егда прииде видети новобраных салдат на учении, и се видит юношу млада, во учении же воинском зело благочинна и урядно поступающа и ни малаго порока во всем артикуле имеюща и многих старых воинов и начяльников во учении превосходяща, и велми удивися остроумию его. Призвав же его к себе, вопрошает рода его. Он же сказует ему всю истинну. Полковник же, возлюбив велми Савву и назвав его сыном себе, даде ему з главы своея шляпу, драгоценным бисером утворену сушу. И абие вручает ему три роты новобраных салдат, да вместо его устро- яет и учит той Савва. Бес же тайно припаде к Савве и рече ему: «Брате Савво, егда ти недостаток будет, чим ратных людей жаловати, повеждь ми: аз бо принесу ти, елико потребно денег будет, дабы в команде твоей роптания и жалобы на тебя не было». И тако у того Саввы вси салдаты во всякой тишине и покое пребываху, в протчих бо ротах молва и мятеж непрестанно, яко от глада и нагаты непожалова- ны помираху. У Саввы же во всякой тишине и благоустрое- ттггг салдаты пребываху, и вси дивляхуся остроумию его.

По некоему же случаю явственню учинися о нем и самому царю. В то же время на Моськве немалу власть имея шурин царев боярин Семен Лукьянович Стрешнев . Уве- дев про онаго Савву, повелевает его привести пред себе и рече ему: «Хощеши ли, юноше, да пойму тя в дом мой и чести немалы сподоблю тя?» Он же поклонися ему и рече: «Есть бо, владыко мой, брат у мене, вопрошу убо его. Аще ли повелит ми, то с радостию послужу ти». Боярин же нимало возбранив ему о сем, отпустив его, да спросит, рече, брата своего. Савва же пришед, поведа сие мнимому брату своему. Бес же с яростию рече ему: «Почто, убо хощеши презрети царскую милость и служити холопу его? Ты убо ныне и сам в том же порядке устроен, уже бо и самому царю знатен учинился еси, ни убо не буди тако, но да послужим царю. Егда убо царь увестъ верную твою службу, тогда и чином возвышен будеши от него».

По повелению же цареву вси новобраныя салдаты розданы по стрелецким полкам в дополнку. Той же Савва поставлен на Устретенке в Земляном городе, в Зимине приказе*, в доме стрелецкаго сотника именем Иякова Шилова. Сотник же той и жена его, благочестивый и благодравнии суще, видящи бо Саввино остроумие, зело почитаху его. Полки же на Моськве во

всякой готовности бяху.

Во един же от дней прииде бес к Савве и рече ему: «Брате Савво, пойдем прежде полков в Смоленск и видим, что творят поляки и како град укрепляют и бран- ные сосуды устроят». И об едину ношь с Москвы в Смоленску ставше и пребывше в нем дни три и нощи три же, никим же видимы, они же все видевше и созирающе, како поляки град укрепляху и на приступных местах вся- кия гарматы поставляху. В четвертый же день бес объяви себе и Савву в Смоленску поляком. Егда же узревше поляки их, велми возмятошася, начяша гнати по них, хотя- ще уловити их. Бес же и Савва, скоро избехше из града, прибегоша к реке Днепру, и абие разступися им вода и преидоша реку оную посуху. Поляки ж много стреляюще по них, и никако же вредиша их, удивляхуся, глаголю- ще, яко «бесове суть во образе человеческом, приидоша и бывше во граде нашем». Савва же и бес паки приидоша к Москве и ставше паки у того же сотника Иякова Шилова.

Егда же по указу царскаго величества поидоша полки с Москвы под Смоленск, тогда и той Савва з братом своим в полках поидоша. Над всеми же полками тогда боярин бысть Феодор Иванович Шеин*. На пути же бес к Савве рече: «Брате Савво, егда убо будем под Смоленским, тогда от поляков из полков из града выедет един исполин на поединок и станет звати противника себе. Ты же не бойся ничесо же, изыди противу его; аз убо ведая глаголю ти, яко ты поразиши его. На другой же день паки от поляков выедет другой исполин на поединок, ты же изыди паки и противу того; вем бо, яко и того поразиши. В третий же день выедет из Смоленска третий поединщик, ты же, ничесо не бояся, и противу того пойди, но и того поразиши. Сам же уязвлен будеши от него. Аз же язву твою вскоре узрачюю». И тако увещав его, приидоша под град Смоленск и ставше в подобие месте.

По глаголу же бесовскому послан бысть из града некий воин страшен зело, на кони скакавше из смоленских полков и искавше себе из московских полков противника, но никто же смеяше изыти противу его. Савва же объявляя себе в полках, глаголя: «Аще бы мне был воинский добрый конь, и аз бы изшел на брань противу сего неприятеля царска». Друзии же его слышавше сия и скоро возвестиша о нем боярину. Боярин же повеле Савву привести пред себе и повеле ему коня нарочита дати и оружие, мнев, яко вскоре погибнути имат юноша от таковаго страшнаго исполина. Савва же по глаголу брата своего беса, ничто же размышляя или бояся, выезжает противу полскаго онаго богатыря и скоро срази его, приводит и с конем в полки московския, и от всех похваляем бе. Бес же ездя по нем, служа ему и оружие его за ним нося. Во второй же день паки из Смоленска выезжает славный некий воин, ища из войска московского противника себе, и паки выезжает противу его той же Савва и того вскоре поражает. Все же удивляхуся храбрости его. Боярин же разгневался на Савву, но скрываше злобу в сердцы своем. В третий же день еще выезжает из града Смоленска некий славный воин паче первых, такожде ища и позывая противника себе. Савва же, аща и бояся ехати противу такова страшнаго воина, обаче по словеси бесовскому немедленно выезжает и противу того. Но абие поляк той яростшо напустив и уязви Савву копием в левое стегно. Савва же, исправлься, нападает на поляка онаго, убивает его и с

конем в табары привлече, немал же зазор смоляном наведе, все же российское воинство во удивление приведе. Потом же начяша из града выласки выходити и войско с войском сошедшимся свалным боем битися. Да иде же Савва з братом своим с котораго крыла воеваху, тамо поляки от них невозвратно бежаху, тыл показующе, бесчисленно бо много поляков побивающе, сами же ни от кого вредими бяху.

Слышав же боярин о храбрости юноши онаго и уже не могый скрыти тайнаго гнева в сердцы своем, абие призывает Савву к шатру и глаголет ему: «Повеждь ми, юноше, какового еси роду и чий есть сын?» Он же поведа ему истинну, яко из Казани Фомы Грудцына-Усова сын. Боярин же начят всякими нелепыми словесы поносити его и глаголати: «Кая ты нужда в таковой смертный случай призвана? Аз убо знаю отца твоего и сродников твоих, яко бесчисленно богатство имут, ты же от какова гонения, или скудости оставя родителей своих, сего пришел еси? Обаче глаголю ти: ни мало медли, поиди в дом родителей твоих и тамо во благоденствии с родителями твоими пребывай. Аще ли преслушаеши мене и услышу о тебе, яко злешаи пребывати, то без всякаго милосердия zde имаши погибнути: главу бо твою повелю вскоре отяти от тебе». Сия же боярин к юноше изрече и с яростию отиде от него. Юноша же со многою печалию отходит от него.

Отшедшим же им от шатра, рече бес к Савве: «Что убо тако печялуешися о сем? Аще неугодна служба ваша явися zde, то идем прочае паки к Москве и тамо да пребываем». И тако въскоре отидоша из Смоленска к Москве и приставше обитати в доме того же сотника. Бес же днем пребываше с Саввою, к нощи же отхождаше от него в своя адския жилища, иде же искони обычай окаянным пребывати.

Не малу же времени минувшу, абие разболесе Савва и бе болезнь его тяжка зело, яко быти ему близ смерти. Жена же сотника онаго, благоразумна сущи, боящися Бога, всяко попечение и прилежание о Савве имущи и

глаголаше ему многожды, дабы повелел призвати иерея и исповедати грехи своя и причаститися святых тайн, «да некако, рече, в таковой тяжкой скорби внезапно без покаяния умрет». Савва же о сем отрицался, яко «аще, рече, и тяжко болю, но несть сия болезнь моя к смерти». И день от дне болезнь его тягчя бяше. Жена же оная неотступно притужаше Савве, да покается, ибо «от того не имаши умрети». И едва принужден бе Савва боголюбивою оною женою, повелевает призвати к себе иерея. Жена же она вскоре посылает ко храму святого Николая, что во Грачах, и повелевает призвати иерея тоя церкви. Иерей же, ни мало замедлив, притече к болящему. Бе бо иерей той леты совершен сый, муж искусен и богобоязлив. Пришед же, начят молитвы покаянны глаголати, яко же обычно. И егда же всем люд ем из храма изшедшим, иерей же начят болнаго исповедовати, и се внезапно зрит больны во храм той вшедших толпу велию бесов. Мнимый же его брат, паче же рещи — бес, прииде с ними же уже не в человеческом образе, но в существенном своем зверовидном образе и, став создади бесовския оныя толпы, велми на Савву яряся и зубы скрежеташе, пока- зую ему богоотметное оно писмо, яже даде ему Савва у Соли Камския. И глагола бес к болящему: «Зриши ли, клятвопреступниче, что есть сие? Не ты ли писал еси сие? Или мниши, яко покаянием сим избудеши от нас? Ни убо, не мни того; аз убо всею силою моею подвигнуся на тя». Сия убо и иная многая неподобная бесом глаголящим, болный же зря очевидно их и ово ужасеся, ово же наделся на силу Божию, и до конца все подробну испове- да иерею оному. Иерей же той, аще и муж свят бе, обаче убося страха онаго, зане людей никого же во храмине кроме болнаго виде, голку* же велику слыша от бесовския оныя силы. И с нуждею великою исповеда болнаго, отиде в дом свой, никому же сия поведав.

По исповеди же оной нападе на Савву дух нечистый и начят немилостиво мучити его, ово о стену бия, ово о помост одра его пометая, ово храплением и пеною давяше и всякими различными томлениями мучяше его. Боголюбивый же муж вышепомянутой сотник и з благонравною своею женою, видящы на юноши таковое от диявола незальное нападение и несносное мучение, велми жалеюща и стеньху сердцы своими по юноши, но никако же помощи ему могуще. Бес же день от дне на бол наго л юте нападая, мучяще его, и всем

предстоящим ту от мучения его немал ужас находящъ. Господин же дому, яко виде на юноши таковую необычную вещь, паче же и зная, яко юноша той ведом бе и самому царю храбрости ради своя, и помышляше з женою своею, да како бы возвестити о сем самому царю. Бе же и сродница некая бяше у НИУ в доме царском. И сия помысливше, посылает немедленно жену свою ко оной сроднице своей, повелевая ей, да вся подробно возвестит ей и дабы немедленно о сем возвестити цареви, да «некако, рече, юноша оный в таком злом случае умрет, а они истязали от царя за неизвещение».

Жена же его ни мало помедлив, скоро тече ко сроднице своей и вся повеленная ей от мужа по ряду сказа. Сродница же она, яко слыша таковыя глаголы, умилися душею, ово поболев по юноши, паче же скорбяще по срод- ницех своих, да некако и вправду от таковаго случая беду примут. И ни мало помедлив, скоро тече от дому своего до полат царевых и возвещает о сем ближним сигклитом царевым. И не в долзе часе внушается самому царю о сем.

Царь же, яко слыша о юноши таковая, милосердие свое изливает на нь, глаголя предстоящим пред ним сигклитом, да егда бывает повседневное изменение караулом, повелевает послати в дом сотника онаго, иде же бесный оный юноша лежит, по два караулщика, да надзирают, рече, опасно юношу онаго, да некако, от онаго бесовскаго мучения обезумев, во огонь или в воду ввержется. Сам же благочестивый царь посылаше к болящему повседневную пищу и, елико здравее больной явится, повелевает возвестити себе. И сему тако бывшу, больной же немало время в таком бесовском томлении пребысть.

Бысть же месяца июля в 1 день юноша оный необычно от беса умучен бысть. Абие заспав мало и во сне, якобы на яве, начят глаголати, изливая слезы изо смеженных очей своих, сице рече: «О, всемилостивая госпоже царице и Богородице, помилуй, Владычице, помилуй, не солжу бо все, царице, не солжу, но исполню, елико обе- щался ти». Домашний же и снабжевающий его воины, таковая от болнаго глаголы слышаще, удивившася, гла- голющы, яко некое видение видит.

Егда же болный от сна возбнув, приступи к нему сотник и рече: «Повеждь ми, господине Савво, что таковыя глаголы со слезами во сне, и х кому рекл еси?» Он же паки начят омывати

лице свое слезами, глаголя: «Видех, рече, ко одру моему пришедшу жену светолепну и неизреченною светльостию сияюще, носящу же ризу багряну, с нею же и два мужа некия, сединою украшены. Един убо во одежде архиерейстей, другой же алостолское одеяние носяще. И не мно инех, токмо жену мно быти пресвятую Богородицу, мужей же единого напереть ника господня апостола Иоанна Богослова, втораго же неусыпаго стража града нашего Москвы преславнаго во иерарсех архиерея Божия Петра митрополита, их же подобия и образ добре знаю. И рече ми светолепная она жена: «Что ти есть, Савво, и чесо ради тако скорбиш?» Аз же рюх ей: «Скорблю, владычице, яко прогневах сына твоего и бога моего и тебе, заступницу рюда христианскаго, и за се люте бес мучит мя». Она же, осклабився, рече ми: «Что убо мниши, како ти избыти от скорби сея и тако ти вырочи рукописание свое из ада?» Аз же рех ей: «Не могу, Владычице, не могу, аще не помощию сына твоего и твоею всесилною милостию». Она же рече ми: «Аз убо умолю о тебе сына своего и Бога, токмо един глагол мой исполни: аще избавлю тя от беды сея, хочещи ли монах быти?» Аз же тыя молебныя глаголы со слезами глаголах ей во сне, яже и вы слышасте. Она же паки рече ми: «Савво, егда убо приспее праздник явления образа моего, яже в Казани, ты же прииди во храм мой, яже на площади у Ветошнаго ряду, и аз пред всем народом чюдо являю на тебе». И сия рече ми, невидима бысть».

Сия же слышав, сотник и приставлши воины от Саввы изглаголанная, велми почюдишася. И начя сотник и жена его помышляти, како бы о сем видении возвестити самому царю. И умыслиша послати по сродницу свою, дабы она возвестила о сем видении царевы полаты сигклитом, от них же бы внушено было самому царю. Прииде же сродница она в дом сотника. Они же поведаша ей видение болящаго юноши. Она же слышав и абие отходит немедленно до царевы полаты и возвещает ближним сигклитом. Они же немедленно внушают царю о бывшем видении Саввином. И егда же слышав царь, велми почюдися. И начяша ожидати праздника онаго. И егда же приспе время июлия осмаго числа, бысть праздник Казанския пресвятыя богородицы. Абие повелевает царь принести болящаго онаго Савву до церкви. Бысть же в той день хождение крестное из соборныя апостолския церкви

Успения Пресвятыя Богородицы. В том же ходу был и сам царское величество. И егда же наченше Божественную литоргию, принесенну же бывшу и болящему оному Савве и положенну вне церквы на ковре.

Егда же бо начяше пети херувимскую песнь, и се вне- залу бысть глас с небеси, яко бы гром велий возгреме: «Савво востани! Что бо медлиши? И прииди во церковь мою, здрав буди, к тому не согрешай». И абие спаде от верху церкви богоотметное оно Саввино писание, все заглажено, яко никогда же писано, пред всем народом. Царь же, видев сие чудо, велми подивися. Болный же той Савва, скочив с ковра, аки бы никогда же болев, и притече скоро в церковь, паде пред образом пресвятыя богородицы, начя со слезами глаголати: «О, преблагословенная ма- ти господня, христианская заступница и молебница о душах наших к сыну своему и богу; избави мя от адския пропасти. Аз же вьскоре исполню обещание свое». Сие же слышав, великий государь царь и великий князь Михаил Феодорович всея России повеле призвати к себе онаго Савву и вопросив его о бывшем видении. Он же поведав вся по ряду и показав писание свое. Царь же подивися зело Божию милосердию и несказанному чудеси.

Егда же отпеша божественную литоргию, поиде Савва в дом сотника Иякова Шилова, яко никогда же болев. Сотник же той и жена его, видев над ним милосердие Божие, благодарив Бога и пресвятую его Богоматерь.

Потом же Савва, роздав все имение свое, елико имеа- ше, убогим, сам же иде в монастырь Чюда архистратига Михаила, иде же лежат мощы святителя Божия Алексея митрополита, иже зовется Чюдов монастырь. И возприяв иноческий чин и начя ту жити в посте и в молитвах, беспрестанно моляся господеву о согрешении своем. В мо-

настыре же оном поживе лета довольна, ко Господу отиде в вечный покой, иде же святии пребывают. Буди же вседержителю Богу слава и держава во веки веков, аминь. Конец и Богу слава.

КОММЕНТАРИИ

Годы правления царя Михаила Федоровича — 1613—1645.

Хвалынское море, Шахова область — Каспийское море,

Персия.

Струги — речные суда.

Абие — тотчас.

Вознесение Господне — христианский праздник, приходится на 40-й день после Пасхи.

Прещение — запрет.

Литургия (литургия) — главное богослужение в православной церкви, совершаемое утром.

Борзо — быстро, скоро.

Хартия — чистая бумага.

...*(столник Тимофей Воронцов...* — Для набора солдат в 1629 г. в Шую был послан Петр Никитич Воронцов-Вельяминов.

Новобранные солдаты — речь идет о подготовке к войне с Польшей за Смоленск. Начало формирования русских полков относится к 1630 г.

Семен Лукьянович Стрешнев — брат царицы Евдокии, урожденной Стрешневой.

Зимин приказ — в XVII в. стрелецкое войско делилось на приказы, которыми командовали головы (начальники), подчиняющиеся воеводе.

Федор Иванович Шеин. — В тексте неверно указано его имя. В действительности Шеина звали Борисом Михайловичем. За неудачную осаду Смоленска он был осужден и казнен в 1634 г.

Стегно — бедро.

Табар — военный лагерь.

Толка — шум, крик, волнение в народе.

...*приди во храм мой...* — Церковь Казанской Божьей Матери была построена в 1636 г. на Красной площади.

...*иже зовется Чудов монастырь.* — Монастырь Чуда архистратига Михаила, Чудов монастырь в московском Кремле.

Святитель Алексей — митрополит Московский и всея Руси (ум. 1378).

В неких местех живяше два брата земледелцы, един богат, други убог. Богаты же ссужая много лет убогова и не може исполнити скудости его. По неколику времени прииде убоги к богатому просити лошади, на чемь ему себе дров привести. Брат же ему не хотяше дати ему лошади и глагола ему: «Много ти, брате, ссужал, а напол- нити не мог». И егда даде ему лошадь, он же возьмь, нача у него хомута просити. И оскорбися на него брат, нача поносити убожество его, глаголя: «И того у тебя нет, что своего хомута». И не даде ему хомута.

Поиде убогой от богатого, взя свои дровни, привяза за хвост лошади, поиде в лес и привезе ко двору своему и забы выставить подворотню и ударив лошадь кнутом. Лошедь же изо всей мочи бросися чрез подворотню с возом и оторва у себя хвост.

И убоги приведе к брату своему лошадь без хвоста. И виде брат его, что у лошади ево хвоста нет, нача брата своего поносити, что лошадь, у него отпрося, испортил, и, не взяв лошади, поиде на него бить челом во град к Шемяке судии.

Брат же убоги, видя, что брат ево пошел на него бити челом, поиде и он за братом своим, ведая то, что будет на него из города посылка, а не ити,— ино будет езд приставом платить.

И приидоша оба до некоего села, не доходя до города. Богатый прииде начевати к попу того села, понеже ему знаем. Убогий же прииде к тому же попу и, пришед, ля- же у него на полати. А богатый нача погибель сказывать своей лошади, чего ради в город идет. И потом нача поп з богатым ужинати, убогова же не позовут к себе яс-

ти. Убогий же нача с полатаей смотрети, что поп з братом его ест, и урвася с полатаей на зыпку и удави попова сына до смерти. Поп также поеде з братом в город бити челом на убогова о смерти сына своего.

И приидоша ко граду, иде же живяше судия. Убогий же за ними же иде. Поидоша через мост в город. Града же того некто житель везе рвом в баню отца своего мыти. Бедный же веды себе, что погибель ему будет от брата и от попа, и умысли себе смерти предати, бросися прямо с мосту в ров, хотя ушибьтися до смерти. Бросяся, упаде на старого, удави отца у сына до смерти; его же поимаше, приведоша пред судию. Он же мысляше, как бы ему напастей избыти и судии что б дати. И ничего у себе не обрете, измысли, взя камень и, завертев в плат и положи в шапку, ста пред судиею. Принесе же брат его челобитную на него исковую в лошади и нача на него бити челом судии Шемяке.

Выслушав же Шемяка челобитную, глаголя убогому: «Отвещай!» Убогий же, не веды, что глаголати, вынял из шапки тот заверченый камень, показа судии и поклонися. Судия же начаялся, что ему от дела убоги посулил, глаголя брату ево: «Коли он лошади твоей оторвал хвост, и ты у него лошади своей не замай до тех мест, у лошади вырастет хвост. А как вырастет хвост, в то время у него и лошадь свою возми».

И потом нача другой суд быти. Поп ста искати смерти сына своего, что у него сына удави. Он же также выняв из шапки той же заверченый плат и показа судне. Судна же виде и помысли, что от другога суда други узел сулит злата, глаголя попу судия: «Коли-де у тебя ушип сына, и ты-де атдай ему свою жену попадью до тех мест, покамест у попадьи твоей он добудет ребенка тебе. В то время возми у него попадью и с ребенком».

И потом нача трети суд быти, что, бросясь с мосту, ушиб у сына отца. Убогий же, выняв заверченый из шапки той же камень в плате, показа в третие судне. Судия же начался, яко от третьего суда трети ему узол сулить, глаголя ему, у кого убит отец: «Взыди ты на мост, а уби-вы отца твоего станеть под мостом, и ты с мосту вержися сам на его, такожде убий его, яко же он отца твоего».

После же суда изыдоша исцы со ответчиком ис приказу. Нача богаты у убогова просити своей лошади, он же ему глагола: «По судейскому указу как-де у ней хвост

вырастет, в ту-де тебе пору и лошадь твою отдам». Брат же богаты даде ему за свою лошадь пять рублей, чтобы ему и без хвоста отдал. Он же взя у брата своего пять Рублев и лошадь его отда.

Той же убоги нача у попа просити попадьи по судейскому указу, чтоб ему у нее ребенка добыть и, добыв, попадью назад отдать ему с ребенком. Поп же пача ему бити челом, чтоб у него попадьи не взял. Он же взя у него десять рублей.

Той же убоги нача и третиему говорить исцу: «По судейскому указу я стану под мостом, ты же взыди на мост и на меня тако ж бросися, яко ж и аз на отца твоего». Он же размишляя себе: «Броситися мне — и ево-де не ушибить, а себя разшибьти». Нача и той с ним миритися, даде ему мзду, что броситися на себя не веле.

И со всех троих себе взя.

Судна шь выела человека ко ответчику и веле у него показание три узлы взять. Человек же судиин нача у него показанныя три узла просить: «Дай-де то, что ты из шапки судне казал в узлах, велел у тебя то взяти». Он же выняв из шапки завязаны камень и показа. И человек ему нача говорить: «Что-де ты кажеш камень?» Ответчик же рече: «То судии и казал». Человек ему нача его вопрошати: «Что то за камень кажеш?» Он же рече: «Я-де того ради сей камень судье казал, кабы он не по мне судил, и я тем камнем хотел его ушибти».

И пришед человек и сказал судье. Судья же, слыша от человека своего, и рече: «Благодарю и хвалю Бога моего, что я по нем судил: «как бы я не по нем судил, и он бы меня ушиб».

Потом убогий отыде в дом свой, радуясь и хваля Бога. Аминь.

КОММЕНТАРИИ

Выражение «Шемякин суд» означает несправедливый суд.

Посылка — вызов на суд.

Езд — проездные.

Полати — кровать, помост в крестьянской избе от печи до противоположной стены.

Зыпка — люлька, качалка.

Не замай — не бери.

До тех мест — до тех пор.

Приказ — помещение, в котором воевода производил суд.

СЛОВО О БРАЖНИКЕ, КАКО КНИДЕ В РАЙ

Бысть неки бражник, и зело много вина тил во вся дни живота своего, а всяким ковшом Господа Бога прославлял, и чясто в нощи Богу молился. И повеле Господь взять бражникову душу, и постави ю у врат святого рая Божия, а сам ангел и прочь пошел.

Бражник же начя у врат рая толкатися, и приде ко вратам верховный апостол Петр, и вопроши: «Кто есть толкущися у врат рая?» Он же рече: «Аз есмь грешны человек бражник, хощу с вами в раю пребыти». Петр рече: «Бражником zde не входимо!» И рече бражник: «Кто ты еси тамо? Глас твой слышу, а имени твоего не ведаю». Он же рече: «Аз есть Петр апостол». Слышав сия бражник, рече: «А ты помниши ли, Петре, егда Христа взяли на распятие, и ты тогда трижды отрекся еси от Христа? О чем ты в раю живеша?» Петр же отъиде прочь посрамлен.

Бражник же начя еще у врат рая толкатися. И приде ко вратом Павел апостол, и рече: «Кто есть у врат рая толкаетца?» — «Аз есть бражник, хощу с вами в раю пребывати». Отвеща Павел: «Бражником zde не входимо!» Бражник рече: «Кто еси ты, господине? Глас твой слышу, а имени твоего не вем». — «Аз есть Павел апостол». Бражник рече: «Ты еси Павел! Помниши ли, егда ты первомученика Стефана камением побил? Аз, бражник, никово не убил!» И Павел апостол отъиде прочь.

Бражник же еще начя у врат толкатися. И приде ко вратом рая царь Давыд: «Кто есть у врат толкаетца?» — «Аз есть бражник, хощу с вами в раю пребыти». Давыд рече: «Бражником zde не входимо!» И рече бражник: «Господине,

глас твой слышу, а в очи тебя не вижу, име-

ни твоего не вем». — «Аз есть царь Давыд». И рече бражник: «Помниши ли ты, царь Давыд, егда слугу своего Урию послал на службу и веле ево убита, а жену ево взял к себе на постелю? И ты в раю живеши, а меня в рай не пушавши!» И царь Давыд отъиде проч посрамлен.

Бражник начя у врат рая толкатися. И приде ко вратом царь Соломон*: «Кто есть толкаетца у врат рая?» — «Аз есть бражник, хошу с вами в раю быти». Рече царь: «Бражником zde не входимо!» Бражник рече: «Кто еси ты? Глас твой слышу, а имени твоего не вем». — «Аз есмь царь Соломон». Отвещав бражник: «Ты еси Соломон! Егда ты был во аде, и тебя хотел Господь Бог остави- ти во аде, и ты возопил: Господи Боже мой, да вознесетца рука твоя, не забуди убогих своих до конца! А се еще жены послушал, идолом поклонился, оставя Бога жива, и четыредесять лет работал еси им! А я, бражник, никому не поклонился, кроме Господа Бога своего. О чем ты в рай вшел? » И царь Соломон отъиде проч посрамлен.

Бражник же начя у врат рая толкатися. И приде ко вратом святитель Никола : «Кто есть толкущися у врат рая?» — «Аз есть бражник, хошу с вами в раю во царствие внити». Рече Никола: «Бражником zde не входимо в рай! Им есть мука вечная и тартар неисповедим!» Бражник рече: «Зане глас твой слышу, а имени твоего не знаю, кто еси ты?» Рече Никола: «Аз есть Николай». Слышав сия бражник, рече: «Ты еси Николай! И помниш ли: егда святи отцы были на вселенском соборе и обличили еретиков, и ты тогда дерзнул рукою на Ария безумнаго? Святителем не подобает рукою дерзку быти. В законе пишет: не уби, а ты убил рукою Ария треклятаго!» Николай, сия слышав, отъиде прочь.

Бражник же еще начя у врат рая толкатися. И приде ко вратом Иоанн Богослов , друг Христов, и рече: «Кто у врат рая толкаетца?» — «Аз есть бражник, хошу с вами в раю быти». Отвещав Иоанн Богослов: «Бражником есть не наследимо царство небесное, но уготованна им мука вечная, что бражником отнюдь не входимо в рай!» Рече ему бражник: «Кто есть тамо? Зане глас твой слышу, а имени твоего не знаю». — «Аз есть Иоанн Богослов» . Рече бражник: «А вы с Лукою написали во Еванге- ли: друг друга любяй. А Бог всех любит, а вы пришельца

ненавидите, а вы меня ненавидите. Иоанне Богослове! Либо руки своя отпишись, либо слова отопришь!» Иоанн Богослов рече: «Ты еси наш человек, бражник! Вниди к нам в рай». И отверзе ему врата.

Бражник же вниде в рай и сел в лутчем месте. Святи отцы почяли глаголати: «Почто ты, бражник, вниде в рай и еще сел в лутчем месте? Мы к сему месту не мало присту- пити смели». Отвеща им бражник: «Святи отцы! Не умеете вы говорить з бражником, не токмо что с трезвым!»

И рекоша вси святии отцы: «Буди благословен ты, бражник, тем местом во веки веков». Аминь.

КОММЕНТАРИИ

Петр, Павел — апостолы. Петр трижды за одну ночь отрекся от Христа. Павел участвовал в убийстве первосвятителя Стефана.

Давид — царь Израильского государства. Возлюбив жену своего слуги Урия Вирсавию, царь послал мужа на верную гибель на войну, а Вирсавию взял в жены.

Соломон — библейский царь — мудрец, поклонявшийся в старости языческим богам.

Никола чудотворец — на Никейском соборе во время богословского спора Николай Мирликийский ударил по лицу александрийского священника Ария.

Иоанн Богослов — четвертый евангелист, написавший «Апокалипсис», апостол, ученик Христа, один из наиболее приближенных к Мессии последователей христианства.

ЖИТИЕ ПРОТОПОПА АВВАКУМА, ИМ САМИМ НАПИСАННОЕ¹

В сокращении

По благословению отца моего старца Епифания писано моею рукою грешною протопопа Аввакума, и аще что реченно просто, и вы, Господа ради, чтущий и слышащий, не позазрите просторечию нашему, понеже люблю свой русской природной язык, виршами философскими не обик речи красить, понеже не словес красных Бог слушает, но дел наших хошет. И Павел пишет: «Аще языки человеческими глаголю и ангельскими, любви же не имам, — ничто же есмь». Вот, что много рассуждать: ни латинским языком, ни греческим, ни еврейским, ниже иным коим ищет от нас говоры Господь, но любви с прочими добродетельными хошет; того ради я и не брежу* о красноречии и не уничижаю своего языка русскаго, но простите же меня грешнаго, а вас всех, рабов Христовых, Бог простит и благословит. Аминь.

Рождение же мое в нижегородских пределах, за Кудмою-рекою, в селе Григорове. Отец ми бысть священник Петр, мати — Мария, инока Марфа. Отец же мой прилежаще пития хмельнова, мати же моя постница и молитвенница бысть, всегда учаше мя страху Божию. Аз* же некогда видеу у соседа скотину умершу, и той нощи, возставше, пред образом плакался доволно о душе своей^ поминая смерть, яко и мне умереть; и с тех мест обыкох по вся нощи молиться. Потом мати моя овдовела, и я осиротел молод и от своих соплеменник во изгнании быхом.

Текст дается в подлиннике с орфографией автора.

Изволила мати меня женить. Аз же Пресвятей Богородице молихся, да даст ми жену помощницу ко спасению. И в том же

селе девица, сиротина ж, беспрестанно обыкла ходить в церковь, — имя ей Анастасия. Отец ея был кузнец, именем Марко, богат гораздо; а егда* умре, после ево вся истощилось. Она же в скудости живяше и моляшеся Богу, да же сочетается за меня совокуплением брачным; и бысть по воли Божии тако. Посем мати моя отыде к Богу в подвизе велице. Аз же от изгнания переселихся во ино место*. Рукоположен во диаконы двадесяти лет с го-

дом, и по дву летех в попы поставлен; живой в попех осмь лет, и потом совершен в протопопы православными епископы — тому двадесять лет минуло; и всего тридесять лет, как имею священство.

А егде в попах был, тогда имел у себя детей духовных много, — по се время сот с пять или с шесть будет. Не почивая, аз грешный, прилежа во церквах, и в домех, и на распутьях, по градом и селам, еще же и в царствующем граде и во стране сибирской проповедуя и уча слову Божию, — годов будет тому с полтретьятцеть*.

Егда еще был в попех, прииде ко мне исповедатися девица многими грехами обремененна, блудному делу и ма- лакии всякой повинна; нача мне, плакавшися, подробну возвещати во церкви, пред Евангелием стоя. Аз же, тре- окаянный врач, сам разболелся, внутрь жгом огнем блудным, и горько мне бысть в той час: зажег три свечи и прилепил к налою, и возложил руку правую на пламя, и держал, дондеже во мне угасло злое разжение, и, отпусти девицу, сложа ризы, помоляся, пошел в дом свой зело скорбен. Время же яко полнощи, и пришед во свою избу, плакався пред образом Господним, яко и очи опухли, и моляся прилежно, да же отлучит мя Бог от детей духовных, понеже бремя тяжко, неудобь носимо. Падох на землю на лица своем, рыдаше горце и забыхся, лежа; не вем, как плачю; а очи сердечнии при реке Волге. Вижу: плвуют стройно два корабля златы, и весла на них златы, и шесты златы, и все злато; по единому кормщику на них сиделцов. И я спросил: «Чье корабли?» И оне отвещали: «Лукин и Лаврентиев». Сии быша ми духовный дети, меня и дом мой наставили на путь спасения и скончались богоугодные. А се потом вижу третей корабль, не златом украшен, но разными пестротами, — красно, и бело, и сине, и черно, и пепелесо*, —

его же ум человек не вмести красоты его и доброты; юноша светел, на корме сидя, правит; бежит ко мне из-за Волги, яко пожрати мя хо- щет. И я вскричал: «Чей корабль?» И сидя на нем отве- ттгя.тг: «Твой корабль! на, плавай на нем з женою и детьми, коли докучаешь!» И я вострепетах и седше разеуждаю: что се видимое? И что будет плавание?

А се по мале времени, по писанному, «объяша мя болезни смертныя, беды адовы обретоша мя: скорбь и болезнь обретох». У вдовы начальник отнял дочь, и аз мо- лих его, да же сиротину возвратит к матери, и он презрев моление наше, и воздвиг на мя бурю, и у церкви, пришед сонмом , до смерти меня задавили. И аз лежа мертв полчася и болши, и паки* оживе Божиим мановением. И он, устрашася, отступился мне девицы. Потом научил его дьявол: пришел во церковь, бил и волочил меня за ноги по земле в ризах, а я молитву говорю в то время.

Таже ин начальник во ино время на мя рассвирепел, — прибежал ко мне в дом, бив меня, и у руки отгрыз персты, яко пес, зубами. И егда наполнилась гортань его крови, тогда руку мою испустил из зубов своих, и, покиня меня, пошел в дом свой. Аз же, поблагодаря Бога, завертев руку платом, пошел к вечерне. И егда шел путем, наскочил на меня он же паки со двема малыми пщальми и, близ меня быв, запалил ис пистолы, и Божею волею на полке порох пыхнул, а пицаль не стрелила. Он же бросил ея на землю и из другия паки запалил так же, и та пицаль не стрелила. Аз же прилежно, идучи, молюсь Богу, единою рукою осенил ево и поклонился ему. Он меня лает, а я ему рекл: «Благодать во устнех твоих, Иван Родионович, да будет!» Посем двор у меня отнял, а меня выбил, всего ог- рабя, и на дорогу хлеба не дал.

В то же время родился сын мой Прокопей, которой сидит с матерью в земле закопан . Аз же, взяв клюшку, а мати — некрещенова младенца, побрели, амо же Бог наставит, и на пути крестили, яко же Филипп каженика древле . Егда ж аз прибрел к Москве, к духовнику протопопу Стефану* и к Неронову протопопу Ивану , они же обо мне царю известила, и государь меня почал с тех мест знати. Отцы же с грамотою паки послали меня на старое место, и я притащился, — ано и стены разорены моих храмин. И я паки позавелся, а дьявол и паки воздвиг на меня бурю. Придопта в село мое плясовые

медведи с бубнами и с домрами и я, грешник, по Христе ревнуя, изгнал их, и ухари* и бубны изломал на поле един у многих и медведей двух великих отнял, — одново ушиб, и паки ожил, а другова отпустил в поле. И за сие меня Василей Петрович Шереметев, пловучи Волгою в Казань на воеводство, взяв на судно и браня много, велел благословить сына своего Матфея бритобратца. Аз же не благословил, но от писания ево и порицал, видя блу-долюбный образ. Боярин же, гораздо осердясь, велел меня бросить в Волгу, и, много томя, протолкали. А опосле учинились добры до меня: у царя на сенях со мною прощались; а брату моему меньшому боярону Васильева и дочь духовная была. Так-то Бог строит своя люди...

Помале паки инии изгнаша мя от места того вдругоряд. Аз же сволокся к Москве, и, Божию волею, государь меня велел в протопопы поставить в Юрьевец-Повольской. И тут пожил немного, — только осмь недель; дьявол научил попов^ и мужиков, и баб, — пришли к патриархову приказу, где я дела духовныя делал, и вытаща меня ис приказа собранием, — человек с тысящу и с полторы их было, — среди улицы били батожем и топтали; и бабы были с рычагами. Грех ради моих за-мертва убили и бросили под избной угол. Воевода с пушкарями прибежал и, ухватя меня, на лошади умчали в мое дворишко; и пушкарей воевода около двора поставил. Людие же ко двору приступают, и по граду молва велика. Наипаче ж попы и бабы, которых унимал от блудни, вопят: «Убить вора... да и тело собакам в ров кинем!» Аз же, отдохня, в третьей день ночью, покиня жену и дети, по Волге сам-третьей ушел к Москве. На Кострому прибежал, — ано и тут протопопа ж Даниила изгнали. Ох, горе! Везде от дьявола житья нет! Прибрел к Москве, духовнику Стефану показался; и он на меня учинился печален: на што-де церковь соборную покинул? Опять мне другое горе! Царь пришел к духовнику благословитца ночью; меня увидел тут; опять кручина: на што-де город покинул? — А жена, и дети, и домочадцы, и человек с двадцать, в Юрьевце остались: неведомо — живы, неведомо — прибиты! Тут паки горе.

Посем Никон, друг наш, привез из Соловков Филиппа митрополита. А прежде его приезду Стефан духовник, моля Бога и постясь седмицу с братьею, — и я с ними тут же, — о

патриархе, да же даст Бог пастыря ко спасению душ наших, и с митрополитом казанским Кар-ниием, написав челобитную за руками, подали царю и царице — о духовнике Стефане, чтоб ему быть в патриархах. Он же не восхотел сам и указал на Никона митрополита. Царь ево и послушал, и пишет к нему послание на- встречу преосвященному митрополиту Никону новгородскому и великолукскому и всея Руси и радоватися, и прочая. Егда же приехал, с ними яко лис: челом да здорово. Ведает, что быть ему в патриархах, и чтобы откуля помешка какова не учинилась. Много о тех кознях говорить. Егда поставили патриархом, так друзей не стал и в Крестовую пускать! А се и яд отрыгнул. В пост великой прислал память х Казанской к Неронову Ивану. А мне отец духовной был; я у него все и жил в церкви; ег-ды куды отлучится, ино я ведаю церковь. И к месту, говорили, на дворец к Спасу, на Силино покойника место; да Бог не изволил. А се и у меня радение худо было. Любо мне, у Казанские тое держался, чел народу книги. Много людей приходило. В памяти Никон пишет: «Год и число. По преданию святых апостол и святых отец, не подобает во церкви метания творити на колену, но в пояс бы вам творити поклоны, еще же и трема персты бы есте крестились». Мы же задумались, сошедшися между собою; видим, яко зима хошет быти; сердце озябло, и ноги задрожали. Неров мне приказал церковь, а сам един скрылся в Чюдов, — седмицу в полатке молился. И там ему от образа глас бысть во время молитвы: «Время приспе страдания, подобает вам неослабно страдати!» Он же мне, плачючи, сказал: таже коломенскому епископу Павлу, его же Никон напоследок огнем жжег в новгородских пределах, потом — Данилу, костромскому протопопу; таже сказал и всей братье. Мы же с Дани-лом, написав из книг выписки о сложении перст и о поклонех, и подали государю* много писано было; он же, не вем где, скрыл их; мнитмися*, Никону отдал. <...>

Таже меня взяли от всенощного Борис Нелединской со стрельц&ми, человек со мною шестьдесят взяли И Р Т У в тюрьму отвели, а меня на патриархове дворе на чеп* посадили ночью. Егда же розсветало в день неделный*, посадили меня на телегу и ростянули руки, и везли от патриархова двора до Андроньева монастыря*, и тут на чепи кинули в темную полатку, ушла в землю, и сидел три дни, ни ел, ни пил; во тьме

сидя, кланялся на чепи, не знаю — на восток, не знаю — на запад. Никто ко мне не приходил, токмо мыши и тараканы, и сверчки кричат, и блох довольно. Бысть же я в третий день приалчен, — сиречь есть захотел, — и после вечерни ста предо мною, не вем ангел, не вем — человек, и по се время не знаю, токмо в потемках молитву сотворил и, взяв меня за плечо, с чепью к лавке привел и посадил и лошку в руки дятт и хлеба немножко и щец похлебать, — зело прикусны*, хороши! — и рекл мне: «Полно, довлеет* ти ко укреплению!» Да и не стало ево. Двери не отворялись, а ево не стало! Дивно только — человек; а что же ангел? ино нечему дивитца — везде ему не загорожено. На утро архи-марит с братьею пришли и вывели меня; журят мне, что патриарху не покорился, а я от писания ево браню да лаю. Сняли большую чеп да малую наложили. Отдали чернецу под начал, велели волочить в церковь. У церкви за волосы дерут, и под бока толкают, и за чеп торгают, и в глаза плюют. Бог их простит в сий век и в будущий: не их то дело, но сатаны лукавого. Сидел тут я четыре недели. <...>

Таже послали меня в Сибирь с женою и детми. И ко-лико дорогою нужды бысть, тово всево много говорить, разве малая часть помянуть. Протопопица младенца родила; болную в телеге и повезли до Тоболска; три тыся-щи верст недель с тринатцетъ волокли телегами и водою и санми половину пути.

Архиепископ в Тоболске* к месту устроил меня. Тут у церкви великия беды постигоша меня; в полтора годы пять государевых слов сказывали на меня, и един некто,

архиепископля двора дьяк Иван Струна, тот и душею моею потряс. Съехал архиепископ к Москве, а он без нево, дьявольским научением, напал на меня: церкви моя дьяка Антония мучить напрасно захотел. Он же Антон утече у него и прибежал во церковь ко мне. Той же Струна Иван собрався с людьми, во ин день прииде ко мне в церковь, — а я вечерню пою, — и вскочил в церковь, ухватил Антона на крылосе за бороду. А я в то время двери церковныя затворил и замкнул и никою не пустил, — один он Струна в церкви вертится, что бес. И я, покиня вечерню, с Антоном посадил ево среди церкви на полу и за церковной мятеж постегал ево ремнем нарочито-таки; а прочий, человек з двадцеть, всей побегоша, гонимы духом святым. И покаяние от Струны приняв, паки отпустил ево к себе. Сродницы же Струнины, попы и чернцы, весь возмутили град, да како меня погубят. И в полунощи привезли сани ко двору моему, ломилися в ызбу, хотя меня взять и в воду свести. И Божиим страхом отгани быша и побегоша вспять. Мучился я с месяц, от них бегачи втай; иное в церкви научю, иное к воеводе уйду, а иное в тюрьму просился, — ино не пустят. Провожал меня много Матфей Ломкое, иже и Митрофан именуем в черцах, — опосле на Москве у Павла митрополита ризничим был, в соборной церкви з дьяконом Афонасьем меня стриг, тогда добр был, а ныне дьявол ево поглотил. Потом приехал архиепископ с Москвы и правильною виною ево, Струну, на чеп посадил за сие; некий человек з дочерью кровосмешение сотворил, а он, Струна, полтину взяв и, не наказав мужика, отпустил. И владыка ево сковать приказал и мое дело тут же помянул. <...>

Посем указ пришел: велено меня из Тобольска на Лену вести за сие, что браню от писания и укоряю ересь Никонову. <...>

Таже сел опять на корабль свой, еже и показан ми, что выше сего рекох, — поехал на Лену. А как приехал в Енисейской, другой указ пришел: велено в Дауры вести — двадцать тысящ и болши будет от Москвы. И отдали меня Афонасью Пашкову в полк, — людей с ним было 600 человек; и грех ради моих суров человек: беспрестанно людей жжет, и мучит, и бьет. И я ево много

уговаривал, да и сам в руки попал. А с Москвы от Никона приказано ему мучить меня.

Егда поехали из Енисейска, как будем в большой Тунгуске-реке, в воду загрузило бурею дощеник* мой совсем: налился среди реки полон воды, и парус изорвало, — одны полубы над водою, а то все в воду ушло. Жена моя на полубы из воды робят кое-как вытаскала, простоволоса ходя. А я, на небо глядя, кричу: «Господи, спаси! Господи, помози!» И Божию волею прибило к берегу нас. Много о том говорить! На другом дощенике двух человек сорвало, и утонули в воде. Посем, оправясь на берегу, и опять поехали вперед.

Егда приехали на Шаманский порог, на встречу приплыли люди иные к нам, а с нами две вдовы — одна лет в 60, а другая и болши: пловут пострищись в монастырь. А он, Пашков, стал их ворочать и хочет замуж отдать. И я ему стал говорить: «По правилам не подобает таковых замуж давать». И чем бы ему, послушав меня, и вдов отпустить, а он вздумал мучить меня, осердясь. На другом, Долгом, пороге стал меня из дощеника выбивать: «Для- де тебя дощеник худо идет! Еретик-де ты! Поди-де по горам, а с казаками не ходи!» О, горе стало! Горы высокий, дебри непроходимыя; утес каменной, яко стена стоит, и поглядеть — заломя голову! В горах тех обретаются змеи великие; в них же витают гуси и утицы, — перие красное, вороны черные, а галки серые; в тех же горах орлы, и соколы, и кречеты, и курята индейские, и бабы, и лебеди, и иные дикие, — многое множество, птицы разные. На тех горах гуляют звери многие дикие: козы и олени, и зубри, и лоси, и кабаны, волки, бараны дикие, — во очию нашу, а взять нельзя! На те горы выбивал меня Пашков, со зверьми и со змиями, и со птицами

аз ему малое писанеице написал, сице начало: «Человече! Убойся Бога, сидящего на херувимех и призирающего в безны, Его же трепещут небесныя силы и вся тварь со человеки, един ты презираешь и неудобство показуешь», — и прочая; там многонько писано; и послал к нему. А се бегут человек с пятьдесят; взяли мой дощеник и помчали к нему, — версты три от него стоял. Я казакам каши

наварил да кормлю их; и они, бедные, и едят и дрожат, а иные, глядя, плачут на меня, жалеют по мне. Привели дощенник; взяли меня палачи, привели перед него. Он со шпагою стоит и дрожит; начал мне говорить: «Поп ли ты или роспоп*?» И аз отвечал: «Аз есмь Аввакум протопоп; говори: что тебе дело до меня?» Он же рыкнул, яко дивий зверь, и ударил меня по щоке, таже по другой и паки в голову, и сбил меня с ног и, чекан* ухватя, лежачева по спине ударил трижды и, разболочки по той же спине семдесят два удара кнутом. А я говорю: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помогай мне!» Да то ж, да то ж, беспрестанно говорю. Так горко ему, что не говорю: «Пощади!» Ко всякому удару молитву говорил, да осреди побой вскричал я к нему: «Полно бить тово!» Так он велел перестать. И я промолвил ему: «За что ты меня бьешь? Ведаешь ли?» И он паки велел бить по бокам, и отпустили. Я задрожал, да и упал. И он велел меня в казенной дощенник оттащить: сковали руки и ноги и на беть* кинули. Осень была, дождь на меня шел, всю ночь под капелию лежал. <...> Наутро кинули меня в лотку и наперед повезли. Егда приехали к порогу, к самому большому — Падуну, река о том месте шириною с версту, три залавка* чрез всю реку зело круты, не воротами што поплывет, ино в щепы изломает, — меня привезли под порог. Сверху дождь и снег; а на мне на плеча накинута кафтаниппсо просто; льет вода по брюху и по спине, — нужно было гораздо. Из лотки вытаща, по каменью скована окол порога тащили. Грустко гораздо, да душе добро: не пеняю уж на Бога вдругорят. < ..> Посем привезли в Брацкий острог и в тюрьму кинули, соломки дали. И сидел до Филипова поста в студеной башне; там зима в те поры живет, да Бог грел и без платья! Что собачка, в соломке лежу: коли накормят, коли нет. Мышей много было, я их скуфьею бил, — и батожка не дадут дурачки! Все на брюхе лежал: спина гнила. Блох да вшей было много. Хотел на Пашкова кричать: «Прости!» — да сила Божия возбранила, — велено терпеть. Перевел меня в теплую избу, и я тут с аманатами и собаками жил скован зиму всю. А жена с детми верст з двадцет была сослана от меня. Баба ея Ксенья мучила зиму ту всю, — лаяла да укоряла. Сын Иван — невелик был — прибрел ко мне побывать после Христова Рождества, и Пашков веле кинуть в студеноую тюрьму, где я сидел: ночевал милой и замерз было

тут. И на утро опять велел к матери протолкать. Я ево и не видал. Приволокся к матери, — руки и ноги ознобил. <...>

Потом доехали до Иргеня-озера , волок тут, — стали зимою волочитца. Моих работников отнял, а иным у меня нанятца не велит. А дети маленькие были, едоков много, а работать некому: один бедной горемыка-протопоп нарту зделал и зиму всю волочился за волок. Весною на плотках по Ингоде-реке поплыли на низ. Четвертое лето от Тобольска плаваню моему. Лес гнали хоромный и городской . Стало нечева есть; люди учили с голоду мереть и от работныя водяныя бродни. Река мелкая, плоты тяжелые, приставы немилостивые, палки большие, батоги суковатые, кнуты острые, пытки жестокие, — огонь да встряска, — люди голодные: лишю станут мучить — ано и умрет! Ох, времени тому! Не знаю, как ум у него отступился. У протопопицы моей однарятка московская была, не згнила, — по-русскому рублев в пол- третьятцеть и болыпи по-тамошнему. Дал нам четыре мешка ржи за нея, и мы год-другой тянулися, на Нерче- реке живучи, с травою перебиваючися. Все люди з голоду поморил, никуды не отпускал промышлять, — осталось небольшое место: по степям скитающиеся и по полям, траву и корение копали, а мы — с ними же; а зимою — сосну ; а иное кобылятины Бог даст, и кости находили от волков пораженных зверей, и что волк не доест, мы то доедим. А иные и самых озяблых ели волков и лисиц, и что получит, — всякую скверну. Кобыла жеребенка родит, а голодные втай и жеребенка и место скверное кобылье съедят. А Пашков, сведав, и кнутом до смерти забьет. И кобыла умерла, — все извод взял, понеже не почину жеребенка тово вытащили из нея; лишю голову появил, а оне и выдернули, да и почали кровь скверную есть. Ох, времени тому! И у меня два сына маленьких умерли в нуждах тех, а с прочими, скитающиеся по горам и по острому камению наги и боси, травою и корением перебивающиеся, кое-как мучилися. И сам я, грешной, волею и неволею причастен кобыльим и мерт-

вечным звериным и птичьим мясам. Увы грешной душе! «Кто даст главе моей воду и источник слез* да же оплачу бедную душу свою, ю же зле погуби житейскими сластями? Но помогала нам по Христе болярня, воеводская сноха, Евдокея Кириловна, да жена ево, Афонасьева, Фекла Симеоновна: оне нам от смерти голодной тайно давали отраду, без ведома ево, — иногда пришлют кусок мяса, иногда колобок, иногда мучки и овсеца, колько сойдется, четверть пуда и гривенку-другую, а иногда и полпудика накопит и передаст, а иногда у коров корму из корыта нагребет. Дочь моя, бедная горемыка Огрофена, бродила втай к ней под окно. И горе, и смех! — Иногда ребенка погонят от окна без ведома боярина, а иногда и многонько притацит. Тогда невелика была, а ныне уж ей 27 годов, — девицею, бедная моя, на Мезени, с меншими сестрами перебиваясь кое-как, плачючи живут. А мать и братья в земле закопаны сидят. Да што же делать? Пускай горькие мучатся все ради Христа! Быть тому так за Божиею помощию. На том положено, ино мучитца веры ради Христовы. Любил, протопоп, со славными знатца, любил же и теперь, горемыка, до конца. Писано: «Не начный блажен, но скончавый». Полно тово; на первое возвратимся. <...>

Таже с Нерчи-реки паки назад возвратились к Русе. Пять недель по лду голому ехали на нартах. Мне под робы и под рухлишко дал две клячки, а сам и протопопица брели пеши, убивающесе о лед. Страна варварска, иноземцы немирные; отстать от лошадей не смеем, а за лошадми итти не поспеем, голодные и томные люди. Протопопица бедная бредет-бредет, да и повалится, — кольско гораздо! Вьную пору бредучи, повалилась, а иной томной же человек на нее набрел, тут же и повалился; оба кричат, а встать не могут. Мужик кричит: «Матушка-государыня, прости!» А протопопица кричит: «Что ты, батко, меня задавил?» Я пришел, — на меня, бедная, пеняет, говоря: «Долго ли муки сея, протопоп, будет?» И я говорю: «Марковна, до самыя смерти». Она же вздохня, отвечала: «Добро, Петрович, ино еще побредем».

Курочка у нас черненькая была; по два яичка на день приносила робяти на пищу, Божиим повелением нужде

нашей помогая; Бог так строил. На нарте везучи, в то время удавили по грехом. И нынеча мне жаль курочки той, как на разум придет. Ни курочки, ни што чудо была: во весь год по два яичка на день давали; сто рублей при ней шпоново дело, железо! А та птичка одушевлена, Божие творение, нас кормила, а сама с нами кашку сосновую ис котла тут же клевала, или и рыбки прилунится, и рыбку клевала; а нам против того по два яичка на день дявя ття Слава Богу, вся строившему благая! А не просто нам она и досталася. У боярыни куры все переслепли и мереть стали; так она, собравше в короб, ко мне их принесла, чтоб-де батько пожаловал, — помолился о курах. И я-су подумал: кормилица то есть наша, детки у нея, надобно ей курки. Молебен пел, воду святил, куров кропил и кадил; потом в лес збродил, корыто им зделал, из чево есть, и водою покропил, да к ней все и отослал. Куры Божиим мановением исцелели и исправилися по вере ея. От тово- то племяни и наша курочка была. Да полно тово говорить! У Христа не сегодня так повелось. Еще Козма и Дамиян человеком и скотом благодествовали и целили о Христе. Богу вся надобно: и скотинки, и птичка во славу Его, Пречистаго Владыки, еще же и человека ради. <...>

Десять лет он меня мучил или я ево, — не знаю; Бог разберет в день века.

Перемена ему пришла, и мне грамота: велено ехать на Русь. Он поехал, а меня не взял; умышлял во уме своем: «Хотя-де один и поедет, и ево-де убьют иноземцы». Он в дощениках со оружием и с людьми плыл, а слышал я, едучи, от иноземцев: дрожали и боялись. А я, месяц спустя после ево, набрав старых, и больных, и раненых, кои там негодны, человек с десятков, да я с женою и з дет- ми, — семнатцеть нас человек, в лотку седше, уповая на Христа и крест поставя на носу, поехали, амо же Бог наставит, ничевоне бояся. <...>

Таже в русские грады приплыл и уразумел о церкви, яко ничто ж успевае, но паче молва бывает. Опечался, сидя, рассуждаю: «Что сотворю? Проповедаю ли слово Божие или скроюся где? Понеже жена и дети связали меня». И виде меня печална, протопопица моя приступи ко мне со опрятством и рече мне: «Что, господине, опечалился еси?» Аз же ей подробну известих: «Жена, что сотворю? Зима еретическая на дворе: говорить ли мне или молчать? — связали вы меня!» Она

же мне говорит: «Господи помилуй! Что ты, Петрович, говоришь? Слыхала я, — ты же читал, — апостольскую речь: привязался еси жене, не ищи разрешения; егда отретишься, тогда не ищи жены. Аз тя и с детми благословляю: дерзай проповедати слово Божие по-прежнему, а о нас не тужи; дондеже Бог изволит, живем вместе, а егда разлучат, тогда нас в молитвах своих не забывай; силен Христос и нас не покинуть! Поди, поди в церковь, Петрович, — обличай блудню еретическую!» Я-су ей за то челом, и, от-рясше от себя печальную слепоту, начах по-прежнему слово Божие проповедати и учити по градом и везде, еще же и ересь никониянскую со дерзновением обличал.

В Енисейске зимовал; и паки, лето пlyingше, в Тобольске зимовал. И до Москвы едучи, по всем городам и по селам, во церквах и на торгах кричал, проповедал слово Божие, и уча, и обличая безбожную лесьть. Таже приехал к Москве. Три годы ехал из Даур, а туды волокся пять лет против воды; на восток все везли, промежду иноземских орд и жилищ. Много про то говорить! Бывал и в иноземских руках. На Оби великой реке предо мною 20 человек погубили христиан, а надо мною думав, да и отпустили совсем. Паки на Иртыше-реке собрание их стоит: ждут березовских наших с дощенником и побить. А я, не ведаючи, и приехал к ним и, приехав, к берегу пристал: оне с луками и обскочили нас. Я-су, вышед, об-ниматца с ними, што с чернцами, а сам говорю: «Христос со мною, а с вами той же!» И оне до меня и добры стали и жены своя к жене моей привели. Жена моя также с ними лицемеритца, как в мире лесьть совершается: и бабы удобрились. И мы то уже знаем: как бабы бывают добры, так и все о Христе бывает добро. Спрятали мужики луки и стрелы своя, торговать со мною стали, — медведей я у них накупил, — да и отпустили меня. <..>

Таже к Москве приехал, и, яко ангела Божия, прия-ша мя государь и бояря, — все мне ради. К Федору Ртищеву зашел: он сам из полатки выскочил ко мне: благословился от меня, и учили говорить много-много, —

три дня и три ночи домой меня не отпустил и потом царю обо мне известил. Государь меня тотчас к руке поставить велел и слова милостивые говорил: «Здорово ли-де, протопоп, живешь? Еще-де видатца Бог велел!» И я со-против руку ево поцеловал и пожал, а сам говорю: «Жив Господь, и жива душа моя, царь-государь; а впредь что изволит Бог!» Он же, миленькой, вздохнул, да и пошел, куды надобе ему. И иное кое-что было, да што много говорить? Прошло уже то! Велел меня поставить на монастырском подворье в Кремли и, в походы мимо двора мо-ево ходя, кланялся часто со мною низенко-таки, а сам говорит: «Благослови-де меня и помолися о мне!» И шапку в ыную пору, мурманку, снимаючи с головы, уронил, едучи верхом. А из кареты высунется, бывало, ко мне. Таже и вся бояря после ево челом да челом: «Протопоп, благослови и молися о нас!» Как-су мне царя тово и бояр тех не жалеть? Жаль, о-су! Видишь, каковы были добры! Да и ныне оне не лихи до меня; дьявол лих до меня, а человеки все до меня добры. Давали мне место, где бы я захотел, и в духовники звали, чтоб я с ними соединился в вере, аз же вся сия яко уметы вменил, да Христа приоб-рящу, и смерть поминая, яко вся сия мимо идет .<...>

Таже осыпали нас землею: струб в земле, и паки около земли другой струб, и паки около всех общая ограда за четырьмя замками; *стражние же пред дверми стре-жаху темницы*. Мы же, здесь и везде сидящие в темницах, поем пред владыкою Христом, сыном Божиим.

Таже Пилат , поехав от нас, на Мезени достроя, возвратился в Москву. И прочих наших на Москве жарили да пекли: Исаию сожгли, и после Авраамия сожгли, и иных поборников церковных многое множество погублено, их же число Бог изочтет. Чюдо, как то в познание не хотят приити: огнем, да кнутом, да виселицею хотят веру утвердить! Которые-то апостолы научили так? Не знаю. Мой Христос не приказал нашим апостолам так учить, еже бы огнем, да кнутом, да виселицею хотят в ве]зу приводить. Но Господем реченно ко апостолом си-це : «шедше в мир весь, проповедите Евангелие всей твари. Иже веру имет и крестится, спасен будет, а иже не имет веры, осужден будет». Смотри, слышателю, волею

зовет Христос, а не приказал апостолом непокоряющихся огнем жечь и на виселицах вешать. Татарский бог Магмет написал во своих книгах сице: «Непокарающих- ся нашему преданию и закону повелеваем главы их мечем подклонити». А наш Христос ученикам своим никогда так не повелел. И те учителя явны яко шиши* антихристовы, которые, приводя в веру, губят и смерти предают; по вере своей и дела творят таковы же. Писано во Евангелии; «Не может древо добро плод зол творити, ниже древо зло плод добр творити»: от плода бо всяко древо познано бывает <...>.

КОММЕНТАРИИ

Старец Епифаний — монах, старообрядец, духовный отец Аввакума, казнен в 1682 г. вместе с другими вождями русского раскола в городе Пустозерске.

Протопоп— настоятель соборной церкви, старший священник.

Аще — если, хотя.

Понеже — потому что, так как.

Не обык — не привык.

Павел — апостол Павел.

Глаголю — говорю.

Не имам — не имею.

Ничто же есмь — я ничто, я ничтожество.

Не брегу — не забочусь.

...за Кудмою-рекою, в селе Григорове. — *Кудма* — правый приток Волги. *Григорово* — село в Больше-Мурашкинском районе Нижегородской области.

Аз — я.

Обыкох — привык.

Быхом — был.

Егда — когда.

...после ево вся истоцилось. — Все богатство оскудело.

Аз же от изгнания переселился во ино место. — Аввакум не поладил с односельчанами и перебрался в соседнее село Лопатищи.

По дву летех — спустя два года.

С полтретьятцеть — двадцать пять.

Малакия — разврат.

Налой (аналой) — небольшой стол в церкви, служащий подставкой для Евангелия, креста и икон.

Дондеже — до тех пор, пока.

Зело — очень.

Не веж — не знаю, не ведаю.

...по единому кормицику на них сидельцов. — По одному кормицику на них сидит.

Пепелесо — пестро, полосато.

Сонм — толпа.

Паки — опять, снова.

Пицаль — ружье, пистолет.

...сын мой Прокопей... с матерью в земле закопан. — Второй сын Аввакума *Прокопий*, родился в 1648 г. и после выступлений отца в защиту старой веры вместе с матерью и старшим братом Иваном был посажен в земляную тюрьму на Мезени.

...а на пути крестили, яко же Филипп каженика древле. — Аввакум вспоминает библейскую историю о крещении апостолом Филиппом евнуха — эфиопа, рассказанную в Деяниях апостолов.

Стефан Вонифатьев — духовник царя Алексея Михайловича, протопоп московского Благовещенского собора (ум. 1656).

Иван Неронов (1591—1670) — протопоп московского Казанского собора.

Ухари — маски.

В. 77. Шереметев — казанский воевода (ум. 1659).

Бритобратец — бреющий бороду. По русским обычаям XVII в. бритье бороды считалось серьезным пороком и запрещалось церковью.

Помале паки инии... — вскоре снова другие.

...изгнаша мя от места того вдругоряд. — Второе бегство Аввакума в Москву состоялось в 1652 г.

Патриархов (патриарший) приказ ведал хозяйственными, судебными, административными делами патриарших вотчин.

Батог — палка, прут.

Рычаг — ухват.

Митрополит Московский и всея Руси *Филипп* (1507—1569) осуждал деспотизм царя Ивана Грозного и был убит по его приказу. Патриарх Никон в 1652 г. перенес мощи святого Филиппа из Соловецкого монастыря в Москву.

За руками — за подписью.

Крестовая — палата для приемов и заседаний в патриарших покоях.

х Казанской... — **В Казанский собор.**
...на Силино покойника место... — После смерти протопопа Силы Аввакума хотели назначить настоятелем собора Спаса-на-Бору в Кремле.
На колену — земные поклоны.
...скрылся в Чудов... — Патриарший Чудов монастырь в Кремле.
Седмица — неделя.
Полатка — келья, комната, небольшое помещение.
Коломенский епископ Павел (ум. 1656) выступил против реформ Никона и, согласно старообрядческому преданию, был убит по приказу патриарха.
Костромской протопоп Данила поддержал Аввакума и за это подвергся репрессиям со стороны церковных властей.
Мнитмися — кажется, думается.
Чеп — цепь.
День недельный — воскресенье.
Андроньев монастырь — Спасо-Андроников монастырь в Москве на реке Яуза.
Прикусны — вкусны.
Довлеет — достаточно, довольно.
Торгают — дергают.
Тобольский и Сибирский архиепископ — Симеон, сочувствовал старообрядцам.
...в полторы годы пять государевых слов... — «Слово и дело государево» — юридическая формула, сопровождавшая донос с обвинением в государственном преступлении.
Енисейской — Енисейский острог.
Дауры (Даурия) — историческое название Забайкалья.
Афанасий Филиппович Пашков — енисейский воевода, землепроходец, исследователь Амура и прилегающих областей (ум. 1664).
Доценник — речное плоскодонное судно, большая лодка.
Баба — пеликан.
Во очю нашу — видно.
Сице — таково.
Херувим — ангел.
Неудобство — сомнение.
Распоп — расстрига, священник, лишенный сана.
Диви — дикий.
Чекан — топорик с молоточком на длинной ручке.
Разволочь — раздеть, сорвать одежду.

Промолыл — промолвил, сказал.

Беть — поперечный брус, скрепляющий борта дошеника.

Залавок — уступ в реке, подводный обрыв, водопад, порог.

...привезли в Брацкий острог... — Башня Братского острога ныне находится в музее села Коломенское в Москве.

Филиппов (Рождественский) пост начинается 15 ноября (ст. ст.).

Скуфья — остроконечная мягкая шапка черного или фиолетового цвета, которую носило черное и белое духовенство.

Аманат — заложник, пленник.

Иргень — небольшое озеро на плато, разделяющем бассейн озера Байкал и реки Амур.

Ингода — река в бассейне Амура.

Лес гнали хоромный и городовой. — Лес для строительства домов и городских укреплений.

Однорятка — однобортная долгополая верхняя одежда без воротничка.

Нерча — приток реки Шилки.

Сосна — кора сосны, употреблявшаяся как добавка к пище.

Ю — ее.

«Не начный блажен, но скончавый» («Не начавший блажен, но окончивший»). — Перефразировка слов из Евангелия от Матфея.

Томный — усталый, притомившийся.

Святые Козьма и Дамиан считались врачевателями людей и животных.

Со опрятством — осторожно, вежливо, с уважением.

Медведей (медведь) — залежалый товар.

Федор Михайлович Ртищев (1626—1673) — государственный деятель, дипломат, придворный.

...яко вся сия мимо идет. — Как все мимо проходит.

Пилатом, приговорившим Христа к казни, Аввакум называет стрелецкого полковника Ивана Елагина, устроившего публичную расправу со старообрядцами в 1670 г. в Пустозерске.

Исайя — дворовый человек боярина Салтыкова, и *Авраамий* (ум. 1672) — монах, писатель, были казнены за выступления против сторонников Никона.

Сице — так.

Шши — лазутчик, соглядатай.

СЕМИОН ПОЛОЦКИЙ ВИРШИ

ВЕЖДЕСТВО

Веждеству* образ древний давали —
Зрящую в ночи сову писали —
Как бо она во тьме созерцает,
Так и в трудностях вежда дела знает.

ГОРДОСТЬ

Говор на воде быстро исчезает,
Гордый в мире также погибает.

ЧЕСТЬ

Родителей честь на сына не прехождает,
Если добродетелей их не подражает. Лучше
честь свою каждому стяжати, Нежели
предков честию сияти.
Честь родителей бесчестна сыну бывает,
Если он бесчинно жизнь препровождает.

ЯМА

Если кто под другом яму копает,
Сам многократно в нее попадает.

МНОГОГЛАГОЛЕНИЕ

Во многом глаголании грез бывает,
Ибо язык вещает, что и ум не знает.
Лучше же язык от словес держати,

Нежели много оном глаголати.
Молчание мало повреждает,
А обилие слов многих погубляет.

ПИЯНСТВО

Человек некий винопийца бяше, меры
в питии хранити не знаше, Темже
многожды повнегда* уписа, в очию его
всяка вещь двоися.

В едином времени прииде до дому и вся
сугуба зрешася оному.

Име два сына, иже предстояста, ему
четыре во очию стаоста.

Он нача жену абие мучити, да бы ей
правду хотела явити,

Когда два сына новая родила и с коим
мужем она прибудила. Жена всячески
его увещаше, вино виновно быти
сказоваше.

Но он никак не хотев веры яти, муку
жестокую нача умышляти;

Взял есть железо, огнем распалите, ко
жене бедней жестоко вещаше: «Аще ты
инем мужем не блужденна, сим не
будеши огнем опаленна;

Аще же с инем блуд еси творила, имать
ожещи ты огненна сила». Бедная жена в
люте беде бяше, обаче умно к нему
глаголаше:

«Рада железо огненное взяти,
невинность мою тебе показати, Токмо
потщися своею рукою подати оно ты
на руку мою».

А все железо распаленно бяше, чесо
пияный во ум не прияше.

Ятса железа, люте опалися, болезни
ради в мале отрезвися.

И се два сына точию видяше,
невинность жены, свою вину знаше;

Срамом исполнен, во печали был есть и
прощения у жены просил есть, Тиako
пиянство ум наш помрачает; всяк убо
того верный да гонзает*.

КОММЕНТАРИИ

Веждество — вежливость, учтивость,

Повнегда — когда, тогда когда, в оное время.

Сугубо — вдвойне.

Обаче — но, однако.

Гонзатъ — избегать.

КАРИОН ИСТОМИН ДОМОСТРОЙ

Синурцицу* взяв в
десницу^ Чти и помни стихи
словни , Мал и старый в
разум правый.

1

О человецы вси и юныя дети!
Потщитесь вы благий нрав имети,
Учения зде краткаго внемлите,
честь себе, славу и Бозе восплодите.
Умнословна бо душа в человеце,
учитися долг всяк в своем веще .
Аще же свята нрава та навикнет,
повсюду Богу песнь сладку воскликнет.
Кто не радеет, не делавш ленится, за
безчинство той и бити годится,
Да не навикнет душа та измлада всякой
срамоты и греховна яда.

2

От сна скоро встав, яко сотворенный,
Бога помяни, яко в то вчиненный.
Крест свят образуй на себе рукою,
моли же и зри творца пред тобою.
Елико мощно, держи ум и мысли,
сует к соблазну в то время не числи.
С молитвою же умыйся, одейся,
главу почесав, мый уста, не смейся;
И родителем чинно поклонися,
приятством ко всем в дому си явися.
Дева ли, отрок сице не содеет,
ударений седмь за то возъимеет.

Поклонов 30

3

Кто кому вчинен в должности служить, готовность
тщися в требство сотворити.
Светилник горящ в храме уготови,
обувь, одежду держав, не многослови;
Воду, платенцо, лахажь же и мыло умыть
лице неси, чисто б было.
Гребень, зеркало подаждь господину, да
сотворит он по своему чину .
В храмине вещи по местом убрати,
езде пыль и сор добре уметати.
Человек, сего дела не хранящий,
пять ударений да будет терпящий.

Поклонов 20

4

Непраздну быти юну подобает,
всякий приличну делу да внимает.
В доме, в торгу, в вотчине, в приказе, — ремесло
свое твори во указе ,
Лицем и сердцем являтися благо, никто же
давай знати в себе злато, Но во всем честность
буди показуя, не произноси скверна слова буя.
В подменство не даждь на тебе порока,
в воздержании блюди твоя ока.
Ленив, небрег — се восприимет раны,
в ученье десять будут ему даны.

Поклонов 50

5

Ити по пути, кому где належит,
во убрании всяк чин свой да держит,
Господин и раб, госпожа и рабыня,
ход свой сотворяй, очей не раскиня.
Руками не машь, не прыскай ногами, не стой
на пути^ где ждуть тя часами.
Срелся кто честен знаемь, — поклонися, дело,
ответ взяв, в дом скоро вратися;
И что несеш, блюди то сохранно,
да цедбалством ти не будет попрано.

В сем не радев юн, какова ли чина,
тому по делу дает семь ран хворостина.

Поклонов 40

6

Домовладыкам когда час обеда,
служащим блюсти чиннаго в нем следа:
Осмотрети стол, скатерть белу слати, хлеб,
соль и лжицы, тарели собрати, Ножи и вилки
с платы разложить, воды принести руки
измыти.

Ястие на стол стави благочинно, сосуды
чисты имей неповинно, Сткляницы,
чашы с питием готовы смотри давати
господскими словы*. Несмотрелива
душа сего дела

ударении пять да бы възьимела.

Поклонов 25

7

Кто ясти имать, достоин внимати:

молитву прежде тщися Богу воздати,
Кушай по малу, чего доведется, поядши
испий, егда поднесется. Брашны , питием юн
не тяготися ,

словом, вежеством всем честен явися. Не
обращайся легкомысленно вскоре, при
честных людех не глаголи в споре И не
разгребай на блюде рукою,

не обляжь на стол, не колышь ногою.

Презревшу си, удара три дати, да не смеяся
будет срам зевати.

Поклонов 15

8

По обеде же никто буди пиан,
ниже чем любо небрежно облян.

С стола собери всякы на нем вещи,
на помост костей и кусков не мещы,

Ядьми жирными кого не помажи
и с свещей на стол не покладывай сажи.

Вся орудия разнеси по местом,

в вечерю буди где взяти известном. Ясти
ввечеру твори службу тако: вещи, кушанье
чисто неси всяко.
Се небрегущий восприимет казни ударений
шесть, впредь ради боязни.

Поклонов 35

9

Провож^ати день за полезным делом, тще
не гуляти мыслию и телом, — Душеумней
жизнь нравами святыми, во чистых мыслех
молбами частыми, Благочестие держи
христианско,
учися наук свободных гражданско.
Христианских бо детей се порода
не лишатися в церковь святу хода.
Славити за все соборне долг Бога,
без нуждь не оставь тамо умна слога. Кто
всеусердно сему не прилежит, двадесяти ран
той да не избежит.

Поклонов 100

10

Пришед к вечеру, осмотри все в доме,
чтобы от кого не было в погроме.
Светилник с светом г^е требно постави,
щипцы, мракуль, должн чин весь исправи. Аще
кушанье в вечер имать быти,
не сонливо тщися господам служити.
Изуй сапоги, снеси и онучи,
^к
ризы дав в место, людем не докучи.
Стели постелю, положи одеяло и возглавие,
что ложе прияло.
Не сотвори служай сего господину, примет
слово, рану не едину.

Поклонов 50

11

Во всем исправя указную службу,
не ходи с двора в неподобну дружбу, Ядши,
почивай во месте обычном,
готов к вопросу будь в деле приличном.
Во дни и в нощи спати человеку

токмо шесть часов, — не утратит веку .
В многолетии, в пьянстве дней не знают,
вредно здравие люди провождают.
А и господски да кушав пьют дети
легки снедь, питье, чтоб здрав сон имети.
Опасность добре всяк себе стяжи, писание
сотвори, брани ран бежи.

Поклонов 200

12

Еще и сие юнин да знают:
шапкою носа да не отирают,
И одежд своих честными руками
поглаживати перестанут сами.
Очи, нос, уста отирати платом,
в посмех не молвити с отцем и братом.
Мокроты своей пред кем не поверзи,
отвратясь, притри, никого тем мерзи.
В постели уды срамны прикрывай, и спи на
боках, честно везде бывай.
Аще кто о сем глупостию воздремлет,
всегда по пяти ударов да вземлет.

Поклонов 150

13

Но и возрастным юных назирати, ради
отрады дать время играти.
Игра же детям приличная буди, да не
вредятся очи их и груди:
Мечик и кубарь, городи и клетки ,
бегают, плетут, ловят, мещут сетки, Костми и
карты в денги возбранити, за кратбу* лаяв , всегда
тыя бити.
Меж себе и с кем те да не бранятся, без
всякаго зла кротки да творятся.
За срамны слова и всяко безчинство
и старому знать оемь ран не в единство.

Поклонов 300

Наук изрядством Карион дети вся дарит,
 в приятность иеромонах и старым говорит
 Истомин, чтоб благоумни все того смотрели, науку и
 страх в должности имели.
 Ударений кто дати не восхощет,
 винный, поклоны творя, да не ропшет.
 Душеспасенно всем обучение,
 в домовом, ратном деле строение.
 Измлада бо кто сего не научится,
 разумна суца везде быти приходится.
 В противность смысла людем война, рати,
 в Бозе надежда безстрастием стати.
 Карион хуждший хотящим словеса
 иеромонах Истомин написа Седмь
 тысящъ двесте четвертаго лета
 генваря луны мирозданна света сие издадесея.

Январь 1696

КОММЕНТАРИИ

Дицица — книга.

Чти — читай.

Стихи словни — стихи, написанные для чтения, а не для пения.

Зде — здесь.

Век — возраст.

Сице — так.

Чин — привычка, обычай.

Храмина — комната, дом.

Указ — достойно, прилично.

Подменство — скрытно, тайно.

Убрание — одежда.

Ход — походка, осанка.

Срети — встречать.

Честный — знатный.

Недбалство — баловство, ослушание, самоуверенность. *Плат* — салфетка, полотенце.

Слово — приказ.

Брашно — еда, кушанье.

Не тяготиться — не злоупотреблять.
Обращаться — вертеться.
Помост — пол.
Вечеря — ужин.
Тще — напрасно, тщетно.
Порода — природа, естество.
Мракуль — темнота, потемки.
Онучи — опорки, портянки.
Риза — одежда.
Опасность — осторожность.
Мечик, кубарь, города, клетки — детские игры.
Кратба — кража.
Лай — ругань, матерная брань.
Иеромонах — монах-священник.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПОВЕСТЬ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ

А. С. Демин. Из статьи -«Захватывающая
-«Повесть временных лет»

Древнерусский летописец был многосторонен. Разное можно ценить в его писаниях. Для одних летописец важен как историк. Для других — как этнограф. Для третьих — как политик и идеолог. Но он и юрист. И религиозный проповедник. И фольклорист.

Для нас летописец — это литературный талант. Один из создателей литературы. Свойства таланта летописца можно определить. Такую возможность дает «Повесть временных лет».

Кто кем был. Кто что сделал. Кто что сказал. Вот о чем рассказывает летопись. Излагает сведения. Короткими фразами. Почти всегда без метафор и сравнений. Летописец избегает восклицаний и вопрошаний. Язык летописцев прост. Повествование сдержанно.

СКАЗАНИЕ О БОРИСЕ И ГЛЕБЕ

И. П. Еремин. Из статьи «Сказание о Борисе и Глебе»

«Похвала», которой «Сказание» заканчивается, переключает его повествовательную часть в другой жанр — в произведение ораторской прозы, в так называемое похвальное слово. По содержанию «похвала» замечательна тем, что подчеркивает общерусское значение культа Бориса и Глеба. Они — небесные покровители Русской земли, ее надежные «столпа и утверждение». Они — грозное

«оружие», «меча обоюдоостра», с помощью которых народ русский и его князья охраняют «отчество» свое от нашествия иноземцев, успешно подавляют как «усобьныя брани» (в феодальной среде), так и всякие «дьяволя шатания» в земле. Слава их выше славы Дмитрия Солунского, прославленного защитника своего родного города Солуни (Фессалоник), ибо они — защитники не одного города, не двух, а всей земли Русской «спасение».

Г. П. Федотов. Из книги «Святые Древней Руси»

Замечательно, что мученичество святых князей лишено всякого подобия героизма. Не твердое ожидание смерти, не вызов силам зла, который столь часто слышится в страданиях древних мучеников... Напротив, «Сказание», как и летопись, употребляет все свое немалое искусство, чтобы изобразить их человеческую слабость, жалостную беззащитность. <...>

--*

Святые Борис и Глеб создали на Руси особый, не вполне литургически выявленный чин «страстотерпцев» — самый парадоксальный чин русских святых. В большинстве случаев представляется невозможным говорить о вольной смерти: можно говорить лишь о непротивлении смерти. Непротивление это, по-видимому, сообщает характер вольного заклания насильственной кончине и очищает закланную жертву там, где младенчество не дает естественных условий чистоты.

ПОУЧЕНИЕ ВЛАДИМИРА МОНОМАХА

В. Ф. Переврзев. Из книги «Литература Древней Руси»

В герое написанного Мономахом произведения мы имеем характер, родственный с изображением в «Слове о полку Игореве». Недаром же певец «Слова», скорбя о неудачном походе своих героев, потерпевших поражение из-за несогласованности их выступления с другими князьями, вспоминает в пример им Владимира Мономаха, грозу половецких степей: «О стонати Руской земли, помянувши прьвую годину и ггрьвых князей! Того старо-

го Владимира нельзя без приговора к горам киевским». Образ этого доблестного князя, у которого воинская отвага сочетается с мудрой осторожностью, и нарисован во весь рост в «Поучении» Мономаха. В нем нет той вдохновенной удали молодецкой, которая дает поэтический блеск героям «Слова о полку Игореве»; он не красуется славой своих подвигов, но не потому, что уступает им в боевой отваге, а потому, что он не только витязь, ищущий ратных подвигов, а еще и высокообразованный князь, философски осмысливший опыт своей долголетней жизни, который под старость пишет в поучение детям повесть о пройденном им жизненном пути.

СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ

Ф. Я. Прийма. Из книги «Слово о полку Игоревен в русском историко-литературном процессе первой трети XIX века»

В высшей степени уникальным творением является и знаменитая поэма об Игоре походе. По искренности своего гражданского пафоса, по органической близости к народно-поэтическому творчеству, по непревзойденным художественным достоинствам «Слово о полку Игореве» возвышается над всеми известными нам произведениями древнерусской литературы. Безвестный автор древней поэмы был подлинным певцом-кудесником, слова его обладали удивительной впечатляющей силой, они звенели, как струны под перстами вещего Бояна, и каждое из них было весомым, колоритным и самобытным. Вдохновенные слова певца-гражданина волновали и покоряли людские сердца.

Монгольское завоевание нанесло огромный ущерб русской культуре, надолго оборвав или ослабив ее развитие. Однако звучание «Слова о полку Игореве» не замирало и в ту мрачную эпоху. Так, авторы «Задонщины» и «Сказания о Мамаевом побоище», воспевая победу Дмитрия Донского на Куликовом поле, черпали вдохновение из поэмы об Игоре походе, в которой близкая их сознанию тема борьбы со степными кочевниками получила непревзойденное красочное воплощение.

О. В. Творогов. Из очерка «Древнерусская литература»

Мастерство автора «Слова» свидетельствует о его личном

богатом творческом опыте и, думается, о прочных традициях, на которые он опирался. Это был княжеский певец-профессионал, в равной мере начитанный в книжной премудрости и опиравшийся на поэтику и образную систему эпических преданий, песен, плачей, причет. И если даже допустить, что впервые «Слово» прозвучало как импровизация, то импровизатор был в этом случае человеком колоссальной эрудиции, хранящим в памяти большое число образцов, поэтических формул, фрагментов или целых произведений своих предшественников (вот откуда и цитаты из Бояна, и, может быть, и фрагмент песни о Всеславе Полоцком). При этом такой певец должен был быть одновременно и политиком, не по случайному наитию рассыпавшим в своем «слове» десятки княжеских имен, пришедших на память, а человеком, имевшим свою сложившуюся и выстраданную оценку политического состояния Руси, свои представления о пути ее развития.

Д. С. Лихачев. Из предисловия к «Слову о полку Игореве — «Гениальное произведение литературы Древней Руси»

Единая мысль, единая настроенность пронизывают все «Слово» от начала и до конца. Это — мысль о необходимости единения перед лицом вражеской опасности, это скорбь по поводу жесточайших бедствий русского населения от княжеских крамол и половецких нашествий. И основная идея произведения, и пронизывающее его настроение слиты здесь в единое целое. Призыв к единению слышится в «Слове» не только в непосредственных обращениях его автора к русским князьям или в его осуждениях княжеских крамол; с этим зовом соединено лирическое звучание всего текста «Слова о полку Игореве». Тот же призыв к единению слышится и во всех лучших произведениях второй половины XI—XII вв. Он звучит и в летописях — в киевской, владимирской, переяславской, — и в черниговском «Слове о князях», одновременном «Слову о полку Игореве», и в некоторых житиях, и в летописных повестях о княжеских преступлениях. Автор «Слова» не только с гениальной художественной силой выразил эту наиболее передовую идею своего времени, — заслуга его в том, что он эту идею понял так глубоко, с такою широтой и прозорливостью, как никто из его современников.

Широта воззрений автора «Слова о полку Иго- реве» в том, что он сумел подняться над ожесточенной борьбой ольговичей и мономаховичей, с похвалой и сочувствием отзываясь о лучших представителях и тех и других. Прозорливость автора «Слова о полку Игореве» в том, что он идею единения впервые связал с идеей сильной княжеской власти и тем придал ей реальную весомость, указал конкретный путь к ее осуществлению. Не бессилие русских князей отмечает автор, а их силу и могущество. Великий Всеволод Суздальский так силен, что мог бы. «Волгу веслы раскропити, а Донъ шеломы выльятъ». Галицкий Ярослав Осмомысл «высоко» сидит на «своемъ злато-кованнѣмъ столѣ, подперъ горы Угорскыи своими желѣзными полъкы», заступил пути венгерскому королю, затворил ворота к Дунаю. Несчастье русского народа не в том, следовательно, что Русская земля бессильна и князья в ней слабы. Беда ее в том, что никто из русских сильных князей не слышит призыва «загородить полю ворота своими острыми стрелами».

Автор «Слова о полку Игореве» гордится Русью — звоном славы в Киеве, почетом от греков, немцев и венецианцев. Вместе с Игорем он гордится честью русского оружия. В конце своего произведения он провозглашает славу русским князьям, как и дружине князя, «жадной веселья».

ХОЖДЕНИЕ ИГУМЕНА ДАНИИЛА

О. В. Творогов. Из очерка «Древнерусская литература»

Для Древней Руси, географически удаленной от Святой земли и центра православия — Константинополя, актуальным являлся жанр «хождений» — описаний паломничества в Палестину или поездок в Константинополь. «Хождения» содержали, как правило, не только описание маршрута и самих обстоятельств поездки, не только сведения об увиденных святынях или поразивших воображение архитектурные сооружения, не только описания тех или иных религиозных ритуалов, но и донесли до нас немало христианских легенд, порой апокрифического содержания, преданий исторического или историко-церковного характера.

МОЛЕНИЕ ДАНИИЛА ЗАТОЧНИКА

Б. А. Романов. Из книги «Люди и нравы Древней Руси. Историко-бытовые очерки XI—XIII вв.»

Автору «Слова» удалось найти исключительно удачную литературную форму, в которой содержание приобретало двойной интерес и двойное значение. Читатель его, не связанный последовательно развивающимся рассказом, живо и по-своему мог себе представить героя «Слова» с его собственных слов, верил в его реальность и переживал личную его драму как свою. А это помогало ему самому осмотреться и задуматься над разнообразными житейскими положениями, которые носились перед воображением воображаемого Даниила и слагались в некую жизненную панораму, в показе которой Даниил играл роль гида, становился советчиком. <...>

КИЕВО-ПЕЧЕРСКИЙ ПАТЕРИК

Г. П. Федотов. Из книги «Святые Древней Руси»

Киево-Печерский патерик открывает «два потока духовной жизни: один— пещерный, аскетическо-героический, другой— надземный, смиренно-послушный, социально-карикативный. Их корни восходят к святым основателям, а за ними и к двойкой традиции греческого Востока: палестино-студийской и египетско-сирийско-афонской. Последняя в Киевском патерике преобладает, разделение их не всегда возможно, как показывают многие вышеприведенные образы святых. Однако — противоположность их остается. В порядке не столько морально-религиозном, сколько эстетически-религиозном, они воплощаются, быть может, всего разительнее в двух портретах-характерах: Марке Пещернике и Алимпии (Алипии) — иконописце.

Один — суровый старец, весь век проведенный под землей на послушании гробокопателя, в странной фамильярности со смертью: он воскрешает покойников на несколько часов, пока не готова могила, заставляет их переворачиваться, чтобы исправить недостатки своей работы. Суровый к живым, он готов карать их смертью за злое движение сердца и открывает им путь сурового, слезного покаяния (Феофилу).

Другой — светлый художник, тоже труженик, не дающий отдыха своей руке; нестяжатель, раздающий бедным свою мзду, оклеветанный, преследуемый монахами, но кроткий, никого не карающий, возлагающий надежды на небесные

силы. Его чудесные краски совершают исцеление прокаженного, и ангелы во плоти едят за него иконы.

Б. А. Романов. Из главы «Отцы духовные»
в книге «Из истории русской культуры»

Киево-Печерский монастырь — единственный, о котором лишь и сохранилось столько рассказов в «Печерском Патерике». Это, конечно, великан среди лилипутов. По нему лишь очень относительно можно судить о быте других. Но и в нем должна была неизбежно отразиться жизнь окружающего мирского общества и отразиться даже в наиболее устойчивых ее чертах: что устояло при отречении человека как раз от мирской жизни, то-то, значит, в ней и крепко. Правда, «Патерик» рассказывает о чудесах Божиих и подвигах своих иноков с тем, чтобы поучать и поднять читателя выше его обыденного среднего уровня. Но мимоходом, невзначай, и быто-писует, даже рисует характеры. Особливо, когда вмешивается в дело бес. Каких только людей не перебивало в монастыре за эти сто лет (XI—XII вв.)!

СЛОВО О ПОГИБЕЛИ РУССКОЙ ЗЕМЛИ

Л. А. Дмитриев

Из статьи «Слово о гибели Русской земли»

«Слово о гибели Русской земли» по поэтической структуре и в идейном отношении близко к «Слову о полку Игореве». Обоим памятникам присущи высокий патриотизм, обостренное чувство национального самосознания, гиперболизация силы и воинской доблести князя-воина, лирическое восприятие природы, ритмический строй текста. Оба памятника близки и сочетанием в них плача и похвалы, похвалы былому величию Русской земли, плача о ее бедах в настоящем. В обоих произведениях имеются общие стилистические формулы, сходные поэтические образы.

«Слово о полку Игореве» было лирическим призывом к единению русских князей и русских княжеств, прозвучавшим перед монголо-татарским нашествием. «Слово о гибели Русской земли» — лирический отклик на события этого нашествия.

ЖИТИЕ АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО
И. П. Еремин. Из книги «Лекции и статьи
по истории древней русской литературы»

В житии налицо отзвуки и книг священного писания, и житий святых, и известных на Руси в то время переводных воинских повестей об Александре Македонском, о византийском народном герое Дигенисе Акрите (Девгении), и даже «Истории иудейской войны» Иосифа Флавия. Каждое из этих произведений оставило свой след в житии. В окружении литературных аналогий и цитат Александр Невский предстает перед нами то в образе царя-военачальника библейской древности, то храброго витязя книжного эпоса, то иконописного «праведника». Этот несколько пестрый стилистический наряд, в который подчас облакает своего героя автор жития, — еще одна с его стороны дань светлой памяти покойного князя.

ПОВЕСТЬ О РАЗОРЕНИИ РЯЗАНИ БАТЫЕМ

Л. А. Дмитриев

Из статьи «Повесть о разорении Батыем Рязани»

«Повесть о разорении Рязани Батыем» — одно из замечательнейших произведений древнерусской литературы. В ней рассказывается о страшном событии — жестоком разгроме полчищами Батыя Рязанской земли, когда почти полностью были уничтожены многие города княжества и поголовно перебиты их жители. Но этот рассказ о великом горе, насыщенный яркими образами человеческих бед и страданий, не вызывает у читателя отчаяния и безысходного чувства, так как автор столь же ярко рисует самоотверженность, отвагу и мужество и воинов и всех жителей Рязанской земли.

ЗАДОНЩИНА

Л. А. Дмитриев

Из статьи «Памятники Куликовского цикла»

В «Задонщине» выражено поэтическое отношение автора к событиям Куликовской битвы. Его рассказ <...> переносится из одного места в другое: из Москвы на Куликово поле, снова в

Москву, в Новгород, опять на Куликово поле. Настоящее переплетается с воспоминаниями о прошлом. Сам автор охарактеризовал свое произведение как «жалость и похвалу великому князю Дмитрею Ивановичи) и брату его, князю Владимиру Ондревичю», «Жалость» — это плач по погибшим, «Похвала» — слава мужеству и воинской доблести русских.

Отметим некоторые черты поэтики «Задонщины», характерные для нее и отличающие ее от «Слова о полку Игореве». В «Задонщине» значительно больше, чем в «Слове», образов церковно-религиозного плана: «За землю за Рускую и за веру крестьянскую», вступив во златое свое стремя, и взял свой меч в правую руку, и помо- лися Богу и пречистой его матери» и т. п. Автор «Слова о полку Игореве» обращался к средствам устной народной поэтики, перерабатывал их творчески, создавая свои оригинальные поэтические образы на фольклорном материале. Автор «Задонщины» многие из таких образов упрощает, его поэтические средства, восходящие к поэтике устного творчества, ближе к своим прообразам. Ряд оригинальных эпитетов «Задонщины» явно народно-устного происхождения: типичное для былинного стиля словосочетание «таково слово», «быстрый Дон», «сырая земля» и некоторые другие.

ЖИТИЕ СЕРГИЯ РАДОНЕЖСКОГО

Г. П. Федотов. Из книги «Святые Древней Руси»

Новое подвижничество, которое мы видим со второй четверти XIV века, существенными чертами отличается от древнерусского. Это подвижничество пустынножителей. Все известные нам монастыри Киевской Руси были городскими или пригородными. Большинство их пережило Батыев погром или позже было возобновлено (Киево-Печерский). Но прекращение святости указывает на их внутренний упадок. Городские монастыри продолжают строиться и в монгольское время (например, в Москве). Но большинство святых этой эпохи уходят из городов в лесную пустыню. Каковы были мотивы нового направления монашеского пути, мы можем только гадать. С одной стороны, тяжелая и смутная жизнь городов, все еще время от времени разоряемых татарскими нашествиями (Ахмылова рать — 1322, Федорчукова рать —

1328), с другой — самый упадок городских монастырей могли толкнуть ревнителей на поиски новых путей. Излюбивши пустыню, они явили большую отрешенность от мира и его судьбы, чем подвижники киевские: в этом могло сказаться культурно-общественное потрясение татарской эпохи. Но, взяв на себя труднейший подвиг и притом необходимо связанный с созерцательной молитвой, они поднимают духовную жизнь на новую высоту, еще не достигнутую на Руси.

Главою и учителем нового пустынножительного иночества был, бесспорно, преподобный Сергей, величайший из святых Древней Руси. Большинство святых XIV и начала XV века являются его учениками или «собеседниками», то есть испытавшими его духовное влияние. <...>

От мистики до политики огромный шаг, но преподобный Сергей сделал его, как сделал шаг от отшельничества к общежитию, отдавая свое духовное благо для братьев своих, для Русской земли. Вмешательство преподобного в судьбу молодого государства московского, благословение им национального дела было, конечно, одним из оснований, почему Москва, а вслед за нею и вся Русь чтит в преподобном Сергии своего небесного покровителя. В сознании московских людей XVI века он занял место рядом с Борисом и Глебом, национальными заступниками Руси.

ПОВЕСТЬ О ПУТЕШЕСТВИИ ИОАННА НОВГОРОДСКОГО НА БЕСЕ

Л. А. Дмитриев. Из статьи -«Сказание о путешествии
Иоанна Новгородского на бесе в Иерусалим»

Легенда об Иоанне, заклившем крестным знамением беса и заставившем его служить себе, восходит к сказочному фольклору Древней Руси. Этот сказочно-легендарный мотив широко распространен в мировом фольклоре. В «Сказании» нашли отражение черты новгородского быта, четко проявляется местный колорит. «Сказание» отличается динамичностью, остротой сюжета, реалистичностью изображения событий.

Чудесен лишь сам факт, но передан он с жизненными и реальными деталями. Это сближает рассказ о путешествии Иоанна на бесе со сказкой. Описание мести беса близко сказке и своим юмором, и своеобразным лукавством. Эпизод с бесом,

заключенным в сосуде, встречается в древнерусском «Житии Авраамия Ростовского» (XV в.). Рассказ о мести беса, сходный в ряде ситуаций с соответствующей частью рассказа о путешествии Иоанна на беса, есть в древнерусской повести «О Василии, епископе Муромском» (середина XVI в.). Два этих памятника вторичны по отношению к «Сказанию об Иоанне Новгородском».

«ХОЖДЕНИЕ ЗА ТРИ МОРЯ» АФАНАСИЯ НИКИТИНА

В. Ф. Переверзев. Из книги «Литература Древней Руси»

В ином положении находился герой — «Хождения за три моря». Безвестными путями в загадочные дали двигался он, не зная заранее, чего он может ожидать от каждого сделанного шага, какие трудности и опасности ждут его впереди. Не будучи подвижником христианского жития, он свершает требовавший гораздо большей отваги подвиг землепроходца, открывателя и исследователя новых земель. Никитин не подвижник веры, а подвижник любознательности, отважный землевед. «Гостьба», зарубежная торговая деятельность, сделала его землепроходцем, а землепроходчество сделало его землеведом, развило в нем неутолимую жажду познания земель и народов,

и для утоления этой жажды он готов перенести любые трудности и лишения, не остановится ни перед какими опасностями.

Движимый землеведческой страстью, Афанасий Никитин устремляется в известную только по слухам страну чудес, «Индию богатую», в которую искали путей знаменитые и безвестные европейские путешественники XV в., получившего у историков название века великих географических открытий. В образе Никитина мы имеем русский вариант типичного для всей Европы XV в. героя географических открытий.

А. С. Демин. Из книги «О художественности древнерусской литературы»

В Древней Руси XI—XVI вв. понятие «Индия» не связывалось с определенными практическими делами— с политикой, торговлей, путешествиями и проч. Ни один памятник древнерусской литературы не выражал стремления автора обязательно побывать в Индии. Даже знаменитый Афанасий Никитин в XV в. вовсе не намеревался забраться «за три моря» и описать свое «хождение». Он поехал из Твери торговать на Кавказ; но его и его товарищей ограбили около Астрахани— хорошо, не убили, а «отпустили голыми головами». Что делать? Афанасий Никитин, вероятно, был весь в долгах: «У кого что есть на Руси, и тот пошел на Русь. А кой должен, а тот пошел куды его очи понесли». Очи понесли Афанасия Никитина все дальше на юг в надежде как-то поправить свои дела. Так, нежданно-негаданно, он очутился в Индии, в чем и признавался со свойственной ему прямоотой: «Азь же от многия беды поидох до Индея, занже ми на Русь пойти не с чем, не осталось у меня товару ничего». Индия поневоле оказалась темой записок купца Афанасия Никитина.

Н. И. Прокофьев. Из предисловия к «Хождению за три моря» Афанасия Никитина

Описания и суждения Афанасия Никитина предельно кратки и точны. Простота и ясность придает им особую убедительность. Повествование ведется без мелкого чувства личной обиды и запальчивости. Смысл и тон повествования говорит о том, что пишет человек, который много знает,

смотрит на окружающий мир глазами мудреца, лишённого религиозной и национальной ограниченности. Со страниц произведения вырисовывается облик человека и писателя широких взглядов, позволивших ему глубже понять на чужбине величие Руси и русского народа и одновременно проникнуться глубоким уважением к народам Востока, к их культуре, их обычаям и нравам.

СКАЗАНИЕ О ДРАКУЛЕ ВОЕВОДЕ

Я. С. Лурье. Из статьи «Повесть о Дракуле»

<...> Главной темой большинства эпизодов было своеобразное «изящество» Дракулы — его неожиданное злое острое остроумие. Эпизоды эти представляли собой именно анекдоты, многие из которых строились как своеобразные загадки, имевшие второй, метафорический смысл. Дракула не просто казнит попавших ему в руки людей — он испытывает их, и недогадливые, «неизящные» испытуемые, не умеющие «против кознем его отвечать», трагически расплачиваются за свое «неизящество». <...> Мотив испытания, проходящий через все эти эпизоды, принадлежит к числу популярнейших мотивов мировой литературы и фольклора. Мотив этот был хорошо знаком и древнерусской литературе: так же «изящно» и так же жестоко, как Дракула, испытывала древлянских послов Ольга в «Повести временных лет»; мотив испытания встречается и в «Повести об Акире Премудром», и в житийной «Повести о Петре и Февронии».

ЕРМОЛАЙ-ЕРАЗМ.

ПОВЕСТЬ О ПЕТРЕ И ФЕВРОНИИ МУРОМСКИХ

Д. С. Лихачев

Из книги «Человек в литературе Древней Руси»

Феврония подобна тихим ангелам Рублева. Она «мудрая дева» сказочных сюжетов. Внешние проявления ее большой внутренней силы скупы. Она готова на подвиг самоотречения, победила свои страсти. Ее любовь к князю Петру потому и непобедима внешне, что она побеждена внутренне ею самой; подчинена уму. Вместе с тем ее мудрость — не только свойство ее ума, но в такой же мере — ее чувства и воли.

Между ее чувством, умом и волей нет конфликта: отсюда необыкновенная «тишина» ее образа.

ДОМОСТРОЙ

В. В. Колесов

Из статьи «Домострой без домостроевщины»

Время идет, и то, что вчера представлялось нам архаичным, полузабытым, а то и реакционным, сегодня неожиданно предстает как эталон трудолюбия, честности, хозяйственной практичности — и неизбежного романтизма, чистоты в наивности и доверчивости неискушенного человека. Время меняет краски — и мы пересматриваем свой взгляд на то, что осуждали вчера. Мы ясно видим, что дело вовсе не в домостроевщине, а именно в том, что остается ценным сегодня, что представляет собою общечеловеческие ценности бытия. Мы видим, что в Домострое нет домостроевщины... Как бы то ни было и как бы ни думали иначе люди пристрастно-недобросовестные, но, целиком выражая идеи и чувства своих современников, авторы Домостроя хотели лишь одного; доступным им образом выразить вечную мысль — как жить по совести и умереть достойно.

ПОСЛАНИЕ ИВАНА ГРОЗНОГО В КИРИЛЛО-БЕЛОЗЕРСКИЙ МОНАСТЫРЬ

Д. С. Лихачев

Из статьи «Сочинения царя Ивана Васильевича Грозного»

Письмо Грозного в Кирилло-Белозерский монастырь — это развернутая импровизация — импровизация вначале ученая, насыщенная цитатами, ссылками, примерами, а затем переходящая в запальчивую обвинительную речь — без строгого плана, иногда противоречивую в аргументации, но написанную с горячей убежденностью в своей правоте и в своем праве учить всех и каждого. <...> Игру в смирение Грозный никогда не затягивал. Ему важен был контраст с его реальным положением неограниченного властителя. Притворяясь скромным и униженным, он тем самым издевался над своей жертвой. Он любил неожиданный гнев, неожиданные, внезапные казни и убийства.

СКАЗАНИЕ АВРААМИЯ ПАЛИЦЫНА

О. А. Державина

Из статьи «Сказание» Авраамия Палицына и его автор»

Хотя в основу труда Палицына легли произведения, различные как по своему назначению, так и по стилю, общей для них чертой является любовь к родине. Это чувство в каждой из составных частей «Сказания» проявляется по-своему, но оно объединяет всё «Сказание» в единое целое. <...>

Светлое, очищающее начало борьбы народа за свое отечество противопоставляется в «Сказании» <...> «греховной тьме» властителей и правящих классов. Автор проводит мысль, что именно борьба за отчизну искупает страшные «грехи» русских людей, которые навлекли на страну «Божие наказание».

Всё «Сказание» проникнуто глубоким оптимизмом, который утверждается всем развитием событий в произведении: автор ведет читателя от «тьмы» к «свету», от «греховности» и, как следствие ее, иноземной агрессии к освобождению и возрождению.

ПОВЕСТЬ О ТВЕРСКОМ ОТРОЧЕ МОНАСТЫРЕ

Д. С. Лихачев

Из статьи «Повесть о Тверском Отроче монастыре»

Замечательную особенность повести составляет то, что она не строится на обычном для средневековых сюжетов конфликте добра со злом. В «Повести о Тверском Отроче монастыре» нет ни злых персонажей, ни злого начала вообще. В ней отсутствует даже социальный конфликт: действие происходит как бы в идеальной стране, где существуют добрые отношения между князем и его подчиненными. Крестьяне, бояре и их жены строго выполняют указания князя, радуются его женитьбе, с радостью встречают его молодую жену — простую крестьянку. Они выходят к ней навстречу, с детьми и приношениями, изумляются ее красоте. Все люди в этой повести молоды и красивы...

И тем не менее конфликт налицо — конфликт острый, трагичный, заставляющий страдать всех действующих лиц

повести, а одного из них, отрока Григория, уйти в леса и основать там монастырь. Это происходит потому, что впервые в русской литературе конфликт перенесен из сферы мировой борьбы зла с добром в самую суть человеческой природы. Двое любят одну и ту же героиню, и ни один из них не виновен в своем чувстве.

ПОВЕСТЬ ОБ УЛЬЯНИН ОСОРЬИНОЙ

Ф. И. Буслаев

Из статьи «Идеальные образы Древней Руси»

Калистрат Осорьин, воодушевленный сыновьим чувством, видел в своей матери совершеннейший идеал женщины по понятиям той эпохи, то есть женщину святую, и сохранил о ней память не только в назидание будущим поколениям, но и в свидетельство о своем благородном любящем сердце.

Действительно, этот любопытный факт в нашей древней литературе делает честь нежному чувству грамотного человека, а вместе с тем восстанавливает в наших глазах нравственное достоинство древнерусской женщины, которая, несмотря на тесный круг своей скромной деятельности, могла оказать такое благотворное влияние на своего сына и силою своих душевных качеств возбудить к поэтической деятельности его воображение.

Только ореолом своей святости женщина могла примирить с собою стыдливую и робкую фантазию древнерусского грамотника. Наш автор присоединил к тому столько же девственный союз между восторгом, возбужденным женщиною, и между келейным досугом благочестивого *писателя*: это чистая любовь признательного сына к достойной матери.

ПОВЕСТЬ О ГОРЕ-ЗЛОЧАСТИИ

А. М. Панченко. Из статьи «Повесть о Горе-Злочастии»

В средние века личность поглощалась родом, корпорацией, сословием. Хотя православие учило, что жизненный путь человека определяется не только «промыслом Божиим», но и «свободной волей» самого человека, однако в литературе мысль об индивидуальной судьбе не получила развития.

Поведение персонажей средневековой литературы всецело подчинено этикету, и в соответствии с этим судьба зависит либо от заветов рода, либо от корпоративного (княжеского, монашеского и т. п.) кодекса. Только в *XVII в.*, в эпоху перестройки средневековой культуры утверждается идея индивидуальной судьбы, идея выбора самим человеком своего жизненного пути. «Повесть о Горе-Злочастии» решительный шаг в этом направлении. Молодец выбирает «злую часть», злую долю, злую судьбу. Эта лихая, бесталанная судьба персонафицирована в повести в образе Гора.

ПОВЕСТЬ О САВВЕ ГРУДЦЫНЕ

А. М. Панченко. Из статьи «Повесть о Савве Грудцыне»

Бесовская тема в «Повести о Савве Грудцыне» — это трагическая тема двойничества. Бес — это «брат» героя, его «второе я». В православных представлениях каждому живущему на земле человеку сопутствует ангел-хранитель — также своего рода двойник, но двойник идеальный, небесный. Автор «Повести о Савве Грудцыне» дал негативное, «теневое» решение этой темы. Бес — тень героя, бес олицетворяет пороки Саввы, то темное, что в нем есть, — легкомыслие, слабую волю, тщеславие, любост-растие. Силы зла бессильны в борьбе с праведником, но грешник становится их легкой добычей, потому что выбирает путь зла. Савва, конечно, жертва, однако он и сам повинен в своих несчастьях.

ЖИТИЕ ПРОТОПОПА АВВАКУМА,
ИМ САМИМ НАПИСАННОЕ

А. Н. Робинсон

Из статьи «Жизнеописания Аввакума и Епифания»

В древней русской литературе и до Аввакума не раз раздавалась критика неаскетической и развращенной жизни духовенства. Но она исходила обычно от самих высоких представителей господствующей церкви (митрополиты Даниил, Макарий, писатель Максим Грек и др.) и не выходила за пределы попыток исправления нравов в составе той же церкви. Аввакум впервые с демократических позиций создал пламенную сатиру на господствующую церковь и поименно названных им ее руководителей, отрицая всю эту церковь как церковь «еретическую», но не отрицая при этом института христианской церкви вообще, который, по его мнению, продолжал существовать в народе.

А. С. Демин. Из книги «О художественности древнерусской литературы»

Герой «Жития» не с опаской, а с какой-то жадностью посещает места, куда забросили его обстоятельства. Как бы вся Россия охвачена его деятельностью. «Три тысячи верст», например, волокся Аввакум в Сибирь, а потом и обратно. <...>

В каждом эпизоде «Жития» Аввакума сквозит образ России, в которой схлестнулись две силы — обездоленные раскольники и благополучные «никониане». «Житие» Аввакума с небывалой рельефностью и художественной подробностью показало Россию гонимых и страдающих.

В. Е. Гусев. Из статьи «Протопоп Аввакум Петров — выдающийся русский писатель XVII века»

Вся жизнь Аввакума была героическим служением идее, и умирал он, конечно, не за «единый аз», а за нечто гораздо для него более важное и дорогое. Мировоззрение Аввакума было насквозь противоречиво. Определить его как христианское — значило бы сказать очень мало и не вполне точно. В самой религиозности его было нечто

противоречившее догмам христианского учения. В ряде случаев он был настолько неканоничен, что повергал в смущение даже своих ближайших, ортодоксально настроенных друзей. Примечательным эпизодом в этом отношении является его спор с дьяконом Федором по некоторым богословским вопросам — спор, в котором Аввакум, толкуя важнейшие догматы христианской веры, в сущности сам впадал в ересь; не случайно впоследствии старообрядцы даже пытались отрицать принадлежность соответствующих сочинений Аввакуму, а признававшие их истинность подвергались особым гонениям в своей же среде. Аввакуму было чуждо отвлеченно-схоластическое мышление. Христианские понятия и символы приобретали у него материализованное выражение. В учении о Троице он отступает от признания ее нераздельности, в еретическом учении о схождении Христа в ад он воскрешает старую апокрифическую легенду, выражавшую социально-утопические надежды угнетенного народа. Рай в представлении Аввакума наполнен вполне материальными благами: «жилища и полаты стоят», а в палате — «стоят столы, а на них настлано бело. И блюда с брашнами стоят...». В рай — в его «узкую щель» — не пролезут «толстобрюхие». Это — рай угнетенных, изможденных трудом и голодом. Страшный суд Аввакум рисует как расправу преследуемых над теми, кто сейчас у власти: последние попадут «под начал» первым. «Надеюсь на Христа, яко будете у меня в руках, — угрожает Аввакум, — выдавлю я из вас сок-от!» Так в самом религиозном учении Аввакума своеобразно проявлялись настроения угнетенных масс.

* * *

Задуманное как произведение полемическое и поучительное «Житие», в процессе авторской работы над его редакциями, приобретало совсем иной характер, идейный смысл его перерастал задачи, первоначально поставленные Аввакумом перед собою. Увлечшись повествованием, он допускал отступления бытового и интимного содержания, хотя и понимал, что они не имеют отношения к заданной цели: «Простите меня... А однако уже розвякался — еще вам повесть скажу». И этими извинениями или оправданиями,

следующими за отступлениями («х слову мольлось»), пестрит все произведение. Многочисленные картины реальной жизни наполнили «Житие» богатым и обильным материалом, который вышел далеко за пределы первоначально намеченных рамок поучительной и полемической притчи, и в результате мы имеем дело с произведением, значительно отличающимся от задуманного — как по жанру, так и (объективно) по идее. По сути дела «Житие» является многофигурной бытовой автобиографической повестью, тяготеющей в значительной мере к большой форме романа.

СИМЕОН ПОЛОЦКИЙ

И. П. Еремин. Из книги «Литература Древней Руси»

Симеон Полоцкий — не только мастер силлабического стиха, фактический его основоположник в русской поэзии, но и первый по времени русский поэт, творчество которого уже опиралось на определенную систему поэтического стиля. <...>

Свое «великое дело» он выполнил с честью: он сделал то, чего не удалось сделать ни одному из его предшественников, ремесленников «двоестрочного согласия», — он первый внес в русскую литературу поэзию как «художественную форму», первый ремесло «поэтического рифмотворения» поднял до уровня искусства.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Л. А. Ольшевская, С. Н. Травников.</i> «О доблестях, о подвигах, о славе...»	5
Повесть временных лет. <i>(В сокращении.)</i> Перевод <i>Д. С. Лихачева</i>	60
Сказание о Борисе и Глебе. Перевод <i>Л. А. Дмитриева</i>	94
Поучение Владимира Мономаха. Перевод <i>Д. С. Лихачева</i>	110
Хождение Игумена Даниила. Перевод <i>Г. М. Прохорова</i>	125
Слово о полку Игореве. Перевод <i>Л. А. Дмитриева,</i> <i>Д. С. Лихачева, О. В. Творогова</i>	131
Моление Даниила Заточника. Перевод <i>Д. С. Лихачева</i> . . .	145
Киево-Печерский патерик. <i>(В сокращении.)</i> Перевод <i>А. М. Ранчина</i>	153
Слово о погибели Русской земли. Перевод <i>Л. А. Дмитриева</i>	171
Житие Александра Невского. Перевод <i>В. И. Охотниковой</i>	173
Повесть о разорении Рязани Батыем. <i>(В сокращении.)</i> Перевод <i>Д. С. Лихачева</i>	184
Задонщина. Перевод <i>Ю. К. Бегунова</i>	199
Житие Сергия Радонежского. <i>(В сокращении.)</i> Перевод <i>В. А. Грихина</i>	211
Повесть о путешествии Иоанна Новгородского на бесе. Перевод <i>Л. А. Дмитриева</i>	240
«Хождение за три моря» Афанасия Никитина. Перевод <i>Л. С. Семенова</i>	246
Сказание о Дракуле воеводе. Перевод <i>Г. М. Прохорова</i>	269
Ермолай-Еразм. Повесть о Петре и Февронии Муромских. <i>(В сокращении.)</i> Перевод <i>В. В. Кускова</i>	277

Домострой. (В сокращении.) Перевод В. В. Колесова ... 288

Послание Ивана Грозного в Кирилло-Белозерский монастырь. <i>Перевод Я. С. Лурье</i>	291
Сказание Авраамия Палицына об осаде Троице-Сергиева монастыря. (В <i>сокращении.</i>).....	296
Повесть о Тверском Отроче монастыре	308
Повесть об Ульянии Осорьиной.....	318
Повесть о Горе-Злочастии.....	327
Повесть о Савве Грудцыне.....	340
Суд Шемякин	360
Слово о бражнике, како вниде в рай.....	363
Житие протопопа Аввакума, им самим написанное. <i>{В сокращении.}</i>	366
Семион Полоцкий. <i>Вирши</i>	384
Карион Истомин. <i>Домострой</i>	387
Приложения.....	394

Литературно-художественное издание

ДРЕВНЕРУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Зав. редакцией **Н. В. Сечина**
Редактор **Т. Д. Дажина**
Технический редактор **С. А. Толмачева**
Корректор **М. К. Данилова**

Изд. лид. ЛР № 061622 от 07.10.98. (код 221)

ООО «Дрофа».

127018, Москва, Сушеvский вал, 49.

Изд. лиц. ИД № 05134 от 22.06.01. (код 221)

ЗАО «Издательство «Вече».

129348, Москва, ул. Красной сосны, 24.

' Подписано в печать 25.11.02. Формат 60x90У₁₆- Бумага офсетная.
Гарнитура «Школьная». Печать офсетная. Уел. печ. л. 26,0. Тираж 49
500 экз. Заказ № 5573 (Кр-1ъ>.

**По вопросам приобретения продукции
издательств «Дрофа» и «Вече»
обращаться по адресам:**

127018, Москва, Сушеvский вал, 49.

Тел.: (095) 795-05-50, 795-05-51. Факс: (095) 795-05-52.

Б-шаИ: bo8115@drofa.ru

129348, Москва, ул. Красной сосны, 24.

Тел.: (095) 188-88-02, 188-16-50. Факс: (095) 188-89-59.-

Е-та.П: vesbe@vesbe.ru

Торговый дом «Школьник».

109172, Москва, ул. Малые Каменщики, д. 6, стр. 1А.

Тел.: (095) 911-70-24, 912-15-16, 912-45-76.

Магазин «Переплетные птицы».

127018, Москва, ул. Октябрьская, д. 89, стр. 1.

Тел.: (095) 912-45-76.

Федеральное государственное унитарное предприятие
Смоленский полиграфический комбинат Министерства Российской
Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых
коммуникаций. 214020, Смоленск, ул. Смольянинова, 1.